

ФРАНСУА
БЕРНЬЕ

ИСТОРИЯ
ПОСЛЕДНИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПЕРЕВОРОТОВ
в государстве
ВЕЛИКОГО
МОГОЛА

СОЦЭКГМЗ

Ауренгзеб

ФРАНСУА БЕРНЬЕ

ИСТОРИЯ
ПОСЛЕДНИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПЕРЕВОРОТОВ
В ГОСУДАРСТВЕ
ВЕЛИКОГО
МОГОЛА

Предисловие А. ПРОНИНА
Перевод с французского
Б. ЖУХОВЕЦКОГО и М. ТОМАРА

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

МОСКВА · 1936 · ЛЕНИНГРАД

9 (54)

Б 51

Франсуа Бернье (1625 — 1688) — современник Людовика XIV, пробывший в Индии 12 лет, — описывает политические события этого времени и социальный строй Индии до английского завоевания. Книга, высоко ценившаяся Марксом, не потеряла своего значения и в настоящее время, в момент нарастания классовой революционной борьбы в колониальных странах.

ОПЕЧАТКИ

<i>Стр.</i>	<i>Строка</i>	<i>Напечатано</i>	<i>Следует читать</i>
35	3 сверху	1620	1625
50	15 снизу	другие крово- пролитные	другие, кровопролит- ные
68	под картой	нет подписи	Карта взята из кни- ги Moreland «From Akbar to Aurengzeb»

Редактор Ф. Поморская. Художник А. Левин. Техредактор Р. Шапиро
Сдано в производство 13/VII 1935 г. Подписано к печати 27/XI 1935 г.
ОГИЗ № 1520. Формат 82×110/32 22 п. л. 33456 зн. в п. л.
Тираж 10 000 экз. Цена книги 4 р., переплет 1 р. 25 к.
Заназ № 938. Уполномоченный Главлита № Б-13826.

16-я типография треста «Полиграфгиз», Москва, Трехпрудный пер., 9.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I. Современная политическая актуальность книги Бернье

Книга французского врача, философа и путешественника Франсуа Бернье (1625—1688 гг.), прожившего в Индии 12 лет, из которых 9 лет в качестве придворного врача Великого Могола Аурагзеба (1618—1707 гг.), имеет не только историческое, но и актуальное политическое значение при изучении современной классовой борьбы в Индии. Высокая политическая оценка книги Бернье, данная Марксом и Энгельсом в 1853 г., еще больше повышает интерес к ней.

2/VI 1853 г. Маркс пишет Энгельсу: «Об образовании городов на Востоке нет ничего более блестящего, наглядного и неотразимого, чем старая книга Франсуа Бернье, бывшего девять лет врачом при Аурагзебе»¹. Энгельс 6/VI 1853 г. отвечает Марксу: «Старый Бернье на самом деле очень хорош. Всегда радуешься, когда наткнешься на такого старого, трезвого, ясного француза, всегда попадающего в самую точку»².

¹ Письмо Маркса Энгельсу 2/VI 1853 г. *Маркс и Энгельс*, Собр. соч., т. XXI, стр. 489.

² Письмо Энгельса Марксу 6/VI 1853 г., там же, стр. 495.

Оценка Марксом и Энгельсом книги Бернье была дана в период, когда «индийский вопрос» стоял очень остро в буржуазно-аристократической Англии, когда положение в самой Индии было напряженным. 24/VI 1853 г. Маркс в статье «Ост-индская компания, ее история и результаты» указывает, что «вопрос об Индии впервые после 1783 г. стал английским вопросом и вопросом министерским». *Оценка книги Бернье была дана Марксом и Энгельсом в непосредственной связи с научно глубоким, политически острым анализом «критического» периода британского господства в Индии*—периода перехода от разграбления методами первоначального капиталистического накопления к превращению Индии в аграрно-сырьевой придаток промышленной метрополии, в рынок сбыта промышленной продукции метрополии и впоследствии в сферу приложения экспортного капитала. «Промышленные круги Англии видели, что их торговые обороты с Индией не только не возрастают, но падают... Они открыли, что покупательная способность в отношении их товаров была доведена в Индии до самой низкой степени... Сверх этого они видели, что во всех их попытках приложения капитала в Индии они наталкиваются на сопротивление и интриги со стороны лиц, хозяйничающих в Индии. Индия, таким образом, стала ареной борьбы между промышленными кругами, с одной стороны, и финансовой и политической олигархией—с другой»¹.

Борьба эксплуататорских классов и классовых групп за методы эксплуатации и дальнейшего закабаления Индии приняла в 1853 г. обостренный характер по причинам, кроющимся, с одной стороны, в политико-экономическом состоянии Англии, а с другой—в политико-экономическом состоянии колониальной Индии того периода. В тот период меняются функции Индии как колонии по отношению к метрополии, причем причины этого имеют истоки и со стороны Англии и со стороны Индии. Эксплуататорские правящие классы Англии (земельная аристократия, торговая буржуазия, а затем промышленная) в течение 200 лет именем Ост-индской компании вели непрерывные грабитель-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IX, стр. 360—364 Маркс, Ост-индская компания, ее история и результаты.

ские войны в Индии, подвергая огню, мечу и разграблению богатейшие области Карнатика, Бенгали, Гуджерата и др. Торговля Ост-индской компании с Индией была неразрывно связана с разграблением, экономическим и политическим подчинением Индии. Золото, серебро, украшения, пряности, ценные индийские хлопчатобумажные и шелковые ткани широкой волной притекали в Англию, создавая крупнейшие накопления. Высокие по качеству, непревзойденные в то время по блеску и красоте, почти даром достававшиеся индийские шелковые и хлопчатобумажные ткани представляли серьезную опасность для английской шерстяной промышленности. Под давлением растущей английской промышленной буржуазии, особенно владельцев шерстяных фабрик, хранение, продажа и ношение индийских тканей в Англии были с конца XVII по конец XVIII века запрещены под угрозой крупных штрафов; таким образом индийские ткани ввозились в Англию для реэкспорта.

Частично в 1813 г. и окончательно в 1833 г. Ост-индская компания была лишена экономической и политической монополии в Индии. Промышленная буржуазия произвела резкое изменение колониальной функции Индии. «До 1813 г. Индия была преимущественно экспортирующей страной, между тем как теперь (1853 г. — А. П.) она стала страной импортирующей... Индия, бывшая с незапамятных времен величайшей мастерской хлопчатобумажных изделий, которыми она снабжала весь мир, стала наводняться теперь английской пряжей и английской хлопчатобумажной материей... что повело к гибели туземного, некогда столь славившегося хлопчатобумажного производства»¹.

Разорение индийского ремесла принесло огромной силы экономические и политические потрясения в Индии. Миллионы индийских ткачей-кустарей лишились работы и, не будучи вовлечены в другие сферы производства вследствие общего разорения индийской экономики, гибли голодной смертью. Непрерывные войны, разграбление привели Индию к разорению: ирригация пришла в упадок, дороги разрушились, большие территории обра-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IX, стр. 359.

батываемой истари земли забрасывались, внутренняя торговля парализовалась, массовые эпидемии, голод уносили преждевременно миллионы жизней, жгучая ненависть к британским завоевателям росла и ширилась— вот результаты, к которым британская власть уже к тому периоду привела Индию.

Промышленная Англия остро нуждалась в сбыте своей продукции и в бесперебойном снабжении сырьем. В 50-х годах в хлопчатобумажной промышленности Англии была занята $\frac{1}{8}$ всего населения, причем эта отрасль давала $\frac{1}{12}$ всего национального дохода Англии. Совершенно очевидно, что зависимость английской промышленности от индийского рынка росла как в отношении сбыта готовой продукции, так и в отношении бесперебойного снабжения дешевым сырьем. «Но чем больше росла зависимость английской промышленности от индийского рынка,— указывает Маркс,— тем более английские промышленники чувствовали необходимость создания новых производительных сил в Индии взамен той туземной промышленности, которую они разорили. Нельзя беспрерывно наводнять страну своими изделиями, если не давать ей возможности в свою очередь сбывать какие-либо свои продукты»¹.

Разоренная Индия была уже не в состоянии служить ни рынком сбыта, ни источником сырья для метрополии.

Перепроизводство готовых товаров в Англии, ужасающее разорение всей экономики Индии представляли вполне реальную угрозу для господства британской буржуазии и ее опоры как в Англии, так и в Индии. Британская буржуазия в 1853 г. хорошо помнила сильно напугавшее ее восстание лионских ткачей (1842 г.). В 1853 г. имелись вполне реальные предпосылки повторения столь же грозного восстания. Что же касается Индии, то «непрерывное состояние войны», являвшееся результатом растущей ненависти масс по отношению к британской власти, результатом ужасающей нищеты, разорения и национального порабощения, не могло не внушать острого опасения британским эксплуататорам. Вот почему 50-е годы являлись «кризисными» го-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IX, стр. 360.

дами в Англии и Индии. Маркс и Энгельс неразрывно связывали политико-экономическое положение Англии с ее дальневосточными владениями и рынками. Энгельс пишет Марксу: «...Индия и Китай, кажется мне, послужат ближайшим поводом к перепроизводству, и если зима будет хороша, то с несомненностью можно ожидать, что весною снова начнутся сумбурные кредитные сделки и вексельная горячка»¹. Маркс прямо указывал на огромное значение для революционного движения в самой Британии и Европе тех потрясений, которые были вызваны экспортом британских промышленных товаров в странах Дальнего Востока: «Может показаться очень странным и парадоксальным утверждение, что ближайшее восстание народов Европы и ближайший этап их борьбы за республиканские свободы и более экономную форму правления вероятно будут в гораздо большей степени зависеть от того, что происходит в настоящее время в Небесной империи — прямой противоположности Европы, чем от какой-либо другой в настоящее время существующей политической причины, в большей мере, чем даже от угроз России и вероятной всеобщей европейской войны. И, однако, это вовсе не парадокс, как в этом можно убедиться, внимательно рассмотрев положение этого вопроса... Ввоз иностранной мануфактуры имел такое же влияние на китайскую промышленность, какое он прежде оказал на промышленность Малой Азии, Персии и Индии. В Китае прядильщики и ткачи сильно пострадали от этой иностранной конкуренции, и это вызвало соответствующее потрясение во всей стране»².

Маркс и Энгельс непосредственно связывали глубокие изменения в экономике Англии и других европейских стран, борьбу пролетариата и трудящихся масс против эксплуататоров на европейском континенте с глубокими экономическими изменениями в странах Востока, с ростом национально-освободительной борьбы в них против иноземных поработителей. Не случайно Маркс в письме к Энгельсу о книге Бернье обращает его внимание на организацию армии Ауругзеба. «Он (Бернье. — А. П.) очень хо-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXII, стр. 360.

² Там же, т. IX, стр. 311—312.

рошо изображает военный быт, способ продовольствования этих огромных армий. Об этом он между прочим пишет следующее: «...Главную часть образует кавалерия. Пехота не так велика, как гласит предание...»¹. Маркс и Энгельс подмечали каждую черту, характеризующую условия и навыки вооруженной борьбы в Индии. Через 5 лет после обмена письмами о книге Бернье Маркс и Энгельс живо реагируют на Сипайское восстание 1857 г., оценивая его как крупнейшее политическое событие в Индии, а следовательно и в Англии, поставившее, как никогда ранее, под острую угрозу британское господство в Индии. Маркс и Энгельс с большой подробностью и изумительными знаниями индийской действительности анализируют причины восстания, удачу его, поражение восставших в борьбе за крупные центры страны—Дели, Агру, Лукноу, переход затем к партизанской борьбе отдельными разрозненными отрядами и наконец ликвидацию последних. Все указанное нами выше со всей очевидностью свидетельствует о том, что *Маркс и Энгельс оценивали книгу Бернье с позиции классовой борьбы 50-х годов, и это несомненно придает книге еще большее политическое значение.*

За годы современного мирового экономического кризиса в Индии произошли крупнейшие политико-экономические изменения. Кризис особенно разрушительно ударил по колониальной индийской экономике, обнажил еще больше гнусность колониального режима британского империализма и эксплуататорскую сущность национал-реформизма. В огне классовой борьбы еще больше обнажилась соглашательская сущность агентуры британского империализма, с одной стороны, и агентуры туземной буржуазии—с другой, в рабочем движении Индии. *Выход пролетариата Индии как самостоятельного класса на арену политической борьбы и образование индийской компартии, повысившей организованность революционной борьбы пролетариата и влияние пролетариата на крестьянское движение, безусловно являются важнейшим политическим фактором последних лет, указывающим на крупные изменения в соотношении классовых сил в Индии.* При общем усилении колониальной зависимости Индии от британского

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXI, стр. 489.

империализма для последнего однако стало уже невозможным господствовать в Индии по-старому. Наряду с жесточайшим, кровавым подавлением революционных выступлений вооруженной силой британский империализм проводит конституционные реформы. Конституционные реформы, будучи по своему существу антинародными, предназначаются британским империализмом для подновления колониального режима без изменения его сущности, для консолидации своей опоры—феодалных и полуфеодалных элементов (князей, принцев, помещиков, ростовщиков, компрадоров), для приближения к себе национальной буржуазии. Эти мероприятия проводятся на базе совместного усиленного наступления на жизненный уровень индийского пролетариата и трудящихся мелкобуржуазных масс деревни и города, на базе конечной общности эксплуататорских интересов в борьбе против революционного движения в Индии, на базе усиления политики вытеснения с индийского рынка иностранных конкурентов (Японии, Германии, Бельгии и др.). Сближение с британским империализмом той части туземной буржуазии, которая крепко связана с британским капиталом, является по существу дела не чем иным, как еще большей капитуляцией перед британским империализмом, но не означает уничтожения причин, лежащих в основе конкурентной борьбы национальной буржуазии и британского империализма в дележе массы прибавочной стоимости, прибавочного и части необходимого продукта, выжимаемых экономической и внеэкономической эксплуатацией из индийского пролетариата и трудящегося крестьянства. Размежевание классовых сил зашло настолько далеко, что Национальный конгресс—организация, последовательно проводившая политику национальной буржуазии и либеральных помещиков,—уже не в состоянии удержать борьбу масс в реформистских рамках. *Национал-реформизм теряет свое влияние на массы; его влияние подорвано ростом политической сознательности рабочего движения, ростом компартии.*

Национальный конгресс в настоящее время не только со стороны своего состава, но уже и со стороны руководства не представляет единой консолидированной организации. Национальный конгресс является ареной борь-

бы политических партий, групп и течений. 1934/35 год характерен появлением и относительным усилением новой партии—Всеиндийской конгресс-социалистической партии. Возникновение этой партии и ее последующая деятельность не произошло и не происходит без участия некоторой части лидеров Национального конгресса, с одной стороны, и национал-революционных групп—с другой; однако основная причина ее появления и относительного усиления лежит в полевении масс, в их разочаровании буржуазным национализмом. Перед компартией Индии сейчас стоит неотложная задача — создание *единого антиимпериалистического фронта* путем активного участия, поддержки и расширения всех антиимпериалистических выступлений, не исключая и тех, которые возглавляются национал-реформистами. Как указал т. Димитров в своем докладе на VII конгрессе Коммунистического интернационала, коммунисты, сохраняя свою политическую и организационную самостоятельность, должны вести активную работу внутри организаций, участвующих в Национальном конгрессе, способствуя кристаллизации среди них национально-революционного крыла в целях дальнейшего развертывания национально-освободительного движения народов Индии против британского империализма.

Британский империализм пытается подкрепить свое господство в Индии «обоснованием» «особой», «благодетельной» для Индии «миссии» британского империализма, «обоснованием» того, что современная политика британского империализма, в частности конституционные реформы, якобы является новым подтверждением истари проводимой Великобританией политики последовательной «подготовки» Индии к «ответственному делу самостоятельного управления».

Некоторые вожди национал-реформизма, особенно крайне-правого крыла его, пытаются «обосновать» в корне ложную, реакционную иллюзию о том, что якобы Индия в силу исторических «особенностей» имеет «особый» путь к осуществлению социализма-коммунизма, без непримиримой классовой борьбы пролетариата и руководимого им крестьянства против британских и туземных эксплуататоров. Здоровую тягу индийского пролетариата и трудящегося крестьянства к единому фронту для борьбы против

главного врага—британского империализма—и его опоры—феодалных и полуфеодалных эксплуататоров, компраторов—они пытаются использовать для «обоснования» «общности интересов производящих классов» Индии, т. е. национальной буржуазии, с индийским пролетариатом и трудящимся крестьянством. Пропаганда «золотого века прошлого», т. е. периода, предшествовавшего британскому вторжению в Индию, когда якобы не было никакой эксплуатации, а крестьянство, ремесленники жили прекрасно, счастливо под «заботой высших классов», является попыткой «исторического» «обоснования» «общности интересов» трудящихся масс и туземных эксплуататоров.

Современная политическая актуальность книги Бернье именно в том, что, пользуясь ею как материалом, мы со всей яркостью вскрываем реакционность и лживость апологетики «золотого века прошлого». Одновременно с этим книга Бернье, являясь одним из документов, использованных Марксом в его блестящем анализе колониальной политики британского капитализма в Индии, данном в его письмах об Индии, сохранивших свою актуальность и для настоящего времени, крепко бьет по ложной версии, распространяемой британскими апологетами, якобы британское завоевание Индии и последующее управление принесли индийскому народу «закон, порядок и право на труд».

II. Реакционная национал-реформистская легенда о «золотом веке прошлого» Индии

Индийские национал-реформисты такого сугубо реакционного типа, как Ганди, спекулируют на прошлом Индии, нагло извращают его, пытаются прикрыть свою эксплуататорскую сущность. Они пытаются внушить широким трудящимся массам ложную, реакционную иллюзию о том, что до порабощения британским капиталом в Индии якобы не было никакой эксплуатации и что в настоящее время национальная буржуазия и помещики не являются эксплуататорами индийского пролетариата, трудящегося крестьянства и ремесленников. «Насилие противно, не совместимо с духом,

с историей индийского народа»,—возвещают Ганди и ему подобные.

В конце 1934 г., в период подготовки очередной сессии Национального конгресса, Ганди в беседе с делегацией помещиков Соединенных провинций, очень обеспокоенных растущим обострением классовой борьбы в деревне, говорил: «Я работаю для сотрудничества капитала и труда, помещиков и арендаторов... Я всегда указывал фабрикантам, что они не являются исключительными собственниками фабрик и что рабочие являются равными дольщиками в собственности. Таким же образом я могу и вам сказать, что собственность на вашу землю принадлежит так же крестьянам, как и вам, и вы не должны тратить ваши доходы на роскошную жизнь, а употреблять их на благополучие крестьян».

В условиях обострения классовой борьбы национальные эксплуататоры пытаются выставить себя «благотельцами и защитниками» «своего» народа. Потребность в политической мимикрии заставляет некоторых лидеров национальной буржуазии говорить о коммунизме... но без классовой борьбы для его достижения. «Классовая борьба чужда самому индийскому народу, способному на создание коммунизма, основанного на равенстве для всех. Цель моих мечтаний,—заявляет Ганди,—обеспечить существование как князей, так и пауперов».

Рост влияния компартии, рост классовой сознательности и организованности пролетариата, рост влияния пролетариата на крестьянское движение все больше и больше подрывает влияние национал-реформизма на массы.

Разоблачение контрреволюционности так называемых «особых» для Индии «путей» к коммунизму безусловно является актуальной задачей. Книга Бернье с большой яркостью дает картины «золотого века прошлого», чем пытаются спекулировать некоторые лидеры национал-реформизма, явно фальсифицируя историю. О положении трудящегося крестьянства Бернье пишет: «Земля редко возделывается иначе как по принуждению. Никто не хочет, не может и не умеет исправлять плотины и каналы; все земли очень плохо возделаны, а значительная часть их обеспложена вследствие отсутствия орошения... Трудно

даже представить себе, какие страдания испытывает здесь народ. Дубинка и бич принуждают его к непрерывному труду не на себя, а на других». Положение городских ремесленников не лучше, чем положение трудящегося крестьянства. «Только нужда и удары дубинкой заставляют их работать. Они никогда не могут разбогатеть и даже не считают это нужным, довольствуясь тем, что имеют возможность удовлетворить голод и прикрыть тело хотя бы какой-нибудь одеждой из самой грубой ткани». Непрерывные междоусобные кровопролитные войны, паразитарность и презрение к труду со стороны господствующего класса, бесправие и забитость масс, подкрепленные кастовой системой и религиозными суевериями, привели к разрушению производительных сил в значительной части страны. Голод, эпидемии, наводнения, засухи при низкой производительности труда, высоких налогах, многочисленных поборах и общем бесправии непосредственных производителей усиливали растущую ненависть масс к эксплуататорам: раджам, эмирам, сборщикам-откупщикам налогов, ростовщикам, к различным наместникам Могола и к могольской династии. Все это являлось теми внутренними для Индии причинами, которые обусловили неизбежность победы британских завоевателей—британского капитализма в Индии.

Империя Великих Моголов (начало XVI века—середина XVIII века) была феодальной империей с рядом экономико-политических особенностей, отличавших феодализм Индии от классического феодализма Европы.

Главнейшие особенности феодализма в Индии следующие: кастовая сельская община, государственная собственность на землю и на сооружения искусственного орошения (каналы, дамбы, запруды). Особенности эти однако ни в какой мере не означают, что марксистско-ленинское учение о феодализме как общественно-экономической формации неприменимо для Индии и для других стран Востока, что пыталась «обосновать» троцкистско-зиновьевская контрреволюционная свора, ревизуя ленинско-сталинское учение о колониальной экономике. Особенности эти не означают также отсутствия эксплуатации, как это пытаются представить апологеты «золотого века прошлого». Здесь уместно также отметить,

что некоторые, игнорируя опасность для современной революционной борьбы пропаганды идеи о «золотом веке прошлого», пытаются представить этих апологетов как чудаков, мечтателей, а пропаганду иллюзии «золотого века» как нечто совершенно безвредное, не имеющее якобы никакого отношения к современной классовой борьбе в Индии.

Экономико-политической основой всего строя могольской империи являлась сельская община с кастовым устройством. Сельская община, существовавшая еще задолго до вторжения в Индию монголов, сохранила свои основные и характерные черты вплоть до британского завоевания. Она зиждилась на сочетании ручного ремесла и ручной, примитивной обработки земли, удовлетворяя все основные нужды своими средствами. Это придавало сельским общинам самодовлеющий характер, скрепленный вековым кастовым устройством. В этих сельских общинах—экономически замкнутых, политически консервативных—миллионы людей, поколение за поколением прикреплялись к определенным ремеслам, даже к определенным функциям в системе разделения труда в общине, закреплялись наследственно на определенном социальном положении—в виде париев—неприкасаемых, предназначенных для самых черных, грязных работ, непрерывно прозябающих на голодном пайке и всеми презираемых, в виде землеробов, прядильщиков, ткачей, цирюльников и наконец в виде почетных лиц: служителей религиозного культа, старосты-администратора и др.

Маркс дает следующую яркую характеристику сельских общин: «Мы... не должны забывать, что эти идиллические сельские общины, сколь безобидными они бы ни казались, всегда были прочной основой восточного деспотизма, что они ограничивали человеческий разум самыми узкими пределами, делая из него покорное орудие суеверия, подчиняя его традиционным правилам, лишая его всякого величия, всякой энергии к историческому действию»¹.

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IX, стр. 351.

Вот эти-то консервативные сельские общины, обреченные на застой целые поколения людей, с их кастовым строем, низводившим значительные слои населения до положения худшего, чем рабское, апологеты «золотого века» пытаются представить в виде «рая крестьян и ремесленников под руководством и заботой высших классов». Однако было бы грубой ошибкой предполагать, что Национальный конгресс всерьез намерен возвратиться к древней сельской общине времен Великих Моголов. Конечно нет. Пропаганда «золотого века прошлого» нужна туземным эксплуататорам для отвлечения масс от революционной борьбы.

Сельская кастовая община служила основой так называемого восточного деспотизма. Разоренные междоусобными войнами, тяжелыми налогами, наводнениями, засухами, эпидемиями, сельские общины возникали вновь, в основном на старой системе производства, частенько в старых территориальных границах, со старыми традициями. Смена правящих династий, царей, наместников не затрагивала основ сельских общин. Застойный характер индийских сельских общин однако не означал отсутствия изменений. Изменения происходили, и довольно значительные. Так например в годы Великого Могола Акбара (1556—1605 гг.), по сохранившимся достоверным сведениям, вся земля, будучи собственностью государства, была внутри общины разделена на общинную (выгоны, луга, пастбища) и на семейную, в свою очередь переделенную между членами семьи и передававшуюся внутри так называемой большой нераздельной семьи по наследству. Отсюда совершенно очевидно, что существовало и развивалось неравенство семейных наделов, имущественное неравенство внутри общины. Кастовое деление не только не препятствовало подобным изменениям внутри общины, а, наоборот, скрепляло эти изменения, способствовало до известных границ и до определенного периода их развитию. Не лишне также упомянуть, что имущественное неравенство неизбежно предполагает эксплуатацию внутри общины верхушкой общины: власть жреца, старосты-администратора, панчаята (совета «пяти», совета старейшин) была патриархально-деспотична, простиралась далеко за пределы морального воздействия.

Произведенная Акбаром, вследствие развития внутренней и особенно внешней торговли, замена части натуральной ренты-налога деньгами, при раскладке налога индивидуально на каждого крестьянина с круговой порукой всей общины за выплату, усиливала власть общинной верхушки, расширяла сферу внедрения торгово-ростовщического капитала, способствовала росту изменений и эксплуатации внутри общины. Однако надо подчеркнуть тот факт, что все эти изменения внутри общины не подорвали самой ее основы — соединения ремесла с земледелием, при традиционном разделении труда внутри общины. Лишь британское завоевание, как указывает Маркс, разрушило экономическую основу общины в Индии.

Государственная собственность на землю и на сооружения искусственного орошения при застойной сельской кастовой общине в качестве экономической основы всего строя неизбежно предполагала огромный феодально-чиновничий иерархический аппарат государственной власти. Наместники Великого Могола — раджи, эмиры, тхахурами и др. — получали от Великого Могола поместья на «кормление», обязуясь определенной «службой» Великому Моголу — выплатой определенной ренты-налога, содержанием определенной военной силы с надлежащей экипировкой, выполнением всех распоряжений центральной власти, особенно в период войны. Акбар широко внедрял замену наследственных поместий временными, «за службу», «на время службы», а также замену последних фиксированным жалованием, при отчислении всей суммы ренты-налога в казну Могола. Многие потомственные раджи были лишены наследственных прав на землю, одновременно многие незнатного происхождения эмиры, тхахурами получили крупнейшие посты и огромные доходы главным образом за преданность Моголу. Наследники Акбара — последующие Моголы, особенно Ауренгзеб, широко практиковали сдачу сбора ренты-налога на откуп, расширяя этим самым сферу проникновения торгово-ростовщического капитала, расширяя базу сращивания феодально-чиновничьего аппарата государственной власти с торгово-ростовщическим капиталом, ухудшая положение непосредственных произво-

дителей. Откупщики налогов не щадили крестьян и ремесленников, выжимая из них максимум налога. Каждый феодал-чиновник, зная, что он может быть смещен с должности или переведен в другой район, не щадил крестьян, ремесленников, мелких торговцев, выколачивая из них максимум дохода, не интересуясь развитием производительных сил.

Английский историк Индии Морелэнд, описывая период от Акбара до Аурагзеба, т. е. первую половину XVII века, перечисляет следующие пять видов эксплуататоров, грабивших, угнетавших непосредственного производителя: 1) сборщик налогов, 2) джагирдар, т. е. чиновник, получивший землю «на кормление», «на время службы» с правом сбора налогов с живущих на ней крестьян, ремесленников, торговцев, 3) чиновник на жаловании от центрального правительства или от джагирдара, 4) торговец-ростовщик, 5) заминдар, т. е. феодал с наследственным правом на землю и на доходы с нее. «Сила каждого из них настолько велика, а шансы на какое-либо послабление настолько малы, что его (крестьянина) благосостояние целиком зависит от того, под чьей зависимостью он находится»¹. Каждый, имевший накопления, старался реализовать их в виде золота, серебра, драгоценных камней, с тем чтобы все это было легче и лучше припрятать: торговец мог быть в любой момент экспроприирован крупным феодалом, феодал — самим Великим Моголом. Система экономического хозяйствования и политического управления стимулировала ввоз в Индию драгоценного металла.

Функции центральной власти, как указывает Маркс, сводились к трем главным: 1) сбору налогов, т. е. ограблению трудового населения, 2) защите границ, т. е. ограждению собственной власти от посягательства других хищников, им же подобных, и наконец 3) организации общественных работ по орошению, без чего в Индии земледелие невозможно.

Расходы на организацию орошения составляли незначительную часть общего бюджета могольского правительства. Так например сооружение канала на реке

¹ Moreland, From Akbar to Aurengzeb, p. 236.

Раши в Пенджабе в 1637 г. стоило один лакх рупий (100 тыс. рупий), а постройка дворца Могола в Дели—60 лакх рупий (6 млн. рупий), дворца-гробницы Тадж-Махал в Агре—917 лакх рупий (около 92 млн. рупий).

Власть в государстве базировалась на военной силе. В эпоху Великих Моголов основное ядро армии составляли выходцы из других стран—Средней Азии, Афганистана, Ирана, Аравии, а позднее и из Европы. Маркс в письме к Энгельсу приводит из книги Бернье описание огромной армии Великого Могола в 200—300 тыс. чел., влекущей за собой при походе или даже простых переездах Могола огромное количество палаток, кухонь, платья, мебели, а следовательно огромное количество слонов, верблюдов, волов, лошадей, носильщиков, а также торговцев всякого рода. Помимо центральной армии при самом Моголе обычно имелось несколько армий в отдельных частях страны, и эти армии в общей сложности, надо полагать, были по размеру не менее армий при Моголе. Вся эта огромная людская масса, занятая непроизводительно, пожирала значительную часть общего дохода страны, обеспечивая феодалам всяких рангов, ростовщикам, торговцам присвоение не только прибавочного, но и значительной части необходимого продукта непосредственных производителей.

Военная, разбойная система управления при бесправии масс непосредственных производителей, замкнутых в сельских кастовых общинах, порождала наряду с жесточайшей централизацией также и сепаратизм. Наместники Великого Могола в отдельных частях страны, местные раджи являлись по существу дела полными властелинами жизни и имущества большей части населения. Власть Великого Могола многими и многими наместниками и раджами признавалась лишь под непрерывным давлением его армии.

Бернье дает яркие картины междоусобной борьбы феодалов, непрерывных интриг как при дворе Великого Могола, так и в окружениях эмиров, раджей.

Отсутствие частной собственности на землю соответствовало господству застойных сельских кастовых общин в Индии. Маркс в письме к Энгельсу от 2/VI 1853 г. отме-

чает это явление как важную особенность феодализма в Индии. Характерно однако, что в следующем письме от 14/VI 1853 г. Маркс указывает, что в сильно пересеченной горной местности к югу от Кришны собственность на землю повидимому существовала; существовала она также и на Яве, при наличии там сельских общин. «Во всяком случае,—указывает Маркс,—магометане повидимому не установили во всей Азии принципа «отсутствия собственности на землю»¹.

Отсутствие частной собственности на землю в большей части Индии в период до британского завоевания некоторые вожди национал-реформизма пытаются использовать в качестве «исторического обоснования» того, что аграрный вопрос якобы можно разрешить «мирным» путем, что идеи антифеодальной аграрной революции чужды индийскому народу. Многие из лидеров национал-реформизма пытаются «объяснить» истоки крестьянской борьбы несознательностью крестьянства, «подстрекательством» коммунистов или наконец недостаточной «заботой» о крестьянстве со стороны местных помещиков. «Если помещики сумеют убедить крестьян в том, что они действуют для их блага, то тогда не будет никакой классовой борьбы»,—заявляет Ганди.

Необходимо указать, что подлые последыши контрреволюционного троцкизма, зиновьевщины отсутствие в значительной части Индии частной собственности на землю в период, предшествовавший британскому завоеванию, пытались использовать в качестве предпосылки для «обоснования» гнилой и в корне ложной «теории» азиатского способа производства, направленной к подрыву ленинско-сталинского учения о колониальной экономике.

Британский капитализм, подвергнув Индию жесточайшему разграблению, перед которым бледнеют ужасы прежних многократных нашествий на Индию (Чингисхан, Тимурлен и др.), произвел изменения, принципиально отличные от тех, которые пережиты Индией в течение многих предыдущих сотен лет. «Я не разделяю мнения тех,—указывает Маркс,—которые верят в существование золотого века Индостана; ...возьмите для примера времена

Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XXI, стр. 501.

Ауренгзеба или эпоху, когда монголы появились на севере, а португальцы—на юге, или эпоху вторжения магометан, или эпоху гептархии в Южной Индии, или, если хотите идти назад к еще более седой древности, возьмите мифологическую хронологию самих браминов, которая относит начало бедствий Индии к эпохе более отдаленной, чем даже та, к коей христианство относит сотворение мира,— и все же не остается никакого сомнения в том, что бедствия, причиненные Индостану британцами, существенно иного рода и бесконечно более интенсивны, чем все бедствия, испытанные Индостаном раньше»¹. Разграбление Индии наряду с разграблением английского крестьянства и ремесленников, торговля рабами и др. создали базу для широкого развития фабричного производства, а следовательно для буржуазного общества в Англии. Последовавший затем экспорт промышленной продукции в Индию разрушил до того устойчивую экономическую базу древних сельских общин, что произвело «величайшую и, надо сказать правду, единственную *социальную* революцию, пережитую когда-либо Азией» (Маркс). Разрушив экономическую основу сельских общин, являвшихся базой феодализма в Индии, британский капитализм и впоследствии британский империализм приспособили феодальные отношения к новым колониальным функциям Индии— быть аграрно-сырьевым придатком промышленной метрополии, рынком сбыта промышленной продукции метрополии, сферой приложения экспортного капитала, военным плацдармом и источником «пушечного мяса» в борьбе за новые колониальные захваты, за раздел мира и новый передел его.

Феодальные пережитки, консервируемые британским капитализмом—британским империализмом, являлись и являются «основной формой гнета» (Сталин). Преобладание феодальных пережитков в экономике и политическом устройстве Индии является необходимым условием господства британского империализма в Индии, необходимым условием борьбы против революционного движения в Индии, и именно поэтому британский империализм актив-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. IX, стр. 346. «Британское владычество в Индии».

но и всемерно поддерживает феодальные пережитки. Феодальные элементы—князья, принцы, помещики, ростовщики, компрадоры—прекрасно знают, что господство британского империализма в Индии является основным и единственным условием их существования. Именно поэтому они являются преданной опорой британского империализма в Индии и отъявленными врагами антиимпериалистической национально-освободительной революции в Индии.

III. Реакционная сущность пропаганды «особой миссии» Англии в Индии

Если национал-реформисты распространяют ложную легенду о «золотом веке прошлого», то апологеты британского империализма пропагандируют не менее ложную и вредную «идею», что будто бы британское управление вывело Индию из многовековой «анархии», «застоя» и обеспечило населению «мирный труд». В этом отношении очень характерны опубликованные в конце 1934 г. предложения комиссии английского парламента о новой конституции, «даруемой» британским империализмом Индии. «Британское правление дало Индии то, чего она не имела в течение ряда столетий: правительство, обладающее неоспоримой властью над любой частью подчиненной ему территории; оно преградило путь иностранным завоевателям и сохранило спокойствие внутри страны, оно установило законы и путем учреждения справедливого управления и неподкупного суда обеспечивало каждому подданному его величества в Британской Индии право на мирный повседневный труд, право свободного применения для собственных нужд плодов своего труда»¹. Историческая и современная действительность находится в резком противоречии с наглой ложью, распространяемой британским империализмом. Британский империализм уродует, задерживает развитие производительных сил в Индии, приспособляя экономику страны к потребностям метрополии. Британский империализм, разбойно расхищая производительные силы страны, получает огромные сверхприбыли. Индийский

¹ «Доклад объединенной парламентской комиссии о конституционных реформах в Индии», «Times» от 22/XI 1934 г.

пролетариат и трудящееся крестьянство, ремесленники терпят двойной гнет: британского империализма и туземных эксплуататоров. Британское господство принесло трудящимся массам неисчислимыя бедствия, национальный гнет, одичание целых слоев населения, мучительное вымирание от голода десятков миллионов человек.

Бернье указывает, что в годы Ауренгзеба массы населения разорялись тяжелыми налогами. Однако британские завоеватели превосшли туземных откупщиков налогов, раджей, эмиров, Великого Могола в выколачивании налогов из трудящихся масс населения. Первый же год господства Ост-индской компании в Бенгалии дал резкий скачок в росте земельных налогов: размер ежегодного земельного налога при туземном правительстве за предыдущие три года, кончая 1764/65 г., составлял в среднем 7 483 тыс. рупий, или 742 тыс. ф. ст., в первый же год английского господства размер налога возрос до 14 705 тыс. рупий, или 1 470 тыс. ф. ст., т. е. был увеличен почти вдвое¹. Непрерывный рост дают налоги и по другим провинциям; например в Агре в первый же год английского господства земельный налог был повышен на 15%, на третий же год—на 25% по сравнению с общим размером налога туземного правительства². Земельный налог в 1817 г.—последнем году государства Мадратта—составлял 80 лакх рупий. В 1818 г.—первом году британского управления—земельный налог возрос до 115 лакх рупий, а в 1823 г. уже составлял 150 лакх рупий, т. е. в течение 6 лет земельный налог возрос почти вдвое³. За 11 лет (1879/80—1889/90) в Мадрасском президентстве было продано с аукциона в уплату земельного налога 1 900 тыс. акров земли, принадлежавшей 850 тыс. крестьянских хозяйств. Это означает, что $\frac{1}{8}$ всего сельскохозяйственного населения президентства была лишена земельной собственности. Однако у крестьянства отбирались не только земля, но и жилище, рабочий скот, нищенское имущество домашнего обихода, включая кровати, одежду, кухонные принадлежности. Картина методов сбора налогов будет далеко еще не полна,

¹ *Dutt*, The economic history of India, v. I, p. 85.

² *Ibid.*, p. 175.

³ *O'Donnell*, The failure of Lord Curzon, p. 21.

если не указать, что всему этому разорению и издевке предшествовал в 1877/78 г. голод, унесший 3 млн. жизней¹. Огромное повышение налогов, при широкой замене натуральных денежными, вызывало жесточайшее потрясение экономических основ тогдашнего производства. Тюрмы, порка, жестокие пытки являлись «органическим звеном в английской финансовой политике» (Энгельс). «Калмыцкие орды Чингиз-хана и Тимура, налетавшие на города... были вероятно благодеянием для страны по сравнению с нашествием этих христианских, цивилизованных, рыцарственных британских солдат,—с беспощадной иронией указывает Энгельс в статье «Восстание в Индии».—Первые, по крайней мере, быстро проходили свой хаотический путь, но эти методические англичане повсюду... превращают грабеж в систему, регистрируют награбленное, продают его с аукциона...»². Характер налогов в современной Индии показывает, что они всей тяжестью ложатся на индийский пролетариат и трудящиеся массы. За период 1926—1929 гг. в приходной части центрального и провинциальных бюджетов Британской Индии косвенные налоги (на соль, сахар, мануфактуру и другие предметы первой необходимости) составляли 64,4%, земельный налог—24,5, подоходный же налог—лишь 11,47%³. Расходная часть бюджета еще больше подчеркивает его антинародный характер: 51% всех расходов составляют расход на вооружение, полицию, тюрьмы, чиновничество; расходы на сельское хозяйство составляют мизерную часть бюджета, а именно 1%, на здравоохранение—1%, на просвещение—6%. Официально выплата долгов Индии занимает по бюджету 9%, однако совершенно очевидно, что весь бюджет Индии поставлен британским империализмом на укрепление его колониального господства в Индии, на обеспечение сверхприбылей британскому финансовому капиталу. Последующие годы экономического кризиса дают еще больший рост расходов на вооружение, на аппарат угнетения масс и расправы с революционным движением⁴.

¹ Ibid., p. 29.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. XI, I, стр. 324.

³ «India analysed», p. 22—28.

⁴ В качестве примера, иллюстрирующего прогрессивный рост аппарата угнетения и расправы, приведем следующие данные по

Индия является аграрно-сырьевым придатком метрополии. Не менее 75% населения Индии занято сельским хозяйством; сельскохозяйственная продукция составляет 85% всей суммы индийского экспорта. Земля и вода—необходимые условия сельскохозяйственного производства—захвачены британским империализмом, князьями, принцами, помещиками, ростовщиками. Бедняк-землероб, прикрепленный к клочку земли, обрабатывающий землю примитивными орудиями производства и частенько вовсе без скота, вечно голодный, задавленный прогрессирующей нуждой и бесправием, является центральной фигурой сельского хозяйства Индии. Среднее крестьянство все более и более разоряется. Тонкая кулацкая прослойка тесно связана с докапиталистической эксплуатацией трудящихся крестьянских масс. В Индии 6 млн. долговых рабов—рабство передается по наследству. В результате господства британского империализма, преобладания насаждаемых им феодальных, полуфеодальных отношений почва Индии истощается, урожайность все более падает, а непосредственный производитель—землероб, обремененный налогами, долгами, рентой, поборами, не в состоянии прокормить себя, семью и рабочий скот. Ниже мы приводим очень характерные данные о прогрессивном падении урожайности пшеницы по Соединенным провинциям, которые, кстати надо отметить, являлись центром событий, описываемых в книге Бернье.

*Средний урожай пшеницы (в англ. ф. с акра)**

	С неполив- ной земли	С поливной земли
Во времена Акбара (1570 г.)	1 555	—
1827—1849 гг.	620	1 000
1868 г.	600	900
1917—1921 гг.	840	1 280
1931 г.	900	1 000

* «India analysed», v. III, p. 169; *Dadabhai Naoroji, Poverty and un-British rule in India*, p. 23.

одной из провинций Индии—Пенджабу: за период последних двух переписей 1921 и 1931 гг. количество полицейских возросло на 22,4%, число деревенских сторожей (один из видов полиции)—на 262%, чиновников государственного аппарата—на 70%, чиновников и других служащих местных учреждений—на 261% и т. д. См. «Census», 1931 г., стр. 230.

Средний урожай пшеницы в Англии за 1931 г. составлял 1 845 англ. ф. с акра.

Урожайность за годы современного экономического кризиса упала ниже уровня, существовавшего 60—70 лет назад. Так например урожайность риса с акра поливной земли в 1868 г. была 850 англ. ф., а в 1930 г.—871 ф., в 1933 г.—843 ф., в 1934 г.—829 ф. Характерно, что падение урожайности и падение цен в годы кризиса сопровождается нередко ростом посевной площади. Это объясняется тем, что непосредственный производитель—землероб—старается компенсировать свои потери, увеличивая площадь посева, с тем чтобы иметь возможность выплатить растущие долги, налоги, ренту.

В Индии усиливается разложение аграрного строя. Показателем этого помимо указанных уже выше данных является прогрессивное падение в ряде районов обрабатываемой площади в отношении всей площади, пригодной к обработке, падение или, в лучшем случае, стабильность по ряду районов площади, дающей двойной урожай, уменьшение количества рабочего скота на каждую сотню плугов.

По данным банковской комиссии, 56% всех крестьян в Соединенных провинциях имеют под обработкой участки мелких и мельчайших размеров. Эта часть крестьянства обречена на непрерывную голодовку, а хозяйство ее является чрезвычайно убогим и примитивным. Обнищание крестьянских масс растет; так например в одном из дистриктов Соединенных провинций хозяйств, имеющих под обработкой «голодную норму»—до 2½ акров земли, было 60 лет назад 23%, а перед началом современного экономического кризиса (1928 г.) их стало уже 37%.

Апологеты британского империализма для «обоснования» «благодетельного влияния» британского господства в Индии обычно указывают на крупные ирригационные сооружения, давшие миллионы акров годной под обработку земли, на строительство железных дорог и других видов сообщения и связи. Ирригационные сооружения в Пенджабе, Синде, Соединенных провинциях и др. являются прежде всего коммерческими предприятиями британского империализма, пайщиками которых состоят ин-

дийские эксплуататоры. Свыше 30 млн. рупий, инвестированные в ирригационные сооружения в одном только Пенджабе, являются наиболее гарантированным видом вложений в смысле получения огромных прибылей, так как водные налоги не понижаются в период самых жесточайших кризисов и стихийных бедствий. Британский империализм—британский финансовый капитал получает огромные суммы от продажи вновь орошенной земли¹. Так например за пять лет, кончая 1929 г., в одном только Беканаре (Пенджаб) было после ирригационных работ получено от продажи земли свыше 700 млн. рупий. Совершенно очевидно, что крупнейшие суммы были получены и по другим провинциям Индии. Присвоение сумм от продажи земли составляет один из методов колониального ограбления Индии британским финансовым капиталом. Аграрный строй, созданный британской властью в Индии, безусловно выгоден туземным эксплуататорам. Колониальный режим в Индии создал условия для чудовищного распространения ростовщичества и помещичьей кабалы. Трудящееся крестьянство, выталкиваемое из сельскохозяйственного производства вследствие разорения высокими земельными, водными налогами, рентой, процентами по долгам, поборами, не поглощается индийской промышленностью, развитие которой всячески задерживается британским империализмом. В результате все больше и больше усиливается аграрное перенаселение, обостряется земельный голод, ухудшается положение мелких и мельчайших земельных «собственников», всячески держащихся за клочки земли, чтобы не умереть голодной смертью, создаются огромные слои арендаторов, приарендаторов, закабаленных помещиками, ростовщиками, торговцами. С другой стороны, растут слои паразитарных ренто-процентополучателей: вложение капитала в землю является выгодным и относительно менее рискованным делом (особенно в годы кризиса); вложение капитала в ростовщичество под огромные проценты в условиях огромной власти ростовщика-кредитора над всей собственностью крестьянина-должника: земель,

¹ Вся непригодная под обработку земля и все леса в Индии много лет назад были объявлены собственностью государства, т. е. британского империализма.

скотом, инвентарем, будущим урожаем, его случайными заработками, в условиях огромной власти ростовщика над самой личностью землероба-должника и над членами его семьи, включая наследственную передачу задолженности,— все это делает ростовщичество выгодным, доходным занятием. Помещик—ростовщик—торговец—деревенский администратор—все эти виды эксплуататоров очень часто переплетаются. Задолженность трудящегося крестьянства является одним из показателей закабаленности его. Так например в Пенджабе, называемом британскими апологетами, в том числе и из лагеря национал-реформизма, провинцией «крестьянской земельной собственности», задолженность трудящегося крестьянства за период 1921—1929 гг. возросла с 900 млн. рупий до 1 350 млн. рупий. В результате задолженность многих крестьянских слоев составляет от 40 до 60-кратного размера ежегодного земельного налога¹. Распределение земли в Пенджабе по собственности характеризуется на 1925 г. следующими данными: 84,5% всех земельных собственников имеют всего лишь 38,6% всей обрабатываемой площади, а остающиеся 15,5% являются владельцами 61,4% всей обрабатываемой земли. В первой группе (84,5%) 17,9% относятся к категории «собственников» до 1 акра, причем на их долю падает 1% обрабатываемой земельной площади. 40,4% хозяйств с земельной площадью в 11% относятся к категории собственников так называемой голодной нормы—от 1 до 5 акров. Во второй группе (15,5%) имеются 8%, владеющих 46% всей обрабатываемой площади. Итак, на одном полюсе имеется 58,3% мелких и мельчайших «собственников» с 12% обрабатываемой земли, а на другом полюсе—8% собственников с 46% обрабатываемой земли². Приведенные выше данные о распределении земли и о задолженности трудящегося крестьянства со всей очевидностью показывают, что абсолютно преобладающая часть земли в провинции «крестьянской земельной собственности», так же как и во всей Индии, не является крестьянской.

¹ «Report of the Punjab provincial banking enquiry committee», 1929/30, v. I, p. 165.

² Calvert, The size and distribution of agricultural holdings in Punjab, 1925.

В 70-х годах индийский либерал Дадобхай Наороджи указывал, что прожиточный минимум индийского трудящегося крестьянина составлял не больше $\frac{3}{4}$ голодного порциона заключенного в индийской тюрьме¹. В последующий период, особенно с империалистической войны, положение индийского трудящегося крестьянина становится все хуже и хуже, эксплуатация растет, растут разорение, бесправие и национальный гнет. За годы же мирового экономического кризиса новые десятки миллионов человек (по некоторым данным до 40 млн. чел.) вытолкнуты вовсе или частично из производственного процесса и обречены на вымирание от голода. В начале 1935 г. «Бомбей кроникл»—орган индийской национальной буржуазии—дает следующее описание бенгалийской деревни, в котором (описании) со всей очевидностью сквозит тревога перед напряженным положением в индийской деревне: «Крестьянские земли заложены, часть из них уже перешла к ростовщикам. Правительство и кооперативные общества для получения налогов и долгов конфискуют крестьянские земли... Настроения весьма и весьма пессимистические—помещик не в состоянии собрать ренту, а ростовщик свои долги... население оставляет свои дома в поисках работы и пищи»².

Политическое положение в индийском городе—на фабриках, заводах—еще более напряженное, чем в индийской деревне. Промышленность Индии, как и вся индийская экономика, продолжает испытывать резкое и жесткое давление, усиливаемое в результате перехода метрополии и других империалистических стран к депрессии особого рода.

Империалистическая и национал-реформистская пресса сейчас уже не скрывает тревоги по поводу предстоящих в ближайшем будущем потрясений сахарной промышленности и текстильного производства, возросших за годы современного кризиса на базе общего жесточайшего разорения индийской экономики, жесточайшего наступления на жизненный уровень индийского пролетариата и трудя-

¹ *Dadabhai Naoroji, Poverty and un-british rule in India*, p. 31.

² «Bombay Chronicle», 26/1 1935.

щегося крестьянства, ремесленников. Капиталистическая эксплуатация на индийских фабриках, отличающаяся варварством и жестокостью, переплетается с эксплуатацией докапиталистической. Немалая часть индийских рабочих, особенно вновь прибывающих из деревень, находится в лапах джоберов, муккудамов, сирдаров—от них они зависят в получении работы, от них зависит их заработок. Джобер, сирдар и другие виды паразитарных посредников между британскими, индийскими владельцами фабрик и индийскими рабочими составляют важнейшее звено в жесточайшей эксплуатации индийского пролетариата. Антисанитарные условия мест работ и жилищ, необеспеченность при потере трудоспособности, непрерывное полуголодное состояние самого рабочего и его семьи ведут к тому, что большинство индийских рабочих уже к 30—35-летнему возрасту теряют 40—50% и больше своей трудоспособности. Взятничество, штрафы, многочисленные принудительные вычеты, задолженность ростовщику давят тяжелым бременем на голодный бюджет индийского рабочего. Национальное бесправие, угроза быть арестованным, выброшенным с работы делают положение индийского рабочего все более и более нестерпимым. Реальная заработная плата абсолютного большинства индийских рабочих еще до современного экономического кризиса была много ниже стоимости рабочей силы. Прожиточный минимум индийского пролетария определен компартией Индии в 50 рупий, а «левыми» национал-реформистами—в 30 рупий. Номинальная заработная плата большинства индийских рабочих не достигает 25 рупий, т. е. даже ниже национал-реформистского минимума. За годы современного экономического кризиса совместное наступление британского империализма и национальной буржуазии на жизненный уровень индийского пролетария приняло невиданные до того времени размеры. Заработная плата рабочих например в текстильной промышленности Бомбея была сокращена на 40—60%, около половины всех занятых до кризиса рабочих текстильных фабрик были уволены, рабочий день оставшихся был увеличен при сокращении на многих фабриках рабочей недели до 3—4 дней, без какой бы то ни было компенсации вынужденного прогула. Жалкое страхование по нетрудоспособности той небольшой

части индийских рабочих, которые имеют его, было снижено, а на многих фабриках отменено вовсе. Индийский пролетариат жесточайшей борьбой отвечал на капиталистический поход на его жизненный уровень. Политические и экономические бои индийского пролетариата за годы современного экономического кризиса отличаются своей организованностью, упорством, классовой осознанностью; новые слои рабочего класса втянуты в активную борьбу, новые вожаки выдвинуты из гущи пролетариата. Классовые бои 1929—1935 гг. в Бомбее, Калькутте, Шолапуре и других промышленных центрах Индии, всеобщая стачка текстильщиков весной 1934 г., стачки в Ахмадабаде, Калькутте в 1935 г., многолетняя борьба пограничных племен в Северо-западной провинции, восстание в Кашмире, в Альваре, массовые неплатежи налогов в Соединенных провинциях и др. являются блестящим подтверждением указания т. Сталина о том, что «европейская буржуазия находится теперь в состоянии войны со «своими» колониями... Что касается Индии, Индо-Китая, Индонезии, Африки и т. д., то нарастание революционного движения в этих странах, принимающее порой формы национальной войны за освобождение, не подлежит никакому сомнению. Господа буржуа рассчитывают залить эти страны кровью и опереться на полицейские штыки, призвав на помощь людей вроде Ганди. Не может быть сомнения, что полицейские штыки плохая опора»¹.

Британскому империализму и его пайщикам из среды туземной буржуазии не удалось и не удастся задавить революционную борьбу индийского пролетариата и руководимого им крестьянства и мелкой буржуазии города.

Реакционная сущность колониального режима британского империализма в Индии, методы ограбления индийского народа ярко вскрываются при анализе происхождения и назначения долгов Индии. На 31 марта 1932 г. долг Индии, исчисляемый в одних лишь процентных бумагах, достиг огромной суммы в 12 252 млн. рупий (или 909 390 тыс. ф. ст.)². В эту сумму не включен так называемый

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 496—497, изд. 9-е.

² «India analysed», p. 126—163.

стерлинговый долг, составляющий не менее 5 млрд. рупий, а также не включены огромные суммы экспортного капитала, вложенного в Индии помимо процентных бумаг. Крупнейшую статью указанного выше долга составляют так называемые коммерческие и военные «обязательства» Индии в размере 1 500 млн. рупий Ост-индской компании, закончившей свое существование более 100 лет назад.

Следующей статьёй является долг на покрытие затрат по подавлению вооруженного Сипайского восстания в 1857 г. в размере свыше 500 млн. рупий (38,41 млн. ф. ст.). Циничность этого долга в том, что британский империализм официально и неприкрито заставляет индийский народ по сейчас платить за свое собственное порабощение. Завоевание Бирмы, расходы по ее управлению в течение ряда десятилетий после завоевания, расходы на военные экспедиции на Яву, Цейлон, в Африку, Молукку и др., захватнические войны британского капитализма, ведшиеся во второй половине XIX века, составляют следующую, третью, крупнейшую статью долга Индии в размере 1 млрд. рупий. Устройство так называемой «научной границы» Индии с Афганистаном, Ираном, царской Россией, вызвавшее многочисленные войны с вооруженными племенами Северо-западной провинции, войны с Афганистаном, обошлось индийскому народу за один лишь период с 1878 по 1896 г. в огромную сумму 714 580 тыс. рупий¹, из которых 300 млн. рупий входят в сумму указанного нами долга, исчисляемого в процентных бумагах.

Следующую, пятую, крупную статью долга составляют долги, вызванные империалистической войной 1914—1918 гг., исчисляемые в размере 3 640 млн. рупий. Характерно, что британский империализм обязал Индию, т. е. индийский пролетариат и крестьянство, взносами уже после окончания империалистической войны.

Индийская национальная буржуазия в лице Национального конгресса, заработавшая в годы войны огромные прибыли на военных поставках, на жесточайшей эксплуатации пролетариата, на разорении миллионов трудящегося крестьянства, приветствовала предложение вице-ко-

¹ Hanna, Backwards or forwards, p. 40.

роля Индии о «добровольном даре» Индии на погашение военных расходов Англии вначале в сумме 1 млрд. рупий, затем еще 890 млн. рупий. Шестая крупная статья долга в размере 1 250 млн. рупий составляет покрытие расходов по перерасчету рупийных долгов в стерлинговые в связи с колебаниями курса рупий. Известно, что махинации с рупией как при понижении ее, так и при повышении давали британскому империализму огромные прибыли.

Сумма так называемого производительного долга исчисляется в размере 2 130 млн. рупий. Этот «производительный» долг составляют расходы на покрытие гарантированных доходов британских компаний и отчасти туземных предпринимателей, участвовавших, начиная с 70-х годов прошлого столетия, в строительстве индийских железных дорог, выкупленных затем англо-индийским правительством.

Приведенная нами выше краткая характеристика происхождения одного из видов долга Индии—долга, заключенного в процентных бумагах,—со всей очевидностью вскрывает методы империалистического ограбления индийского народа, вскрывает реакционную сущность колониального режима британского империализма в Индии. *Долги Индии являются антинародными.* Британский империализм и его опора в Индии—князья, помещики, ростовщики, компрадоры, с одной стороны, и значительная часть туземной буржуазии, с другой,—кровно заинтересованы в обеспечении выплаты этих огромных долгов, лежащих жуткой тяжестью на плечи индийского пролетариата и трудящихся масс мелкой буржуазии города и деревни.

Британская финансовая олигархия является основным держателем процентных бумаг индийского долга. Львиная доля процентных платежей по долгам идет в пользу их. Весь инвестированный капитал британского империализма в Индии намного превышает долю его в долге Индии, заключенном в процентных бумагах. Точных данных общей суммы всех видов вложений британского капитала в Индии нет. Последние данные, опубликованные на это счет *Gangulee* в книге «*India what now?*», определяют вложения в размере 1 млрд. ф. ст. Экспортный капитал британ-

ского империализма является одним из важнейших рычагов экономического и политического *закабаления* Индии, *удержания* Индии в качестве аграрно-сырьевого придатка, метрополии, рынка сбыта промышленной продукции метрополии и сферы приложения капиталов метрополии, — *захвата* важнейших командных высот в экономике страны, в том числе и в промышленности Индии.

Деколонизаторы пытались вопреки бьющим в глаза фактам извратить колониальную действительность, объясняя политику британского империализма в Индии как прогрессивную, направленную к развитию производительных сил Индии, в том числе и к развитию промышленности, к искоренению феодальных пережитков. В качестве политических выводов из этой контрреволюционной «теории» деколонизаторы пытаются навязать пролетариату Индии в корне вредную «идею» о якобы беспочвенности, ненужности антиимпериалистической, антифеодальной революции, отрицая этим самым всякую борьбу против британского империализма и туземных эксплуататоров.

Контрреволюционный багаж деколонизаторов широко используется некоторыми национал-реформистами в их апологетике национальной буржуазии, в их попытках лишить пролетариат и его авангард—компартию политической самостоятельности, в их попытках помешать растущему влиянию пролетариата на крестьянство и мелкую буржуазию города в антиимпериалистической борьбе.

Не менее опасным извращением является так называемая «теория аграризации», т. е. отметание развития капитализма в колониальных странах вообще и в Индии в частности, протаскивавшаяся активным участником контрреволюционной зиновьевской группы—Сафаровым. В качестве политического вывода из отметания капитализма в Индии контрреволюционер Сафаров пытался отрицать руководящую роль пролетариата над крестьянством и мелкой буржуазией города. Протаскивание троцкистского отрицания гегемонии пролетариата в буржуазно-демократической колониальной революции в Индии контрреволюционер-зиновьевец Сафаров прикрывал «критикой» троцкизма, «критикой» деколонизаторства.

Известно, что британский империализм уродует, задерживает развитие производительных сил в Индии, тормозит развитие промышленности, активно поддерживает преобладание феодальных пережитков в экономике и политическом устройстве Индии, однако это огнюдь не означает отсутствия развития капитализма.

Тов. Сталин в своей блестящей речи «О политических задачах университета народов Востока» с предельной ясностью и четкостью поставил основные проблемы национально-колониальной революции и специфичные задачи революционного движения в каждой из указанных им трех категорий колониальных стран. Характеризуя Индию как страну капиталистически более или менее развитую и имеющую более или менее многочисленный национальный пролетариат, т. Сталин в качестве непосредственной задачи революционного движения в Индии еще в 1925 г. ставил задачу подготовки пролетариата «к роли вождя освободительного движения, шаг за шагом оттирая с этого почетного поста буржуазию и ее глашатаев»¹. Непременным условием успешной борьбы за гегемонию пролетариата т. Сталин считает самостоятельность компартии. «Самостоятельность компартии в таких странах должна быть основным лозунгом передовых элементов коммунизма, ибо гегемония пролетариата может быть подготовлена и проведена лишь коммунистической партией»². Совершенно очевидно, что отрицание капитализма в колониях понадобилось контрреволюционеру Сафарову в качестве предпосылки для «обоснования» «неспособности» пролетариата стать гегемоном в антиимпериалистической, антифеодальной революции, для дезорганизации компартии и для снятия самой проблемы революции.

В современных условиях, когда практическое осуществление тактики единого фронта в антиимпериалистической борьбе встало перед индийской компартией в качестве важнейшей и непосредственной задачи, особенно необходимы усиление большевистской непримиримости и беспощадный разгром всех и всяческих попыток извратить ленинско-сталинскую теорию колониальной революции.

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 143, изд. 9-е.

² Там же.

IV Биография Бернье. Экономическая политика Кольбера и книга Бернье

Франсуа Бернье родился в 1620 г. около Конокорд. В 1652 г. Бернье сдал государственный экзамен в университете Монпелье (в Провансе) по философии, изучавшейся им под руководством известного философа-материалиста Гассенди (1592 — 1655 гг.). В том же году Бернье сдал экзамен по медицине и получил звание доктора медицины. В 1654 г. Бернье посетил Палестину и Сирию. В 1655 г. он возвращается во Францию и участвует в похоронах своего учителя Гассенди, оказавшего на него, по его собственным неоднократным признаниям, огромное влияние.

1656—1658 годы Бернье провел в Египте, посетил ряд городов Аравии и в конце 1658 г.—возможно в начале 1659 г.—достиг Сурата, бывшего в то время одним из важнейших центров деятельности европейских торговых компаний в Индии. На пути из Сурата в глубь Индии—в Агру—Бернье в марте-апреле 1659 г. был захвачен войсками принца Дара—одного из четырех враждовавших между собой сыновей Великого Могола Шах-Джехана. Бернье сопровождает Дару в его походах в качестве врача. После поражения войск Дары войсками брата его Ауренгзеба, боровшегося, как и каждый из остальных трех братьев, за монопольное обладание властью в империи, Дара вынужден был бежать в Синд, а Бернье после многих лишений и опасностей достиг Ахмедабада, а в 1663 г.—Дели. Из Дели Бернье отправляет письмо Де ла Мот ле Вайе, в котором дает описание Дели, Агры, крупнейших центров Индии. Бернье был принят на службу в качестве придворного врача Великого Могола. Положение врача при дворе Ауренгзеба, ставшего императором, дало возможность Бернье быть достаточно широко осведомленным о политической и экономической жизни Индии и посетить множество городов и деревень, расположенных в различных частях Индии. Бернье проделал рискованный по тому времени путь из Дели в Лагор, являвшийся крупнейшим политическим и экономическим центром северо-запада Индии, а затем—в 1665 г. — в Кашмир. Из Кашмира

Бернье проделал обратный путь через всю империю Великих Моголов в Бенгалию, где у Аллахабада, в 1665 г., встретил коммерсанта-путешественника француза Тавернье, написавшего интересную книгу о своих путешествиях по Индии. Книги Бернье и Тавернье являются одними из интереснейших документов, характеризующих Индию середины XVII века. В 1666 г. из Бенгалии Бернье проехал в Голконду, где пробыл до середины 1667 г. Итак Бернье за свое пребывание в Индии вдоль и поперек пересек империю Великих Моголов. В октябре 1667 г., на обратном пути из Индии во Францию, Бернье прибыл в Шираз (Иран), откуда он послал письмо к Шапелену в Париж, полученное там 15/II 1669 г.

В сентябре 1669 г., после тринадцатилетнего отсутствия, Бернье прибыл в Марсель, а затем в Париж. Во Франции Бернье пользуется огромным успехом. Его рассказы об Индии выслушиваются с большим интересом. Бернье получает доступ ко двору, его приглашают в великосветские салоны. «Великий Могол» — так прозвали Бернье в то время. Вскоре по приезде в Париж Бернье получает доступ к влиятельнейшему в те годы министру финансов Франции — Кольберу. В результате переговоров Бернье с Кольбером появилась его записка Кольберу о политико-экономическом состоянии Индии, В 1670 г. Бернье при горячем содействии Кольбера получает от короля Людовика XIV разрешение на издание книги. Книга Бернье имела огромный успех. В течение первых семи лет (1670—1676 гг.) книга была издана девять раз, из них дважды в Париже, трижды в Лондоне, Амстердаме, Франкфурте, Милане. К 1833 г. книга выдержала 29 изданий на важнейших языках Европы. Успехи самого Бернье вплоть до его смерти (1688 г.) и особенно успехи его книги объясняются политико-экономической обстановкой того периода в Европе и особенно в самой Франции.

Франция второй половины XVII века переживала апогей абсолютизма. Неограниченная власть короля Людовика XIV (1643—1715 гг.) имела главной своей опорой феодальные элементы и духовенство. Верхушка феодальной аристократии составляла королевский придворный штат в Версале и была обеспечена доходами с огромных податей, налагаемых на крестьянские массы и ремеслен-

ников. Однако в государственном управлении большую роль играло чиновничество из среды так называемого третьего сословия, или «королевская буржуазия». Экономическая политика абсолютизма, ярким выразителем которой являлся министр финансов Кольбер (1619—1683 гг.), отвечала запросам феодальной верхушки, концентрировавшейся при дворе. Расточительность королевского двора, содержание огромного паразитного слоя феодальных элементов и духовенства поглощали почти весь государственный бюджет. Министерство финансов являлось не чем иным, как казначейством короля, и имело основную задачу: быстро и безотказно доставать огромные суммы на содержание многих тысяч придворных, живших в безумной роскоши, на содержание войск и полиции, возроставших в связи с аграрными волнениями во Франции и многочисленными войнами как в Европе, так и в колониях. Кольбер, будучи министром важнейшего ведомства — финансового, являлся в течение ряда лет фактическим вершителем всей внутренней и внешней политики Франции. Экономическая политика Кольбера — это яркое выражение господствовавшего в период XVI—XVII веков меркантилизма. Основные положения меркантилизма следующие: деньги — основа общественного богатства, отсюда принцип увеличения притока денег в страну являлся ведущим; торговая прибыль рассматривалась как основной источник накопления, отсюда источником прибыли меркантилисты считали сферу обращения товаров. Политика денежного баланса: ограничение и даже запрещение вывоза денег из страны при поощрении ввоза их в страну, а позднее — политика активного торгового баланса: больше продать и относительно меньше ввезти в страну, при компенсации разницы притоком полноценных денег в страну; активный торговый баланс как неперемное условие притока денег в страну предполагал всемерное стимулирование отечественной промышленности в целях экспорта, создание торговых компаний, стимулирование транзитной торговли и особенно строительство морского флота — таковы важнейшие характерные черты экономической политики меркантилизма.

При вступлении Кольбера на государственную службу политико-экономическое положение Франции было очень

тяжелое: развитие производительных сил страны задерживалось господством феодальных отношений, финансы были в расстройстве, подкупы, взяточничество господствовали в государственном управлении; в стране вспыхивали восстания крестьянства, задавленного налогами и феодальными поборами. В результате Кольбер имел труднейшую задачу: повысить доходы короля и его придворных—феодальной верхушки и одновременно устранить экономическую разруху и смирить трудящиеся массы. Растущую экономически буржуазию Кольбер пытался поставить на службу феодализму, вернее придворной феодальной верхушке. Буржуазия, по замыслу Кольбера, должна была представлять нечто вроде «дойной коровы»—поставщика средств на содержание королевского двора, оставаясь политически бесправной. Кольбер всячески стимулирует рост отечественной промышленности: вводятся запрети-тельные ввозные пошлины, направленные главным образом против голландского, нормандского, а затем английского экспорта и реэкспорта; запрещается вывоз из Франции сырья, необходимого для отечественной промышленности; на внутреннем рынке устанавливаются монопольно низкие цены на хлеб в целях снижения заработной платы. Введе-ние целого ряда косвенных налогов на предметы пер-вой необходимости повысило государственные доходы и усилило недовольство среди трудящихся масс города и деревни.

Правительство, стимулируя промышленность и тор-говлю, одновременно мелочно и бюрократически опекало ее. Всякое нарушение многочисленных регламентаций каралось штрафами и конфискациями, составлявшими крупную доходную статью государственного бюджета. В течение первых нескольких лет своей работы Кольбер собрал в королевскую казну свыше 100 млн. ливров в виде штрафов и конфискаций. Растущая экономически бур-жуазия—промышленная и торговая—была недовольна своим политическим бесправием, государственной опекой, ненавидела расточительный королевский двор. Средние слои феодальных элементов враждебно реагировали на установление монопольно низких цен на хлеб, на рост цен на промышленные изделия вследствие запретительных пошлин на дешевые ввозные изделия. Положение трудя-

щихся масс ухудшалось с каждым годом. Король и феодальная верхушка удовлетворялись экономической политикой Кольбера постольку, поскольку она обеспечивала им приток средств на роскошную придворную жизнь. Шаткость внутреннего политико-экономического положения страны, растущая потребность в деньгах толкали правящие круги на внешнюю экспансию. Войны против Испании, Голландии имели целью захватить промышленные центры Фландрии и Голландии и тем самым расчистить дорогу французской промышленности на внешнем рынке. Многолетняя война, окончившаяся в 1668 г., принесла Франции ряд новых районов у Пиреней и в Нидерландах, война же 1689—1700 гг.—ряд районов во Фландрии. Успешные войны в Европе не облегчили политико-экономического положения в самой Франции, однако значительно повысили удельный вес ее в вопросах мировой политики. Испания, а за ней Голландия к концу XVII века потеряли свое бывшее могущество в результате поражения со стороны Англии и Франции. В последние десятилетия XVII века Англия и Франция уже предстали друг перед другом как основные экономические конкуренты и политические враги. Обострения во взаимоотношениях их в Европе усиливались конкурентной борьбой в колониях. Огромные богатства, широкой волной притекавшие в течение многих десятилетий в Португалию, Испанию, Голландию, Англию из колоний, были особенно большой приманкой для паразитирующих верхов Франции. В годы Кольбера Франция являлась территориально крупнейшей колониальной державой: имела огромные территории в Канаде, Луизиане, Гвиане и др., однако торговые обороты ее с колониями были много ниже голландских и даже английских. В 1664 г. на особом совещании под председательством короля Кольбер так характеризовал положение: «В Вест-Индии, откуда идут сахар, краски, табак и хлопок и где французы занимают различные острова, вся торговля находится в руках голландцев. Торговля с Левантом еще немного ведется через Марсель и почти целиком разорена неумелым управлением французских консулов, которые учреждены в результате договоров, заключенных в турецких городах Леванта с султанами. Торговля Балтийского и Северного морей находится в полном и беспорном владении голланд-

цев. Остается торговля внутри королевства...»¹. В 1664 г. Кольбер восстановил организованные еще при Ришелье, но пришедшие в упадок ост-индскую и вест-индскую компании, стремясь превратить их в источники обогащения королевского двора. Однако слабая ориентировка в колониях, воровство начальствующего состава экспедиций и колониальной администрации, бюрократическая опека правительства, с одной стороны, и конкурентная борьба Голландии и Англии — с другой, снижали выгодность колониальной торговли,— в результате поставленная задача оправдывалась далеко не в полной мере.

Совершенно очевидно, что при всех этих условиях такой знаток Индии, как Бернье, был очень ценен для Кольбера в вопросах колониальной политики и особенно при выработке плана действий отправившейся в 1669 г. в Индию вооруженной экспедиции из шести мощных для того времени военных кораблей. В наказе Кольбер писал: «...Единственная и исключительная цель, предположенная его величеством, совершающим столь большой расход, как посылку значительной эскадры кораблей на долгое время, заключается в том, чтобы поставить компанию на столь крепкие и прочные основания, что она могла бы держаться самостоятельно, расти и процветать своими собственными силами»². Для придворной знати Бернье был интересен не только рассказами об Индии, но и потому, что на его рассказах проверялись предположения о лучших и наиболее легких способах обогащения за счет Индии. Необходимо отметить, что паразитарная феодальная верхушка в поисках средств усиленно культивировала при дворе версию о якобы неограниченном праве короля на земли и имущество своих подданных, подготавливая этим самым условия для экспроприации не только жалкого имущества трудящегося крестьянства и ремесленников, но и земель и собственности некоторой части буржуазии, средних и мелких феодалов. Рассказы Бернье о восточных деспотиях были использованы придворными кругами для еще большего муссирования выгодной для них версии.

¹ Хрестоматия по социально-экономической истории Европы, под редакцией Волгина, стр. 278.

² Там же, стр. 300.

В одном из тайно распространявшихся в то время памфлетов против короля и его придворных указывалось на следующий факт: «При Кольбере серьезно обсуждается вопрос, не может ли король вступить во владение всеми землями Франции, нельзя ли обратить все земли в королевский домен и сдавать их, кому захочет двор, не обращая внимания ни на давность владения, ни на наследственные, ни на какие бы то ни было другие права. Кольбер послал за одним знаменитым путешественником, который прожил несколько лет при восточных дворах, и долго расспрашивал его о том, как управляют на Востоке государственными землями. Разговор заставил путешественника написать письмо к Кольберу, в котором путешественник показывает, что ужасная восточная тирания обратила в пустыни самые прекрасные страны Востока. На Востоке никто больше не имеет земли на правах собственности; вот почему никто там не заботился о земле»¹. Вряд ли будет ошибкой предположить, что всесильный Кольбер оказал большое влияние на характер записки Бернье; отсюда очевидно, что дальновидный Кольбер и Бернье были далеки от идеализации восточных деспотий. Итак, книга Бернье, с одной стороны, вооружала французский абсолютизм в его колониальной политике в Индии, способствовала последующему (1674—1783 гг.) расширению французских владений в Индии, а с другой стороны, явилась средством для оппозиционных слоев в борьбе против абсолютизма.

V Методология книги Бернье.

Краткая политико-экономическая характеристика Индии в годы Аурангзеба

Книга Бернье состоит из ряда отдельных работ, написанных им в разное время и в различных условиях. «Записка Кольберу» и «История последних политических переворотов в государстве Великого Могола» были написаны во Франции, по возвращении из Индии, в 1669—1670 гг.; письмо де ла Мот ле Вайе, датированное 1/VII 1663 г., написано из Индии, а письмо Шапелену от 4/X 1667 г. отправлено было из Шираза на обратном пути из Индии во

¹ *Савин*, Век Людовика XIV, ГИЗ, 1930 г., стр. 18.

Францию. Общей характерной чертой для всех этих работ Бернье является острая наблюдательность автора, способность подмечать наиболее главное и существенное, что и было отмечено Марксом и Энгельсом.

Бернье был в полном смысле слова ярким представителем своего времени, так же как его учитель Гассенди, оказавший на него огромное влияние. В методологическом отношении Бернье очень и очень напоминает Гассенди, поэтому оценка Гассенди, данная Марксом, во многом относится к Бернье. Гассенди был видной фигурой среди материалистов XVII века. Он выдержал ожесточенные бои против метафизиков, в частности против идеалиста Декарта. Маркс так характеризует Гассенди: «Метафизика XVII столетия, главным представителем которой во Франции был Декарт, должна была со дня своего рождения вести борьбу с материализмом. Материализм выступил против Декарта в лице Гассенди, возродившего эпикурийский материализм»¹. Гассенди, выдающийся физик, математик и философ, возродивший атомистическую философию и этику Эпикура, был однако далеко не последовательным материалистом. Одновременное существование господствующих феодальных элементов с нарождающейся буржуазией являлось характерной чертой для Франции XVII века, что отражалось в идеологии Гассенди в виде эклектизма и попыток примирения материализма Эпикура с католицизмом. Маркс резко подчеркивает эту черту Гассенди: «Гассенди, освободивший Эпикура от интердикта, наложенного на него отцами церкви и всеми средними веками, этой эпохой воплощенного в жизнь бессмыслия, дает в своих очерках один только интересный момент. Он старается как-нибудь примирить свою католическую совесть со своим языческим знанием, Эпикура с церковью. Но это конечно был напрасный труд»². Бернье в методологическом отношении был последовательным учеником своего учителя. Мы не касаемся здесь комментаторских работ, написанных Бернье о Гассенди. В своей книге об Индии Бернье является, так же как и его учитель Гассенди, идеологическим выразите-

¹ Маркс и Энгельс, Собр. соч. т. III, «Святое семейство», стр. 155.

² Маркс и Энгельс, Собр. соч., т. I, «Предисловие к докторской диссертации», стр. 25.

лем компромисса абсолютистского феодализма и нарождающейся буржуазии Франции. Основную причину падения феодальных восточных деспотий Бернье видит в отсутствии частной собственности на землю, в забвении закона «мое» и «твое». «Но было бы более целесообразным не только для подданных, но и для самого государства и государя, чтобы этот последний, как в наших государствах и королевствах, не являлся единственным собственником всех земель в государстве, чтобы у частных лиц было бы, как у нас, «мое» и «твое», — пишет Бернье в записке к Кольберу. Глубокие классовые противоречия французской феодальной монархии не могли пройти незамеченными для наблюдательного и вдумчивого Бернье. Несомненно, что Бернье по своему социальному положению и мировоззрению стоял ближе к третьему сословию, чем к феодальной верхушке. Однако Бернье не выступает с оппозицией против королевской власти. Он, как и вся буржуазия XVII века, искал компромисса с королевской властью, с феодализмом. Бернье не видит другой формы власти кроме королевской, другой государственной системы кроме монархии. Однако Бернье хотел бы придать феодальному абсолютизму буржуазный характер: за почтительными выражениями по адресу королевской власти, за похвалами преуспеванию экономики Франции сквозит беспокойство за дальнейшие судьбы существующего строя. «Не дай бог, чтобы наши европейские монархи стали собственниками всех земель, которыми владеют их подданные. Тогда их государства оказались бы далеко не в том состоянии, в котором они находятся, не такими обработанными, населенными, хорошо застроенными, богатыми, культурными и цветущими, какими мы их видим теперь». Бернье нарочито умалчивает о политическом бесправии, жесточайшей эксплуатации, нужде, забитости трудящихся масс Франции. Его волнуют судьбы эксплуататорских классов, и он взывает к чувству самосохранения каждой из их прослоек: «Куда девались бы все эти князья, прелаты, дворянство, богатые буржуа, крупные купцы и славные ремесленники таких городов, как Париж, Лион, Тулуза, Руан и, если хотите, Лондон и много других». Итак — спасение в сохранении и развитии принципа «мое» и «твое», в укреплении «хорошего королевского управления». Бернье не похож на глашатаев

Великой буржуазной революции 1789 г., так же как нарождающаяся буржуазия XVII века, всячески искавшая компромисса с абсолютизмом, была не похожа на воинствующую буржуазию конца XVIII века, отправившую на гильотину Людовика XVI, разрушившую феодальные отношения.

Книга Бернье дает огромный и большей частью достоверный материал, характеризующий крупнейшие политико-экономические сдвиги, происходившие в Индии в течение XVII века и особенно в годы пребывания Бернье в Индии. Изложение конкретных событий Бернье дает живо и подчас красочно, подмечая в них наиболее характерное. Однако Бернье, будучи выразителем идеологии компромисса нарождающейся буржуазии и феодального абсолютизма, *был не в силах вскрыть полноту основных причин*, подготовивших, говоря словами Бернье, «политические перевороты в государстве Великого Могола». В этом, по нашему мнению, заключается *основной методологический порок* книги Бернье. Для правильного понимания многочисленных событий, описанных Бернье, являющихся показателями глубоких политико-экономических сдвигов в Индии, сдвигов, которые обусловили неизбежность последующей потери Индией политической и экономической самостоятельности, необходимо, по нашему мнению, из целого ряда возникающих вопросов осветить три следующих:

1) политико-экономические причины, приведшие империю Великого Могола к полному и окончательному развалу вскоре после смерти Ауренгзеба;

2) роль ожесточенно конкурировавших между собой торговых компаний европейских стран в углублении и ускорении развала империи Великого Могола;

3) причины победы Ауренгзеба,—вернее, стоявших за ним социальных сил—в междоусобной борьбе и неспособность приостановить возрастание экономического и политического кризиса. Последний вопрос имеет прямое отношение к множеству конкретных событий, описанных Бернье.

«Политические перевороты в государстве Великого Могола», описанные Бернье, являлись выражением глубокого экономического и политического кризиса, основы которого заключались в самой системе экономического

и политического управления Могольской империи. В середине XVII века, т. е. к началу событий, описанных Бернье, на территории, составляющей современную Индию, существовал ряд государств, важнейшим из которых являлась империя Великих Моголов, простиравшаяся к северу от реки Нарбуды, включая Кашмир и часть территории, занимаемой современным Афганистаном,—на севере, большую часть Бенгалии—на востоке, Гуджерат и территории реки Инд—на западе. В центре Деккана, к югу от реки Нарбуды, были расположены крупные султанаты: Бидар, Кандеши, Ахмеднагар, Голконда, Биджапур. Первые три были по существу дела провинциями Могольской империи, требовавшими большого надзора вследствие более опасных, чем в других частях империи, заговоров, интриг. Голконда и Биджапур, будучи вассальными государствами по отношению к Могольской империи, сохранили независимость внутреннего управления. На юге Деккана, на базе некогда могущественного государства Виджайнагара, распавшегося в 1565 г., существовал ряд мелких самостоятельных княжеств, называемых *Nayaks*. Голконда и Биджапур, враждуя друг с другом и защищаясь одновременно от притязаний Могольской империи к полному подчинению их, обычно были в союзе то с тем, то с другим из южных княжеств. Взаимные разрушительные войны были обычным явлением юга Индии. На восточной границе Могольской империи находились государства Аракан, Пегу, Ава, Сиам. Английский историк Индии Морелэнд указывает, что на восточной границе «война могла вспыхнуть в любой момент»¹.

На севере уже многие десятилетия велись упорные войны между империей Моголов, Ираном, Турцией, ханствами Средней Азии за преобладание над сухопутными торговыми путями.

Экономическим и политическим кризисом были поражены все без исключения государства Индии. Непрерывное состояние войны между отдельными государствами, массовые восстания крестьянства, городских ремесленников, повсеместное распространение бандитизма, заговоры отдельных феодалов и их групп против центральной власти,

¹ *Moreland, From Akbar to Aurengzeb*, p. 2—20.

массовый голод, эпидемии были характерными явлениями всего XVII века и особенно середины его. Основная причина глубокого экономического и политического кризиса заключалась в том, что существовавшая издавна жесточайшая феодально-чиновничья, торгово-ростовщическая эксплуатация непосредственных производителей усилилась в огромной степени вследствие изменения мировых торговых путей. Упадок старых, привычных и выгодных для экономики Индии сухопутных торговых путей с Китаем, Африкой, Европой, при одновременном возрастании новых океанских торговых путей, находившихся в обладании торговых компаний европейских стран—Португалии, Дании, Голландии, Англии, а затем Франции, оседание огромных прибылей от торговли о-вне Индии, усиливали внутренние экономические и политические противоречия уже в течение всего столетия, предшествовавшего периоду, описанному Бернье. Империя Великих Моголов, еще при Акбаре получившая выход к морю, к началу XVII века утратила самостоятельность в прибрежной торговле вдоль берегов Индии и Персидского залива. Эта торговля была почти целиком монополизирована Португалией. Возраставшее давление центральной государственной власти, местных феодалов, торгово-ростовщического капитала на массы крестьянства и городских ремесленников усиливало разорение и разложение сельских общин, однако не имело своим результатом создание нового способа производства. Усилившаяся феодально-чиновничья, торгово-ростовщическая эксплуатация привела в середине XVII века к прекращению сельскохозяйственного и ремесленного производства в деревнях и городах целых районов Индии. В результате возросли классовые противоречия между крестьянской массой, городскими ремесленниками—с одной стороны, и феодалами, торгово-ростовщическими элементами—с другой; возросли противоречия между отдельными феодалами, группами их и между феодальными государствами. Войны с целью ограбления стали для многих феодалов средством компенсации уменьшившихся доходов, что еще более углубляло кризис.

Войны Великих Моголов, начиная с Акбара и кончая Аурангзебом, велись главным образом с целью подчинения приморских княжеств, т. е. за контроль над

возраставшей морской торговлей через порты Индийского океана. Однако обстановка в приморских районах уже в первых десятилетиях XVII века резко отличалась от обстановки предшествовавшего периода. Войскам отца Ауренгзеба — Шах-Джехана, а затем войскам самого Ауренгзеба пришлось иметь дело не только с приморскими феодалами, торгово-ростовщическими элементами и подчиненными им крестьянскими массами и городскими ремесленниками, но и с сильными торговыми компаниями европейских стран, имевшими свои вооруженные отряды, вооруженные укрепления, крупные по тому времени морские флоты, совершенно недоступные Могольской империи, не имевшей своего морского флота. Торговые компании европейских стран к середине XVII века внедрились на побережья Индии настолько, что многим местным феодалам и приморскому торгово-ростовщическому капиталу было выгоднее иметь дело с ними, чем с империей Могола. Приведем несколько примеров. Морелэнд¹ дает пространное описание деятельности (1620—1670 гг.) крупнейшего купца-миллионера из Сурата—Вирджи Вора. Вирджи Вора торговал всеми без исключения товарами, экспортируемыми из Индии: кораллами, пряностями, хлопчатобумажными изделиями, а также золотом, серебром, драгоценными камнями и пр. Он держал в своих руках торговлю тех портов Малабарского побережья, где не было иностранных компаний. Его приказчики были в Ахмед-абаде, Агре, Голконде, на восточном побережье Индии; он имел связь с Явой, Басрой. Он скупал огромные партии товаров у иностранных компаний и переправлял их вглубь Индии. Торговые компании считались с ним: известно, что он субсидировал компании, особенно английскую, крупными суммами. «Всесильный, он все же не всегда был в состоянии ладить с местными властями: в 1638 г. он был посажен под арест в суратскую тюрьму местным могольским эмиром Мази-уз-Заманом, за что тот впоследствии был смещен с должности приказом Великого Могола» (Морелэнд). Вирджи Вора характерен тем, что он представляет тип крупного торговца посредника, тесно связанного с европейскими компаниями и недоволь-

¹ *Moreland, From Akbar to Aurengzeb, 153—157.*

ного порядками в Могольской империи. Морелэнд упоминает о ряде других подобного же типа купцов: Малайе, Джагат Сэте и др., а также о многочисленных брокерах, или посредниках, европейских торговых компаний из числа индийских купцов, игравших значительную роль в торговле. Бернье в своей книге приводит тип другого коммерсанта-феодала—крупнейшего чиновника, одновременно эмира, Джемла, достигшего, несмотря на свое незнатное происхождение, крупнейшего влияния. Эмир-Джемла представляет собою яркий тип сочетания феодала, чиновника, торговца, ростовщика одновременно, яркий тип срастания феодальной государственной власти с торгово-ростовщическим капиталом.

Возвращаясь к вопросу о направлении войн Могольской империи, необходимо отметить, что Великие Моголы Джахан-Гир, Шах-Джахан и Аурэнгзеб вели войны также и на севере в целях сохранения и расширения выгод сухопутной торговли, но тщетность этих попыток была по существу уже предрешена ростом оборотов морской торговли, усилением европейских торговых компаний.

Торговые компании европейских стран вели ожесточенную борьбу между собой за монопольное преобладание в торговле с Индией, за подчинение прибрежных районов своему влиянию, а затем и за их захват. В первой половине XVII века основными конкурентами в морской торговле с Индией были португальская, голландская и английская торговые компании. Вооруженный флот английской Ост-индской компании, созданной в 1600 г., нанес в 1613 г. тяжелое поражение португальскому флоту при Сурате. Английская компания вскоре стала преобладающей на побережьях Гуджерата, в Синде, в Агре. В 1639 г. английская компания приобрела порты Мадрас, Сен-Томе, затем ряд опорных пунктов в Хугли (устье Ганга в Бенгалии), а в 1661 г. укрепленный остров Бомбей. Экономическому, политическому и территориальному расширению английской Ост-индской компании способствовало ослабление португальской компании, вследствие общего упадка морского могущества Португалии, обострение противоречий в империи Моголов, а также изменение объектов торговли с Индией. Португальцы впервые появились в Индии в 1498 г. Они вели выгодную для них тор-

говлю главным образом через два порта: Сурат и Гоа. Охватывая лишь незначительную часть возможного из Индии экспорта (вывозя преимущественно пряности), Португалия все свои основные силы и средства концентрировала на островах Океании, в торговле с Китаем, но в то же время всячески препятствовала другим странам торговать с Индией. Препятствовала она также прибрежной торговле империи Моголов и других индийских княжеств. Экспорт хлопчатобумажных изделий из Гуджерата, Пенджаба морским путем был блокирован португальцами в течение длительного периода. Правительство Могольской империи поощряло голландскую компанию (созданную в конце XVI века), а затем английскую в борьбе против португальской монополии.

Английская Ост-индская компания впервые организовала относительно большой вывоз из Индии хлопчатобумажных изделий вначале в Китай, а затем преимущественно в Европу, что соответствовало интересам феодальной власти и торгово-ростовщического капитала Могольской империи. Это являлось одной из важных причин указанного нами быстрого расширения английской компании в Индии. Однако усиление ее лишь частично соответствовало интересам центрального могольского правительства, поскольку это одновременно ослабляло португальскую монополию. Эти частичные интересы были вскоре же перекрыты все возрастающей грозной опасностью для Могольской империи потерять приморские районы в пользу английской компании. Отец Ауренгзеба Шах-Джехан, а затем сам Ауренгзеб, будучи Великим Моголом, именно по этой причине вели войны с Ост-индской компанией. Следует указать, что война Ауренгзеба с английской компанией в 1685 г. окончилась победой компании, и эта победа значительно усилила рост сепаратизма внутри империи, с одной стороны, и еще более усилила внедрение английской компании в глубь страны, особенно в Бенгалии—с другой. Торговые компании европейских стран и особенно английская всячески разжигали розни в империи, обостряли внутренние противоречия. Например в годы голода (1630, 1650) английская компания скупала всю пшеницу в Сурате и других районах Гуджерата, а затем спустя месяц продавала ее в 5—8

раз дороже. Подкупами, интригами, заговорами компании добивались назначения, или смещения нужных им должностных лиц в городах и районах, для нее наиболее значительных. Однако надо подчеркнуть тот факт, что главная причина развала империи и потери Индией экономической и политической самостоятельности заключалась в экономической и политической структуре империи. Феодално-чиновничий произвол, растущая паразитическая эксплуатация торгово-ростовщического капитала вкупе разрушали производительные силы. *Гибла основная производительная сила—крестьянство и городские ремесленники*, а паразитирующие феодалы, торговцы, ростовщики не были в состоянии ни создать новый способ производства, ни приостановить растущий экономический и политический кризис. Сельская община—основная экономическая основа—опустошалась. Сотни тысяч людей ежегодно гибли от непрерывных и многочисленных войн и междоусобиц. Засуха, наводнения превращались в социальные бедствия. Многочисленные массовые восстания доведенных до отчаяния крестьян и ремесленников против центральной власти и местных феодалов являлись ярчайшими выразителями экономического и политического кризиса в Индии. Восстание джатов в Пенджабе в начале XVII века, массовые голодовки и бунты в Гуджерате, Голконде, Ахмеднагаре, на Карамандельском побережье в 1630, 1635, 1640, 1645—1646, 1650, 1659—1660 гг. и другие кровопролитные войны махраттов против центральной могольской власти (1670-е годы) сотрясали Могольскую империю и другие государства Индии и являлись крупнейшим фактором в окончательном развале Могольской империи.

Ауренгзеб победил в междоусобной борьбе, временно смирил сепаратистские тенденции, территориально расширил империю, но ни в какой мере не устранил основных причин растущего экономического и политического кризиса. Кризис продолжал расти и углубляться по тому же основному направлению:

а) Значительно возрос налоговый гнет крестьян и ремесленников. Например земельный налог, взимаемый ранее с фактически обрабатываемой площади, был заменен повышенным налогом со всей земли, числящейся за об-

щиной и соответственно за каждым хозяйством. Были повышены налоги на соль, табак, введены новые налоги при переезде из одного города или района в другой, на транспортируемые грузы и т. д.¹.

б) Методы выколачивания налогов стали жестче, расправы с неплательщиками свирепее, сроки откупов на сбор налогов были сокращены. Например в центральном Деккане широко практиковалась сдача сбора налогов на откуп сроком на один год, что усилило массовое разорение непосредственных производителей и прекращение процесса производства в ряде районов.

в) Расширена была практика сбора налогов серебром в ряде районов Бенгалии, Деккана, особенно по побережью, что еще более расширило сферу внедрения паразитического торгово-ростовщического капитала.

г) Вымирание непосредственных производителей—крестьянства, деревенских и городских ремесленников—продолжалось. Вымирал рабочий скот. Забрасывалось ремесло в городах, земля в деревнях.

д) Усиливались позиции европейских торговых компаний, росли их экономические и территориальные приобретения, расширялось их политическое влияние. Особенно усилилась английская, а затем, с конца XVII века, французская компании. Огромные богатства выкачивались из Индии. Торгово-ростовщический капитал Индии отодвигался на все более и более пассивную, подчиненную роль по отношению к европейским торговым компаниям. Подкупы феодалов-чиновников, заговоры, интриги приняли новое направление: главный водораздел шел по линии за или против торговой компании данной страны, например английской, французской.

Ауренгзеб победил в междоусобной борьбе конечно не только потому, что он, как указывает Бернье, был выдержаннее, хитрее своих братьев и других крупнейших феодалов, а потому, что он сумел опереться на элементы (феодално-чиновничьи, торгово-ростовщические), экономические и политические интересы которых были тесно связаны с торговыми путями к морским портам, с морской торговлей. Можно безошибочно предположить, что нема-

¹ Moreland, Form Akbar to Aurengzeb. p. 263.

лую роль в успешной борьбе Ауренгзеба за верховную власть в империи, а также в его последующем временном укреплении играли европейские торговые компании, причем они же являлись немаловажным фактором в окончательном развале империи.

Необходимо отметить весьма характерный факт: Бернье, описывая борьбу Дара с Ауренгзебом, неоднократно указывал, что если бы Дара после поражения в Агре и Дели обосновался на севере—в Пенджабе, Кабуле, Кандагаре, то он в подходящий момент смог бы нанести сокрушительный удар войскам Ауренгзеба и забрать верховную власть в империи. Совершенно очевидно, что на севере Индии феодальные и торгово-ростовщические элементы имели резко отличные экономические и политические интересы от интересов феодалов, торговцев-ростовщиков юга Индии. Упадок сухопутных мировых торговых путей, к которым в течение ряда столетий тяготел север Индии, малая доступность сухопутных и речных путей на юг, по направлению к морским портам, вследствие непрерывных войн, междоусобиц особенно остро чувствовались на севере Индии. Поэтому вполне закономерно, что в Пенджабе конец XVII века и почти весь XVIII век прошел под знаком борьбы против центральной могольской власти, а затем против собственных феодалов (движение сикхов). Итак, к концу XVII века достаточно определенно обозначились основные предпосылки, приведшие Индию к потере ее экономической и политической самостоятельности, однако потребовалось еще 150 лет кровавой войны, для того чтобы британский капитал окончательно поработил Индию.

Книга Бернье ценна тем, что она дает богатый конкретный материал об Индии в период, предшествовавший превращению ею в колонию британского капитала.

А. ПРОНИН

ИСТОРИЯ
ПОСЛЕДНИХ
ПОЛИТИЧЕСКИХ
ПЕРЕВРОТОВ
В ГОСУДАРСТВЕ
ВЕЛИКОГО
МОГОЛА

Желание увидеть свет побудило меня отправиться в Палестину и Египет, но не позволило остановиться на этом; у меня возникло намерение ознакомиться с Красным морем с одного конца его до другого. Я выехал из большого города Каира, где я прожил более года, и в 32 часа караванного пути добрался до Суэца, где сел на галеру, доставившую меня через 17 дней в порт Джидду на расстоянии полудня пути от Мекки. Тут мне пришлось против ожидания и вопреки обещанию, данному мне беem Красного моря, высадиться на эту якобы священную землю Магомета, куда не смеет ступить нога христианина, если он не раб. В Джидде я пробыл 34 дня, после чего сел на небольшое судно, которое через две недели доставило меня вдоль берегов *счастливой Аравии*¹ в Моку, вблизи Баб-эль-Мандебского пролива. Оттуда я собирался проехать на остров Массову и в Аркико, чтобы затем добраться до Гондера, столицы страны *Гобеш, или эфиопского царства*². Однако я узнал, что, с тех пор как вследствие интриг царицы-матери все португальцы там были перебиты или изгнаны вместе с иезуитом-патриархом, привезенным ими из Гоа, для католиков там стало небезопасно; один бедный капуцин даже лишился головы в Суакене за то, что хотел проникнуть в страну. Правда, выдавая себя за грека или армянина, я рисковал меньше, и, если бы царь

нашел, что я смогу ему быть в чем-либо полезен, он дал бы мне землю для обработки при помощи рабов, которых я мог купить, если бы имел деньги. Но при этом меня неизбежно принудили бы жениться, как недавно заставили это сделать одно духовное лицо, проникшее туда под видом греческого врача, и уже потом никогда не позволили бы покинуть страну.

Эти соображения, а также еще и некоторые другие, о которых я может быть скажу в дальнейшем, побудили меня изменить планы. Я сел на индийский корабль, проехал через пролив и двадцать два дня спустя прибыл в порт Сураат в Индостане, в империи Великого Могола³. Там, как я узнал, царствовал в то время Шах-Джехан, что значит «царь мира». Как гласила история страны, он был сыном Джехан-Гира, т. е. «завоевателя вселенной», и внуком Акбара, по-нашему «Великого». Через Гумайона, или «счастливого», приходившегося отцом Акбару, и через других предшественников он был десятым потомком того *Тимур-Ленга*, что означает «хромой государь» (мы его неправильно называем Тамерланом), который так прославился своими победами и женился на своей близкой родственнице, единственной дочери царя народов Великой Татарии, именуемых моголами. Они дали свое имя чужестранцам, нынешним властителям Индостана, страны индусов, или индийцев; однако разные должности и высокие звания, даже в армии, не всегда занимают лица монгольской расы; часто они достаются представителям других народностей, пришельцам из разных стран, преимущественно персам, иногда арабам или туркам. В настоящее время, чтобы считаться моголом, достаточно быть белолицым иностранцем и магометанином; от них отличают индусов, язычников с темной кожей и христиан из Европы, которых называют «франги».

По прибытии я также узнал, что этот «царь мира», Шах-Джехан, более семидесяти лет от роду, имеет четырех сыновей и двух дочерей. Несколько лет назад он всех четырех своих сыновей сделал вице-королями, или губернаторами, четырех самых крупных провинций, или королевств. Менее чем за год до моего приезда он тяжело заболел, и уже думали, что он не поправится. Это обстоятельство посеяло раздор между четырьмя братьями, которые все претендо-

вали на престол, и между ними возгорелась война, тянувшаяся около пяти лет, которую я и собираюсь описать, так как был очевидцем некоторых из важнейших событий и восемь лет состоял при дворе. Судьба и скудость средств, оставшихся у меня вследствие встреч с разбойниками, и расходов, вызванных столь продолжительным путешествием, после сорока шести дней пути от Сурата до Агры и Дели, столиц империи, принудили меня поступить на службу к Великому Моголу⁴ в качестве врача, а немного спустя другое приключение привело меня на службу к Данешменд-хану⁵, ученейшему человеку Азии, занимавшему должность «бакши», или главного начальника кавалерии, и бывшему одним из самых могущественных и уважаемых эмиров, или князей, при дворе.

Старший из этих четырех сыновей Шах-Джехана назывался Дарой, т. е. Дарием, имя второго было Султан-Суджа, что значит «храбрый государь», третий был Луренгзоб, «украшение трона». Последний был Морад-Бакш, что означает «исполненное желание»⁶. Из двух дочерей старшую звали Бегум-Сахоб, т. е. «главная принцесса», а младшую Раушенара-Бегум—«сиятельная принцесса», или «светозарная принцесса». В обычае страны давать такие имена принцам и принцессам. Так, жена Шах-Джехана, столь прославленная за свою красоту и за гробницу, которая с большим основанием заслуживает быть причисленной к чудесам мира, чем неуклюжие громады и груды камней Египта, называлась *Тадж-Магал*, т. е. «венеч сераля», а жена Джехан-Гиры, столь долго управлявшая государством, пока ее муж проводил время в пьянстве и всяких увеселениях, сперва называлась Нур-Магал, а позднее Нур-Джехан-Бегум—«свет сераля, свет мира». Причина того, что принцев и принцесс зовут такими именами, а не по названию земель и княжеств, как в Европе, заключается в том, что вся земля государства принадлежит падишаху; в Индии нет графств или княжеств, имена которых могла бы носить знать. Представители знати состоят на жаловании, которое они получают наличными или доходами с земель и которое падишах волен назначать, увеличивать, сокращать и отнимать по своему усмотрению. Поэтому и эмиры носят только такие имена: один например зовется Раз-Андаз-хан, другой—Сафе-Чекен-хан, третий—

Барк-Андаз-хан, или Дианет-хан, Данешменд-хан, Фазел-хан, т. е. «громовец», «разбивающий ряды» (врагов), «метатель молнии», «верный князь», «ученый», «совершенный», и т. д.

Дара не был лишен хороших качеств: он был любезен в разговоре, находчив, очень вежлив и чрезвычайно щедр; но он был слишком высокого мнения о своей особе, считал себя мастером на все руки и не мог себе представить, чтоб кто-либо мог ему давать советы. Он весьма не деликатно разглашал имена тех, кто давал ему советы, так что даже наиболее преданные ему люди неохотно рисковали раскрывать перед ним интриги его братьев. Кроме того он был очень вспыльчив, угрожал, оскорблял и наносил обиды даже самым высокопоставленным эмирам, или князьям; но затем гнев его угасал так же быстро, как пламя соломы. Хотя он был магометанином и выполнял публично обычные церемонии религии, тем не менее в частной жизни он был язычником с язычниками и христианином с христианами. Около него постоянно находились так называемые *пандиты*, или языческие ученые; он им давал весьма значительные пенсии, а они (как говорят) внушали ему идеи, противоречащие религии страны; их я коснусь в другом месте, говоря о религии индусов, или язычников. С недавнего времени он весьма охотно выслушивал достопочтенного отца Бюзе, иезуита, речи которого ему начали нравиться. Однако некоторые говорили, что в сущности у него вовсе не было религии и что все его поступки в этом отношении не более, как любопытство и забава или, как говорили другие, политика, средство привлечь к себе христиан, довольно многочисленных в его артиллерии, и особенно заслужить любовь раджей, т. е. языческих властителей, данников империи, чтобы в случае надобности иметь их на своей стороне. Как бы то ни было это не очень подвинуло его дела; напротив, как мы увидим дальше, это послужило предлогом Ауренгзебу отрубить Даре голову, обвинив его в том, что он был кафиром, т. е. неверным, язычником, человеком без религии.

Султан-Суджа был приблизительно такого же нрава, что и Дара, но он был более скрытен и тверд, более ловок и умел лучше вести себя; он был вполне способен успешно проводить интриги и умел потихоньку привлечь к себе

друзей посредством подарков, которые он делал важным эмирам, особенно влиятельным раджам, как например Джессомсенгу и некоторым другим. Зато он пожалуй слишком предавался удовольствиям, имел невероятное количество жен и, попадая в их среду, дни и ночи проводил в попойках, пении и танцах; он дарил им богатые одеяния, увеличивал или сокращал по своему усмотрению их пенсии. Трудно было заслужить его милость тем, кто старался извлечь его оттуда. Вследствие этого дела иногда у него подолгу оставались без решения, и у многих пропадало желание с ним связываться.

Он перешел в религию персов, хотя Шах-Джехан и все его братья принадлежали к религии турок. Магометанство распадается на несколько сект; это побудило знаменитого *шейха Сади*, автора «*Гулистана*»⁷, сказать в двестишести стихах: «Я—*дервиш* и любитель выпить, у меня как будто нет религии; меня знают все семьдесят две секты». Но среди этих сект имеются две главных; их сторонники—смертельные враги друг другу. Первая—секта турок, которых персы зовут Османлу, как бы сторонниками Османа, так как турки считали его истинным и законным преемником Магомета, великим халифом, или первосвященником, который один имел право толковать коран и разрешать затруднительные случаи, встречающиеся в законе. Вторая—секта персов; их турки зовут «*шия*», «*рафези*», «*али-мердани*» (раскольниками, еретиками, приверженцами Али)⁸, ибо они в отличие от турок полагают, что эта преемственность и первосвященническая власть, о которой я только что упомянул, принадлежала всецело Али, зятю Магомета. Султан-Суджа перешел на сторону этой секты из государственных соображений: так как все персы—шииты, а они или их дети являются большей частью самыми могущественными при дворе Могола и занимают важнейшие должности в государстве, то он надеялся, что при случае они все перейдут на его сторону.

У Ауренгзеба не было ни такого изящества ума, ни такой поразительной приветливости, как у Дары; но он казался более рассудительным, хорошо разбирался в людях, умел выбирать тех, которых хотел использовать, и знал кого и когда осыпать щедротами. Он был скрытен, хитер и до такой степени лицемерен, что долгое время прикидывал-

ся факиром⁹, т. е. бедняком, дервишем¹⁰, преданным вере, отказавшимся от мира; он притворялся, будто нисколько не претендует на престол, а только мечтает о тихой жизни, молитве и благочестивых делах. При этом он неустанно интриговал при дворе, особенно после того как был назначен вице-королем Деккана¹¹. Но делал это очень ловко, почти незаметно. Он сумел поддерживать дружбу со своим отцом Шах-Джеханом, который хотя и питал большую привязанность к Даре, но не мог не выказывать своего уважения к Ауренгзебу, считая его способным царствовать. Это вызывало сильную ревность у Дары, который иногда даже не мог удержаться и говорил своим друзьям: «Из всех моих братьев я опасюсь только этого немази», т. е. этого святошу, этого великого молитвенника.

Морад-Бакш, младший из братьев, был вместе с тем наименее ловким и наименее рассудительным. Он думал только о развлечениях, выпивках, охоте, стрельбе из лука. Однако и у него были свои достоинства. Он был очень вежлив и очень щедр. Он почитал за честь ничего не скрывать, презирал дворцовые интриги и открыто хвалился, что возлагает все свои надежды только на свою руку и меч. Действительно он был очень храбр, и если бы эта храбрость сочеталась с большой выдержкой, то, как будет видно из дальнейшего рассказа, он мог бы одолеть всех своих братьев и стать правителем Индостана.

Что касается дочерей, то Бегум-Сахев была очень красива и умна, и отец страстно ее любил; ходили даже слухи, будто любовь его достигала пределов, какие трудно себе представить; в свое оправдание он говорил, что согласно решениям мулл, т. е. знатоков законов, человеку позволено есть плоды дерева, которое он сам посадил. Он ей настолько доверял, что поручил ей свою охрану и надзор за тем, что подавалось к столу. Она превосходно умела влиять на своего отца и в самых важных делах склонять его на желанную для себя сторону. Она была очень богата, получая громадное содержание и большие подарки, преподносимые ей со всех сторон за хлопоты по делам, и много тратила, будучи очень щедрой в расходах. Она была исключительно привязана к Даре, стояла на его стороне и открыто высказывалась за него. Это немало способствовало успеху Дары и сохранению дружбы его с отцом, ибо она

его во всем поддерживала и предупреждала, когда нужно. Однако это происходило не потому, что оба они были старшими в семье, как говорилось в народе, а потому, что он обещал, как только станет царем, выдать ее замуж, чего почти никогда не делают в Индостане, так как муж принцессы неизбежно становится весьма могущественным и потому всегда находится в подозрении, что он стремится завладеть короной. Кроме того цари так высоко ценят свою кровь, что не считают возможным найти партию, достойную их дочерей.

Я позволю себе сказать мимоходом несколько слов о любовных интригах этой принцессы, несмотря на то что она заперта в серале¹² и ее сторожат не хуже других. Я не боюсь нареканий, что я готовлю материал для какого-нибудь автора, пишущего романы. Это не любовные интрижки вроде наших, с галантными и комическими приключениями. За ними всегда следуют происшествия ужасные и мрачные.

Говорят, что принцесса сумела ввести в сераль молодого человека не высокого звания, но красивого и хорошо сложенного. Среди стольких завистливых и ревнивых женщин она не смогла сохранить дело в тайне. Скоро об этом узнал Шах-Джехан и решил захватить ее врасплох, сделав вид, что желает посетить ее. Принцесса при внезапном появлении Шах-Джехана только успела спрятать несчастного в большой ванный котел; невозможно было сделать это так незаметно, чтобы Шах-Джехан не догадался, однако он не стал бранить ее и осыпать угрозами, но завел долгую беседу, как обычно, а под конец сказал, что находит ее очень грязной, что ей необходимо вымыться и почаще брать ванны; он грозно приказал, чтобы развели немедленно огонь под котлом, и не ушел из комнаты, пока евнухи не дали ему понять, что с несчастным покончено.

Несколько времени спустя она предприняла нечто другое, назначив своим кан-и-заманом, по-нашему управляющим делами, или дворецким, некоего персиянина по имени Назер-хан; это был молодой эмир, самый изящный и хорошо сложенный из всех придворных, обладавший и сердцем и честолюбием. Его все любили; Шах-Гест-хан¹³, дядя Ауренгзеба, даже предложил женить его на принцессе.

Но Шах-Джехан очень плохо принял это предложение, а когда ему открыли некоторые тайные интриги, имевшие место в связи с этим, он решил избавиться от Назер-хана и немедленно привел это в исполнение. Он, как бы в виде почести, подарил ему «бетель», который, по обычаю страны, надо немедленно начать жевать. Бетель—это пакетик из очень нежных листьев с небольшой примесью извести от морских раковин; от него рот и губы делаются красными и дыхание приятным. Молодой вельможа не мог и подумать об отравлении; он вышел из собрания радостный и довольный и сел в свой паланкин, но яд был настолько силен, что домой прибыло лишь его бездыханное тело.

Раушенара-Бегум никогда не считалась ни столь красивой, ни столь умной, как Бегум-Сахед, но она была не менее веселой и жизнерадостной и столь же мало была врагом удовольствий, как и Бегум-Сахед. Она была исключительно предана Ауренгзебу и потому стала врагом Бегум-Сахед и Дары. По этой причине средства ее были невелики, и она мало принимала участия в делах, но, живя в серале, она как женщина неглупая и к тому же имевшая своих шпионов узнавала многое весьма важное, о чем тайно сообщала Ауренгзебу.

За несколько лет до смуты Шах-Джехан, видя перед собой четырех принцев, всех в зрелом возрасте, женатых, претендующих на престол, тайно интригующих и враждующих между собой, был в большом затруднении, как с ними поступить, и опасался за собственную жизнь, как бы предвидя то, что с ним позднее случилось. Запереть их в Гвалиор (крепость, куда обыкновенно запирали принцев, считая ее неприступной, так как она расположена на скале с крутыми склонами, имеет в своих стенах хорошую воду и достаточно провианта для содержания гарнизона) было делом нелегким. Они уже стали слишком могущественными; каждый имел свой двор, да и неприлично было бы их удалить от себя, не дав им в управление каких-нибудь провинций, соответствующих их происхождению; между тем он боялся, что они укрепятся в них и будут разыгрывать роль независимых царьков, что и случилось впоследствии. Однако из опасения, что, оставаясь постоянно при дворе, они перережут друг другу горло на его глазах, он решил их удалить. Он отослал Султан-Суджу в Бен-

гальское королевство, Ауренгзеба—в Деккан, Морад-Бакша—в Гуджерат, а Даре дал Кабул и Мультап. Три первые удалились очень довольные в свои провинции, разыгрывали там из себя царей, удерживали в свою пользу все доходы края и содержали много войска под предлогом необходимости сдерживать подданных и соседей. Что же касается Дары, то, будучи старшим из сыновей и как бы предназначенным для престола, он не удалился от двора, и казалось, что это отвечало намерениям Шах-Джехана, который поддерживал в нем надежду, что после его смерти он будет его наследником. Шах-Джехан даже разрешил принимать от него приказания и позволил ему иметь нечто вроде трона, который стоял ниже его собственного трона, среди эмиров, так что казалось, будто сидят два падишаха. Но так как очень трудно двум самодержцам жить в согласии, то Шах-Джехан относился к Даре подозрительно, хотя тот всегда выказывал ему большую любовь и уважение; особенно он опасался отравы, а зная качества Ауренгзеба и считая его наиболее способным управлять государством, он, как говорят, поддерживал с ним непосредственные сношения. Вот то, что я считал нужным сказать о четырех принцах и их отце Шах-Джехане, так как это необходимо, чтобы понять последующее.

Я не считал возможным умолчать и об обеих принцессах, так как они были в числе наиболее важных действующих лиц трагедии; женщины в Индии, как и в Константинополе и во многих других местах, нередко играют главную роль в крупных событиях, хотя часто на них не обращают внимания и ломают себе голову в поисках других причин этих событий. Для ясности всей этой истории надо начать издали и рассказать, что произошло за некоторое время до смуты между Ауренгзебом, правителем Голконды, и его визирем Эмир-Джемлой¹⁴. Из этого видны будут характер и ум Ауренгзеба, который будет героем всего рассказа и станет падишахом Индии. Взглянем, как Эмир-Джемла заложил фундамент для царствования Ауренгзеба.

В то время как Ауренгзеб находился в Деккане, визирем правителя Голконды и командующим его армиями был, как я только что сказал, знаменитый во всей Индии перс Эмир-Джемла. Он был невысокого происхождения,

но обладал большим опытом в делах, выдающимся умом и способностями великого полководца; он сумел скопить громадные богатства не только от управления этим богатым королевством, но и благодаря торговле на кораблях, которые он рассылал во все стороны, а также благодаря алмазным копиям, которые он арендовал через подставных лиц и где у него работали чрезвычайно усердно; все только и говорили о богатстве Эмир-Джемлы, считая мешками количество его алмазов. Он сумел стать очень могущественным и влиятельным также благодаря тому, что кроме войск короля содержал лично прекрасное войско и в особенности очень хорошую артиллерию с многочисленными «франги», т. е. христианами в качестве командиров.

Словом, он стал столь богат и столь могуществен, особенно после того как сумел ворваться в королевство Карнатика¹⁵ и ограбить там все древние языческие храмы, что король Голконды¹⁶ стал завидовать ему и готовился сыграть с ним плохую штуку; особенно невыносимы были для короля слухи об его интимности с королевой-матерью, которая была еще красивой женщиной. Однако король никому не высказывал своих намерений, терпеливо выжидая возвращения эмира из Карнатика, где он находился с войском.

Но однажды, когда ему рассказали особенные подробности о том, что происходило между королевой-матерью и эмиром, он не смог дольше притворяться и дал волю гневу, брани и угрозам. Об этом вскоре предупредили эмира, так как при дворе было много родственников его жены и все эти родственники и друзья занимали высшие должности; мать короля также об этом скоро узнала. Поэтому эмир написал своему единственному сыну Махмет-Эмир-хану, находившемуся в то время при короле, и приказал ему во что бы то ни стало покинуть двор под видом охоты или под каким-нибудь другим предлогом и приехать к нему. Махмет-Эмир-хан сделал несколько попыток это выполнить, но король установил за ним постоянный надзор, и ни одна попытка не удалась. Это поставило эмира в затруднительное положение и побудило его принять крайне странное решение, вследствие которого королю угрожала опасность потерять свою корону и жизнь. Поистине, кто не умеет притворяться, не умеет царствовать.

Эмир написал Ауренгзебу, который находился тогда в Даулет-Абаде, столице Деккана, в пятнадцати-шестнадцати днях пути от Голконды, и дал ему понять, что король Голконды хочет погубить его и его семью, несмотря на громадные услуги, которые, как все знают, он, эмир, ему оказал. Эта неслыханная несправедливость и неблагодарность побуждают его обратиться к нему с просьбой принять его под свое покровительство. Если же он захочет послушаться его советов и довериться ему, то он так устроит, что отдаст ему в руки и короля и королевство. Это будет легко сделать. «Вам нужно только,—писал он,—взять с собой четыре-пять тысяч конницы из отборных ваших войск и двинуться большими переходами к Голконде, распуская по дороге слух, что едет посол Шах-Джехана, который спешит по важным делам застать короля в Багнагере. Дабир¹⁷, первый, к которому следует обратиться, чтобы о чем-нибудь уведомить короля, мой союзник, мой ставленник, целиком мне предан; позаботьтесь только быстро продвигаться, я же устрою так, что вы прибудете к воротам Багнагера, не будучи узнанным. Когда король, как это полагается по обычаю, выйдет, чтобы получить письма, вы сможете легко схватить его, а затем и все его семейство и поступить с ними по вашему усмотрению; это тем легче, что дом его в Багнагере, где он обыкновенно живет, не огражден ни крепостными стенами, ни рвами, ни укреплениями». Он добавлял, что он проведет это предприятие на свой счет и предложил принцу пятьдесят тысяч рупий в день (приблизительно 25 тыс. экю) за время похода.

Ауренгзев, только искавший подобного случая, не преминул им воспользоваться. Он немедленно пустился в путь и так удачно выполнил свое предприятие, что прибыл в Багнагер неопознанным в качестве посла Шах-Джехана. Король Голконды, уведомленный о прибытии этого мнимого посла, вышел в сад, чтобы согласно обычаю принять его с почестями, и очутился на свое несчастье в руках врага. Десять или двенадцать рабов-грузин собирались уже схватить его, как было предположено, но один эмир, тронутый его положением, не выдержал и, хотя был сторонником и креатурой Джемлы, воскликнул: «Ваше величество, разве вы не видите, что это Ауренгзев? Уходите отсюда, вас схватят». Король, очень напуганный,

уходит, вскакивает на первую попавшуюся лошадь и во весь опор мчится к голкондской крепости, которая находится на расстоянии не больше одной мили оттуда. Ауренгзеб, увидев, что его план расстроился, не смутился, зная, что эмир со своим войском на него не нападет; он немедленно захватил королевский дом, забрал там все, что было ценного и красивого, отослав впрочем королю всех его жен (это свято соблюдается по всей Индии), и затем начал осаду крепости. Однако осада затянулась на два с лишним месяца вследствие того, что не были привезены необходимые орудия, и Ауренгзеб получил от Шах-Джехана приказание прекратить осаду и вернуться в Деккан. Таким образом, хотя крепость была в отчаянном положении из-за отсутствия провианта и военных припасов, он был вынужден бросить свое предприятие. Принц хорошо знал, что Дара и Бегум-Сахев убедили Шах-Джехана дать ему такое приказание из опасения, чтобы он не сделался слишком могущественным. Однако он не выказал никакого неудовольствия и только сказал, что приказы Шах-Джехана надо выполнять.

Впрочем он ушел, сумев втихомолку получить изрядную сумму в возмещение своих путевых расходов; он даже женил своего сына Султан-Махмуда на старшей дочери короля, который обещал сделать его своим наследником, пока же дал в приданое крепость Рам-Гир¹⁸ с округом. Кроме того он добился у короля согласия на то, чтобы вся серебряная монета, которая впредь будет чеканиться в королевстве, носила на одной стороне печать Шах-Джехана, и получил разрешение для Эмир-Джемлы уйти с семейством и имуществом, войском и артиллерией.

Эти два великих человека за короткое время затеяли совместно большие дела: по дороге они осадили и взяли Бидер, одну из самых сильных и важных крепостей Биджапура, откуда они отправились в Даулет-Абад, где настолько подружились, что ни Ауренгзеб, ни эмир не могли прожить и дня, чтобы не повидаться два раза. Их союз продвинул дело вперед и заложил фундамент для царствования Ауренгзеба.

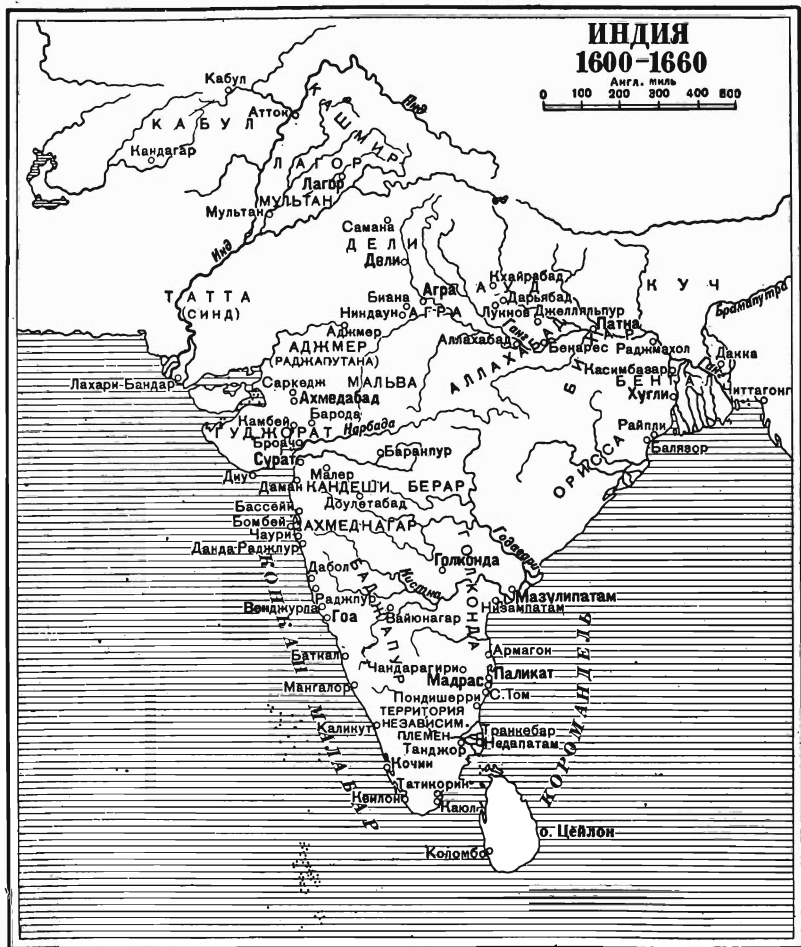
Этот вельможа так ловко устроил, что его несколько раз вызывали к Шах-Джехану; наконец он отправился в Агру с великими и богатыми дарами и предложил ему свои

услуги, побуждая начать войну с королем Голконды, с королем Биджапура¹⁹ и с португальцами. Для начала он поднес ему большой алмаз, не имеющий себе равного²⁰, давая тем самым понять, что камни Голконды ценнее скал Кандагара²¹ (против которого Шах-Джехан замышлял в то время поход) и что именно в сторону Голконды надо направить военные действия и завоевать Индию до мыса Коморин.

Трудно сказать, был ли Шах-Джехан ослеплен алмазами эмира или он, как некоторые считают более вероятным, счел удобным перевести армию на походное положение, чтобы держать в узде Дару: последний явно забирал слишком большую власть; он позволил себе с необыкновенной дерзостью оскорбить визиря Садулла-хана, которого Шах-Джехан очень любил, считая его величайшим государственным человеком, когда-либо бывшим в Индии. Впоследствии Дара даже велел отравить его, видимо за то, что визирь не держал его сторону, а склонялся на сторону Султан-Суджи, или скорее за то, что он показался ему слишком могущественным и способным стать после смерти Шах-Джехана вершителем судеб короны, или же наконец потому, что Садулла-хан, не будучи ни персом, ни уроженцем Персии, а индийцем, насчитывал немало завистников, распускавших слухи, будто он держит в разных местах многочисленные отряды патанов, хорошо оплачиваемых и всегда готовых к бою, так как намерен сам сделаться падишахом или возвести на престол своего сына, во всяком случае прогнать моголов и вернуть престол народу патанов, откуда была родом его жена; так или иначе Шах-Джехан решил послать армию в Деккан под начальством Эмир-Джемлы.

Дара, учитывавший важность предприятия и понимавший, что послать в эту страну войско означает укрепить Ауренгзеба, весьма противился такому решению и прилагал все старания, чтобы помешать походу. Но увидев, что Шах-Джехан упорствует, он был вынужден волею-неволею согласиться. Это было однако сделано с условием, что Ауренгзев останется в Даулет-Абаде только в качестве правителя страны и не будет вмешиваться в военные дела и командовать армией, что эмир будет вполне самостоятельным главнокомандующим и в залог верности оставит при дворе всю свою семью. Эмир с трудом согласился на это

последнее условие, но так как Шах-Джехан просил его уступить Даре и обещал, что вскоре отошлет ему жену и детей, то он уступил и отправился без замедления в

Деккан к Ауренгзебу с прекрасной армией, вступил в земли Биджапура и начал осаду сильной крепости Калиани²².

В таком примерно положении находились дела в Индостане, когда Шах-Джехан опасно заболел. Не буду здесь распространяться о его болезни, ни касаться ее особенностей, скажу только, что она была неподобающей для старца свыше семидесяти лет, который скорее должен был думать о том, чтобы беречь свои силы, а не растрачивать их²³.

Эта болезнь сразу посеяла тревогу и волнения во всем Индостане. Дара собрал мощную армию в Дели и Агре, столицах государства; то же сделал Султан-Суджа в Бенгалии, Ауренгзеб в Деккане и Морад-Бакш в Гуджерате. Все четыре брата собирают вокруг себя своих союзников и друзей; все четыре пишут, обещают и интригуют. Дара, перехватив некоторые из этих писем, показал их Шах-Джехану и поднял вокруг них большой шум; сестра его Бегум-Сахев не упустила случая, чтобы возбудить государя против остальных братьев, но Шах-Джехан не доверял Даре и, опасаясь отравления, приказал следить особенно внимательно за тем, что подавали ему за столом. Говорят даже, что он написал Ауренгзебу, Дара же, узнав об этом, не мог удержаться от угроз и метал грома и молнии. Тем временем болезнь Шах-Джехана затягивалась, и распространились слухи, что он умер. При дворе немедленно воцарился беспорядок, лавки закрылись на несколько дней, и четыре принца стали открыто делать серьезные приготовления, каждый со своей стороны. Сказать по правде, они не без основания готовились к войне: все они прекрасно знали, что им нечего надеяться на пощаду, что нужно, как говорится, победить или умереть, стать государем или погибнуть; они знали, что тот, кто одолевает, отделается от всех своих братьев, как в свое время это сделал со своими братьями их отец Шах-Джехан.

Султан-Суджа, который собрал громадные сокровища в богатой Бенгалии тем, что разорил некоторых раджей, или царьков, этой провинции и выжал громадные суммы из других, первый выступил в поход с большой армией. Надеясь на поддержку всех эмиров-персов, так как он перешел в их секту, он смело двинулся на Агру, заявляя во всеуслышание, что Шах-Джехан умер, что его отравил Дара и он идет отомстить за смерть отца, словом, что он хочет занять престол Дары; этим он заставил самого

Шах-Джехана написать ему, что он запрещает ему двигаться вперед, что его болезнь пустая, что он уже поправляется; но так как у Султан-Суджи были друзья при дворе, утверждавшие, что болезнь Шах-Джехана смертельна, то он продолжал идти вперед, притворяясь, будто уверен, что Шах-Джехан умер и что во всяком случае, если государь жив, он желает поцеловать его ноги и выслушать его приказания.

Немедленно вслед за ним и почти одновременно Ауренгзеб тоже двигается в поход со стороны Деккана, поднимая большой шум и готовясь идти на Агру. Ему посылают такие же запрещения и со стороны Шах-Джехана и со стороны Дары, который присоединяет к этому угрозы. Но он притворяется по тем же соображениям, что и Султан-Суджа, и дает такой же ответ. Однако видя, что финансы у него неважные, а солдаты, находящиеся в его личном распоряжении, немногого стоят, он придумал две хитрости, которые ему прекрасно удалось,—одну в отношении Морад-Бакша, другую в отношении Эмир-Джемлы.

Морад-Бакшу он спешно пишет красноречивое письмо, в котором уверяет, что он его истинный и нежный друг, что сам он нисколько не претендует на престол, что всю свою жизнь он жил факиром. Но Дара—человек, неспособный управлять государством, кафир—язычник, ненавидимый всеми главными эмирами, а Султан-Суджа—рафедит, еретик, следовательно враг Индостана и недостойн носить венец, что, одним словом, только он, Морад-Бакш, имеет действительные основания претендовать на корону, что его ждут при дворе, что весь двор, которому хорошо известна его доблесть, будет за него; что же касается лично его, Ауренгзеба, то если Морад-Бакш ему обещает, что, воцарившись, он позволит ему тихо жить в каком-нибудь уголке государства и молиться богу до конца своих дней, то он готов присоединиться к нему, помочь ему советом, друзьями, отдать под его начало всю свою армию, чтобы сразиться с Дарой и Султан-Суджей; пока он ему посылает сто тысяч рупий (что приблизительно равняется пятидесяти тысячам экю на наши деньги) и просит их принять как залог его дружбы; он ему советует завладеть как можно скорее Суратской крепостью, где, как ему известно, находится сокровищница государства²⁴.

Морад-Бакш, который не был особенно богат и могущественен, с большой радостью принял предложение Ауренгзеба и присланные ему сто тысяч рупий. Он показал всем письмо Ауренгзеба, дабы побудить молодежь взяться за оружие и стать на его сторону, а крупных купцов—охотнее ссужать его деньгами, которых он требовал от них с большой настойчивостью. Он начал всерьез разыгрывать из себя государя, надавал всем кучу обещаний и в конце концов снарядил вполне приличную армию, от которой отделил три тысячи человек под начальством Шах-Аббаса, храброго воина, хотя и евнуха, для осады Суратской крепости.

Ауренгзёб послал своего старшего сына, Султан-Махмуда, которого он женил на дочери короля Голконды, к Эмир-Джемле, все еще занятому осадой крепости Калиан, с целью убедить его приехать к нему в Даулет-Абад, так как ему нужно сделать чрезвычайно важное сообщение. Эмир, подозревая в чем дело, уклонился от приезда, откровенно заявив, что Шах-Джехан не умер, что он имеет об этом достоверные сведения, а кроме того вся его семья находится в Агре в руках Дары, и таким образом он не может ни помочь Ауренгзебу, ни объявить себя его сторонником; Султан-Махмуд вернулся в Даулет-Абад, ничего не добившись и очень недовольный эмиром.

Однако Ауренгзёб не был этим обескуражен и снова послал к эмиру, но не Султан-Махмуда, а своего второго сына, Султан-Мазума, который передал письмо отца и так ловко обошел эмира своей мягкостью и заверениями в дружбе, что тот не мог устоять. Ускорив осаду Калиана, он принудил осажденных сдать на льготных условиях, взял с собой цвет своего войска и быстрым маршем пошел вместе с Султан-Мазумом.

Когда он прибыл, Ауренгзёб осыпал его ласками, называя его не иначе, как баба и бабаджи—батюшкой, государем-батюшкой, обнимал его сотню раз, потом отвел его немного в сторону и сказал, что, по сведениям, полученным от хорошо осведомленных лиц, раз семья эмира находится при дворе, около Дары, то ему не следует рисковать и открыто предпринимать что-либо в его (Ауренгзеба) пользу. Однако нет таких трудностей, которые нельзя было бы преодолеть при помощи некоторой хитрости. «Позвольте,—

продолжал он, — предложить вам план, который может быть на первых порах покажется вам странным, но, так как вы боитесь за вашу жену и детей, которые являются заложниками, я предлагаю вам как средство обеспечить их безопасность позволить мне притворно арестовать вас и посадить в тюрьму. Без сомнения, все поверят, что это всерьез, ибо кто может вообразить, что такой человек, как вы, сочтете за удовольствие быть посаженным в тюрьму. Тем временем я смогу воспользоваться частью ваших войск и артиллерией, поскольку вы это найдете удобным. Вы могли бы также мне ссудить некоторую сумму денег, как вы мне это не раз предлагали, и, располагая всем этим, мне кажется, я мог бы попытаться счастья, и мы могли бы совместно принять меры и обдумать, что мне нужно делать. Если бы вы кроме того допустили, чтобы я вас отвез в Даулетабадскую крепость, где вы будете полным хозяином и где вас будет сторожить мой собственный сын Султан-Мазум или Султан-Махмуд, дело покажется еще правдоподобнее; я не вижу, что мог бы Дара на это сказать, какие у него могли бы быть основания притеснять вашу жену и ваших детей».

Либо из дружбы, в которой он поклялся Ауренгзебу, либо из-за полученных великих обещаний, либо же, опасаясь Султан-Мазума, стоявшего рядом в полном вооружении, и Султан-Махмуда, смотревшего на него сумрачно за то, что тот послушался брата, а по его просьбе не захотел приехать (когда он вошел, Султан-Махмуд поднял даже ногу, как будто желал его ударить), — эмир согласился исполнить все желания Ауренгзеба и одобрил план быть посаженным в тюрьму. Тогда, едва Ауренгзев удалился, главный начальник его артиллерии гордо подошел к эмиру и приказал от имени Ауренгзеба следовать за ним и запер его в комнате, к которой приставил надежную стражу; все солдаты, которые были в то время под рукой у Ауренгзеба, выстроились вокруг дома.

Едва распространились слухи об аресте Эмир-Джемлы, как тотчас же началось большое волнение; все, кого он привел с собой, хотя и были удивлены происшедшим, решили его освободить и с оружием в руках прибежали, чтобы отбить его от стражи и взломать тюрьму; это было бы легко сделать, так как Ауренгзев не собрал достаточно

войск для такого смелого предприятия, и одно имя Эмир-Джемлы заставляло всех содрогаться. Но так как все тут было притворством, то волнения эти были немедленно успокоены искусными объяснениями начальника войск эмира и присутствием Ауренгзеба, который находился тут же со своими двумя детьми и вел себя весьма решительно и говорил то с одним, то с другим. Наконец подействовали также обещания и подарки, которые были им сделаны; в результате все войска эмира и даже большая часть войск Шах-Джехана, видя, насколько все здесь запутано, и будучи лишены предводителя, перешли на сторону Ауренгзеба; подействовало также сообщение, что Шах-Джехан умер или находится при смерти, обещания увеличить их жалование и заплатить сейчас же вперед за три месяца.

Ауренгзёб, захватив весь обоз эмира, даже его верблюдов и палатки, двинулся в поход с целью осадить Сурат и ускорить его взятие, так как Морад-Бакш был в большом затруднении: его лучшие войска были заняты этой осадой, но они встретили такое сопротивление, какого он не ожидал. Но после нескольких дней похода Ауренгзёб узнал, что губернатор сдал крепость; он послал Морад-Бакшу поздравления и вместе с тем сообщил ему все, что произошло с Эмир-Джемлой, заявив, что у него достаточно сил, средств и связей при дворе, что у них нет ни в чем недостатка, что он пойдет прямо на Брампур²⁵ и Агру, будет ждать его по дороге и просит его поторопиться.

Правда, Морад-Бакш не нашел в Суратской крепости столько денег, сколько предполагал: потому ли, что их действительно там не было в таком количестве, как об этом говорили, или потому, что губернатор присвоил часть их, как утверждали некоторые. Однако то небольшое, что он там нашел, помогло ему заплатить солдатам, поступившим на службу к нему в расчете поживиться великими сокровищами Сурата. Сказать правду, у него не было основания очень гордиться взятием этой крепости, так как она не имела настоящих укреплений; тем не менее осада продолжалась более месяца, и крепость никогда не была бы взята, если бы не голландцы, придумавшие подвести мину, которая, взорвав большой кусок стены, повергла осажденных в страшное замешательство и принудила

их к сдаче. Взятие этого города помогло планам Морад-Бакша; повсюду пошла слава, что Морад-Бакш взял Сурат, что он сделал подкоп и заложил мину (а это очень поражало индийцев, которые еще плохо знают это дело) и что он нашел там огромные сокровища. Несмотря на весь этот шум и первые успехи, к чему присоединились частые письма и великие обещания Ауренгзеба, евнух Шах-Аббас, человек трезвого ума, большой храбрости и очень преданный интересам своего господина, был того мнения, что Морад-Бакшу не следует слишком тесно связываться с Ауренгзебом и слишком торопиться на соединение с ним; что надо занимать его переговорами и предоставить ему идти на Агру одному, а тем временем придут достоверные известия о болезни Шах-Джехана и можно будет видеть, какой оборот принимают дела, можно будет укрепить Сурат, прекрасный пункт, обеспечивающий господство на большой территории с значительным доходом. Может быть со временем удастся завладеть даже Брампуrom, очень важным проходом, как бы воротами Деккана.

Однако письма и непрестанные уверения Ауренгзеба в связи с недостаточным количеством войск, артиллерии и денег, а также слепое честолюбие и чрезмерное желание царствовать побудили Морад-Бакша пренебречь всеми этими соображениями, выйти из города Амед-Абада, покинуть Гуджерат и двинуться лесами и горами, чтобы спешно прибыть на место встречи, где Ауренгзеб ждал его уже два-три дня.

В честь соединения обеих армий были устроены большие празднества и увеселения; принцы посетили друг друга. Ауренгзеб надавал Морад-Бакшу тысячу обещаний и, тысячу раз заверив его в своей дружбе, снова торжественно засвидетельствовал, что сам он отнюдь не претендует на царство, что он здесь присутствует только для того, чтобы помочь ему против Дары, их общего врага, и посадить его на престол, который его ждет. После этого свидания и подтверждения дружбы оба войска двинулись вперед, причем Ауренгзеб во все время похода продолжал выражать свою дружбу и преданность Морад-Бакшу, титулуя его публично и в интимных беседах «хазретом», т. е. государем и величеством. В результате Морад-Бакш дал себя окончательно убедить в том, что Ауренгзеб действует искренно

и от избытка дружеских чувств к нему. Он охотно допускал все эти выражения покорности и почтения, вместо того чтобы припомнить недавние события в Голконде и понять, что человек, так смело рисковавший всем, чтобы захватить королевство, едва ли способен жить и умереть факиром.

Обе соединившиеся армии составили значительный отряд, что наделало много шума при дворе и заставило задуматься не только Дару, но и Шах-Джехану, знавшего силу ума и настойчивость Ауренгзеба и храбрость Морад-Бакша и предвидевшего, что загорится пламя, которое будет очень трудно потушить. Тщетно он пишет письмо за письмом, что его здоровье поправляется, чтобы они возвращались каждый в свою провинцию, что он их одобряет и забудет все, что произошло до сих пор. Эти письма отнюдь не мешают им продвигаться вперед; и так как болезнь Шах-Джехану все еще слывет смертельной и находится достаточное количество людей, которые в этом уверяют, то они все продолжают притворяться, повторяя (а может быть даже искренне веря), что эти письма подделаны Дарой, что Шах-Джехан умер или при смерти и что наконец, если он еще жив, они хотят поцеловать его ноги и освободить его из рук Дары.

Что же делать Шах-Джехану, этому несчастному царю, видящему, что сыновья его пренебрегают его приказаниями, получающему ежечасно сообщения о быстром их продвижении к Агре во главе своих войск?

Между тем он, больной, находится в руках Дары, человека, который только и дышит войной, готовится к ней с возможной поспешностью и со всеми признаками страшной ненависти к братьям. Что может сделать он в такой крайности? Приходится отдать Даре свои сокровища, позволить ему свободно распоряжаться ими, приходится вызвать своих старых и наиболее доверенных военачальников, которые, как он знает, недолюбливают Дару, и приказать им идти сражаться за Дару против своих кровных детей, против тех, которых он уважает больше Дары. Ему необходимо немедленно послать войско против Султан-Суджи, так как он продвинулся дальше других, и принять меры для посылки другого войска против Ауренгзеба и Морад-Бакша, которые приближаются.

Командующим армией, посланной против Султан-Суджи, назначен был старший сын Дары, Сулейман-Шеку, принц лет двадцати пяти, прекрасно сложенный, умница и хорошего поведения, благородный, щедрый и любимый всеми, особенно Шах-Джеханом, который осыпал его богатствами, считая своим преемником скорее его, чем Дару. Тем не менее Шах-Джехан, который предпочел бы, чтобы Султан-Суджа возвратился в Бенгалию, вместо того чтобы затевать кровавую битву, которая для него (Шах-Джехана) могла только плохо кончиться, так как он рисковал потерять в ней кого-нибудь из своих сыновей, дал принцу в спутники старого раджу по имени Джессенг²⁶, в настоящее время одного из самых богатых и могущественных раджей всего Индостана, одного из наиболее ловких во всей империи. Джессенгу дается тайный приказ вступить в бой только в самом крайнем случае и стремиться всеми способами побудить Султан-Суджу отступить и сберечь свои силы до более подходящего момента, т. е. когда окончится болезнь Шах-Джехана и одержат победу над войсками Ауренгзеба и Морад-Бакша.

Но молодой принц Сулейман-Шеку, полный пыла и храбрости, только и мечтал отличиться каким-нибудь крупным подвигом, а Султан-Суджа боялся, что Ауренгзеб, выиграв битву, захватит раньше его столицы государства—Агру и Дели. Поэтому Джессенг не был в состоянии воспрепятствовать битве. Едва армии увидели друг друга, как они приготовились к атаке и немного времени спустя обменялись в виде приветствия несколькими пушечными выстрелами. Я не буду описывать подробности этого сражения: рассказ был бы слишком длинен и представлял бы мало интереса; в дальнейшем нам придется описывать более крупные битвы, по которым можно будет судить об этой. Достаточно будет, если я скажу, что первое столкновение было жестоким и очень упорным с обеих сторон; но в конце концов Сулейман-Шеку повел наступление на Суджу с такой решимостью и энергией, что привел его войско в беспорядок, заставил отступить и затем обратил в бегство, так что, если бы Джессенг и патан Делиль-хан²⁷, один из первейших полководцев, человек очень храбрый, но интимнейший друг раджи, действовавший всегда под его влиянием, захотели честно поддержать Сулейман-Шеку,

то полагают, что армия Суджи была бы разбита и самому ему угрожало бы очутиться в плену. Но в планы раджи не входила его гибель, как не было это и в планах Шах-Джеханна, давшего как раз обратное распоряжение. Добавьте к этому, что Джессенг был слишком тонкий политик, чтоб наложить руку на принца крови, сына своего государя.

Суджа имел время отступить и даже не потерял слишком много народу. Тем не менее, так как поле битвы и несколько пушек остались в руках Сулейман-Шеку, при дворе тотчас же распространились слухи, что Суджа окончательно разбит. Это очень упрочило репутацию Сулейман-Шеку и уронило в глазах всех Султан-Суджу и заставило сильно охладеть к нему персов, раньше питавших к нему симпатию.

После нескольких дней погони за Суджей Сулейман-Шеку, ежедневно получавший известия от двора и узнавший, что Ауренгзеб и Морад-Бакш стремительно приближаются, решил прекратить преследование Султан-Суджи. Он хорошо знал, что отец его, Дара—человек неосторожный и имеет много скрытых врагов, и счел нужным быстро вернуться в Агру, где Дара должен был повидимому вступить в битву с Ауренгзебом и Морад-Бакшем. Лучшего решения он не мог принять, ибо никто не сомневается, что, подоспей он во-время, Ауренгзеб не оказался бы победителем. Думают даже, что он никогда не рискнул бы вступить в битву, так как силы были слишком не равные. Но злая судьба Дары этого не допустила.

Пока все это происходило около Алах-Абада—места, где Джемна сливается с Гангом, положение в Агре было совсем иное. Известие, что Ауренгзеб переправился через реку у Брампура и прошел все самые трудные проходы в горах, поразило двор. Спешно было послано несколько отрядов, чтобы помешать его переправе через реку Евгенес²⁸, а тем временем все войско готовилось к бою.

С этой целью в качестве командиров выбрали двух самых влиятельных и могущественных вельмож. Одним из них был Казем-хан²⁹, знаменитый полководец, очень преданный Шах-Джехану, но мало расположенный к Даре; он пошел против своей воли, лишь бы угодить Шах-Джехану, который, как он видел, был в руках у Дары. Другим был Джессомсенг³⁰, очень могущественный раджа, который ни в чем не уступал Джессенгу. Он приходился зятем Радже-

Ране, который жил во времена Акбара и был столь могущественным, что считался как бы императором раджей.

Перед их отправлением Дара выказал им большую дружбу и сделал великолепные подарки. Однако до их выступления Шах-Джехану удалось тайно сказать им то, что он сказал радже Джессенгу, когда тот отправлялся против Султан-Суджи с Сулейман-Шеку. Поэтому они не преминули несколько раз за время похода посылать к Ауренгзебу и Морад-Бакшу гонцов, уговаривая их удалиться; но все оказалось напрасным: посланные их не возвращались, а армия продвигалась столь быстро вперед, что они ее увидели на возвышенности недалеко от реки гораздо раньше, чем ожидали.

Так как дело было летом во время самой сильной жары и реку можно было перейти вброд, то Казем-хан и раджа немедленно приготовились к бою; кроме того они сразу поняли по решительности Ауренгзеба, что он хочет их атаковать, но так как не все его войско еще подошло, то он их встретил несколькими пушечными выстрелами с целью на время отвлечь их внимание, опасаясь, как бы они сами не переправились через реку не только чтобы его отрезать от воды, но также и чтобы помешать его армии отдохнуть и выбрать выгодную позицию. Действительно, армия его пришла в полном беспорядке, такой усталой от похода и измученной от жары, что, если бы ее атаковали с самого начала и прогнали от воды, она несомненно была бы разбита без большого сопротивления. Меня не было при этой первой стычке, но так говорили все, и то же самое рассказали мне позднее французы, обслуживавшие пушки в армии Ауренгзеба. Но войска Дары ограничились тем, что держались у берега реки с целью помешать переправе Ауренгзеба согласно полученному ими приказанию.

Ауренгзёб дал отдохнуть своей армии только два-три дня и подготовил ее для переправы через реку, все время стараясь отвлечь внимание неприятеля. Затем он пустил в ход всю свою артиллерию, находившуюся на прекрасной позиции, и приказал итти в воду под ее прикрытием. Казем-хан и раджа с своей стороны пустили в ход артиллерию, стремясь отогнать неприятеля и помешать его переправе. Вначале бой был очень жарким и упорным вследствие чрезвычайной храбрости Джессомсента; что же касается Ка-

зем-хана, то хотя он был хорошим полководцем и храбрым человеком, но в этом случае не дал больших доказательств своей доблести; некоторые даже обвиняли его в предательстве, приписывая ему сокрытие ночью в песке пороха и ядер, так как после двух-трех залпов их больше не оказалось; как бы то ни было, битва, как я говорил, была упорной и переправу оспаривали настойчиво. В русле реки были скалы, которые сильно затрудняли переправу, и берег в некоторых местах был очень высокий и крутой. Однако Морад-Бакш бросился в воду с такой стремительностью и проявил столько мужества, что невозможно было ему сопротивляться; он перешел через реку, и за ним последовала значительная часть армии. Тогда Казем-хан отступил, а Джессомсент подвергся лично большой опасности, так как должен был принять на себя всех врагов, и, если бы не чрезвычайная решительность его раджпутов, которые почти все погибли вокруг него, он бы остался на месте. Об опасности, которой он подвергался в этой битве, можно судить по тому, что когда он, насколько мог, освободился от врагов и вернулся в свои владения, не решившись вернуться в Агру вследствие понесенных им больших потерь, то из семи-восьми тысяч раджпутов, которых он повел с собой в бой, у него осталось не более пятисот-шестисот³¹.

Эти раджпуты, ведущие свое имя от раджей, являющиеся, так сказать, сыновьями раджей, привыкли из поколения в поколение заниматься только военным делом; раджи, которым они подчиняются, отводят им земли для их содержания с условием, что они будут всегда готовы выступать на войну, когда им прикажут; можно бы их назвать языческим дворянством, если бы раджи давали им земли в наследственную собственность. Они большие потребители опиума, и меня не раз удивляло количество, которое они могли проглотить, правда, они приучаются к нему с детства. В дни сражений они принимают двойную дозу: это снадобье их воодушевляет или, скорее, опьяняет и делает их нечувствительными к опасности, так что они бросаются в бой, как дикие звери, не зная, что такое бегство, и умирают у ног своего раджи, пока он стойко держится. Им недостает только порядка; решительности же у них вполне достаточно; большое удовольствие видеть,

как они с головой, отуманенной опиумом, обнимают друг друга перед боем и прощаются, как люди, решившие умереть.

Вот почему Великий Могол, магометанин, а следовательно враг язычников, держит всегда у себя на службе множество раджей, которых он ставит наравне с другими эмирами, пользуясь их услугами в армии так, как если бы это были магометане. Не могу удержаться, чтобы не описать тут суровый прием, оказанный дочерью Раны мужу своему Джессомсенг после его поражения и бегства. Когда ей доложили, что Джессомсенг приближается, и рассказали о том, что произошло на поле битвы, с какой доблестью он сражался, как у него осталось не более четырехсот-пяти-сот человек и он, не будучи в состоянии долее держаться, вынужден был отступить, — жена, вместо того чтобы послать кого-нибудь его встретить и утешить в его несчастье, сухо приказала запереть ворота крепости и не пускать этого подлого человека; он ей не муж, она не желает его больше видеть, зять великого Раны не смеет быть столь низким; он должен был помнить, вступив в столь знатную семью, что он обязан подражать ее доблести, словом, он должен был победить или умереть. Мгновение спустя ее охватывают новые мысли: она приказывает, чтобы ей приготовили костер, она хочет, чтобы ее сожгли, ее обманывают, несомненно муж ее умер; иначе быть не может; немного спустя она вновь меняет решение, ее охватывает гнев, и она осыпает мужа потоком ругательств. Словом, она провела в таком возбуждении восемь или девять дней и не могла решиться принять своего мужа, пока не приехала ее мать, которая ее несколько успокоила и утешила, обещая, что как только раджа отдохнет, он соберет новое войско для борьбы против Ауренгзеба и восстановит свою честь какой бы то ни было ценой. По этому случаю можно судить о храбрости женщин этой страны; я мог бы к этому добавить, что сам видел некоторых, сжигавших себя живыми после смерти мужа. Но я также докажу, что нет ничего сильнее общественного мнения, предубеждения, обычая, надежды и понятия о чести.

Дара, узнав обо всем, что произошло у Евгенеса, впал в такой гнев против Казем-хана, что несомненно отрубил бы ему голову, если бы тот оказался у него под рукой.

Он также страшно сердился на Эмир-Джемлу, считая его первым и главным виновником несчастья, так как он дал Ауренгзебу людей, денег и артиллерию; он решил убить его сына Махмет-Эмир-хана и послать на базар, т. е. рынок публичных женщин, его жену и дочь, и несомненно в своем гневе он сделал бы нечто подобное, если бы Шах-Джехан с большой ловкостью и мягкостью не умерил его раздражения, указав, что Эмир-Джемла не мог поступить так дурно и не мог питать к Ауренгзебу такой дружбы, чтобы пожертвовать ради его выгоды своей семьей. Несомненно Ауренгзев обманул его своими подлыми хитростями, и тот попался в ловушку.

Что же касается Ауренгзеба и Морад-Бакша, то счастливый исход первого столкновения так поднял их настроение и так воодушевил все их войско, что они почли себя отныне непобедимыми и способными преодолеть всякие препятствия. Чтобы еще более вдохновить своих солдат, Ауренгзев хвалился громко, что в армии Дары у него имеется тридцать тысяч преданных ему моголов; как оказалось впоследствии, это до известной степени соответствовало истине. Морад-Бакш особенно рвался в бой и хотел идти вперед как можно скорее, но Ауренгзев, желая умерить его пыл, говорил, что армии необходимо отдохнуть некоторое время на берегу этой прекрасной реки; что он тем временем напишет всем своим друзьям и достоверно узнает о положении при дворе и состоянии дел. Поэтому он двинулся к Агре лишь после нескольких дней отдыха, шел очень медленно, чтобы все разведать, как можно более тщательно и своевременно принять надлежащие меры.

Шах-Джехан, ясно видевший намерения Ауренгзеба и Морад-Бакша и понимавший, что нет надежды заставить их повернуть обратно, оказался в крайнем затруднении и не знал, на что решиться. Предвидя большое несчастье, он хотел помешать решительной битве, к которой, как он видел, Дара готовился с большой горячностью. Но что мог он сделать, чтобы помешать? Он еще был слишком слаб после болезни и понимал, что находится всецело в руках Дары, которому, как я говорил, он не очень доверял. Он был вынужден одобрить все, чего тот хотел, передать ему все силы и средства государства и приказать всем воен-

чальникам ему подчиняться. Немедленно все вооружились. Не знаю, видел ли когда-либо Индостан такую прекрасную армию. Считаю, что в ней было не менее ста тысяч конницы и более двадцати тысяч пехоты с восьмьюдесятью пушками, не говоря о невероятном количестве прислуги и базарных торговцев, которые необходимы для снабжения армии как в мирное, так и в военное время и которых историки, по-моему, нередко зачисляют в счет бойцов, когда говорят в своих книгах об этих чудовищных армиях в триста или четыреста тысяч человек. Хотя эта армия была очень хороша и очень подвижна, достаточно сильна, чтобы разбить вдребезги две или три таких, как армия Ауренгзеба, у которого всего-навсего было тридцать пять—сорок тысяч человек, еще усталых и утомленных от долгих и трудных переходов в самое жаркое время, с артиллерией, немногочисленной по сравнению с артиллерией Дары,—тем не менее (как это ни странно) почти никто не верил в успех Дары, так как все знали, что большинство важнейших эмиров враждебно настроено по отношению к нему и что все хорошие солдаты, на которых он мог бы положиться, были в армии Сулейман-Шеку. Вот почему самые осторожные и верные из его друзей и сам Шах-Джехан предостерегали его, чтобы он не вступал в бой. Шах-Джехан предлагал ему, что он сам, несмотря на свою слабость, отправится в поход навстречу Ауренгзебу, что очень помогло бы делу мира и интересам Шах-Джехана, так как несомненно Ауренгзев и Морад-Бакш никогда не осмелились бы сражаться против собственного отца, а если бы и были способны на это, то им бы плохо пришлось: шансы были слишком неравные, и все главные эмиры были настолько преданы Шах-Джехану, что они без сомнения храбро сражались бы, если бы видели его во главе войска. Даже военачальники Ауренгзеба и Морад-Бакша любили и уважали этого государя, так как большинство из них было обязано ему карьерой и вся армия была, так сказать, его детищем. Никто среди них не нашел бы в себе решимости обнажить против него меч.

Кроме того Даре советовали: если он не хочет последовать их указаниям, то чтобы он по крайней мере не торопился, затягивал военные действия и дал время спешившему к нему Сулейман-Шеку соединиться с ним; это тоже

был хороший совет, так как принца все любили, он возвращался победителем, и, как я уже сказал, сколько у Дары было преданных слуг и храбрых солдат, все они находились в его войске. Однако Дара не желал слушать никаких предложений, он помышлял только о том, чтобы скорее дать сражение и лично выступить против Ауренгзеба. Может быть это было бы и неплохо для его чести и для его личной выгоды, если бы он был хозяином своей судьбы и если бы он сумел добиться успешного выполнения своих планов. Вот каков примерно был ход его мыслей; кое-какие из них он не смог скрыть:

Он смотрел на себя, как на владыку, который держит в своих руках Шах-Джехана и может распоряжаться им по своему усмотрению; вместе с тем в его власти были все сокровища Шах-Джехана и войска государства; Султан-Суджу можно было считать наполовину погибшим; другие два брата сами отдали себя в его руки со слабой и утомленной армией. Если он выиграет сражение, они не смогут ускользнуть от него, и он сразу станет неограниченным вершителем всех дел, к чему он так страстно стремился, и никто не посмеет ему противоречить или оспаривать у него царство. Если же выступит Шах-Джехан, все дела уладятся, братья вернутся в свои провинции, Шах-Джехан, который поправлялся, снова возьмется за управление государством,—словом, все вернется к прежнему состоянию; если же он будет поджидать Сулейман-Шеку, Шах-Джехан может замыслить какие-нибудь неблагоприятные для него планы или что-нибудь затеять вместе с Ауренгзобом, и если тогда выиграют сражение, то, как бы ни были велики его заслуги, все равно при той репутации, которую приобрел Сулейман-Шеку, всю честь и славу победы припишут последнему. А после этого, возгордившись такой славой и такими удачами и в особенности опираясь на дружбу и благоволение Шах-Джехана и большей части эмиров, мало ли что будет способен предпринять Сулейман-Шеку? Можно ли знать, сохранит ли он хоть некоторую сдержанность, уважение к отцу и куда его приведет его честолюбие?

‡ Эти соображения побудили Дару не поддаваться советам всех окружающих, а идти своей дорогой. И действительно, он немедленно приказал всей армии выступить в по-

ход и пришел проститься с Шах-Джеханом, который находился в Агрской крепости. Добрый старик расплакался, обнимая сына, но все же строго сказал ему: «Ну, Дара, раз ты хочешь, чтобы все было по-твоему, ступай, да благословит тебя бог, но запомни мои слова: если проиграешь сражение, смотри, никогда не являйся ко мне». Это произвело на него мало впечатления, он быстро вышел, сел на коня и отправился занять переправу реки Чембел, в двадцати милях от Агры, где он укрепился, с твердостью ожидая врага. Но хитрый и тонкий факир, у которого не было недостатка в шпионах и людях, извещавших его обо всем, и который знал, что эта переправа очень трудна, осторожно воздержался от попытки прорваться там. Он расположился вблизи переправы, так что из лагеря Дары можно было видеть его палатки. Но что же он делает? Он вступает в переговоры с одним восставшим раджей по имени Шемпет, делает ему большие подарки и обещает еще больше, если тот позволит пройти через его владения, чтобы быстрее достичь места, где, как он знал, легко переправиться через реку вброд. Шемпет согласился и предложил свои услуги показать ему дорогу через горы и леса своей страны. Ауренгзеб снял лагерь в ту же ночь без всякого шума и, оставив несколько палаток, чтобы ввести Дару в заблуждение, шел день и ночь с такой поспешностью, что уже оказался по ту сторону реки, когда Дара мог получить об этом известие. Таким образом последнему пришлось покинуть свои позиции на реке, бросить свои укрепления и двинуться вслед за неприятелем, который, как ему передали, шел форсированным маршем на Агру, чтобы добраться до реки Джемны и там без труда и с удобством укрепиться, пользоваться водой, хорошо расположить свои силы и ждать Дару. Место, где он стал лагерем, лежало в пяти милях от Агры; некогда оно называлось Самонгер, а ныне—Фатеабад, что значит место победы. Немного времени спустя Дара тоже стал лагерем недалеко на берегу той же реки, между Агрой и армией Ауренгзеба.

Три-четыре дня обе армии стояли в виду друг друга, не вступая в бой. Между тем Шах-Джехан несколько раз писал Даре, что Сулейман-Шеку уже недалеко, чтобы он не торопился, чтобы он подошел к Агре, выбрал выгодную позицию и хорошо укрепился, поджидая Сулеймана;

но Дара ему ответил, что не пройдет трех дней, как он приведет к нему Ауренгзеба и Морад-Бакша, скованных по рукам и ногам, чтобы он с ними поступил, как ему будет угодно, и, не ожидая дольше, он немедленно начал расставлять свою армию и готовить ее к бою³².

Он приказал выстроить в первом ряду все пушки, связав их одну с другой цепями, чтобы преградить путь кавалерии. Позади пушек он выстроил большое количество легких верблюдов, привязав у них спереди маленькие орудия величиной в двойной мушкет (вроде того, как мы привязываем наши камнеметные машины к борту наших барок), так что человек, сидящий на спине верблюда, может заряжать и разряжать эти пушки, не спускаясь на землю. Позади этих верблюдов была расставлена большая часть мушкетеров. Из остальной армии, состоявшей преимущественно из кавалерии, вооруженной мечом, луком и колчаном, как обыкновенно вооружены моголы (т. е. в том смысле, как это теперь понимается,—белые люди, иностранцы магометанской веры, как персы, турки, арабы и узбеки), или вооруженной мечом и полупикой, какие носят обыкновенные раджпуты,—из всех этих воинов, говорю я, было создано три различных отряда. Правый фланг был поручен Калил-улла-хану, командовавшему тридцатью тысячами моголов; он стал великим бакши, так сказать, главным начальником всей кавалерии, вместо Данешменд-хана, ставшего к тому времени моим агой. Данешменд добровольно отказался от этой должности, видя, что Дара его недолюбливал за то, что он всегда громко поддерживал против Дары интересы и авторитет Шах-Джехана, что у последнего не вызывало недовольства. Данешменд опасался, что если он не уйдет добровольно, то Дара отделается от него силой. Левый фланг был поручен Рустам-хану Дахни, очень известному и храброму начальнику, вместе с раджей Чатресал и раджей Рамсенгом-Рутле³³.

Ауренгзек и Морад-Бакш с своей стороны расставили свою армию почти в таком же порядке; но среди войск некоторых эмиров, бывших на правом и на левом флангах, они спрятали несколько маленьких полевых пушек, что, говорят, было хитростью, придуманной Эмир-Джемлой, и удалось недурно. Других военных хитростей не придумывали, разве что там и сям расставили метателей «бани»,

род гранат, привязанных к палочкам³⁴; их бросают издали в кавалерию, что очень пугает лошадей и иногда даже ранит их и убивает. Надо сказать правду, эта кавалерия обладает замечательной подвижностью и выпускает стрелы с необыкновенной быстротой; всадник успевает шесть раз выпустить стрелу, прежде чем мушкетер разрядит дважды свой мушкет. Держится эта кавалерия тесными рядами, по отрядам, под начальством отдельных командиров, особенно когда подходит время взяться за сабли, но в общем, как я укажу в дальнейшем, это неважное войско по сравнению с нашими хорошо снаряженными армиями.

Когда все войска были расставлены, с обеих сторон началась артиллерийская стрельба. У них обычно сражение начинают пушки. Затем стали летать стрелы, но вдруг начался такой проливной дождь, что битва приостановилась. Когда дождь перестал, снова загрохотали пушки, и тут появился Дара на великолепном цейлонском слоне. Он приказал начать атаку по всему фронту; сам он двигался посреди большого отряда кавалерии прямо на вражескую артиллерию, которая смело встретила его, убила вокруг него множество людей и вызвала замешательство не только в отряде, которым он командовал, но также и в других отрядах кавалерии, которые следовали за ним. Однако, когда армия увидела, что Дара по прежнему сидит на слоне, не собирается отступать и с уверенностью смотрит вокруг себя, делая рукой знаки, чтобы все шли вперед и следовали за ним, — замешательство прошло. Каждый занял опять свое место в строю и продвигался вперед тем же шагом, что и он. Однако, прежде чем Дара вплотную подошел к неприятелю, его встретил второй залп артиллерии, который снова внес большой беспорядок в его ряды и заставил многих отступить. Дара однако не потерял присутствия духа, держался твердо, воодушевлял своих людей и все время рукою подавал им знак следовать за ним и двигаться вперед быстрее, не теряя времени. Решительно продвигаясь, он прорвал фронт артиллерии, сломал цепи и освободил от них пушки, вступил в лагерь и обратил в бегство и верблюдов, и пехоту, и все, что ему встретилось на пути, и проложил прекрасный путь для следовавшей за ним кавалерии. Тут-то загорелась ожесточенная схватка с вражеской кавалерией. Сначала с той

и с другой стороны полетели тучи стрел; стрелял и сам Дара. Однако, сказать правду, все эти стрелы не производят особенного эффекта: в десять раз больше их теряется в воздухе и ломается о землю, чем попадает в цель. После первого залпа стрелами враги сближаются, и наконец дело доходит до сабель, ряды смешиваются, начинается рукопашный бой, все более ожесточенный с обеих сторон; Дара все также стоек на своем слоне, подбадривает, кричит и делает знаки во все стороны. Наконец он двигается вперед так решительно и смело, что опрокидывает неприятельскую кавалерию, заставляет ее отступить и обратиться в бегство.

Ауренгзеб, находившийся недалеко оттуда тоже на слоне, увидев этот большой беспорядок, всеми силами старался поправить положение, но безуспешно. Он двинул отряд своей лучшей кавалерии, пытаясь остановить натиск Дары, но немного времени спустя и этот отряд был вынужден отступить в большом беспорядке, несмотря на все усилия Ауренгзеба воспрепятствовать этому. Обратим однако внимание на его храбрость и решительность: он видел, что почти вся его армия в беспорядке и обращена в бегство, при нем оставалось не более тысячи человек, которые держались стойко (некоторые мне говорили, что едва ли их было пятьсот); он видел, что Дара, несмотря на затруднительность пути, неровного и изрезанного в разных местах рвами, собирается ринуться на него, — и все же он не потерял мужества и, далекий от страха и мысли об отступлении, держался стойко; называя по именам одного за другим своих лучших военачальников, сплотившихся вокруг него, он им крикнул: «Делиране!» Это все равно, что если бы сказать: «Бодритесь, мои добрые друзья». «Кода ге» (есть бог). Какую надежду сулит бегство? Разве вы не знаете, где наш Деккан? «Кода ге, кода ге» (есть бог, есть бог). И дабы никто не усомнился в его решимости не бежать ни под каким видом, он приказал (странная крайность!) в присутствии их всех немедленно наложить цепи на ноги своего слона и привел бы свое приказание в исполнение, если бы они все не выказали своей решимости и храбрости.

Тем временем Дара действительно пытался двинуться на Ауренгзеба, хотя он был еще довольно далеко и плохая

дорога его очень задерживала, а возвышенности и долины были еще переполнены кавалерией, правда, находившейся в беспорядке, но все же способной на некоторое сопротивление; вместе с тем, только действуя таким образом, он мог обеспечить себе победу и решить исход битвы; он несомненно одолел бы все эти препятствия, и Ауругзеб, сохранивший около себя лишь небольшое количество людей, был не в состоянии выдержать напор этой победоносной армии. Но Дара не сумел воспользоваться своим преимуществом, и вот что ему помешало и было причиной спасения Ауругзеба:

Дара заметил, что его левый фланг в большом беспорядке; ему донесли, что Рустам-Хан и Чатресал убиты, что Рамсенг-Рутле слишком продвинулся вперед, прорвал неприятельские линии и проложил себе путь, но теперь окружен со всех сторон и находится в большой опасности; все это заставило Дару отказаться от намерения идти прямо на Ауругзеба и двинуться на выручку левого фланга. Завязался очень упорный бой, но в конечном счете Дара победил, опрокидывая все перед собой и приводя врага в полное смятение; тем не менее он постоянно встречал кое-какое сопротивление, которое его задерживало. Между тем Рамсенг-Рутле сражался с необычайным мужеством и отвагой; он ранил Морад-Бакша и так близко подошел к нему, что начал разрезать подпруги у его слона, чтобы сбросить его на землю. Но доблесть и счастье Морад-Бакша не дали тому времени исполнить свое намерение; никогда человек так храбро не сражался, как Морад-Бакш в этот день. Раненный и теснимый раджпутами Рамсенга-Рутле, которые с остервенением нападали на него, он нисколько не испугался, не отступил ни на шаг и сумел так ловко воспользоваться благоприятным моментом, что, хотя ему приходилось прикрывать щитом своего сына или восьми лет, которого он держал на седле рядом с собой, он поразил стрелой Рамсенга-Рутле, и тот упал мертвым на землю.

Дара очень скоро узнал эту роковую весть; но в то же время ему сообщили, что Морад-Бакш в большой опасности; раджпуты разъярились и сражаются, как львы, чтобы отомстить за смерть своего господина; и хотя он убедился, что с этой стороны дорога очень трудна, а по пути постоянно

встречаются небольшие отряды, которые оказывают ему сопротивление и задерживают его, он все же решил двинуться на Морад-Бакша; и это было наилучшим планом, которым можно было поправить ошибку, что он раньше не пошел на Ауренгзеба; но его несчастная судьба или, скорее, самая черная измена, какую только можно себе представить, и самая большая оплошность, какая когда-либо имела место, были причиной гибели и полного разгрома Дары.

В то время как Дара и левое крыло армии так упорно и даже так удачно дрались, Калил-улла-хан, командовавший на правом фланге тридцатью тысячами моголов, которые одни, без посторонней помощи могли бы разгромить всю армию Ауренгзеба, держался в отдалении со скрещенными руками, как будто не участвуя в битве, и не позволял никому из своих всадников пустить хоть одну стрелу под предлогом, что они являются резервным корпусом и что у него имеется приказ вступить в бой только в крайнем случае. Но действительной причиной, которую он скрывал в своем сердце, было старое оскорбление, нанесенное ему Дарой, который приказал дать ему несколько ударов бабушами (это обувь монголов). Впрочем его измена не имела бы большого значения, если бы негодяй ограничился этим единственным проявлением своего озлобления: Дара все же вышел бы победителем из битвы. Но вот до чего дошла его ярость и жажда мести: он отделился от своего главного отряда и в сопровождении немногочисленной свиты поскакал во весь опор к Даре; в то время, когда тот уже собирался устремиться на Морад-Бакша, он закричал ему изо всех сил, как только оказался от него на расстоянии человеческого голоса: «Мобарекбад!» (да будет вам благо). «Хазарет, Саламет!» (да будет ваше величество цело и невредимо, вы одержали победу), «Эль хамдуль елла!» «Но боже мой, что вы делаете, сидя на своем слоне? Разве уже не достаточно, что вы столь долгое время рисковали своей жизнью? Если бы хотя один из выстрелов, попавший в ваш балдахин, попал бы в вас самих, что бы мы теперь делали? Мало ли изменников в этой армии? Во имя бога, слезайте и садитесь поскорей на коня. Ведь остается только преследовать этих беглецов. Так не допустим же, чтобы они от нас ускользнули».

Если бы у Дары было достаточно сообразительности, чтобы раскрыть обман и сразу понять, что случится, когда он сойдет со слона, и армия, все время не спускавшая с него глаз, перестанет видеть его, он немедленно приказал бы отрубить голову льстивому изменнику. Он мог тогда сделать что угодно. Но добрый принц поддался лести и дал ослепить себя сладкими речами. Он послушался совета, как если б он был дан вполне искренно и правильно, сошел со слона и сел на лошадь. Но кажется не прошло и четверти часа, как он понял измену Калил-улла-хана и раскался в совершенной ошибке. Он глядит, ищет, спрашивает, где он, этот изменник, он хочет его убить, но предатель уже далеко, случай упущен. Поверите ли, едва армия заметила, что Дары нет на слоне, она вообразила, что тут измена, что Дара убит, и такой ужас охватил все войско, что каждый думал только о том, как бы спастись и ускользнуть из рук Ауренгзеба. Что можно еще сказать? Все бегут, все рассыпаются в стороны; внезапный и странный поворот! Тот, кто только что был победителем, оказывается вдруг побежденным, покинутым и вынужденным бежать для спасения своей жизни. Выходит так, что Ауренгзев, выдержав лишние четверть часа на слоне, получил корону Индостана, а Дара, сойдя с своего слона на один лишь момент раньше, чем следовало, свергнут с престола и стал самым несчастным принцем во всем мире. Судьба поставила исход сражения и будущее великой империи в зависимость от ничтожнейшего случая.

Эти громадные удивительные армии производят иногда большое впечатление, но когда ими овладевают страх и смятение, можно ли найти средства остановить панику? Это — большая река, которая прорвала плотины. Она неизбежно разольется по всем полям, нет средства остановить ее. Поэтому, созерцая эти армии,двигающиеся без надлежащего порядка, подобно стаду баранов, я часто думал, что, если бы в этих странах появилось всего лишь двадцать пять тысяч человек из старых войск Фландрии под начальством принца Конде или господина де Тюренна³⁵, они несомненно опрокинули бы все эти армии, несмотря на всю их многочисленность. И поэтому я теперь не нахожу ничего странного и невероятного в рассказе о десяти тысячах греков и о том, что пятьдесят тысяч воинов Александра сделали

против шести- или семисот тысяч Дария (если правда, что их действительно было столько и что в это число не были включены слуги и вся та масса людей, которая следует за армией, доставляя фураж, скот, хлеб и все прочее, необходимое для войска). Постарайтесь только выдержать первый натиск, а это для вас вовсе не так трудно, и тогда они будут совершенно ошеломлены; или же наступайте решительно на одном участке, как это сделал Александр, и если они не выдержат,—а это им трудно,—будьте уверены, что дело кончено; все прочие, охваченные ужасом, обратятся в бегство.

Ауренгзеб, ободренный таким неожиданным успехом, пустил в ход все средства—мужество, ловкость, хитрость уловки,—все, чтобы извлечь те выгоды, которые дал ему такой благоприятный случай. Калил-улла-хан немедленно прибыл к нему, предлагая свои услуги и все, что он сможет удержать из войска. Тот выразил ему великую благодарность и дал много обещаний, но, не решаясь на свой риск принять предложение хана, он немедленно повел его к Морад-Бакшу, который, как легко себе представить, принял его с распростертыми объятиями, Ауренгзеб же поздравлял и восхвалял Морад-Бакша за его доблесть и храбрость во время битвы, приписывая ему всю честь победы, величая его государем и величеством в присутствии Калил-улла-хана, воздавая ему почести как подданный и слуга. Тем временем он работает день и ночь, пишет всем эмирам, обеспечивая себе поддержку сегодня одного, завтра другого. Дядя его Шах-Гест-хан, старый и сильный враг Дары, из-за оскорбления, которое тот ему нанес, с своей стороны сделал для него то же самое, а так как он пишет лучше и тоньше всех в Индостане, то своими интригами он немало способствовал его успеху, стараясь везде действовать против Дары. Отметим однако хитрость и притворство Ауренгзеба: все, что он делает, о чем сговаривается и что обещает,—все это не для Ауренгзеба и не от его имени; у него все то же намерение—жить факиром; все это лишь для Морад-Бакша; Морад-Бакш приказывает; Ауренгзеб здесь не при чем; все делает Морад-Бакш, который должен стать государем.

Что же касается несчастного Дары, то он спешит в Агру в отчаянном состоянии и не решается явиться к Шах-

Джехану, помня без сомнения суровые слова, сказанные ему при прощании перед битвой: «Помни, Дара, если ты будешь побежден, не возвращайся ко мне». Тем не менее добрый старик тайно послал к нему преданного евнуха, чтобы его утешить, заверить в неизменной своей любви, выразить сочувствие его несчастью и убедить, что еще рано отчаиваться, так как у него еще есть хорошая армия с Сулейман-Шеку; пускай он направится в Дели, где он найдет в государевых конюшнях тысячу лошадей и где губернатор крепости получит приказание дать ему денег и слонов; вообще ему следует по возможности не уходить далеко, а Шах-Джехан часто будет писать ему письма и сумеет обойти и наказать Ауренгзеба. Мне говорили, что Дара был в то время так расстроен и убит, что у него не нашлось ни сил ответить хоть слово евнуху, ни смелости послать кого-либо к Шах-Джехану; послав несколько гонцов к Бегум-Сахев, он уехал в полночь, забрав с собой жену, дочерей и внука Сепе-Шеку, и, что почти невероятно, его сопровождало не более трехсот-четырёхсот человек. Оставим его двигаться по направлению к Дели и задержимся в Агре, чтобы посмотреть, как ловко Ауренгзев поведет свои дела.

Он отлично знал, что Дара и его сторонники могли еще надеяться на победоносную армию Сулейман-Шеку; поэтому он решил отнять ее у него или по крайней мере сделать ее бесполезной. С этой целью он принялся писать письмо за письмом радже Джессенгу и Делиль-хану, главным начальникам армии Сулейман-Шеку, убеждая их, что партии Дары уже больше не на что надеяться, что Дара, проиграв битву и покинутый всеми, один, без армии, бежал в Дели, что он не сможет ускользнуть из его рук и что повсюду разосланы приказы схватить его. Что же касается Шах-Джехана, то он в таком состоянии, что нечего надеяться на его выздоровление. Он предлагал им серьезно обдумать, как им поступать дальше: если они как умные люди пожелают следовать за его счастьем и быть его друзьями, то пускай схватят Сулейман-Шеку и приведут его к нему.

Джессенг был в большом затруднении, как ему поступить. Он еще сильно побаивался Шах-Джехана и Дары, еще больше боялся наложить руку на принца крови, зная,

что рано или поздно его за это может постигнуть несчастье, хотя бы даже от руки того же Ауренгзеба. Он кроме того знал, что Сулейман-Шеку был слишком храбр, чтобы позволить себя взять, что он скорее умрет, защищаясь. И вот что он в конце концов придумал, посоветовавшись с Делиль-ханом, с которым он был в большой дружбе: обменявшись с ним вновь клятвами в верности, он прямо направился к палатке Сулейман-Шеку, который ожидал его с большим нетерпением. Он тоже получил известия о разгроме Дары и уже несколько раз посылал за Джессенгом; тот откровенно ему все рассказал, показал письмо Ауренгзеба, указал на приказ схватить его и на опасность, которая ему грозит; обратил внимание на то, что у него нет оснований доверяться Делиль-хану или Дауд-хану или кому-либо из прочих в армии, и посоветовал ему как друг постараться как можно скорее добраться до гор Серенагара, так как это лучший выход из положения. Раджа этой страны, находясь в неприступной местности, не имеет оснований опасаться Ауренгзеба и встретит его с распростертыми объятиями; там он увидит, какой оборот примут дела, и всегда сможет спуститься с гор, когда найдет это нужным. Молодой принц понял из этих речей, что ему отныне нельзя полагаться на раджу и что ему угрожает опасность, тем более что Делиль-хан целиком предан радже; ему стало ясно, что придется принять этот совет. Немедленно он приказал навьючить всю кладь и направиться по дороге к горам. Некоторые из наиболее преданных ему лиц, как мансебдары, саиды и другие, сочли своим долгом следовать за ним; остальные, крайне пораженные таким решением, остались с раджей. Но великой подлостью и гнусной жестокостью было со стороны влиятельного раджи то, что он и Делиль-хан подослали людей напасть на его обоз; в числе прочего у него отняли слона, нагруженного золотыми рупиями. Нападение это внесло большое смутение в немногочисленный отряд, сопровождавший принца, и было причиной того, что некоторые его покинули и вернулись обратно; это дало также повод крестьянам нападать на его людей, которых они обирали и грабили, кое-кого даже убили. Тем не менее он все же добрался до гор с женой и детьми. Раджа Серенагара принял его со всеми почестями и со всей вежливостью,

какой только можно было желать, уверяя его, что здесь он в такой безопасности, как если бы он сам был государем в стране, что он защитит его и поможет ему по мере сил³⁶. Между тем вот что произошло в Агре.

Через три или четыре дня после Самонгерской битвы Ауренгзеб с Морад-Бакшем направились прямо к воротам города в сад, отстоявший от крепости немногим меньше, чем на милю. Оттуда Ауренгзеб отправил ловкого евнуха из тех, в ком он был уверен, к Шах-Джехану, чтобы его приветствовать и, дав тысячу заверений в преданности и покорности, передать, что он очень огорчен происшедшим, что честолюбие и козни Дары заставили его дойти до таких крайностей и что благоприятные вести о здоровье государя чрезвычайно обрадовали его; прибыл же он только за тем, чтобы получить приказания от Шах-Джехана. Тот не преминул высказать евнуху полное удовлетворение по поводу поведения Ауренгзеба и принял изъявления покорности сына со всеми внешними проявлениями радости, хотя он прекрасно видел, что дело зашло слишком далеко. Хорошо зная скрытный и хитрый характер Ауренгзеба и его тайное желание царствовать, он понимал, что отнюдь не приходится доверяться ему и его красивым речам. И тем не менее он дал себя обойти. Вместо того чтобы действовать наиболее верным способом, проявить распорядительность, показываться повсюду, заставить себя носить в паланкине по городу, собрать всех своих эмиров (еще было не поздно),—он старается перехитрить Ауренгзеба, который был мастером на всякие хитрости; он пытается завлечь его в сети, в которых потом запутался сам Шах-Джехан, посылает к Ауренгзебу евнуха засвидетельствовать, что он в достаточной степени знает дурное поведение и даже неспособность Дары, и напомнить ему, что он всегда чувствовал к нему, Ауренгзебу, особенную склонность, что тот не должен сомневаться в его любви; в заключение он просит его прибыть к нему как можно скорее, чтобы обсудить, как уладить все беспорядки, и высказывает страстное желание обнять его. С своей стороны Ауренгзеб понимал, что не должен слишком доверяться словам Шах-Джехана, тем более что, как он знал, его враг, Бегум-Сахед, днем и ночью находится при отце, который несом-

ненно действует по ее наущению. Он боялся, что, попав в крепость, будет там схвачен и что все это кончится для него скверно. Действительно, говорят, что именно таково было принятое решение и что с этой целью вооружили толстых татарских женщин, которые прислуживают в серале; они должны были наброситься на него, как только он войдет. Как бы то ни было, он не захотел рисковать, но тем не менее распустил слух, что со дня на день отправится к Шах-Джехану. Однако когда наступал назначенный день, он откладывал свидание до следующего дня, оттягивал время, и нельзя было угадать, когда настанет этот день. Неизменно он продолжал плести свои тайные интриги и выведывать настроение умов всех главных эмиров; наконец, когда все было надлежащим образом втайне подготовлено для осуществления его планов, все с удивлением узнали, что посланный в крепость под предлогом переговоров с Шах-Джеханом старший сын Ауренгзеба Султан-Махмуд, смелый и предприимчивый, бросился на стражу, стоявшую у дверей, смело оттеснив всех на своем пути, а тем временем множество людей, заранее расставленных вблизи, ринулось внутрь и завладело стенами крепости.

Никто не был этим так озадачен, как Шах-Джехан, увидевший, что он сам попал в ловушку, которую готовил для других, что сам оказался пленником, а Ауренгзёб завладел крепостью. Говорят, что он немедленно послал выведать настроение Султан-Махмуда, обещая ему трон и клялся на коране, что, если он останется ему верен и поможет, он сделает его государем; он звал его немедленно притти к нему во внутренние покои, убеждая не упускать случая; этим поступком он заслужит божье благословение и бессмертную славу: всегда будут повторять, что Султан-Махмуд освободил деда своего Шах-Джехана из тюрьмы. И действительно, если бы у Султан-Махмуда было достаточно решимости для такого шага и Шах-Джехан мог бы выйти, показаться в городе, двинуться в бой, несомненно все влиятельные эмиры последовали бы за ним, и у самого Ауренгзеба нехватило бы ни смелости, ни ожесточения для борьбы непосредственно против своего отца, тем более что он рисковал быть покинутым всеми, может быть даже Морад-Бакшем.

Большая ошибка Шах-Джехана заключается пменно в том, что после битвы и бегства Дары он не вышел из крепости; однако я встречал лиц, утверждавших, будто Шах-Джехан поступил очень благоразумно; этот вопрос оживленно обсуждался среди политиков, и было немало доводов в пользу этого мнения. Так например говорили: странно, что почти никогда не судят о событиях иначе, как по их исходу; нередко самые нелепые предприятия кончаются удачно, а потому всеми одобряются; если бы Шах-Джехану удался его план, он был бы признан самым благоразумным и ловким человеком на свете; но так как он попал в плен, то он оказался добрым стариком, доверившимся руководству Бегум, женщины, ослепленной страстью и вообразившей в своем тщеславии, что Ауренгзеб придет повидаться с ней, что птичка сама сядет в клетку или что по крайней мере Ауренгзеб никогда не решится на попытку завладеть крепостью да и не в состоянии будет это сделать. Эти же лица упорно утверждали, что самая большая ошибка, которую только мог сделать Султан-Махмуд, состояла в том, что он не сумел воспользоваться случаем обеспечить себе корону при помощи поступка как нельзя более благородного и редкого: дать свободу своему деду, Шах-Джехану, став благодаря этому по праву и по справедливости как бы верховным арбитром, вместо того чтобы отправиться в дальнейшем умирать в Гвалиор. Как бы то ни было, Султан-Махмуд (боялся ли он, что Шах-Джехан его обманет и его самого задержит внутри крепости, или не посмел обмануть доверие отца своего Ауренгзеба) не захотел и слышать обо всем этом. Он отказался войти в покои государя, очень холодно отвечая, что не имеет приказания от отца итти к Шах-Джехану, но должен вернуться не иначе, как с ключами от всех ворот крепости, для того чтобы отец мог прибыть в полной безопасности и поцеловать ноги его величества. Прошло около двух дней; Шах-Джехан все еще не мог решиться дать ключи; в течение этого времени Султан-Махмуд упорно оставался в крепости, настороже день и ночь со всеми своими людьми, пока наконец Шах-Джехан, увидев, что все его люди, приставленные к охране малой двери, постепенно разбегаются и не на кого больше положиться, отдал ему ключи, приказав передать Ауренгзебу, чтобы он пришел к нему теперь, если он только

благоразумен, и что он хочет сообщить ему весьма важные вещи. Однако, как он сам мог понять, Ауренгзеб был слишком ловкий человек, чтобы сделать такую грубую ошибку. Наоборот, вместо этого он тотчас назначил своего евнуха Этбар-хана комендантом крепости; этот немедленно запер Шах-Джехана с Бегум-Сахей и всеми ее женщинами в самых отдаленных покоях и заделал несколько дверей, для того чтобы он не мог ни говорить, ни писать кому-либо и даже выйти из своей комнаты без позволения.

Тем временем Ауренгзеб написал Шах-Джехану письмо, показав его всем, прежде чем запечатать. В письме он между прочим довольно сухо сообщал, будто ему из достоверных источников известно, что, несмотря на все великие заверения Шах-Джехана об уважении к нему, Ауренгзебу, и чувстве презрения к Даре, он все же послал Даре двух слонов, навьюченных золотыми рупиями, чтобы помочь ему оправиться и возобновить войну; таким образом правильнее будет сказать, что его лишил свободы Дара, а не он, Ауренгзеб, что он должен быть недоволен Дарой, который является виновником всех его несчастий; если бы не Дара, то он, Ауренгзеб, в первый же день явился бы к нему и выполнил все обязанности, которые отец вправе ожидать от почтительного сына, что впрочем он умоляет его о прощении и просит потерпеть; как только он лишит Дару возможности осуществить свои злокозненные планы, он сам немедленно придет открыть двери покоев. Мне пришлось слышать по поводу этой записки, что действительно Шах-Джехан в ту же ночь, как уехал Дара, послал ему этих слонов, нагруженных золотыми рупиями, и что Раушенара-Бегум нашла способ известить об этом Ауренгзеба, так же как она его предупредила о западне с татарскими женщинами, и что Ауренгзеб даже перехватил несколько писем Шах-Джехана к Даре.

Другие же уверяли меня, будто все это неправда, письмо же, которое Ауренгзеб всем показывал, было лишь средством пустить пыль в глаза народу и попыткой кое-как оправдаться в столь странных поступках, свалив вину за них на Шах-Джехана и Дару, словно это они принудили его поступить таким образом. Это все такие дела, которые очень затруднительно выяснить до конца. Как бы то

ни было, как только увидели, что Шах-Джехан заперт, почти всем эмирам пришлось отправиться на поклон к Ауренгзебу и Морад-Бакшу, и, что почти невероятно, не оказалось ни одного, который имел бы мужество удержаться от этого или предпринять что-либо в пользу своего государя, в пользу того, кто сделал их тем, чем они были, кто извлек их из грязи, быть может даже из рабства, как это часто бывает при этом дворе, чтобы возвести их на вершину богатств и почестей. Правда, некоторые из них, как например Данешменд-хан и другие, не примкнули ни к одной из партий, но все прочие перешли на сторону Ауренгзеба.

Надо однако заметить мимоходом, как я уже говорил, что они были к этому принуждены; положение в Индии отлично от Франции и других христианских государств, где вельможи имеют собственные большие поместья, дающие значительный доход, который обеспечивает им возможность существовать некоторое время на свои средства. Там они имеют только пенсии, как я уже отмечал, и государь может отнять их во всякое время, а тогда они сразу обращаются в ничтожество, с ними перестают считаться, как будто их никогда не было, и они не смогут получить взаимы ни одного червонца.

Обезопасив себя таким образом от Шах-Джехана и всех эмиров, Ауренгзев забрал деньги из казначейства сколько понадобилось и затем, оставив своего дядю Шах-Гестхана губернатором города, отправился с Морад-Бакшем в погоню за Дарой.

В тот день, когда армия должна была выйти из Агры, личные друзья Морад-Бакша, и в особенности его внук Шах-Аббас, которые знали, что излишняя любезность и предупредительность являются обыкновенно признаком обмана, посоветовали ему, поскольку он государь и все зовут его величеством и сам Ауренгзев признает его за такового, предоставить Ауренгзебу одному преследовать Дару, самому же со своим войском остаться около Агры и Дели. Если бы он последовал этому совету, несомненно, что он поверг бы в немалое затруднение Ауренгзеба; но надо же было, чтобы он им пренебрег; Ауренгзебу слишком везет: Морад-Бакш всецело доверяет его обещаниям и клятвам верности, которыми они обменялись на коране; они двинулись вместе и вместе пошли на Дели).

Когда они прибыли в Матура, — что в 3—4 коротких дневных переходах от Агры, — друзья Морад-Бакша, которые замечали кое-что, снова попытались подействовать на него, уверяя, что Ауренгзеб таит дурные намерения и что без сомнения затевается что-то недоброе; они сказали ему, что их предупреждали об этом со всех сторон и что в этот день он ни под каким видом не должен навещать Ауренгзеба в его палатке. Лучше всего было бы предупредить удар как можно скорее: достаточно в этот день воздержаться от посещения под предлогом нездоровья; тогда Ауренгзеб не преминет навестить его и по обыкновению приведет с собой только немного народу. Но сколько ему ни говорили, он ничему не верил, уши его были глухи ко всем добрым советам, которые ему давали, и как бы для выражения своей радости по поводу дружбы с Ауренгзебом он в тот же вечер все-таки отправился к нему и остался с ним ужинать. Как только он прибыл, Ауренгзеб, поджидавший его и все приготовивший вместе с Минканом и тремя-четырьмя из наиболее преданных ему военачальников, обнял его и удвоил свои ласки, любезности и выражения почтения до того, что провел платком по его лицу, стирая с него пыль и пот, все время титулуя его государем и величеством. Тем временем подают ужин, едят, беседа оживляется, говорят, как обыкновенно, о всяких вещах, под конец же приносят большую бутылку превосходного ширазского вина и несколько других кабульского вина, чтобы начать пьянство; тогда Ауренгзеб, который держится серьезно и прикидывается ревностным магометанином, исполняющим закон, весело встает из-за стола и, любезно пригласив Морад-Бакша поселиться с Минканом и другими командирами, которые все тут были наготове, тихо удаляется, как бы на покой. Морад-Бакш, который любил выпить и которому вино понравилось, хлебнул не в меру. Словом, он напился, после чего заснул. Этого только и требовалось; бывших с ним слуг немедленно удалили, как бы для того, чтобы дать ему волю выспаться, затем отняли у него саблю и джемдер, или кинжал. Ауренгзеб вскоре сам пришел его разбудить; он вошел в комнату, грубо толкнул его ногой, а когда тот стал открывать глаза, произнес краткое и удивительное увещевание: «Что это такое? Какой стыд и позор! Государь не имеет достаточно выдержки и так напивается. Что ска-

жут обо мне и о тебе? Уберите отсюда этого гнусного пьяницу, свяжите его по рукам и ногам и держите взаперти, пока он не протрезвится». Сказано—сделано; напрасно Морад-Бакш кричит, напрасно зовет: пять-шесть человек набрасываются на него и надевают цепи на руки и на ноги. Этого нельзя было сделать так, чтобы об этом не узнали некоторые из его людей, находившиеся вблизи. Они подняли шум и пытались насильно войти, но один из его главных военачальников и командующий его артиллерией, Аллахкули, давно подкупленный, пригрозил им и заставил их удалиться. Немедленно разослали по всей армии людей, чтобы успокоить первый порыв, который мог быть опасен; они уверяли, что ничего не случилось, что они были при этом; Морад-Бакш напился и начал поносить всех, даже самого Ауренгзеба; в таком виде—пьяного и расвирепевшего—его пришлось запереть; завтра утром, когда он протрезвится, он выйдет. Тем временем всю ночь посылались подарки главным командирам и прочим офицерам армии; немедленно увеличили их жалованье; надавали им много обещаний, и так как давно уже все ожидали, что случится нечто подобное, то не удивительно, что назавтра все почти успокоились, а в следующую ночь бедного принца заперли в «эмбари»—нечто вроде маленького закрытого домика, который ставят на слона, чтобы перевозить женщин,—и отвезли прямо в Дели в Слимгер, небольшую старую крепость посреди реки³⁷.

Когда таким образом все успокоились, за исключением евнуха Шах-Аббаса, который был очень удручен, Ауренгзеб принял всю армию Морад-Бакша к себе на службу и последовал за Дарой, который большими переходами двигался к Лагору с целью хорошо укрепиться там и привлечь туда своих сторонников. Но Ауренгзеб преследовал его с такой быстротой, что он не успел ничего предпринять и был вынужден отступать дальше и двинулся на Мульта³⁸; но и тут он не сумел предпринять ничего серьезного, так как Ауренгзеб, несмотря на сильную жару, шел днем и ночью; он до того спешил, что иногда для ободрения войска шел почти один на два-три лье³⁹ впереди всех, причем ему нередко приходилось наравне со всеми пить скверную воду, довольствоваться куском черствого хлеба и спать под деревом, поджидая среди дороги свою армию и подло-

жив под голову щит, как это делают простые солдаты. Вследствие такой быстроты преследования Дара был вынужден покинуть также и Мультан, чтобы не встретиться с Ауренгзебом, которому он не в состоянии был оказать сопротивление. Тут местные политики высказывали различные соображения: так например говорили, что, если бы Дара, уходя из Лагора, укрылся в Кабульском королевстве, как ему советовали, то он нашел бы там десять тысяч воинов, предназначенных против афганцев, персов и узбеков и для охраны страны, губернатором которой был Могабет-хан, один из самых старых и могущественных эмиров Индостана, который никогда не был расположен к Ауренгзебу; кроме того Дара оказался бы у самых ворот Персии и Узбекистана; весьма вероятно, что, поскольку у него были деньги, все войско и сам Могабет-хан стали бы на его сторону, и он мог бы получить помощь не только из Узбекистана, но и из Персии, как в свое время Гумайон, которого персы восстановили на троне, отнятом у него Захер-ханом, королем патанов⁴⁰. Но Дару слишком преследовало несчастье, чтобы он мог послушаться доброго совета. Вместо этого он отправился в Синд и бросился в крепость Татабакар⁴¹, сильное и знаменитое укрепление посредине реки Инд.

Ауренгзев, увидев, что он направился по этому пути, не нашел нужным следовать за ним дальше, обрадованный, что он не избрал дороги на Кабул. Он довольствовался тем, что послал следом за ним семь или восемь тысяч человек под начальством своего молочного брата Мир-Бабы, и, круто повернув, с той же быстротой пошел назад, опасаясь, как бы не случилось чего в Агре. Он боялся, что некоторые из могущественных раджей, как Джессенг или Джессомсенг, попытаются освободить Шах-Джехана из заточения, или Сулейман-Шеку сойдет с гор вместе с серенагарским раджей, или наконец Султан-Суджа слишком близко подойдет к Агре. И вот что приключилось с ним в это время из-за того, что он слишком поторопился.

Возвращаясь из Мультана в Лагор и передвигаясь с обычной быстротой, он увидел шедшего ему навстречу раджу Джессенга в сопровождении четырех или пяти тысяч раджпутов, причем все они были хорошо вооружены;

Ауренгзеб, который шел, оставив армию позади себя, знал, что этот раджа очень предан Шах-Джехану; он испугался, как бы раджа не воспользовался этим случаем и не произвел государственного переворота, схватив его и освободив из заточения Шах-Джехана; а в ту минуту это было чрезвычайно легко сделать. В сущности не известно, не было ли у раджи подобного намерения, так как он шел с такой исключительной скоростью, что Ауренгзеб не имел о нем никаких известий и полагал, что он еще в Дели. Но что значит твердость и присутствие духа! Ауренгзеб направился, не волнуясь и без всякого смущения, прямо к радже и издали, как только его увидел, подал ему знак рукой, чтобы он скорее приблизился, крикнув: «Саламет башед раджа-джи, Саламет башед баба-джи!», называя его господином раджей и отцом. Когда раджа приблизился, он сказал ему: «Я ждал тебя с нетерпением. Все кончено, Дара погиб, он остался совсем один, я послал за ним следом Мир-Бабу; он ускользнуть не может», и, проявляя исключительную любезность, он снял с себя жемчужное ожерелье и надел его на шею радже. Желая отделаться от него поскорее, но притом как можно более милостиво (Ауренгзебу хотелось, чтобы он был подальше), он сказал ему: «Ступай, раджа, как можно скорее в Лагор, моя армия устала. Иди быстрее и жди меня там; боюсь, чтобы там чего не случилось; назначаю тебя правителем города, передаю тебе все в руки; я очень обязан тебе за все, что ты сделал с Сулейман-Шеку; где ты оставил Делильхана? Я сумею ему отомстить. Торопись, Саламет-Башест. Прощай».

Прибыв в Татабакар, Дара назначил комендантом крепости очень толкового, храброго и доблестного евнуха, оставил прекрасный гарнизон из патанов и сайедов и большое количество артиллеристов-«франги»: португальцев, англичан, французов и немцев, которые примкнули к нему, соблазнившись его великими обещаниями, так как, если бы дела его пошли удачно и он сделался бы государем, мы, «франги», сколько нас ни было, стали бы эмирами. Он оставил там и большую часть своей казны: у него пока не было недостатка ни в золоте, ни в серебре; сам же он, пробыв там лишь несколько дней, спустился с двумя или тремя тысячами человек вниз по Инду в Синд и не-

вероятно быстро пересек все владения раджи Каче, добрался до Гуджерата и прибыл к воротам Амед-Абада. Комендантом там был тесть Ауренгзеба Шах-Наваз-хан с прекрасным гарнизоном, вполне способным к сопротивлению. Однако, потому ли, что он был захвачен врасплох, потому ли, что у него нехватало мужества (ибо, хотя он происходил из старинного рода машатских князей, его нельзя было назвать настоящим военным: он скорее был человеком, преданным* удовольствиям, очень любезным и вежливым), он не стал сопротивляться; напротив, он принял Дару с большим почетом и сумел в дальнейшем обращаться с ним так ловко, что Дара по своей наивности ему доверился, сообщал ему свои планы и даже показал письма, полученные им от раджи Джессомсенга и многих других из своих друзей, собиравшихся прибыть к нему. Между тем было несомненно, как все ему и говорили, а друзья даже писали, что Шах-Наваз-хан неминуемо предаст его.

Никто не мог быть удивлен более, чем Ауренгзёб, когда узнал, что Дара в Амед-Абаде, так как он знал, что у него есть деньги и что все его друзья и все недовольные, которых было множество, не преминут присоединиться к нему. Он считал небезопасным идти туда против него, так сильно удалиться от Агры и Шах-Джехана и попасть в лабиринт владений раджей, всяких Джессомсенгов, Джессенгов и других, живущих в этих областях; кроме того он узнал, что Султан-Суджа идет с большой армией, что он уже у Алах-Абада, а серенагарский раджа собирается спуститься с гор вместе с Сулейман-Шеку. Таким образом он оказался снова в большом затруднении и не знал, в какую сторону направиться. Наконец он решил, что лучше всего будет оставить пока Дару с Шах-Наваз-ханом в покое и обратиться к самому неотложному, т. е. к Султан-Судже, который уже переправился у Алах-Абада через Ганг.

Султан-Суджа расположился лагерем у маленького села именуемого Каджуе⁴² и очень кстати занял большой талаб — пруд, лежавший на дороге; Ауренгзёб расположился в полутора лье от него, на берегу небольшого потока, со стороны Агры. Между армиями лежала прекрасная равнина, вполне подходящая для битвы. Едва Ауренгзёб прибыл, как на следующий же день, торопясь покончить

с этой войной, он пошел на Суджу, оставив свой обоз по ту сторону потока. Усилия, которые он делал, чтобы одолеть Суджу, были просто невероятны; Эмир-Джемла, пленник Деккана, который как раз прибыл в день битвы, уже не опасаясь Дары, так как семья его была в безопасности, показал всю свою силу, доблесть и ловкость; но так как Султан-Суджа прекрасно укрепился и обладал довольно хорошей артиллерией, притом удачно расставленной, то Ауренгзеб был не в состоянии прорвать фронт или заставить его отступить от воды; напротив, он сам был вынужден несколько раз отступать, так силен был отпор. Этим он был поставлен в большое затруднение. Султан-Суджа не хотел ни продвигаться слишком далеко в глубь равнины, ни удаляться от выгодной позиции, которую занимал, предполагая лишь защищаться, что было очень благоразумно; он предвидел, что Ауренгзеб не сможет долго там оставаться и ввиду сильной жары будет обязательно вынужден вернуться за водой назад к потоку; тут-то и будет своевременно ударить ему в тыл; Ауренгзеб конечно тоже это предвидел и очень торопился, но тут появилось новое затруднение.

В это время ему сообщили, что раджа Джессомсенг, для вида вошедший с ним в соглашение, напал на его арьергард, грабя обоз и казну. Это известие ошеломило его, к тому же он заметил смятение, овладевшее армией, до которой дошли слухи об этом; многие уже разбегались в разные стороны.

Однако он не растерялся и понял, что, повернув назад, он рискует все потерять; как в битве с Дарой, он решил выдерживать натиск возможно дольше и стойко выжидать, невзирая ни на что. Тем временем армия его приходила все в большее расстройство. Суджа, желая воспользоваться случаем, смело наступает; вожатый слона Ауренгзеба убит стрелой, он сам управляет им как может, пока не сел другой вожатый; на него сыплется град стрел; он без усталости отвечает тем же; слон в страхе отступает. Он попадает в такое бедственное положение, что уже заносит ногу, как бы желая спрыгнуть на землю, и трудно сказать, что бы он сделал в этой сумятице, если бы Эмир-Джемла, который находился

совсем близко, проявляя больше доблести, чем можно было ожидать даже от такого великого человека, не закричал ему, поднимая руку: «Деканку, деканку—где Декан?» Вот, казалось, последняя крайность, до которой только возможно дойти; можно было сказать, что счастье Ауренгзеба покинуло его в эту минуту, и трудно было представить себе, сможет ли он спастись. Однако его счастье сильнее всего этого. Султан-Суджа должен быть разбит и бежать, как Дара, спасая свою жизнь. Судьба требует, чтобы Ауренгзек вышел победителем, восторжествовал над всеми и сделался правителем Индии.

Вспомним битву при Самонгере и тот как будто незначительный случай, который погубил Дару. Та же оплошность или, скорее, та же измена погубила Султан-Суджу. Один из его главных военачальников, Алла-верды-хан, который, как некоторые утверждают, был подкуплен, воспользовался той же хитростью, что придумал Калил-улла-хан по отношению к Даре. Некоторые, правда, думают, что это был не злой умысел, а просто лесть; увидя, что вся армия Ауренгзеба пришла в беспорядок, он приблизился к Султан-Судже с теми же «мобарек», что в свое время Калил-улла-хан, умоляя его не подвергаться долее такой большой опасности, оставаясь на слоне: «Слезайте, заклинаю вас именем божьим,—сказал он ему,—садитесь на коня; бог сделал вас государем Индии; давайте преследовать беглецов, дабы не упустить Ауренгзеба». Но не будем долгие замалчивать удивительно счастливую судьбу Ауренгзеба и невероятное стечение обстоятельств, которое должно было восстановить положение, ставшее отчаянным. Султан-Суджа, не более сообразительный, чем Дара, сделал ту же оплошность: не успел он слезть со своего слона, как армия, перестав его видеть, пришла в смятение, предполагая измену и думая, что он взят в плен или убит, и безнадежно разбежалась, как войско Дары в битве при Самонгере. Разгром был так велик, что для Султана было настоящим счастьем, когда ему удалось спастись самому.

Джессомсенг, услышав эти поразительные новости и поняв, что ему тут не следует оставаться, удовольствовался тем, что уж было награблено, и пошел быстрым маршем в Агру, чтобы оттуда перебраться в свои владения.

ния. В Агре уже ходили слухи, что Ауренгзеб проиграл сражение и будто он взят в плен вместе с Эмир-Джемлой и что Султан-Суджа ведет их в качестве пленников; дошло до того, что Шах-Гест-хан, губернатор города и дядя Ауренгзеба, видя у ворот города Джессомсенга, об измене которого он узнал, и считая себя уже погибшим, взял в руки чашу с ядом, чтобы отравиться. Говорят, он действительно выпил бы ее, если бы не его жены, которые бросились к нему и удержали его. Полагают, что если бы Джессомсенг был более находчив и имел смелость дольше оставаться в Агре, если бы он угрозами и обещаниями добивался освобождения Шах-Джехана, он несомненно смог бы освободить его из заточения, тем более что вся Агра в течение двух дней находилась в полной уверенности, что Ауренгзеб побежден. Но Джессомсенг, знавший действительный ход событий, не посмел долго там оставаться и предпринять что-либо. Он только прошел через город и поспешно удалился в свои владения.

Ауренгзеб, опасавшийся всего со стороны Агры и боявшийся, что Джессомсенг предпримет что-нибудь в пользу Шах-Джехана, быстро вернулся в Агру со всей своей армией, не теряя много времени на преследование Султан-Суджи; тут он остался непродолжительное время, сделал все необходимые распоряжения и обезопасил себя со всех сторон. Тем временем он получил известие, что Султан-Суджа потерял немного народу при своем бегстве, так как его преследовали недолго, и что он, слывший очень богатым и щедрым, набирает большие силы во всех владениях раджей, расположенных по правому и левому берегам Ганга, укрепляясь в Алах-Абаде, этом важном и знаменитом пункте переправы через Ганг, который со своей крепостью является как бы первыми воротами Бенгалии.

Тогда Ауренгзеб обратил внимание на находившихся вблизи него двух лиц, действительно способных быть ему весьма полезными: на своего старшего сына Султан-Махмуда и на Эмир-Джемлу. Он знал однако, что те, кто оказал большие услуги своему государю, часто становятся наглыми и считают, что он всеми своими успехами обязан им и что нет награды, которая была бы для них достаточна. Он уже заметил, что сын его стал себя держать очень свободно и становился с каждым днем все высоко-

мернее, с тех пор как овладел Агрской крепостью и этим расстроил все планы, которые мог задумать Шах-Джехан. Что же касается эмира, то Ауренгзеб слишком хорошо знал силу его ума, его выдержку и доблесть; но именно это и вызывало в нем опасения. Зная, что эмир очень богат, что его слава велика и что он считается главной пружиной во всех делах и самым ловким человеком в Индии, Ауренгзеб не сомневался, что эмир, как и Султан-Махмуд, носится с большими замыслами. Это все могло бы смутить посредственный ум, но Ауренгзеб всегда умел найти выход; он удалил их с таким тактом и с такой любезностью, что ни тот, ни другой не могли иметь оснований жаловаться. Он послал их обоих против Султан-Суджи с мощной армией, дав под секретом понять эмиру, что управление Бенгалией—лучшим губернаторством в Индии—предназначено ему пожизненно, а после его смерти перейдет к его сыну, что это с его стороны будет началом проявления благодарности за все значительные услуги, которые тот ему оказал, что только эмир в состоянии разгромить Султан-Суджу и, как только эмир с ним покончит, он его сделает Мир-уль-Омра (это первейшая и самая почетная должность Индостана), что означает «князь эмиров». Султан-Махмуду он сказал лишь следующее: «Помни, что ты старший из моих детей и будешь сражаться за себя самого; ты уже многое сделал, но это многое не будет иметь цены, если ты не схватишь Султан-Суджу, нашего самого главного и самого могущественного врага. Надеюсь с божьей помощью легко покончить с остальными». С этими напутствиями он отпустил их обоих с обычными почестями, т. е. с богатыми серапа, или куртками, несколькими лошадьми и несколькими слонами, великолепно снаряженными. Но вместе с тем он, не прибегая ни к каким резкостям, убедил Эмир-Джемлу оставить своего единственного сына Махмет-Эмир-хана ему в утешение и для воспитания, а скорее в качестве заложника его верности; Султан-Махмуда он убедил оставить в Агре жену, дочь голкондского короля, под предлогом того, что слишком обременительно везти ее при армии в таком походе.

Султан-Суджа все время находился в страхе, что против него поднимут раджей Нижней Бенгалии, которых он столь сильно притеснял, и больше всего боялся иметь дело

с Эмир-Джемлой. Едва до него дошли эти вести, как он сейчас же снялся с места, опасаясь, что ему отрежут путь в Бенгалию и что эмир переправится через Ганг в каком-нибудь другом месте, выше или ниже Алах-Абада. Он спустился к Бенаресу и Патне, откуда отправился к Мунгеру, маленькому городу, который обыкновенно называют ключом Бенгальского королевства, так как он представляет как бы ущелье между находящимися недалеко горами и лесами. Он счел удобным остановиться в этом месте и укрепиться в нем, а для безопасности велел выкопать большую траншею, от города и реки до горы (я видел ее несколько лет спустя, проезжая по этой местности), с твердым намерением поджидать здесь Эмир-Джемлу и оспаривать эту переправу. Но сколь велико было его удивление, когда ему сообщили, что войско эмира, медленно спускавшееся вдоль Ганга, шло повидимому только для отвода глаз, а самого эмира при нем не было, что он привлек на свою сторону раджей гор, лежащих по правую сторону реки, и что он и Султан-Махмуд шли через их владения большими переходами с цветом армии, направляясь прямо на Раджмахал⁴³, чтобы перерезать ему дорогу; он оказался таким образом вынужденным бросить как можно скорее свои укрепления. Но он двинулся так быстро, что хотя ему пришлось сделать большой крюк, следуя по течению Ганга, делающему сильный изгиб влево, он все же на несколько дней предупредил эмира и первым пришел в Раджмахал. Там он успел укрепиться, так как эмир, узнав о его уходе из Мунгера, взял влево и пошел очень плохими дорогами по направлению к Гангу, чтобы там подождать, пока подойдет войско, спускавшееся вдоль реки с тяжелой артиллерией и обозом. Как только оно прибыло, он пошел в атаку на Султан-Суджу, который хорошо защищался в течение пяти-шести дней. Но видя, что артиллерия эмира, непрерывно стрелявшая, разрушает все его укрепления, которые были сделаны только из рыхлой земли, песка и фашин, и понимая, что едва ли возможно удержаться на этой позиции при начинавшемся к тому же сезону дождей, он под покровом ночи отступил, бросив две больших пушки. Эмир не решился последовать за ним ночью из опасения какой-нибудь засады и отложил это до следующего утра, но к счастью для Суджи

на рассвете начался дождь, который шел в течение трех дней, так что эмир не только не смог выступить из Раджмахала, но был вынужден в нем зазимовать; вследствие дождей, чрезвычайно сильных в этом крае, дороги становятся совершенно непроходимыми в продолжение четырех месяцев—июля, августа, сентября и октября—и армии в это время не могут продвигаться по ним.

Таким образом Султан-Суджа получил возможность удалиться и выбрать место по своему желанию. У него было достаточно времени, чтобы укрепить свою армию, подвезти из Нижней Бенгалии несколько пушек и нескольких португальцев из тех, которые сюда переселились из-за большого плодородия почвы. Надо сказать, что он чрезвычайно ухаживал за португальскими отцами-миссионерами, жившими в этой провинции, обещал их всех обогатить и дать им построить церкви везде, где они пожелают. Они несомненно были в состоянии оказать ему существенные услуги: можно с уверенностью сказать, что в Бенгальском королевстве проживало не менее восьми или девяти тысяч семейств франги родом из Португалии или метисов.

Султан-Махмуд, который, по указанным мной причинам, возгордился и быть может заходил в своих стремлениях дальше, чем следовало, претендовал на неограниченное командование армией и требовал, чтобы Эмир-Джемла исполнял его приказания; от времени до времени у него даже вырывались речи, полные гордости по отношению к его отцу Ауренгзебу, якобы обязанному ему своей короной, и полные презрения и угроз по отношению к Эмир-Джемле; вследствие этого между отцом и сыном установились на продолжительное время весьма холодные отношения, пока наконец Султан-Махмуд, узнав, что отец очень недоволен его поведением, и опасаясь, что эмир получит приказание его арестовать, ушел с небольшой свитой к Султан-Судже. Он дал ему великие обещания и поклялся в верности; но Суджа, боясь, что это одна из хитростей Ауренгзеба и Эмир-Джемлы, не решался довериться ему и все время следил за его поступками и не давал важных командных должностей. Это настолько отбило охоту у Султан-Махмуда оставаться у Суджи, что через несколько месяцев, не зная, куда

деться, он решил покинуть его и вернулся к Эмир-Джемле. Эмир принял его неплохо, уверяя, что он напишет о нем Ауренгзебу в благоприятном смысле и что он сделает все возможное, чтобы тот забыл этот поступок.

Считаю долгом отметить здесь мимоходом, что, как мне рассказывали некоторые, вся эта авантюра Султан-Махмуда произошла исключительно благодаря стараниям и проискам Ауренгзеба, который готов был даже рискнуть жизнью сына, только чтобы погубить Султан-Суджу, и который был очень рад удобному предлогу отправить сына в безопасное место. Как бы то ни было, он выразил большое негодование по поводу его поступка и написал ему очень резкое письмо, в котором приказывал ему вернуться в Дели, распорядившись однако предварительно, чтобы он до Дели не доехал. Не успел тот переправиться через Ганг, как появились люди, которые его схватили, заперли в «эмбари», как сделали с Морад-Бакшем, и отъезди в Гвалиор, откуда он, как думают, едва ли когда-нибудь выйдет. Этим Ауренгзев вышел из большого затруднения и дал понять своему второму сыну Султан-Мазуму, что управлять государством—дело настолько тонкое, что государи должны относиться ревниво даже к своей тени, и, если он не будет вести себя благоразумно, с ним может случиться то же, что случилось с его братом, и что ему не следует думать, что Ауренгзев человек, который позволит поступить с собой так, как поступил Шах-Джехан с отцом своим Джехан-Гиром или как недавно поступили с Шах-Джеханом. Тут мы должны мимоходом сказать по поводу этого сына, что если он будет и впредь вести себя, как вел до сих пор, то у Ауренгзеба не будет оснований подозревать его и быть им недовольным; даже раб не мог бы быть более покладистым. Сам Ауренгзев никогда не казался до такой степени лишенным честолюбия, никогда он не казался таким факиром, как этот сын его Мазум; тем не менее я видел умных людей, которые утверждают, будто все это делается неспроста, а из такой же утонченной и скрытой политики, какую мы видели у его отца. Это покажет будущее, а теперь пойдем дальше⁴⁴.

Пока в Бенгалии совершались эти события и Султан-Суджа боролся, как мог, против сил Эмир-Джемлы, все время переправляясь с одного берега Ганга, канала или

какой-нибудь реки (здесь вся страна им изрезана) на другой, Ауренгзеб стоял под Агрой.

Наконец после того как он отправился в Гвалиор к Морад-Бакшу, он прибыл в Дели, и уже начал по-настоящему и открыто разыгрывать роль государя, распоряжаясь всеми делами империи и больше всего обдумывая способы поймать Дару, что представляло большие трудности по причинам, мной уже указанным. Но большое счастье и свойственная Ауренгзебу ловкость скоро выручили его; вот как все это произошло.

Джессомсенг, удалившийся в свои владения, удовлетворившись тем, что он награбил во время битвы при Каджуе, набрал сильную армию и написал Даре, чтобы тот скорее подходил к Агре, он же присоединится к нему в пути. Дара, набравший уже довольно многочисленное войско (хотя, по правде сказать, это скорее был сброд) и надевшийся на то, что, если он подойдет к Агре, многие из его старых друзей, видя его с Джессомсенгом, неизбежно присоединятся к нему, немедленно покидает Амед-Абад и быстро идет в Аджмир⁴⁵, лежащий на расстоянии семи-восьми дней пути от Агры. Но Джессомсенг не сдержал своего обещания. В дело вмешался раджа Джессенг, желавший наладить соглашение между ним и Ауренгзебом и целиком втянуть его в партию Ауренгзеба или по крайней мере помешать осуществлению его планов, которые способны были погубить его самого и привести к волнениям среди других раджей. Он несколько раз писал ему, указывая на великую опасность, которой он подвергается, поддерживая гиблое дело, каковым было дело Дары; пусть он хорошенько подумает, как поступить, ибо он рискует погубить себя и всю свою семью, так как Ауренгзеб ему никогда этого не простит; он, Джессенг, сам такой же раджа, как Джессомсенг, пускай он подумает о том, чтобы сберечь кровь раджапутов. Если он рассчитывает привлечь на свою сторону раджей, то он натолкнется на людей, которые этому мешают; словом, это дело касается всех индусов вообще, т. е. всех язычников, и им грозит большая опасность, если загорится пожар, который потом уже нельзя будет потушить в любой момент. Если же он готов предоставить Даре самому распутывать свои дела, Ауренгзеб забудет все прошлое,

подарит ему все, что набрал, и немедленно даст ему в управление Гуджерат, а это ему будет чрезвычайно удобно ввиду близости провинции к его владениям: он сможет там жить в полном покое и безопасности столько времени, сколько ему будет угодно; он, Джессенг, ручается за все. Словом, этот раджа в конце концов убедил Джессомсенга вернуться в свои владения, между тем как Ауренгзеб подошел со всем своим войском к Аджиру и расположился против лагеря Дары.

Что может сделать Дара, этот несчастный принц, покинутый и обманутый в своих надеждах? Он рассуждает, что вернуться назад в Амед-Абад здоровым и невредимым со всей своей армией—вещь невозможная: для этого потребовалось бы тридцать пять дней пути в самый разгар лета; у него будет недостача в воде, ему придется идти все время через владения раджей, друзей или союзников Джессомсенга; армия Ауренгзеба, гораздо меньше измученная, чем его армия, не преминет последовать за ним.

Лучше погибнуть здесь, сказал он себе. Хотя силы совершенно неравные, но рискнем и дадим еще одно сражение. Но что же предпринять? Он не только покинут всеми, но даже Шах-Наваз-хан, которому он доверял, предает его и сообщает все его планы Ауренгзебу. Правда, во время битвы Шах-Наваз-хан был убит. Погиб ли он от руки Дары, как в этом меня уверяли многие, или (что наиболее вероятно) был убит людьми из армии Ауренгзеба, тайными сторонниками Дары, нашедшими способ добраться до Шах-Наваз-хана и прикончить его, опасаясь, чтобы он их не выдал и не сообщил о письмах, которые они писали Даре? Но какая польза была Даре от смерти Шах-Наваз-хана? Надо было раньше следовать советам друзей и не доверяться ему.

Битва началась в девять-десять часов утра; артиллерия Дары, стоявшая на хорошей позиции на пригорке, работала исправно, но, как говорят, стреляла холостыми зарядами, до того ему все изменили. Нет надобности рассказывать прочие подробности этого сражения; это в сущности было не сражение, а разгром. Скажу только, что едва началась битва, как Джессенг оказался совсем близко от Дары и послал сказать, чтобы он скорее бежал, если не хочет

попасть в плен; бедный принц, совершенно озадаченный, был вынужден тут же обратиться в бегство, притом в такое беспорядочное и поспешное, что не успел даже навьючить свой багаж; нелегко было выбраться оттуда с женой и прочим семейством. Не подлежит сомнению, что если бы раджа Джессенг захотел хоть немного потропиться, то Дара никогда не смог бы спастись. Но Джессенг всегда чувствовал уважение к царской семье или, скорее, он был слишком тонким политиком и слишком заботился о будущем, чтобы рискнуть наложить руку на принца крови.

Несчастный принц, всеми покинутый, сопровождаемый не более чем двумя тысячами человек, оказался вынужденным в самый разгар лета пройти без палаток и без багажа все эти владения раджей, которые тянутся от Аджмира почти до Амед-Абада. Между тем «кули», крестьяне этих мест⁴⁶, самые злобные среди всего населения Индии и самые большие разбойники, следовали за ним днем и ночью, грабили и убивали солдат с такой жестокостью, что нельзя было отстать на двести шагов от главного отряда, чтобы не быть немедленно раздетым догола, а то и убитым в случае малейшего сопротивления. Несмотря на все это, Дара все же добрался до места, бывшего на расстоянии одного дня пути от Амед-Абада, надеясь через день-два войти в город, отдохнуть и попытаться еще раз собрать кое-какое войско. Но неудача преследует побежденных и несчастных.

Губернатор, которого он оставил в крепости Амед-Абад, уже получил от Ауругзеба письма с угрозами и вместе с тем с обещаниями; он потерял мужество и подло дал себя соблазнить. Он написал Даре, чтобы тот не подходил ближе, что он найдет ворота закрытыми и всех в полном вооружении. За три дня перед тем я совершенно случайно встретил принца, и он меня заставил следовать за ним, так как у него не было врача. Вечером, накануне того дня, когда ему принесли это известие, он был так добр, что разрешил мне войти в свой караван-серай, опасаясь, что кули меня ночью убьют; трудно даже поверить, что это могло иметь место в Индостане, где знатные люди ревниво относятся к своим женам; я был на таком близком расстоянии от жен принца, что веревки «канатов», или ширм, скрывавших их от посторонних взоров (ведь не было даже самой

жалкой палатки), были привязаны к колесу моей повозки. Я мимоходом упоминаю об этой подробности только для того, чтобы обратить внимание, до какой крайности он дошел. Когда жены его слышали эти грустные новости (припоминаю, что это было на рассвете), они вдруг начали кричать и плакать так жутко и жалобно, что у меня выступили на глазах слезы. Все мы в смятении, каждый глядит на другого, и никто не знает, что делать и что предпринять. Немедленно после этого еле живой входит Дара и обращается то к одному, то к другому, даже к самым простым солдатам. Он видит, что все смущены, все собираются его покинуть. Что будет с ним? Куда ему направиться? Необходимо немедленно тронуться в путь. Судите по следующему маленькому случаю, до какой крайности дошло дело. Из трех больших гуджератских быков, которые везли мою повозку, накануне ночью у меня пал один, другой был при последнем издыхании, а третий совершенно выбился из сил (так как за эти три дня, что я был с Дарой, нам приходилось идти и днем и ночью при невыносимой жаре и пыли). Тем не менее, сколько он ни говорил и приказывал, для себя, для одной из жен, которая была ранена в ногу, и для меня он не мог найти ни быков, ни верблюдов, ни лошадей, так что к моему счастью он был вынужден оставить меня тут. Сказать правду, я со слезами на глазах смотрел, как он уезжал в сопровождении не более четырех или пяти всадников с двумя слонами, которые, как говорили, были нагружены золотом и серебром, и я слышал, что Дара, не видя лучшего выхода, собирался держать путь на Татабакар, хотя это казалось почти несуществимым ввиду незначительного количества оставшихся при нем людей и громадных песчаных пустынь, по большей части без хорошей питьевой воды, которые предстояло пройти в самый разгар лета. И действительно, большая часть тех, кто последовал за ним, и даже некоторые из его жен погибли в пути от жажды, скверной воды, усталости и плохого питания или же были ограблены кули. Несмотря на все, он сделал чрезвычайное усилие и добрался наконец до владений раджи Каче. Несчастный, зачем он сам не погиб на этом пути.

Этот раджа принял его сначала очень хорошо, обещая даже помочь ему всеми силами, за что Дара должен был

выдать свою дочь за сына раджи. Но вскоре Джессенг сумел также повлиять на этого раджу, как он это сделал с Джессомсенгом, и Дара, заметив в один прекрасный день, что дружба этого дикаря внезапно охладела и что здесь следовательно для него опасно оставаться, немедленно пустился дальше в путь на Татабакар.

Не стоит здесь описывать, как я отделался от господ кули, или разбойников, каким образом мне удалось возбудить их сострадание, как я спас большую часть моих небольших сокровищ, как я подружился с ними благодаря моей медицине, которой я усиленно хвастался, и как мой возчик и слуга, не менее, чем я, напуганные и растерянные, клялись, что я величайший врач во всем мире, что люди Дары, уходя, меня обидели и отняли все лучшее, что у меня было; продержав меня семь-восемь дней, кули были так добры, что дали мне быка и проводили до места, откуда были видны башни Амед-Абада. Несколько дней спустя я наконец добрался до Дели, случайно встретив одного эмира, который туда направлялся. По дороге нам от времени до времени попадались трупы людей, слонов, быков, верблюдов и лошадей, остатки несчастной армии Дары. Но это пожалуй не стоит здесь описывать.

Между тем как Дара продвигается к Татабакару, война в Бенгалии продолжается и затягивается на гораздо больший срок, чем ожидали. Султан-Суджа делал невероятные усилия и пускал в ход все средства против Эмир-Джемлы; это однако не очень беспокоило Ауренгзеба, который знал, что, от Бенгалии до Агры далеко, и был уверен в благоразумии и доблести Эмир-Джемлы. Гораздо сильнее беспокоил его Сулейман-Шеку, находившийся почти у ворот (от Агры до гор нет и восьми дней пути). Ауренгзев никак не мог с ним покончить; слухи о том, что Сулейман-Шеку с раджей спускаются с гор, держали его в постоянной тревоге. Выманить же его оттуда было очень трудно. Посмотрим же, как Ауренгзев в конце концов одолел его.

Он заставил раджу Джессомсенга написать серенагарскому радже и надавать ему всевозможных обещаний, если тот выдаст Сулейман-Шеку; одновременно он должен был угрожать войной, если тот будет упорство-

вать. Раджа Серенагара ответил, что он скорее потеряет свои владения, чем поступит так подло. Ауренгзеб, видя его решимость, отправляется в поход, подходит к самому подножию гор, ставит массу саперов для снятия скал и расширения дороги. Но радже это вовсе не страшно. Ему нечего бояться с этой стороны: сколько бы Ауренгзеб ни разбивал скалы, горы эти все же, как я уже сказал, оставались неприступными для армии, и одними камнями здесь можно было бы остановить силы четырех Индостанов; в конце концов Ауренгзебу пришлось вернуться без всяких результатов.

Тем временем Дара приближается к своей крепости Татабакар. Когда он был от нее на расстоянии двух или трех коротких дневных переходов, он получил известия, что Мир-Баба, который уже давно осаждал эту крепость, довел ее наконец до крайнего истощения, как я об этом узнал впоследствии от наших французов и других франги, бывших там. Фунт рису или мяса стоил больше эку, и в соответственной пропорции расценивались и другие припасы. Тем не менее губернатор все еще держался, делал вылазки, которые чрезвычайно беспокоили врага и проявлял необыкновенную осторожность, храбрость и преданность, насмехаясь над усилиями генерала Мир-Бабы и над всеми угрозами и обещаниями Ауренгзеба.

Вот что я слышал впоследствии от наших французов и всех других франги, которые были с ним. К этому они добавляли, что, когда он узнал о приближении Дары, он удвоил свою щедрость и так сумел воодушевить и расположить к себе солдат, что все они без исключения были полны решимости сделать вылазку против врага и во что бы то ни стало заставить снять осаду и впустить Дару. Подсылая в лагерь шпионов, распространявших слух о приближении Дары во главе большого войска, он посеял среди армии Мир-Бабы такой страх и тревогу, что она готова была разбежаться или перейти на сторону Дары, если бы тот действительно прибыл, как этого ежеминутно ожидали. Но Даре слишком не везло, чтобы ему могло улыбнуться счастье в каком-либо предприятии. Считая невозможным заставить снять осаду при помощи того немногочисленного отряда, который был с ним,

он решил переправиться через реку Инд и добраться до Персии, хотя это было чрезвычайно трудно осуществить вследствие лежавших на пути пустынь и отсутствия хорошей воды. Кроме того вдоль всей границы живут мелкие раджи и патаны, не признающие, можно сказать, никого—ни персов, ни могол. Однако жена его отговорила от этого намерения: по ее словам, это дело было недостойно величия его рода—неужели он хочет, чтобы его жена и дочь стали рабынями персидского шаха? Лучше умереть, чем терпеть такой позор. Рассказывают, будто в свое время жена Гумайона стала рабыней шаха.

Находясь в таком крайнем затруднении, Дара вспомнил, что вблизи живет довольно могущественный патан, Джион-хан⁴⁷, которому он дважды спас жизнь, когда Шах-Джехан приказал его за неоднократные бунты бросить под ноги слону. Он решился отправиться к нему в надежде получить от него помощь, достаточную для того, чтобы заставить снять осаду Татабакара; при этом он рассчитывал, что возьмет оттуда свою казну, а затем, пройдя через Кандагар, сможет добраться до Кабульского королевства, где он возлагал большие надежды на Могабет-хана, могущественного и храброго губернатора, очень любимого местными жителями и получившего свою должность благодаря поддержке Дары.

Внук его Сепе-Шеку, хотя он был еще очень молод, поняв его намерение, бросился к его ногам, умоляя во имя бога не вступать во владения этого патана. То же сделали его жена и дочь, доказывая, что это разбойник и бунтовщик, который неизбежно предаст его, что незачем упорствовать в стремлении снять эту осаду, а надо стараться достичь Кабула. Это возможно, тем более что Мир-Баба не оставит осады, чтобы его преследовать и помешать ему добраться до Кабула.

Дара, словно гонимый своей несчастной судьбой, отверг эти советы, не желая никого слушать. Он говорил, что переход этот труден и опасен (это было действительно так), и все настаивали на том, что у Джион-хана нехватит подлости предать его после всех оказанных ему благодеяний. Не слушая возражений, он отправился к нему и ценой своей жизни должен был убедиться, что никогда не следует доверяться дурному человеку.

Этот мошенник, который сначала думал, что за Дарой следует много народу, оказал ему наилучший прием, встретил его с проявлениями великой дружбы и наружной вежливостью, разместил его солдат среди своих подданных, приказав их хорошо принять и угощать как можно лучше. Но как только он узнал, что с ним не более двухсот-трехсот человек, он сразу проявил себя таким, каким был на самом деле. Неизвестно, получил ли он какие-нибудь письма от Ауренгзеба или его жадность была возбуждена видом нескольких мулов, по слухам, навьюченных золотом, которое удалось сохранить от разбойников и от проводников. Как бы то ни было, однажды утром, когда никто этого не ожидал и все эти несчастные думали только об отдыхе, считая себя в полной безопасности, этот предатель, всю ночь собиравший со всех сторон вооруженных людей, бросился на Дару и Сепе-Шеку, убил нескольких из их людей, которые пытались защищаться, забрал все вьюки и завладел всеми драгоценностями женщин; затем он связал Дару и, привязав на спину слона, посадил сзади него палача с приказанием по первому знаку, если он вздумает сопротивляться или кто-нибудь попытается его освободить, отрубить ему голову. В этом ужасном положении он отвез его к армии, осаждавшей Татабакар, где и вручил его генералу Мир-Бабе, который отправил его в сопровождении этого самого предателя до Лагора, а оттуда в Дели.

Когда они прибыли к воротам Дели, Ауренгзёб принялся обдумывать вопрос, провезти его или нет через город, чтобы затем отправить в Гвалиор. Некоторые были того мнения, что этого следует остерегаться, что могут возникнуть беспорядки, что его могут спасти и наконец, что это будет большим бесчестием для царской семьи. Другие держались противоположного мнения, настаивая на том, чтобы его провезли по городу, дабы поразить народ, показав неограниченное могущество Ауренгзеба, и убедить тех, кто еще сомневался, действительно ли это сам Дара; а в этом еще сомневались некоторые эмиры. Хотели отнять всякую надежду у тех, у кого еще сохранились какие-нибудь дружеские чувства к нему. Последовали совету последних. Его посадили на слона, рядом с ним внука его Сепе-Шеку, сзади него вместо палача сел Бхадур-

хан. То не был слон из тех великолепных животных из Цейлона или Пегу, на которых он привык появляться раньше, с золоченой сбруей и парчевой покрывкой, с сиденьем, защищенным от солнца, с раскрашенным и золоченым балдахином. Это был старый, жалкий слон, грязный и отвратительный, с рваной покрывкой и совершенно открытым сиденьем. На Даре уже не было ни ожерелья из крупного жемчуга, которое обычно носят на шее принцы, ни богатых тюрбанов и кабаи, или расшитых курток; единственным его одеянием была грязная куртка из грубой белой ткани и грязный тюрбан из скверной кашмирской шали, как у простого слуги. Внук его Сепе-Шеку был в таком же облачении. В этом унижительном виде их провели по городу, через все большие базары, т. е. торговые улицы, чтобы народ видел их и не сомневался более, что это сам Дара.

Что касается меня, то я воображал, что мы будем свидетелями какой-нибудь необыкновенной бойни, и удивлялся смелости тех, кто распорядился таким образом провезти его по всему городу, тем более что, как я знал, он очень плохо охранялся; Дара пользовался любовью простого народа, который в это время громко кричал против жестокости и тирании Ауругзеба, державшего в заточении своего отца, своего собственного сына Султан-Махмуда и брата Морад-Бакша. Я был вполне готов ко всему, и на хорошем коне с двумя толковыми слугами я отправился вместе с двумя друзьями на самый большой базар, через который он должен был пройти. Но не нашлось ни одного человека, который бы осмелился взяться за меч, только несколько факиров и с ними несколько базарных нищих, видя гнусного патана, сопровождающего его верхом на коне, начали осыпать его ругательствами, называя предателем и бросая в него камнями. Действительно все балконы и лавки ломились от народа, плакавшего горькими слезами; слышались жалобы, крики, ругательства и проклятья по адресу Джион-хана; словом, все—мужчины и женщины, взрослые и дети (у индийцев очень нежные сердца)—проливали слезы и выказывали большое сочувствие. Но никто не осмелился обнажить меч. После того как его таким образом провезли через весь город, его поместили в принадлежавший ему сад, называемый Гайдер-Абад.

Прежде всего не преминули донести Аууренгзебу, что весь народ, видя, как провозили Дару, проливал слезы и посылал тысячу проклятий патану, который его арестовал, что этого последнего чуть не убили, бросая в него камнями, и что была налицо опасность бунта и большого бедствия. Вследствие этого созвано было новое совещание, чтобы решить судьбу Дары: следует ли отправить его в Гвалиор, как это было намечено раньше, или будет более целесообразным умертвить его здесь, не отправляя никуда. Некоторые высказывали мнение, что его нужно отправить в Гвалиор под сильным конвоем, что этого будет достаточно; Данешменд-хан, хотя и старый враг Дары, сильно на этом настаивал, но Раушенара-Бегум под влиянием своей ненависти к брату страстно побуждала Аууренгзеба умертвить его, так как перевозить Дару в Гвалиор было опасно; на том же настаивали все его старые враги—Калил-улла-хан, и Шах-Гест-хан, а в особенности один льстивый врач, бежавший из Персии, прежде называвшийся Хаким-Дауд, затем ставший большим эмиром Такарубханом. Этот злобный человек, встав среди переполненного зала, начал с большой наглостью кричать, что для пользы государства необходимо умертвить его немедленно, тем более что Дара не был мусульманином, а уже давно стал кафиром, идолопоклонником, без религии, что он (Хаким-Дауд) берет грех на свою голову. И действительно, он принял на свою голову грех и проклятие, так как немного времени спустя он впал в немилость: с ним расправились, как с негодяем, и он умер самым жалким образом. В конце концов Аууренгзев поддался всем этим настояниям и приказал, чтобы его умертвили; что же касается Сепе-Шеку, то его отвезли в Гвалиор.

Обязанность совершить эту ужасную казнь возложили на раба по имени Назер, которого воспитал Шах-Джехан и которого, как знали, когда-то избил Дара.

Этот палач в сопровождении трех или четырех подобных ему убийц является к Даре, который из опасения, чтобы его не отравили, сам с Сепе-Шеку варил в то время немного чечевицы. Как только он издали заметил Назера, он крикнул Сепе-Шеку: «Сын мой, вот идут нас убивать!» и схватил в то же время маленький кухонный нож, единственное оружие, которое ему оставили. Один из палачей

немедленно бросился на Сепе-Шеку, другие же уцепились за руки и ноги Дары, повалили его на землю и держали под собой, пока Назер отрезал ему голову. Голову немедленно отнесли в крепость к Ауренгзебу, который приказал поместить ее на блюдо и принести воды; он потребовал платок, и, после того как лицо было тщательно обмыто и кровь стерта, Ауренгзев, убедившись, что это действительно голова Дары, начал плакать, произнося такие слова: «Ах, Бедбакт, ах несчастный, уберите это от меня, и пускай его похоронят в гробнице Гумайона».

Вечером в сераль привели дочь Дары, которую потом отослали к Шах-Джехану и Бегум-Сахев, потребовавшим ее от Ауренгзеба. Что же касается жены Дары, то она покончила с собой еще в Лагоре, где приняла яд, предвидя те бедствия, которые постигнут ее вместе с мужем. Сепе-Шеку был отвезен в Гвалиор. Наконец через несколько дней позвали на собрание к Ауренгзебу Джион-хана; он получил разные подарки и его отослали, но, когда он был уже недалеко от своих владений, его постигло заслуженное возмездие: его убили в лесу; жестокий дикарь не знал, что хотя цари и допускают такие поступки, если они клонятся к их выгоде, но всегда чувствуют к ним отвращение и рано или поздно сумеют за это наказать.

Между тем губернатор Татабакара по приказанию самого Дары, которого принудили к этому, должен был сдать крепость, правда, на таких условиях, какие он сам поставил. Но при этом подразумевалось еще одно условие, что данное ему слово будет действительно. Бедный евнух по прибытии в Лагор был убит губернатором Лагора, Калил-улла-ханом, вместе с немногими из его людей, которые находились тогда при нем. Впрочем причиной того, что условия капитуляции не были соблюдены, послужили сообщения, будто он готовился тайно отправиться прямо к Сулейман-Шеку, не щадя золотых монет, которые он потихоньку раздавал нашим франги и тем, которые вышли вместе с ним из крепости и последовали за ним под предлогом сопровождать его до Дели к Ауренгзебу, не раз высказывавшему желание увидеть доблестного мужа, который так храбро защищался.

Из всего семейства Дары оставался следовательно только Сулейман-Шеку, которого нелегко было бы вы-

манить из Серенагара, если бы только раджа продолжал держаться стойко, как в первое время. Но тайные переговоры раджи Джессенга, обещания и угрозы Ауренгзеба, смерть Дары, а также то обстоятельство, что другие горные раджи, его соседи, были подкуплены и готовились начать с ним войну по приказанию и за счет Ауренгзеба, — все это наконец поколебало верность трусливого покровителя и побудило его согласиться на то, что от него требовали. Сулейман-Шеку, будучи об этом предупрежден, бежал через глухие местности и пустынные горы к большому Тибету, но сын раджи, немедленно последовавший за ним, приказал кидать в него камнями; бедный принц был ранен, схвачен и привезен в Дели, где он был заключен в Селимгере, той самой маленькой крепости, в которую на первое время был посажен Морад-Бакш.

Не медля, Ауренгзев, соблюдая тот порядок, которого держались по отношению к Даре, для того чтобы никто не мог усомниться, что это действительно сам Сулейман-Шеку, приказал, чтобы его привели к нему в присутствии всех придворных. Приходится вспомнить, что я тут проявил слишком много любопытства. У двери при входе с него сняли цепи, которыми были скованы ноги, оставив на руках оковы, которые казались золочеными. Когда вошел этот высокий молодой человек, такой красивый и хорошо сложенный, многие эмиры не могли удержаться от слез, так же как и знатные придворные дамы, получившие разрешение посмотреть на него, спрятавшись за занавесками. Ауренгзев, казалось, сам был очень тронут его несчастием; он обратился к нему с ласковыми словами и стал утешать его, говоря между прочим, что ему нечего бояться, ему не причинят вреда, напротив, с ним будут обращаться хорошо, он не должен терять надежды, бог велик, пусть он утешится; если он, Ауренгзев, велел умертвить его отца Дару, то только потому, что тот стал кафиром, человеком без религии. После этого принц сделал ему салам (благодарственный поклон) согласно обычаю страны, опустив руки до земли и затем поднимая их как можно выше над головой, и сказал ему с большой твердостью, что если решено давать ему пить пульст, то он умоляет падишаха умертвить его немедленно, что он этим будет вполне доволен. Но Ауренгзев обещал ему

при всех, что его не заставят пить пульст, что он может быть спокоен на этот счет и не должен предаваться печали.

Сказав это, он еще раз дал ему сделать салам, и после того как ему задали несколько вопросов от имени Ауренгзеба относительно слона, навьюченного золотыми рупиями, которого у него взяли, когда он бежал в Серенагар, его увели и на следующий день отправили с другими в Гвалиор.

Пульст, напиток для заключенных в Гвалиоре принцев, которым не хотят рубить головы, готовится из растертого мака, оставляемого на ночь в воде. Это первое, что им предлагают по утрам, не давая есть до тех пор, пока они не выпьют большую чашку этого напитка; им скорее дадут умереть с голоду. Это заставляет их худеть и незаметно умирать, отнимая мало-помалу силы и рассудок; от пульста становятся как бы сонными и оглушенными. Таким образом, говорят, отделались от Сепе-Шеку, сына Морад-Бакша, и от самого Сулейман-Шеку.

Что же касается Морад-Бакша, то от него отделались другим, более насильственным способом: Ауренгzeb, видя, что хотя он в тюрьме, но все чувствуют к нему большую симпатию, распространяя стихотворения, восхваляющие его доблесть и мужество, нашел недостаточным для своей безопасности отправить Морад-Бакша на тот свет, как это делали с другими, тайком, посредством пульста. Он опасался, что останутся сомнения в его смерти, и это когда-нибудь создаст предлог для волнений. И вот обвинение, которое, как говорят, он возбудил против него.

Дети одного богатого сайеда, которого Морад-Бакш умертвил в Амед-Абаде, чтобы забрать его имущество, когда он там готовился к войне и брал займы или отбирал насильно деньги от всех богатых купцов, пришли в собрание придворных с жалобой, требуя справедливости и головы Морад-Бакша за кровь их отца. Ни один из эмиров не осмелился возражать, прежде всего потому, что это были сайеды, т. е. родственники Магомета, к которым все относятся с большим уважением; кроме того они достаточно ясно понимали истинные намерения Ауренгзеба, для которого это было предлогом, чтобы отделаться от Морад-Бакша с некоторой видимостью справедливости. Итак, голова того, кто убил их отца, была присуждена

им без долгих проволочек, и они немедленно отправились в Гвалиор с необходимыми распоряжениями.

Теперь в ноге Ауренгзеба не оставалось другой занозы кроме Султан-Суджи, который все еще держался в Бенгалии. Но наконец и он должен был уступить силе и счастью Ауренгзеба. Против него в распоряжение Эмир-Джемлы послали столько войск всякого рода, что наконец Султан-Суджу окружили со всех сторон, с обоих берегов Ганга и на всех островах, которые река образует у своего впадения в море; он был вынужден бежать в Дакку, последний город Бенгалии на берегу моря, и тут наступила развязка трагедии.

Этот принц, не имея судов, чтобы пуститься в море, и не зная, куда дальше бежать, послал своего старшего сына Султан-Банка к королю Аракана, или Мога⁴⁸, язычнику и идолопоклоннику, спросить, не позволит ли он ему приютиться в его стране только на некоторое время и не будет ли он так милостив, чтобы дать ему корабль для переезда в Моку, когда наступит муссон, или сезон ветров. Он хочет отправиться в Мекку, а оттуда сможет перебраться куда-нибудь в Турцию или в Персию. Король ответил, что он будет желанным гостем и что ему помогут насколько возможно. Султан-Банк вернулся в Дакке с множеством галлеасс, как они их называют, или полугалер короля, управляемых франги (я говорю о беглых португальцах и прочем сброде из тех христиан, которые поступили на службу к этому королю, не зная другого занятия кроме набегов и грабежа по всей Нижней Бенгалии); на эти суда Султан-Суджа погрузился сам со всем семейством—женой, тремя сыновьями и дочерьми. Их приняли довольно хорошо, и все, что нужно для жизни в этой стране, им доставляли от короля. Прошло несколько месяцев, пришел муссон, но о корабле нет разговора, хотя султан и просил его дать не даром, а за деньги: у него еще оставалось немало золотых рупий, серебра и драгоценных камней. Их было у него даже слишком много, его богатства и послужили по всей вероятности причиной его гибели или по крайней мере в значительной степени содействовали ей. Подобные варвары-короли лишены истинного благородства, их не удерживает данное слово; они соображаются только со своей личной выгодой в настоящий

момент, не думая о тех бедствиях, которые могут их постигнуть вследствие их грубости и коварства. Чтобы вырваться из их рук, нужно или быть сильнее их или не иметь ничего, что могло бы возбудить их жадность. Тщетно Султан-Суджа настаивает, чтобы ему поскорее дали судно,— дело не двигается, напротив, король начинает проявлять холодность и жаловаться на то, что он не хочет его навестить.

Не знаю, считал ли Султан-Суджа унижительным и недостойным для себя посетить короля или скорее боялся, что его схватят в этом доме, чтобы завладеть его сокровищами, а самого предать в руки Эмир-Джемлы, который за это обещал от имени Ауренгзеба большие суммы денег и разные другие блага. Как бы то ни было, он не захотел явиться к нему и довольствовался тем, что послал Султан-Банка, который, приближаясь к дому короля и желая проявить перед народом свою щедрость, стал разбрасывать на своем пути полурупии и даже целые рупии, золотые и серебряные; затем, представши перед королем, он поднес ему много парчи и редких ювелирных изделий, усыпанных очень ценными камнями, и принес извинения от своего отца Султан-Суджи, ссылаясь на его нездоровье, и умолял короля вспомнить о корабле и об обещании, которое он дал. Но это ни к чему не привело: напротив, король пять или шесть дней спустя посылает к Султан-Судже, прося одну из его дочерей себе в жены, на что тот никак не мог решиться и этим сильно раздражил дикаря. Что ему делать? Уже проходит благоприятное время года. Что станется с ним? Какое решение принять? Разве отважиться на какой-нибудь отчаянный шаг? И вот затевается удивительное предприятие, являющееся примером того, что может сделать отчаяние.

Хотя этот король Аракана язычник, но в его государстве тем не менее живет много магометан; некоторые к нему бежали, но большей частью это были рабы, взятые в плен теми франги, о которых я уже говорил. Султан-Суджа втихомолку привлек на свою сторону этих магометан и с двумя-тремястами человек, которые у него остались из последовавших за ним в Бенгалию, он решил внезапно напасть на дом дикаря, пустить в ход оружие, перебить всех и тут же провозгласить себя королем Аракана; это было очень смелое предприятие, задуманное ско-

рее отчаявшимся, нежели рассудительным человеком. Тем не менее, судя по тому, что я слышал и смог узнать от многих магометан, португальцев и голландцев, которые в то время были там, дело могло увенчаться успехом. Но накануне того дня, когда предполагали устроить нападение, замысел был раскрыт. Это окончательно погубило дела Суджи и явилось причиной его гибели, ибо, не видя никакого выхода, он попытался бежать и спастись через Пегу, что было почти невозможно вследствие гор и больших лесов на пути и вследствие наступившего бездорожья. К тому же за ним так быстро была послана погоня, что его настигли в тот же день. Всякий хорошо поймет, что он защищался так храбро, как только мог, он убил такое количество дикарей, что этому едва можно поверить. Но подошло столько народу, что он был задавлен массой и был вынужден покинуть поле битвы.

Султан-Банк, который ушел не так далеко вперед, как его отец, тоже защищался, как лев, но наконец был ранен одним из камней, которые в него кидались со всех сторон; на него набросились, взяли в плен и увели с двумя маленькими братьями, сестрами и матерью. Что касается Султан-Суджи, то вот что смогли узнать о нем: с одной из жен, евнухом и еще двумя людьми он добрался до вершины горы, там он получил удар камнем в голову и свалился на землю, но его немедленно подняли, евнух обвязал ему голову своей чалмой, и они скрылись в лесу.

Я слышал рассказ об этом в трех или четырех различных версиях от лиц, которые там были; некоторые уверяли, что его нашли среди трупов, но что его плохо знали в лицо, и я видел письмо начальника голландской фактории, которое это подтверждает. Но очень трудно достоверно установить, что с ним случилось, и эта неизвестность давала повод к тревоге, которая часто возникала у нас в Дели: то сообщали, что он прибыл в Маслипатам на соединение с королями Голконды и Биджапура, то уверяли, будто он прошел вблизи Сурата с двумя кораблями, с красными штандартами, полученными им якобы от короля Пегу или короля Сиама, то он якобы оказывался в Персии или в Ширазе, а затем даже в Кандагаре, готовый вступить в Кабульское королевство. Сам Аурунгзеб сказал однажды в шутку или по другим соображениям, что наконец Султан-

Суджа сделался хаджи, или пилигримом, желая этим сказать, что он побывал в Мекке; еще и теперь есть масса лиц, которые хотят верить, что он вернулся в Персию из Константинополя, откуда он привез много денег. Но неосновательность всех этих слухов явствует из письма голландцев; кроме того один из его внухов, с которым я проехал из Бенгалии в Маслипатам, а также главный начальник его артиллерии, которого я видел на службе у короля Голконды, уверяли меня, что его нет в живых. Но больше этого они мне не хотели сказать. Наконец наши французские купцы, недавно приехавшие из Персии и Испани, когда я еще был в Дели, ничего не слышали о нем в этих местах. Кроме того мне передали, что несколько времени спустя после его поражения были найдены его меч, канджер, или кинжал; таким образом надо думать, что если он и не был убит тут же, то он погиб после, став жертвой либо разбойников, либо тигров, либо слонов, которыми полны леса этой страны. Как бы то ни было, после этого дела заточили всю его семью, жен и детей, и обращались с ними очень грубо. Впрочем несколько времени спустя их освободили, и обращение стало мягче. Король приказал привести к нему старшую дочь и взял ее в жены.

В это время несколькими слугам Султан-Банка с некоторыми из магометан, о которых я говорил, пришлось в голову составить заговор вроде первого, но когда настал назначенный для его осуществления день, один из заговорщиков, будучи полупьян, слишком рано начал выступление. Мне по этому поводу нарассказали тысячу басней, так что неизвестно, чему верить. Из всего этого вполне достоверно лишь то, что король, ожесточившись против этой несчастной семьи Суджи, приказал истребить ее целиком; в живых не осталось никого, погибла даже дочь, на которой он женился, несмотря на то что, как говорили, она была беременна; Султан-Банку и его братьям отрубили головы плохими тупыми топорами, женщин же заперли в комнату, где они умерли от голода.

Так кончилась эта война, которая загорелась между четырьмя братьями из-за стремления к престолу и власти; продолжалась она пять-шесть лет, т. е. приблизительно от 1655 до 1660 или 1661 года, оставив Ауругзеба в мирном обладании этим могущественным государством.

ОСОБЕННЫЕ СОБЫТИЯ, ИЛИ РАССКАЗ О ТОМ,
ЧТО ПРИКЛЮЧИЛОСЬ ЗНАЧИТЕЛЬНОГО В ТЕЧЕНИЕ
ПЯТИ ИЛИ ШЕСТИ ЛЕТ ПОСЛЕ ВОЙНЫ В ГОСУДАРСТВАХ
ВЕЛИКОГО МОГОЛА

Когда война кончилась, узбекские татары решили отправить к Ауренгзебу послов. Он сражался в их стране, когда еще был принцем; его послал Шах-Джехан для командования вспомогательным отрядом, который у него выпросил самаркандский хан в помощь против балхского хана. Татары оценили его выдержку и доблесть во многих сражениях, и полагали с некоторым основанием, что у него еще остается на сердце обида, потому что, когда он уже почти взял город Балх, столицу врага, оба хана помирились, а его заставили уйти, боясь, как бы он не захватил все государство тем же способом, каким некогда Акбар овладел королевством Кашмира⁴⁹.

Кроме того они имели достоверные сведения обо всем, что происходило в Индостане, об его битвах, об его счастье и удаче; из этого они могли заключить, что хотя Шах-Джехан еще жив, хозяином является все-таки Ауренгзев, и что он единственный, кого следует признать государем Индии. Словом, боялись ли они его справедливого гнева или вследствие прирожденной скупости и низости надеялись на получение от него ценных подарков, во всяком

случае оба хана отправили к нему послов, чтобы предложить свои услуги и преподнести ему «мобарек», т. е. пожелать счастливого вступления на престол.

Ауренгзеб прекрасно понимал, что ввиду окончания войны их предложение запоздало, что только страх или надежда, как я уже говорил, побудили их приехать; тем не менее он принял их с почетом и так как я присутствовал, когда их допустили на аудиенцию к Ауренгзебу, то смогу рассказать подробности с большей достоверностью.

Они издали сделали ему «салам», или поклон по-индийски, положив трижды руку на голову и затем опустив ее до земли столько же раз. Потом они подошли к нему настолько близко, что Ауренгзеб мог легко взять письма непосредственно из их рук, однако он принял их от послов через эмира, который вскрыл их и передал ему; Ауренгзеб их тут же прочел с весьма важным видом, приказал каждому из послов дать парчевую куртку, чалму, вышитый шарф, или пояс. Это то, что обычно называют «серапа», как бы сказать одежда с головы до ног. После этого он приказал принести их подарки, которые состояли из нескольких отборных шкатулок из ляпис-лазури, нескольких длинношерстных верблюдов, очень красивых лошадей (хотя обыкновенно татарские лошади скорее хороши, чем красивы), нескольких верблюжьих вьюков свежих фруктов, как-то: груши, яблоки, виноград, дыни (эти сорта плодов, которые в Дели едят круглый год, поставяет главным образом Узбекистан) и из нескольких вьюков сухих фруктов, как-то: бухарские сливы, абрикосы, кишмиш, или виноград без семян (по крайней мере таких, которые видны), и два других сорта винограда—черного и белого, очень крупного и очень вкусного. Ауренгзеб не преминул выразить им свое большое удовольствие за щедрость ханов и преувеличенно похвалил красоту и редкость фруктов, лошадей и верблюдов; затем, поговоривши с ними недолго о положении самаркандской академии⁶⁰ и о плодородии их страны, которая изобилует столькими редкими и превосходными продуктами, он им сказал, чтобы они пошли отдохнуть и что он будет рад их часто видеть. Они вышли очень радостные и довольные этой аудиенцией, так как их совсем не смутила необходимость делать «салам» по-индийски, хотя он имеет характер несколько раболепный. Они также

ничуть не обиделись, что государь не принял писем из их рук. Если бы от них потребовали целовать землю или что-нибудь еще более унижительное, я думаю, они исполнили бы и это. Правда, если бы они претендовали на право поклониться по обычаю их страны и передать письма в собственные руки государя, то это не имело бы успеха: такое право принадлежит только персидским послам, но даже им эту милость оказывают лишь с большими затруднениями.

Послы оставались в Дели более четырех месяцев, как они ни торопились, чтобы их отпустили раньше; это причинило им большие неудобства, так как они почти все переболели и многие из них даже умерли вследствие непривычки к индоостанской жаре, а скорее потому, что они были очень грязны и очень плохо питались. Я не знаю, есть ли на свете народ более скупой и более нечистоплотный, чем эти татары. Они откладывали деньги, которые государь отпускал им на содержание, и жили очень скудно и совершенно недостойно послов. Их тем не менее отпустили с большими почестями: государь в присутствии всех эмиров подарил им по два богатых серапа каждому и приказал отнести им на дом восемь тысяч рупий, что на каждого составило по две тысячи экю; он им дал также для передачи их государям-ханам очень красивые серапа, массу богатейших штук парчи прекрасной выработки, много тонкого полотна и алаши—шелковой ткани с золотыми или серебряными полосами, несколько ковров и два кинжала, осыпанных драгоценными камнями.

Во время их пребывания я три раза навещал их. Меня им представил в качестве врача один из моих друзей, сын узбека, сделавшего карьеру при здешнем дворе; я хотел узнать от них про разные особенности их страны, но я натолкнулся на людей столь невежественных, что они даже не знали границ своей Узбекии и не могли мне дать никаких разъяснений насчет тех татар, которые несколько лет назад завоевали Китай⁵¹. Словом, они мне ничего не сумели сказать, чего бы я не знал раньше. Я был настолько любопытен, что даже пообедал с ними; это было довольно легко устроить, так как они люди без особых церемоний. Обед был необыкновенным для такого человека, как я, так как все было из конины; однако я не отказался от еды;

рагу оказалось довольно съедобным, и было необходимо оказать честь этой прекрасной говядине, до которой они так падки. Во время обеда царило полное молчание: они были заняты только тем, что хватали пилав полными горстями, так как они не знакомы с ложками. Когда котина несколько подействовала на их желудок, к ним вернулся дар речи. Они всеми силами старались убедить меня, что они искуснее всех стреляют из лука и что они самые выносливые люди на свете. Им приносили луки гораздо длиннее и толще, чем индостанские, и они предлагали биться об заклад, что пронзят насквозь быка или мою лошадь.

Затем они перешли на рассказы о силе и доблести своих женщин, которые по их описаниям превосходили амазонок; они мне рассказали о них несколько удивительных историй, одну из них между прочим прямо изумительную, если бы я только мог ее передать с таким же татарским красноречием, как они. Они рассказали, что, в то время когда Ауренгзеб воевал в их стране, отряд из двадцати пяти или тридцати индийских всадников напал на небольшую деревню. Пока они грабили и связывали всех, кого могли поймать, чтобы обратить в рабство, одна добрая старушка сказала им: «Дети мои, не будьте такими жестокими, моей дочери пока тут нет, она скоро придет, будьте благоразумны, уходите, вы погибли, если встретитесь с ней». Они посмеялись над старушкой и ее советом и не прекратили своей работы,—продолжали навьючивать и вязать и увели ее самое. Но они не отъехали и полумили, как старуха, которая все оглядывалась назад, испустила громкий крик радости, узнавши свою дочь по столбу пыли и топоту ее лошади; сначала эта благородная татарка верхом на бешеном коне, с луком и колчаном, висящим на боку, издали закричала им, что она пока согласна подарить им жизнь, если они доставят обратно в деревню все, что забрали, и спокойно уедут. Совет дочери их смутил столь же мало, как перед тем совет матери; но затем они были сильно озадачены, когда увидели, что она выпустила три или четыре больших стрелы, которые повергли на землю столько же из их людей; это заставило их тоже взяться за колчаны; но она держалась на таком расстоянии от них, что никто не мог в нее попасть; она насмехалась

над их усилиями и стрелами, поражая их благодаря исключительной дальнобойности своего лука и силе своих рук. В результате она своими стрелами перебила половину отряда, а остальных, приведя в полное смятение, зарубила саблей.

Гатарские послы еще не успели выехать из Дели, как Ауругзбб тяжело заболел; жестокая и непрекращающаяся лихорадка подчас лишала его рассудка; язык у него был поражен параличом настолько, что он почти потерял дар речи; врачи отчаялись в его спасении; говорили, что все уже кончено и Раушенара-Бегум из тайных целей старается ускорить его смерть; прошел даже слух, что раджа Джессомсенг, губернатор Гуджерата, двигается большими переходами для освобождения Шах-Джехана; что Могабет-хан, который наконец подчинился Ауругзббу, покинул Кабульскую провинцию и успел уже пройти Лагор, теперь повернул обратно и спешит с тремя или четырьмя тысячами всадников с этой же целью; что евнух Этбар-хан, стороживший Шах-Джехана в крепости Агра, добивается чести освободить его.

Мы видели, как, с одной стороны, сильно интриговал Султан-Мазум, стараясь посредством всякого рода обещаний заручиться поддержкой эмиров; дошло до того, что однажды ночью он отправился переодетым к радже Джессенгу, чтобы униженно просить у него содействия. С другой стороны, мы знаем, что Раушенара-Бегум вместе с главным начальником артиллерии Федай-ханом и некоторыми эмирами интриговала в пользу молодого принца Султан-Акбара, третьего сына Ауругзбеба, хотя тому было не более семи-восьми лет. Впрочем представители обеих соперничавших партий уверяли, что у них нет другой цели кроме освобождения Шах-Джехана; и народ верил, что его выпустят на свободу, хотя в действительности ни один из вельмож всерьез об этом не думал. Они распускали эти слухи лишь для того, чтобы поднять свой кредит, а также из опасения, что стараниями Этбар-хана или благодаря другим каким-нибудь тайным и неведомым интригам он вдруг выйдет из крепости и выступит в поход.

И действительно, среди них всех никто не имел основания желать его освобождения и восстановления на престоле, за исключением Джессомсенга, Могабет-хана

и немногих других, которые впрочем тоже мало для этого сделали. Разве они все в свое время не выступили против него? Во всяком случае они подло его покинули. Они хорошо знали, что если он выйдет, то будет львом, сорвавшимся с цепи, и кто же мог бы на него положиться? На что мог надеяться Этбар-хан, который держал его в таком строгом заточении? Если бы по какой-нибудь случайности Шах-Джехан мог выйти из своего заключения, не знаю, не остался ли бы он совершенно одиноким.

Однако хотя Аураугзеб был чрезвычайно сильно болен, он продолжал наблюдать за делами и заботился, чтобы Шах-Джехана держали взаперти. Хотя он и дал Султан-Мазуму совет в случае его смерти, не теряя времени, открыть двери Шах-Джехану, все же он непрерывно состоял в переписке с Этбар-ханом и на пятый день, в самый разгар болезни, он приказал внести себя на собрание эмиров, чтобы показаться им и разубедить тех, кто думал, будто он умер, и чтобы этим избежать народного волнения или какой-нибудь случайности, которая могла иметь последствием выход Шах-Джехана из темницы. На седьмой, девятый и десятый день он тоже велел себя отнести в собрание по тем же соображениям и, что прямо-таки невероятно, на тринадцатый день, только что очнувшись от обморока, вследствие которого весь город заговорил, что он умер, он пригласил к себе двух или трех из больших эмиров и раджу Джессенга, чтобы им показать, что он жив, велел поднять себя на ноги, потребовал чернил и бумаги, чтобы написать Этбар-хану, и приказал принести большую печать, которую он отдал на хранение Раушенара-Бегум, причем эта печать хранилась в маленьком мешке, запечатанном другой печатью, которую он всегда держал у себя привязанной к руке из опасения, чтобы она ею не воспользовалась для своих целей. Я стоял вблизи своего ага, когда ему передавали о всех этих событиях, и видел, как он поднял руки к небу и сказал: «Какая сила воли, какое мужество! Бог бережет тебя, Аураугзеб, для более великих дел, он не хочет, чтобы ты умер!» И действительно, после этого сон стал понемногу поправляться.

Едва здоровье Аураугзеба восстановилось, он попытался вырвать из рук Шах-Джехана и Бегум-Сахев дочь Дары, чтобы обеспечить брак своего третьего сына, Сул-

тан-Акбара, с этой принцессой и таким образом закрепить его право на престол перед остальными сыновьями. Повидимому именно он предназначается для этого Ауренгзебом; он еще крайне молод, но у него много родственников при дворе, притом очень влиятельных; он родился от дочери Шах-Наваз-хана и следовательно в нем течет кровь древних государей Машата, между тем Султан-Махмуд и Султан-Мазум—только дети раджпутни, или дочерей раджей. Эти цари, хотя и магометане, охотно берут жен из языческих семейств по государственным соображениям или из-за их необычайной красоты. Но этот план Ауренгзеба потерпел неудачу; трудно представить, с каким высокомерием и с какой надменностью Шах-Джехан и Бегум отвергли его предложение, а сама молодая принцесса, опасаясь, что ее захотят похитить, провела несколько дней в безутешном горе, уверяя, что она скорее сто раз наложит на себя руки, чем выйдет замуж за сына того, кто умертвил ее отца. Ауренгзёб не сумел также добиться от Шах-Джехана, чтобы тот передал ему драгоценные камни, которые он у него просил для окончания работы по украшению знаменитого трона, так высоко ценимого⁵². Шах-Джехан гордо ответил, чтоб Ауренгзёб занимался управлением государства лучше, чем он это делал до сих пор, и оставил в покое свой трон; ему надоело слушать об этих драгоценных камнях, и уже припасены молотки, чтобы обратить их в пыль, если Ауренгзёб снова заговорит о них.

Голландцы не захотели отставать от других при принесении «мобарек» Ауренгзебу; они тоже задумали отправить к нему посла. Для этой цели был выбран господин Адрикан⁵³, начальник их суратской фактории, человек вполне честный, здравого рассудка и трезвого ума, который не пренебрегал советами своих друзей и прекрасно справился с этим поручением. Ауренгзёб, хотя он очень высокомерен и прикидывается ревностным магометанином и следовательно делает вид, что презирает франги, или христиан, принял его тем не менее с большим почетом и любезностью и даже выразил желание, чтобы тот сделал ему салам, или поклон, по-франгйски, после того как он должен был это сделать по-индийски. Правда, письма он принял из рук одного из эмиров, но это не означало презрения, так как в этом он не оказал большего почета

и узбекскому послу. Затем он дал ему понять, что он может поднести свой подарок, и приказал надеть на него и некоторых из его свиты парчевые серапа.

Подарок, поднесенный послом, состоял из большого количества очень тонкой зеленой и красной материи, нескольких больших зеркал и множества прекрасных китайских и японских изделий, между которыми был палеки и тахтраван, или полевой трон, работы, возбудившей всеобщее удивление. Посол не был отпущен так скоро, как он этого желал, потому что Моголы обычно задерживают иностранных послов как можно дольше, полагая, что их длительное пребывание при дворе способствует его блеску и величию. Впрочем его не задерживали так долго, как узбекских послов; это было для него большое счастье, ибо секретарь его там умер, а остальные люди его свиты начинали уже заболеть. Когда Ауренгзеб его отпускал, он приказал одеть его в другой парчевый серапа, подобный первому, и дал ему еще один, чрезвычайно богатый, для генерал-губернатора Батавии; к этому он присоединил кинжал, осыпанный драгоценными камнями, и крайне любезное письмо.

Главная цель голландцев при отправлении этого посольства состояла в том, чтобы государь непосредственно познакомился с ними. Этим они надеялись поднять свой авторитет и навести страх на губернаторов приморских портов и других мест, где имеются голландские фактории, дабы те не чинили им обид по своему усмотрению и не мешали их торговле; они хотели также дать им понять, что имеют дело с могущественной нацией, которая может обратиться с жалобой непосредственно к государю. Кроме того они преследовали и другую цель—указать на выгоды, которые государь получает от торговли с ними. Поэтому они показали длиннейшие списки товаров, которые они скупили по всему государству, и обратили его внимание на значительные суммы золота и серебра, которые они сюда привозят каждый год, но не сказали ни слова о тех суммах, которые они сами извлекают отсюда за медь, олово, корицу, гвоздику, мускатный орех, перец, алоэ и прочие голландские товары.

Приблизительно в это же время один из старейших и наиболее влиятельных эмиров вздумал однажды убедить

Ауренгзеба в том, что громадное количество дел всякого рода и постоянное напряжение ума могут пожалуй пагубно повлиять на его характер и повредить его здоровью. Ауренгзеб, даже не показывая вида, что его слушает, повернулся в другую сторону и, обращаясь к одному из первых эмиров двора, человеку умному и образованному, заговорил с ним примерно в таком роде, как мне удалось узнать от сына этого вельможи, молодого врача, с которым я был дружен: «Вы, ученые, разве вы не согласны, что бывают такие времена и такое стечение обстоятельств, когда государь должен рисковать жизнью для своих подданных и жертвовать собою, защищая их с оружием в руках? Между тем этот неженка не хочет, чтобы я утруждал свой ум и считал своей обязанностью посвящать общественному благу бессонные ночи, заботы и краткие дни моей жизни; он, кажется, хочет соображениями о моем здоровье побудить меня думать только об удовольствиях, передав все дела и управление в руки какого-нибудь визиря. Разве он не знает, что, родившись по воле providения сыном государя и предназначенный для престола, я рожден не для себя одного, но для общественного блага, чтобы доставить моим подданным покойную и счастливую жизнь, поскольку это совместимо с правосудием, высшей властью и безопасностью государства? Он не видит последствий своих советов, не видит, какие бедствия получаются, когда управление находится в руках визирей. Думает ли он, что наш великий Сади без основания так смело сказал: «Цари, перестаньте быть царями или умеете сами управлять своими царствами». Ступай, скажи твоему соотечественнику, что я всегда милостиво отнесусь ко всем заботам, которые он приложит, исполняя обычные обязанности своей должности, но чтобы он не позволял себе заходить слишком далеко. Всем нам и так присуща естественная склонность жить как можно приятнее и дольше без забот и хлопот; нет надобности в других советниках,—уже наши жены слишком часто умеют нас склонять к этому».

В это самое время произошло очень печальное событие, наделавшее много шума в Дели и особенно в серале и убедившее многих, в том числе и меня, в том, что вполне оскопленные евнухи могут влюбляться так же, как и дру-

гие мужчины. Дадаркан, один из главных евнухов сераля, построивший себе дом, куда он часто приходил ночевать и веселиться, влюбился в одну очень красивую женщину, сестру своего соседа, индуса-писца. Эта любовная интрига тянулась довольно долго, не возбуждая с чьей-либо стороны особых нареканий, так как в конце концов он был евнухом, который может всюду входить, она же—женщиной, а не девушкой; но интимность между любовниками зашла так далеко и была такой необычайной, что соседи заподозрили кое-что и стали насмехаться над писцом; это его настолько задело, что он неоднократно грозил сестре и евнуху убить их, если они будут продолжать свои отношения, и действительно, застав их однажды ночью лежащими вместе, он кинжалом заколол евнуха, а сестру чуть не убил. Весь сераль, женщины и евнухи, объединились, чтобы добиться его казни, но Ауренгзеб не обратил внимания на их происки и удовольствовался тем, что обратил его в магометанство. Однако думают, что он не надолго сможет избежать злобы и могущества евнухов, ибо, как здесь обыкновенно говорят, только животные становятся более смиренными и послушными, когда их оскотворяют; люди же, наоборот,—более злобными и порочными, часто заносчивыми и несносными. Иногда впрочем эти пороки превращаются, уже не знаю каким образом, в преданность, храбрость и удивительную щедрость.

Кажется приблизительно в то же время между Ауренгзебом и Раушенара-Бегум наступило охлаждение вследствие того, что ее заподозрили, будто она несколько раз вводила двух человек в сераль; они были пойманы и приведены к Ауренгзебу; но поскольку это было всего лишь подозрение, он не высказал ей большого неудовольствия и не поступил с этими несчастными так круто и жестоко, как это сделал Шах-Джехан. Вот что мне рассказала по этому поводу старая португальская метиска, бывшая долгое время рабыней в серале и имевшая туда свободный доступ. Раушенара-Бегум, получив от молодого человека все, что он мог дать ей в течение нескольких дней, пока она его прятала, поручила нескольким женщинам провести его ночью через сады и дать ему благополучно уйти. Но поймали ли их, или они испугались такой возможности, или тут была какая-нибудь иная причина, но они убежали,

а он заблудился в этих садах и не знал, в какую сторону идти. Наконец его увидели и привели к Ауренгзебу, который долго его допрашивал, но добился от него лишь одного ответа, что он перелез через стены сада. Ауренгзёб приказал вывести его тем же путем, каким он вошел, но евнухи сделали пожалуй больше, чем имел в виду Ауренгзёб, — они его сбросили вниз со стены. Что касается второго, то та же женщина рассказала мне, что его тоже нашли блуждающим по садам, но он признался, что вошел через дверь, и Ауренгзёб распорядился, чтобы его вывели тем же путем, но вместе с тем решил строго и примерно наказать евнухов, так как это дело касается не только чести государя, но и его личной безопасности.

Несколько месяцев спустя после этих происшествий в Дели прибыло почти одновременно пять послов. Первый из них был послан шерифом Мекки; подарки его состояли из арабских лошадей и метлы, которой мели маленькую часовню, находящуюся посреди большой меккской мечети, ибо магометане чувствуют глубокое уважение к этому месту, которое они называют бейт аллах, что значит дом божий, веруя, что это первый храм, который когда-либо был посвящен богу, и что посвятил его Авраам. Второй и третий из послов были от короля Йемена, или счастливой Аравии, и князя Бассоры, — они также приподнесли арабских лошадей. Два другие посла были отправлены королем Эбеша, или Эфиопии. На первых трех обратили очень мало внимания: они имели такой жалкий и потрепанный вид; было совершенно ясно, что их приезд был вызван желанием перехватить немного денег за свой подарок, а также за нескольких лошадей и другие товары, которые они как послы беспощадно ввозили в государство, чтобы затем их продать, а на вырученные деньги закупить индийских тканей и вывезти их, опять-таки не платя пошлин.

Что же касается посольства эфиопов, то оно заслуживает, чтобы о нем рассказать, начав издали. Король Эфиопии, получив известие о перевороте в Индии, замыслил познакомиться эту страну со своей особой и показать себя во всем великолепии, отправив для этого пышное посольство. Но злая молва или, скорее, чистая правда говорят, что он, как и другие, хотел получить какой-нибудь подарок.

Вот каково было это удивительное посольство: он избрал для исполнения обязанностей послов двух лиц, которые, надо полагать, являлись наиболее значительными при его дворе и считались способными выполнить столь прекрасно задуманный план. Первым был магометанский купец, которого я видал несколько лет назад в Моке, когда я там был проездом из Египта через Красное море; он прибыл туда по поручению своего государя для продажи большого количества рабов и для покупки на вырученные деньги индийских товаров.

В этом состоит благородная торговля этого христианского короля Африки.

Вторым был армянский купец, христианин, родившийся и женившийся в Алеппо; он был известен в Эфиопии под именем Мюрат; его я тоже встречал в Моке, где он мне уступил половину своей комнаты и дал прекрасные советы, о которых я упоминал в начале моего повествования. Он-то и отговорил меня от первоначального намерения поехать в Эфиопию. Он ежегодно приезжал в эту страну по поручению короля с той же целью, как и магометанин, и привозил подарки, которые король ежегодно посылал господам из английской и голландской компаний восточной Индии, и увозил подарки, полученные от них.

Король, желая, чтобы его послы явились с всевозможным блеском, щедро снабдил их средствами. Он им дал тридцать два маленьких раба—девочек и мальчиков—для продажи в Моке, чтобы они могли образовать из вырученной суммы крупный фонд для расходов на остальное путешествие. Это была удивительная щедрость,—таких рабов обыкновенно продают в Моке в среднем по двадцать пять—тридцать экю за штуку, так что должна была составиться порядочная сумма. Кроме того он дал им для подарков Великому Моголу двадцать пять отборных рабов, между которыми было девять или десять очень молодых, пригодных для превращения в евнухов. Предоставляю другим судить, насколько это было достойным подарком со стороны короля, особенно христианского короля, магометанскому государю; впрочем христианство эфиопов очень отличается от нашего. Он дал им еще для Великого Могола пятнадцать лошадей, которых они ценят наравне с арабскими, маленького мула особой породы, шкуру которого

я видел; она представляет собой большую редкость; даже тигры и индийская алаша (полосатая шелковая материя) не бывают так хорошо разукрашены полосами, так разнообразно и равномерно. Кроме того были присланы два слоновых клыка такой величины, что, как они уверяли, самый сильный человек мог поднять с полу лишь один из них, и наконец бычачий рог, наполненный цибетом⁵⁴. Рог этот был также огромных размеров; когда они прибыли в Дели, я смерил его отверстие, диаметр его оказался более полуфута.

Когда все было таким образом по-царски приготовлено, послы отправились в путь из Гондера, столицы Эфиопии, лежащей в провинции Думбии, и поехали через очень плохие места, пробыв в дороге более двух месяцев, пока не добрались до Бейлула—пустынной морской гавани напротив Моки, недалеко от Баб-эль-Мандебского пролива; по причинам, о которых я скажу в другом месте, они не решались ехать обыкновенной караванной дорогой (составлявшей не более сорока дней пути до Аркико), чтобы оттуда перебраться на остров Масува, где турецкий султан содержит гарнизон. В то время, когда они были в Бейлуле, поджидая из Моки барку для переезда через Красное море, у них умерло несколько рабов, так как барка сильно запоздала и они не могли найти необходимых продуктов питания. Когда они прибыли в Моку, они продали свои товары, чтобы образовать посольский фонд, как это им было приказано, но на их несчастье цена на рабов в том году оказалась очень низкой, так как многие другие купцы также привезли рабов на продажу. Все же образовался значительный фонд, и они тронулись в дальнейший путь. Они погрузились на индийское судно, чтобы доехать до Сурата; плавание их было довольно счастливым; они не пробыли в море и двадцати пяти дней, но либо они плохо распорядились заготовкой провианта, или у них истощились уже средства, или тут были какие-то другие причины, только у них погибло несколько лошадей, несколько рабов и мул, кожу которого они спасли.

Едва они прибыли в Сураат, как биджапурский бунтовщик по имени Севаджи⁵⁵ напал на город, ограбил и поджег его, в том числе и их дом; им удалось спасти кроме писем лишь нескольких рабов, которые были больны или

которых Севаджи не смог поймать, затем их эфиопские платя, не соблазнившие Севаджи, шкуру мула, которой, я думаю, он совсем не интересовался, и бычий рог, который он нашел уже без цибета. Они очень преувеличивали свое несчастье, но злоязычные индийцы, которые видели, в каком жалком виде они приехали—без съестных припасов и платя, без денег и без векселей,—говорили, что им очень повезло и что они должны считать ограбление в Сурате самым большим счастьем в своей жизни, так как Севаджи избавил их от труда привезти в Дели свои жалкие подарки, дав им прекрасный предлог разыгрывать роль нищих и кайманов, продать цибет и нескольких рабов, принадлежащих лично им, как они уверяли, и просить о пропитании суратского губернатора, который их некоторое время кормил и в конце концов дал им даже денег и несколько повозок, чтобы они могли продолжать свой путь до Дели.

Адрикан, начальник голландской фактории, который был моим другом, дал армянину Мюрату рекомендательное письмо ко мне, и тот привез его мне в Дели, не зная, что я был его гостем в Моке. Это была очень приятная и радостная встреча, когда мы узнали друг друга после того, как не виделись пять или шесть лет. Я его обнял самым нежным образом и обещал, что окажу ему помощь, насколько это будет в моей власти. Но хотя у меня были знакомства при дворе, мне оказалось почти невозможным ему помочь, так как они ничего не привезли из подарков кроме шкуры мула и пустого бычьего рога, где они держали свой арак, или водку из черного сахара, которую они очень любят. Ведь все видели, как они шли по улицам без палеки [паланкина] и без лошадей, кроме разве лошади нашего отца-миссионера или одной из моих, которую они собирались убить, или какой-нибудь несчастной наемной повозки. Одеты, как настоящие бедуины, они расхаживали в сопровождении семи или восьми рабов, босых, с непокрытыми головами, с одеждой, состоявшей лишь из простой повязки вокруг бедер и куска холста, прикрывавшего левое плечо и протянутого подмышку правого плеча вроде летнего плаща. Тщетно я хлопотал за них: их принимали за нищих и старались не замечать.

Тем не менее я настолько усердно проповедывал о величии их короля моему аге Данешменд-хану, который интересовался моими речами, так как в его ведении были иностранные дела, что Аууренгзеб дал им аудиенцию, принял их письма, приказал им дать серапа, т. е. парчевую куртку, шелковый вышитый шарф, или пояс, и такой же тюрбан, распорядился об их содержании и скоро отпустил их, притом с гораздо большим почетом, чем они даже могли ожидать, так как, отпуская их, он еще дал каждому из них по серапа и лично для них шесть тысяч рупий, что составляет около трех тысяч экю, из коих магометанин получил четыре, а Мюрат две тысячи, так как он был христианином. Он дал им для подарка королю, их господину, очень богатый серапа, две больших серебряных позолоченных трубы, пару серебряных литавров, кинжал, осыпанный рубинами, и примерно на двадцать тысяч франков золотых и серебряных рупий, чтобы показать, как он сказал, их королю монету как редкостную вещь, которой не было в его стране. Он впрочем знал, что эти рупии не выедут из его государства и что они на них накупят индийских товаров; и действительно они истратили их на покупку тонких хлопчатобумажных материй (на рубашки королю, королеве и их единственному законному сыну, наследнику), алаша, или шелковой материи с золотыми и серебряными полосами, для летних курток и штанов, английских тканей зеленого и красного цвета, чтобы сделать из них две аббы, или арабских куртки, для короля, пряностей и большого количества более грубых тканей для некоторых женщин сераля и для детей, которых король имел от них,—и все это не платя никакой таможенной пошлины.

При всей моей дружбе к Мюрату имелись три обстоятельства, которые побуждали меня почти раскаяться в том, что я им помог. Первое—это то, что Мюрат не сдержал своего обещания оставить мне за пятьдесят рупий своего маленького сына, очень хорошо сложенного, прекрасного черного цвета, у которого не было толстого приплюснутого носа и толстых губ, обычных для эфиопов; мне было передано, что он хочет за него не менее трехсот рупий; я тем не менее собирался купить его из-за редкости этого обстоятельства и из-за возможности говорить, что

отец продал мне своего ребенка. Вторая причина заключалась в том, что, как я узнал, Мюрат, так же как и магометанин, взял на себя перед Ауренгзебом обязательство повлиять на своего короля, чтобы тот разрешил восстановить в Эфиопии древнюю мечеть, разрушенную во времена португальцев. Она была построена для гробницы некоего шейха или дервиша, который туда пришел из Мекки для пропаганды магометанства, в чем достиг больших успехов. На это они получили от Ауренгзеба две тысячи рупий. Мечеть эту разрушили португальцы, когда они из Гоа пришли в Эфиопию для помощи, которую у них просил король, перешедший в католичество, против магометанского государя, ворвавшегося в его королевство. Третье— это то, что они просили Ауренгзеба от имени своего короля дать им коран и еще восемь других книг, как мне помнится, из самых известных, трактующих о магометанской религии; такой поступок мне показался низким и подлым со стороны посла и короля христиан и убедил меня в справедливости того, что я слышал еще в Моке, именно, что эфиопское христианство какое-то особенное, что все это сильно пахнет магометанством и что число магометан там быстро растет, особенно с тех пор как там, как я уже рассказывал, по проискам королевы-матери после смерти короля убили проникших туда португальцев или изгнали вместе с патриархом-иезуитом, которого португальцы привезли из Гоа.

В то время как послы были в Дели, мой ага, чрезвычайно любознательный, часто призывал их к себе в моем присутствии, чтобы ознакомиться с состоянием и способом управления их страны и особенно получить сведения об истоках Нила, который они называют Аббабиль. Они рассказывали нам об этом, как о чем-то вполне известном и не подлежащем никакому сомнению. Сам Мюрат и один монгол, вернувшийся с ним из Эфиопии, были там и сообщили нам об этих истоках подробности, вполне совпадавшие с тем, что я слышал о них в Моке. Они говорили, что Нил берет свое начало в стране агавов и выходит из земли двумя кипящими ключами, находящимися близко один от другого и образующими небольшое озеро в тридцать или сорок шагов длины; при выходе из этого озера Нил становится уже порядочной рекой, а в дальнейшем течении в него время от времени впадают маленькие речки,

которые его увеличивают. Они добавляли, что он течет, изгибаясь и образуя как бы большой остров, затем после падения с нескольких крутых скал он попадает в большое озеро с несколькими плодородными островами, множеством крокодилов и (что было бы довольно замечательно, если бы это было правдой) множеством морских телят, у которых нет другого отверстия для испражнений кроме пасти, из которой они их изрыгают. Это озеро лежит в стране Думбия в трех небольших дневных переходах от Гондера и в четырех-пяти днях пути от истоков Нила. Наконец Нил выходит из этого большого озера, полного водой от рек и потоков, впадающих в него, особенно в период дождей, которые, как и в Индии, регулярно начинаются (что заслуживает большого внимания и очень убедительно по отношению к разливу Нила) к концу июля. Затем он протекает через Соннар, столицу короля фунгов, данников эфиопского короля, и оттуда течет в равнины Месра, т. е. Египта.

Послы не упускали случая говорить больше, чем нужно, о величии их короля и мощи его армии, но Могол не очень с этим соглашался, а в их отсутствии отзывался об этой армии, которую он два раза видел в походе с королем во главе, как о самой жалкой в мире. Они нам рассказывали еще о разных особенностях страны, которые я записал в свои мемуары; я когда-нибудь постараюсь их привести в порядок; теперь же сообщу три или четыре факта, которые узнал от Мюрата; я нахожу их совершенно поразительными для христианского королевства. Он мне говорил, что в Эфиопии едва ли найдется мужчина, у которого кроме законной жены не было бы еще несколько других, и сам признался, что их у него две, не считая той, которую он оставил в Алеппо; что эфиопские женщины не прячутся, как в Индии магометанки и даже язычницы, что женщины из простого народа, девицы или замужние, рабыни или свободные, часто днем и ночью находятся вместе в одной и той же комнате, без всяких проявлений ревности, как в других странах, что жены вельмож весьма мало прячутся, входя в дом простого кавалера, который известен им как человек предприимчивый. Если бы я отправился в Эфиопию, меня прежде всего принудили бы жениться, как несколько лет назад заставили это сделать одного европейца, выдававшего себя за греческого врача, хотя он

был духовным лицом; на дочери его сам рассказчик предполагал женить одного из своих сыновей.

Старик лет восьмидесяти представил однажды королю двадцать четыре сына, всех уже способных по возрасту носить оружие. Король спросил его, нет ли у него еще детей, и, услышав, что есть еще только несколько дочерей, грубо прогнал его, сказав: «Ступай, ступай, старый теленок, ты должен был бы стыдиться, имея так мало детей в твоём возрасте; разве нехватает женщин в моём королевстве?». У самого короля было не менее восьмидесяти сыновей и дочерей, бегавших вместе по сералю; для них он приказывал изготовлять в большом количестве круглые палки, полированные и отделанные наподобие маленькой булавы, так как этих детей страшно радовало держать в руках как бы скипетры, которые отличали их от детей рабов или прочих обитателей сераля.

Ауренгзеб дважды призывал послов к себе по той же причине, что и мой ага, а главным образом, чтобы получить сведения о положении магометанства в их стране; он даже выразил желание взглянуть на шкуру мула, которая, не знаю почему, осталась в крепости у офицеров, что было для меня большой обидой, так как послы ее предназначали мне за все услуги, которые я им оказал. Я имел в виду преподнести ее в один прекрасный день кому-нибудь из наших любителей в Европе. Я настаивал, чтобы они вместе со шкурой отнесли показать Ауренгзебу большой рог, но тут возникало затруднение: он мог задать им вопрос, который бы поставил их в очень неудобное положение, а именно: как могло случиться, что они рог спасли от грабежа в Сурате, а цибет потеряли.

В то время когда эфиопские послы были в Дели, Ауренгзеб созвал тайный совет из самых ученых людей своего двора, чтобы выбрать нового учителя своему третьему сыну, Султан-Акбару, тому, которого он предназначал себе в наследники. Он обнаружил на этом совете страстное желание, чтобы этот молодой принц получил образование и стал великим человеком. Ауренгзеб хорошо знал, насколько это важно, чтобы цари, превосходя прочих людей величием, превосходили их также доблестью и познаниями. Несомненно, ему было известно, что одним из главных источников нищеты, плохого управления, убыли на-

селения и упадка азиатских государств является то, что царские дети воспитываются среди женщин и евнухов, нередко жалких рабов из России, Черкессии, Мингрелии, Туркестана и Эфиопии, с низкими и раболепными душами, невежественных и заносчивых; эти принцы становятся царями уже в зрелом возрасте, не получив никакого образования, не сознавая, что значит быть царем. Изумленные, словно выходцы из другого мира или какой-нибудь подземной пещеры, выходят они из сераля, где провели всю свою жизнь, восхищаются всем, как настоящие блаженные, всему верят и всего пугаются, как дети, или ничего не боятся, как безрассудные люди, во всем следуют своим естественным наклонностям и случайным мыслям, которые им внушали, имеют обычно вид важный, гордый и дерзкий, но эта важность и гордость так пошлы, так противны, так мало им к лицу, что они едва прикрывают их дикость и варварство и звучат, как плохо заученный урок. Случается, что они впадают в чрезмерную учтивость, которая еще более пошла и противна, или проявляют слепую и дикую жестокость, предаются низкому и грубому пьянству; отдаются сладострастию без меры и рассудка, губя свое тело и ум с наложницами; или забывают все, чтобы отдаться наслаждениям охоты, подобно хищным зверям, и ценят свору собак выше жизни тех несчастных людей, которых они насильно заставляют принимать участие в этой забаве, обрекая их на гибель от голода, зноя, холода и нищеты; словом, они почти всегда бросаются в какую-нибудь безрассудную и нелепую крайность, смотря по тому, куда их, как я уже сказал, влекут их естественные наклонности или первые попавшиеся идеи, которые им внушат; они остаются почти всегда в полном неведении того, что касается государства, оставляют бразды правления в руках визиря, который поддерживает их в их невежестве и страстях, являющихся самой главной его опорой, благодаря которой он может управлять по своему усмотрению, в полной безопасности и без всякой помехи; или они оставляют бразды правления в руках своих матерей-рабынь и их евнухов, обыкновенно способных лишь на жестокие интриги, которые приводят к удушению или изгнанию то одних, то других, нередко даже визирей и знатнейших вельмож, и никто, имеющий хоть

какое-нибудь имущество, не может быть спокоен за свою жизнь.

После всех этих послов, о которых мы говорили, получилось наконец известие, что к границе прибыл персидский посол. Персидские эмиры, состоявшие на службе Великомого Могола, распространили слух, что он едет по делам исключительной важности, хотя разумные люди сильно сомневались, чтобы это было правдой, ибо время крупных событий прошло и эмиры и прочие персы больше думают о празднествах и о прославлении своей нации, чем о чем-либо другом. Эти же персы добавляли, что эмир, отправленный Ауренгзебом навстречу к послу, чтобы принять его с почетом и заботиться об его удобствах в пути, имел приказ ничего не жалеть, чтобы выведать главную цель его посольства и дать ему понять, что, по старому и общепринятому обычаю, послы должны делать салам, или поклон, по-индийски, а письмо государю передавать не иначе как через третьи руки. Однако в их словах было мало правды, и мы видели, что Ауренгзев был гораздо выше всего этого.

В день приезда посла ему воздали всевозможные почести: базары, через которые он должен был проследовать, были наново окрашены; более чем на милю была выстроена по обеим сторонам пути кавалерия; несколько эмиров сопровождали его с музыкой, с литаврами и трубами, а когда он вступил в крепость, или дворец государя, раздался залп из пушек. Ауренгзев принял его чрезвычайно вежливо, не нашел ничего дурного в том, что он сделал ему поклон по-персидски, принял без всяких затруднений непосредственно из его рук письма его короля и даже, оказывая почет, поднял их почти над своей головой. После того как евнух помог ему распечатать письма, он прочел их с серьезным и сосредоточенным лицом и затем приказал принести парчевую куртку с чалмой и шарфом, или поясом и золотым и серебряным шитьем, велел надеть все это в своем присутствии; это, как я уже говорил, называется серапа, или одежда с головы до ног. После этого послу дали понять, что он может предложить свои подарки, состоявшие из двадцати пяти лошадей такой красоты, какой я еще не видал до тех пор; их привели покрытых попонами из парчи с шитьем; дальше шли двадцать породистых верблюдов, которых можно было принять за малень-

ких слонов, так велики и могучи они были. Затем принесли множество ящичков, наполненных, как говорили, прекрасной розовой водой и какой-то еще водой, именуемой бейдмишк, очень дорогой и, как многие уверяют, укрепляющей силы. Развернули затем пять или шесть ковров, очень красивых и изумительной величины, затем несколько штук парчи, которую мне удалось рассмотреть вблизи в другом месте, очень богатой, с рисунком из мелких цветов, такой тонкой и нежной работы, что не знаю, возможно ли найти в Европе что-либо подобное. Принесли еще четыре ножа из дамасской стали и столько же кинжалов, усыпанных драгоценными камнями, и наконец пять или шесть наборов лошадиной сбруи, которые очень понравились и которые действительно были очень богаты и красивы; ткань была покрыта богатой вышивкой и мелкими жемчужинами с очень красивой старинной бирюзой. Ауренгзеб внимательно осмотрел это подношение, он восхищался красотой и редкостью каждого подарка и от времени до времени превозносил щедрость персидского короля. Затем он назначил послу место среди самых важных эмиров и, побеседовав с ним короткое время о трудностях путешествия, отпустил его, повторив несколько раз, чтобы он приходил каждый день его навещать.

В течение четырех или пяти месяцев, что посол оставался в Дели, его все время великолепно содержали за счет государя, а важнейшие эмиры угощали его в свою очередь. Наконец его отпустили с большим почетом; Ауренгзеб подарил ему снова богатый серапа и сделал ему лично значительные подарки, намереваясь послать подарки его господину через специального посла, что он и сделал через некоторое время.

Несмотря на все почести и ласки, расточаемые Ауренгзебом послу, персы, о которых я говорил, уверяли, что персидский король сильно укорял его в своих письмах по поводу смерти Дары и заточения Шах-Джехана, называя эти поступки не достойными брата, сына и мусульманина, и даже язвил его словом Алем-Гир—«берущий мир», которое Ауренгзеб велел выбить на своей монете.

Они приводили якобы подлинные слова письма: «Раз ты тот самый Алем-Гир, то бисмилля (во имя божье) присылаю тебе меч и коней, давай сойдемся», что звучит некото-

рым образом как вызов. Оставляю это сообщение на их совести. Хотя редко бывает, чтобы человек с хорошими знакомствами, владеющий языком и, как я, не жалеющий денег, чтобы удовлетворить свое любопытство, не мог бы узнать происходящих при этом дворе событий, тем не менее я точно не сумел выяснить истину по этому вопросу. Но мне трудно поверить, чтобы персидский король так поступил; по-моему, это слишком похоже на пустую похвальбу, хотя персы на нее не скупятся, когда идет вопрос о том, чтобы набить себе цену и показать всем свое величие и могущество. Скорее всего, я думаю,—и не я один этого мнения,—что Персия едва ли в состоянии предпринять что-либо против Индостана, и будет более чем достаточно, если она сможет уберечь от Индостана свой Кандагар, а со стороны турок—свои границы. Ее силы и богатства известны; она не родит каждый день тех великих Шах-Аббасов, храбрых, образованных, тонких и хитрых, которые умеют все использовать и сделать много дела с небольшими расходами. Если бы она была в состоянии что-либо предпринять против Индостана и если, как они уверяют, она хотела бы блеснуть своими магометанскими чувствами и набожностью, почему же во время всех этих последних смут и междоусобных войн, которые так долго бушевали в Индостане, она стояла в стороне со скрещенными руками и только наблюдала за игрой, когда Дара, Шах-Джехан, Султан-Суджа, а может быть и кабульский губернатор протягивали к ней руки за помощью? Между тем она могла с посредственной армией и умеренными расходами захватить лучшую часть Индии, от Кабульского королевства до Инда и дальше, и сделаться вершителем всех судеб. Тем не менее в письмах персидского короля все же очевидно были язвительные выражения или быть может посол сказал или сделал что-нибудь, что не понравилось Ауренгзебу, так как два или три дня спустя после его отъезда Ауренгзев велел распустить слух, что посол приказал перерезать сухожилия ног лошадям, которые им были привезены в подарок, а когда посол прибыл на границу, его заставили отдать обратно всех индийских рабов, которых он уводил с собою. Правда, у него их было поразительное множество; он приобрел их почти даром вследствие голода; его людей даже обвиняли в том, будто они похитили нескольких

детей. Впрочем надо сказать, что Ауругзеб не почувствовал себя слишком оскорбленным и не был так смущен, как некогда при подобных же обстоятельствах Шах-Джехан, когда к нему явился посол великого Шах-Аббаса⁵⁶. Когда персы хотят посмеяться над индийцами, они рассказывают об этом анекдоты вроде следующих. Шах-Джехан, видя, что ласки и обещания, которые он расточал послу, не могли сломить его гордости и что он ни под каким видом не соглашается сделать поклон по-индийски, придумал такую уловку: он приказал закрыть большую дверь двора «амхаса», где он собирался принять посла, и оставить открытой только калитку, через которую человек мог бы пролезть лишь с большим трудом, сильно нагибаясь и наклонив голову к земле вроде того, как это делают при индийском поклоне; все это было сделано с той целью, чтобы говорили, будто он заставил посла нагнуться еще ниже, чем при индийском саламе; но посол, заметивший хитрость, вошел в калитку задом наперед. К этому они еще добавляют, что Шах-Джехан, задетый тем, что его так поймали, сказал ему: «Э, бедбакт (ах, несчастный), не думаешь ли ты, что входишь в конюшню для ослов вроде тебя?», на что посол, не смущаясь, ответил: «Кто бы не подумал этого, видя такую маленькую дверь?» Рассказывают еще такой анекдот. Однажды Шах Джехан, которому не понравились резкие и надменные ответы посла, не мог удержаться, чтобы не сказать ему: «Э, бедбакт, неужели у Шах-Аббаса нет приличных людей при дворе, что он присылает такого полоумного, как ты?», на что посол ответил: «Как же! Более приличных людей, чем я, при дворе множество, но каков государь, таков и посол к нему». Добавляют, что однажды Шах-Джехан приказал подать ему обед в своем присутствии; стараясь чем-нибудь смутить посла, он, увидев, что тот грызет кость, сказал ему смеясь: «Эй, эльчиджи (господин посол), что же останется для еды собакам?». Посол, не задумываясь, ответил: «Кишери», т. е. смесь овощей, обычная пища простого народа, которую, как он видел, каждый день подавали Шах-Джехану, очень любившему это блюдо. Далее Шах-Джехан спросил его однажды, как ему нравится новый Дели, который он тогда строил, по сравнению с Испаганью; перс ответил громко и клянясь именем божьим: «Билла, билла, Испагани

далеко до пыли вашего Дели», что Шах-Джехан принял за похвалу, между тем как посол хотел посмеяться над ним по поводу пыли, которая в Дели так несносна. Наконец, когда Шах-Джехан настаивал, чтобы посол высказал свое мнение о величии царей Индостана по сравнению с персидскими, тот ответил, что царей Индостана можно сравнить с большой луной возраста в пятнадцать-шестнадцать дней, а персидских—с маленькой луной в два-три дня после ее рождения; этот ответ в первую минуту понравился Шах-Джехану, но скоро он понял, что сравнение было не в его пользу и что посол хотел этим сказать, что цари Индии уже на ущербе, а персидские еще растут, как молодой месяц.

Каждый свободен судить, как хочет, о том, стоит ли так ценить эти шпильки и являются ли они признаком большого ума. Я бы скорее думал, что скромная и почтительная важность была бы более приличной для посла, чем надменность и насмешка, и что, особенно имея дело с царями, никогда не следует насмехаться, доказательством чего может служить случай, который приключился с этим самым послом. Шах-Джехану он наконец так надоел и наскучил, что он его называл не иначе, как «дели»—сумасшедшим; однажды он тайно приказал, едва он войдет в довольно длинную и узкую улицу, которая в крепости ведет к залу собраний, пустить на него слона, бывшего тогда в плохом настроении и норовистого; счастье посла, что он быстро соскочил с палеки и что с ним были ловкие люди, которые вместе с ним сумели попасть стрелами в хобот слона и заставить его повернуть обратно.

В то время когда посол возвращался в Персию, Ауренгзеб оказал удивительный прием своему учителю, мулле Сале. Это замечательная история⁵⁷. Старик к тому времени давно уже удалился в Кабул и поселился на земле, подаренной ему Шах-Джеханом. Услышав о приключениях своего ученика, Ауренгзеба, одолевшего Дару и всех своих братьев и ставшего царем Индостана, он приехал в Дели, рассчитывая получить немедленно должность эмира. Он является ко двору, всячески интригует, побуждает всех своих друзей хлопотать за него, даже Раушенара-Бегум занимается его делом; между тем проходят три месяца, а Ауренгзеб делает вид, что не замечает его; на-

конец, когда ему надоело постоянно видеть старика перед глазами, он приказал привести его в уединенное помещение, где никого не было кроме Хакимэль-Мулька, Данешменд-хана и трех или четырех из тех эмиров, которые претендуют на ученость, и, чтобы отпустить его и отделаться от него, заговорил с ним приблизительно таким образом. Я говорю приблизительно, так как невозможно знать и передавать такие речи слово в слово, не прибавив чего-либо от себя; хотя бы я и присутствовал при этом, как мой ага, от которого я узнал то, что сообщаю, я не мог бы передать их со всей точностью. Но могу заверить, что я поистине ничего существенного не упустил. Вот как начал Ауренгзеб: «Мулланджи (т. е. ученый господин), что рассчитываешь ты от меня получить, думаешь ли ты, что я тебя сделаю одним из первых эмиров моего двора? Несомненно это было бы вполне разумно, если бы ты обучил меня, как должен был это сделать, ибо я того мнения, что хорошо воспитанный ребенок столько же обязан своему учителю, сколько своему отцу, а может даже и более. Но где же эти прекрасные поучения, которые ты мне давал? Ты прежде всего научил меня тому, что Франгистан—какой-то маленький остров, где самым большим королем был прежде король португальский, позднее голландский, а затем английский; что же касается других королей, как например короли Франции и Андалузии, ты мне изобразил их вроде наших мелких раджей, дав мне понять, что цари Индостана гораздо выше всех их, что это настоящие и единственные Гумайоны, Акбары, Джахан-Гирьы, Шах-Джаханы, счастливейшие и величайшие завоеватели мира, цари вселенной; что Персия, Узбекистан, Кашгар, Татария и Катай, Пегу, Сиам, Чин и Мачин дрожат при имени царей Индостана; удивительная география!»⁵⁸

Ты должен был скорее научить меня с точностью различать все эти государства мира и хорошенько мне разъяснить их силы и способы сражаться, их обычаи и религии, управление и интересы, обратить посредством серьезного чтения по истории мое внимание на их начало, развитие и упадок—откуда, как, благодаря каким случайностям или ошибкам происходили великие перемены и перевороты. Я едва узнал от тебя имена моих предков, славных основателей

этого государства, но это далеко от того, чтобы обучить меня истории их жизни и тому, как они добивались таких славных завоеваний. Ты хотел научить меня арабскому языку, читать и писать на нем, я тебе очень обязан, что ты заставил меня потерять столько времени над языком, который надо изучать десять, двенадцать лет, чтобы достигнуть в нем хоть какого-нибудь совершенства, как будто царский сын должен претендовать на звание знатока грамматики или доктора прав и на знание иных языков кроме языков своих соседей, если он не может без труда обойтись без них, он, которому время так дорого, чтобы изучить возможно ранее много других важных и необходимых вещей; как будто есть такие умы, которые не потеряют охоту, не ослабеют от столь унылого и сухого занятия, как заучивание слов». Вот что сказал Ауренгзеб с большим раздражением; но некоторые из ученых, либо чтобы ему польстить и развить то, что он сказал, либо из зависти, которую они питали к мулле, либо по другим причинам, распустили слух, что он этим не ограничился и, занявшись некоторое время разговорами о разных вещах, продолжал затем следующим образом:

«Разве ты не знал, что ребенок, получающий правильное воспитание при той счастливой памяти, которая обыкновенно свойственна детям, способен воспринять тысячу прекрасных наставлений, тысячу прекрасных знаний, которые остаются крепко запечатленными на всю остальную жизнь и возвышают ум, направляя его к великим целям. Закон, молитвы, науки—разве их нельзя так же хорошо или лучше изучить на родном языке, чем на арабском? Ты уверял отца моего, Шах-Джехана, что обучаешь меня философии. Верно, мне припоминается, что в течение нескольких лет ты занимал меня пустыми вопросами, вещами, не дающими никакого удовлетворения уму и никогда не встречающимися в обыкновенном жизненном обиходе, пустыми бреднями, в которых только то хорошо, что их трудно понять и легко забыть, которые способны только нагонять скуку, испортить здравый ум и сделать его тупым, несносным. Мне еще вспоминается, что после того как ты, уж не помню сколько времени, занимал меня своей прекрасной философией, у меня остался от науки лишь ряд варварских и непонятных слов, способных от-

пугнуть лучшие умы, сбить их с толку и отбить охоту от нее; они выдуманы лишь для того, чтобы прикрыть тщеславие и невежество людей вроде тебя, которые хотят нас уверить, что они все знают и что под этими темными и двусмысленными словами скрываются великие вещи, великие тайны, которые они одни способны понимать. Если бы ты меня научил той философии, которая формирует ум, заставляет его мыслить и незаметно приучает удовлетворяться только солидными рассуждениями, если бы ты внушил мне те прекрасные наставления и поучения, которые возвышают душу над ударами судьбы и делают человека непоколебимым, всегда ровным и неизменным, не позволяя ему нагло возвеличиваться при счастье и трусливо падать духом при несчастье; если бы ты взялся как следует объяснить мне, кто мы, каковы первоосновы всех вещей, и помог мне создать себе надлежащее представление о величии мира, о порядке и удивительных движениях его частей, если, говорю, ты обучил бы меня такого рода философии, я был бы тебе гораздо более признателен, чем был Александр по отношению к Аристотелю; я считал бы, что обязан вознаградить тебя значительно лучше, нежели сделал это он с Аристотелем. Не должен ли ты был, о льстец, уяснить мне столь важный для правителя вопрос, каковы взаимные обязанности государя по отношению к своим подданным и подданных к своему государю? Не должен ли ты был по крайней мере принять во внимание, что мне придется когда-нибудь оспаривать с мечом в руке мою жизнь и корону против моих братьев? Не таков ли удел почти всех царских детей в Индостане? А между тем заботился ли ты когда-нибудь о том, чтобы научить меня, как осаждать город или выстроить армию для битвы? Как хорошо, что я спрашивал совета у других кроме тебя. Отправляйся в свою деревню, чтобы никто больше не знал, кто ты такой и что с тобой станет в будущем».

В это время над астрологами поднялась маленькая буря, которая мне показалась довольно забавной; большинство азиатов глубоко веруют в астрологию и полагают, что все совершается здесь так, как написано на небесах (это их обычное выражение). Во всех своих предприятиях они спрашивают совета у астрологов; ко-

гда две армии готовы вступить в бой, они ни за что не решатся сразиться, пока астролог не возьмет «сахет», т. е. не определит время, благоприятное для вступления в бой. Если вопрос идет о том, чтобы выбрать командующего армией, отправить посла, заключить брак, предпринять путешествие, сделать малейшее дело, купить раба, надеть новое платье,—ничего этого нельзя сделать без решения господина астролога. Это создает невероятные стеснения; этот обычай влечет за собой такие важные последствия, что я не понимаю, как он может держаться столь долгое время, ибо астролог должен знать все, что происходит и предпринимается от самых крупных дел и до самых мелких. И вот, на несчастье случилось, что главный придворный астролог утонул. Это наделало много шума при дворе и подорвало сильно доверие к астрологии; все знали, что он дает «сахет» царю и эмирам, и каждый удивлялся, как такой опытный человек, который столь долгое время предсказывал будущее другим, не мог предусмотреть собственного несчастья. Некоторые, более сведущие говорили, что в Франгистане, где науки процветают, вельможи крайне подозрительно относятся к этого сорта людям, а иногда считают их просто шарлатанами, и выражали сомнение, действительно ли эта наука основана на солидных и правильных доводах, не является ли это лишь неосновательным убеждением, выдумкой астрологов или, скорее, их уловкой, чтобы стать необходимыми для знати и держать ее в некоторого рода подчинении. Все эти разговоры очень не нравились астрологам; но ничто их так не сердило, как следующий анекдот, который приобрел широкую известность. Великий Шах-Аббас, король Персии, приказал вскопать и приготовить маленький участок земли в своем серале, чтобы разбить сад; деревца были готовы, и садовник собирался их посадить на следующий день, между тем астролог, напустив на себя важность, сказал, что для того, чтобы они удачно принялись, нужен предварительно благоприятный «сахет». Шах-Аббас на это согласился, астролог взял свои инструменты, перелистал книги, сделал расчеты и пришел к заключению, что по причине такой-то и такой-то конъюнктуры планет деревья надо посадить немедленно. Главный садовник, который вовсе не думал об астрологе, в это

время отсутствовал, но дела не стали откладывать, выкопали ямы и посадили все деревья; сам Шах-Аббас принимал в этом участие, чтобы можно было сказать, что деревья посажены его собственными руками. Главный садовник, вернувшись вечером, был очень удивлен, увидев, что дело сделано и деревья посажены не там, где следует, и не в том порядке, какой он наметил,—так абрикосовое дерево например попадало в яму для яблони, а грушевое—в яму для миндального. Он сильно рассердился на астролога и приказал выдернуть все саженцы и положить их, как они лежали раньше, присыпав корни землей, чтобы рассадить их на следующий день. Об этом не медля дали знать астрологу, а он сообщил Шах-Аббасу, который сейчас же велел позвать садовника и в сильном гневе спросил его, как он осмелился вырвать деревья, посаженные его собственной, Шах-Аббаса, рукой; «сахет» был взят чрезвычайно точно, повторять работы не станут, никогда еще не было такого хорошего «сахета», а он, садовник, все испортил и погубил. Мужиковатый садовник, у которого в голове немножко бродило ширазское вино, косо посмотрел на астролога и сказал ему, ворча и ругаясь: «Должно быть ты действительно взял хороший «сахет» для этих деревьев, проклятый астролог, они были посажены сегодня в полдень и сегодня же вечером все вырваны». Услышав эти рассуждения, Шах-Аббас расхохотался, повернулся спиной к астрологу и удалился.

Добавлю тут еще два факта, случившиеся во времена Шах-Джехана, так как подобные случаи происходят нередко и они заставят нас обратить внимание на древний варварский обычай, состоящий в том, что государи Индии наследуют имущество тех, кто умирает на их службе. Первый случай касается Нейкнам-хана, одного из самых старых придворных эмиров, который занимал в течение сорока или пятидесяти лет важные посты и накопил громадное количество золота и серебра. Этот вельможа, видя приближение смерти и размышляя над нелепым обычаем, по которому жена знатного придворного после смерти мужа вдруг оказывается в бедственном положении и бывает вынуждена просить о назначении ей маленькой пенсии, которая дала бы ей возможность существовать, детям же приходится поступать простыми солдатами

к какому-нибудь эмиру,—тайно роздал свои сокровища бедным вдовам и всадникам, а свои сундуки наполнил железным ломом, старой обувью, костями и тряпками, хорошенько их запер и опечатал, говоря всем, что это имущество принадлежит Шах-Джехану. После его смерти сундуки принесли к падишаху, в то время когда он находился на собрании эмиров; по его приказу они были тут же вскрыты в присутствии всех эмиров, которые увидели все эти чудесные сокровища. Это до того смутило и рассердило Шах-Джехана, что он поднялся и немедленно удалился.

Второй случай просто забавен. Умер богатый баньян, т. е. языческий купец, страшный ростовщик, какими они бывают большей частью, состоявший постоянно на службе у падишаха и получавший от него жалование. Несколько лет спустя после его смерти сын его стал мучить свою мать-вдову, требуя денег, она же, видя, что он распутник и кутила, давала ему возможно меньше. Этот молодой безумец, которого уговорили такие же, как он, пошел жаловаться Шах-Джехану и по глупости открыл ему, какое состояние оставил его отец: оно доходило почти до двухсот тысяч эю. Шах-Джехан, которому хотелось скорее забрать деньги этого ростовщика, послал за вдовой и приказал ей при всем собрании эмиров прислать ему сто тысяч рупий, а пятьдесят тысяч дать сыну и вместе с тем распорядился, чтобы ее немедленно выселили из дворца. Старуха, удивленная этим распоряжением и чрезвычайно смущенная тем, что ее так быстро и грубо вытолкали, не дав ей изложить свои доводы, не растерялась и стала отбиваться и громко кричать, что она должна раскрыть падишаху еще кое-что. Тогда ее опять привели к нему. Когда она настолько приблизилась, что он мог ее хорошо услышать, она произнесла следующую прекрасную речь: «Хазрет саламет, да хранит бог ваше величество, я нахожу, что мой сын имеет некоторые основания требовать от меня имущество своего отца,—ведь в конце концов в нем кровь отца и моя и следовательно он наш наследник; но я хотела бы знать, в каком родстве с моим покойным мужем состоит ваше величество, чтобы предъявлять права на его наследство?» Шах-Джехан, услышав эти наивные рассуждения о родстве государя Индии с языческим баньяном, не мог удержаться от смеха и приказал ничего с нее не требовать.

Я не буду описывать все прочие значительные события, происшедшие после окончания войны, т. е. приблизительно с 1660 года до моего отъезда, состоявшегося более чем 6 лет спустя, хотя я и не сомневаюсь, что это очень содействовало бы моей цели, которую я преследовал, рассказывая предыдущие события, а именно познакомить с духом моголов и индийцев. Это я смогу сделать в другом месте; расскажу только пять или шесть фактов, которые несомненно заинтересуют тех, кто прочтет эту книгу.

Прежде всего о Шах-Джехане, которого Ауренгзеб продолжал держать в Агрской крепости со всем вниманием и со всеми предосторожностями, которые только можно себе представить. Но тем не менее он его попрежнему оставлял в его прежних покоях с Бегум-Сахейб, с его штатом женщин, певиц, танцовщиц, кухарок и пр. С этой стороны у Шах-Джехана ни в чем не было недостатка. Были даже такие муллы, которым позволено было видаться с ним, чтобы читать ему коран (он стал чрезвычайно набожен), и, когда ему этого хотелось, ему приводили парадных лошадей, ручных газелей, между которыми устраивались бои, разных охотничьих птиц и других любопытных животных для его забавы, как это делалось и раньше. Ауренгзеб сумел даже в конце концов победить невыносимую гордость и озлобленность, которые не оставляли Шах-Джехана даже в заключении, как ни старались его смягчить. Это было достигнуто вежливыми письмами, полными почтительности и покорности, которые он ему часто писал, спрашивая у него советов, как у оракула, оказывая ему много внимания и делая ему беспрестанно маленькие подарки. Он добился того, что Шах-Джехан тоже стал ему весьма часто писать, касаясь правительственных и государственных дел, и по своему почину послал ему несколько драгоценных камней, в которых он ему отказал раньше, с такой резкостью заявив, что готовы молотки, которые обратят их в пыль, если Ауренгзеб еще раз их потребует. Шах-Джехан послал ему дочь Дары, в чем он ему раньше смело отказал, и даровал ему наконец прощение и отеческое благословение, о чем Ауренгзеб так часто и тщетно его просил.

Нельзя сказать, чтобы Ауренгзеб всегда ему льстил, напротив, он иногда отвечал ему очень резко, когда

находил, что его письма слишком отзывались той надменностью и властностью, от которых не мог освободиться Шах-Джехан, или когда они были слишком грубы и язвительны. Об этом можно судить по письму, которое, как я знаю из вполне достоверного источника, он ему написал однажды приблизительно в таких выражениях: «Вы хотите, чтобы я непременно следовал этим древним обычаям и становился наследником всех, кто состоял на моем жаловании, выполняя это с традиционной непреклонностью; едва эмир и даже кто-нибудь из наших купцов умрет, а подчас даже еще не успеет умереть, как мы печатаем его сундуки, завладеваем его имуществом, разыскиваем тщательно все, что ему могло принадлежать, заключаем в темницу и подвергаем насилиям его слуг, чтобы принудить их открыть все, даже самые незначительные драгоценности.

Я готов верить, что в этом есть некоторая политика, но ведь нельзя отрицать, что в этом много и жестокости, а часто и несправедливости, и, если сказать всю правду, мы заслуживаем, чтобы с нами каждый день повторялось то, что случилось с вами в этом деле с богатым купцом-индусом Неикнам-ханом и его вдовой. Кроме того, добавлял он, мне кажется, что теперь, когда я падишах, я в вашем представлении являюсь надменным гордецом, как будто вы после более чем сорокалетнего опыта вашего царствования не знаете, какое тяжелое украшение корона и сколько мрачных и беспокойных ночей она приносит. Разве я могу забыть эту прекрасную черту Мир-Тимура, на которую так настойчиво указывает в своих записках наш великий предок Акбар, чтобы дать нам понять, как высоко мы должны ее ценить? И есть ли у нас основания так гордиться? Как вы знаете, он рассказывает, когда Тимур взял в плен Баязета⁵⁹, он велел в тот же день привести его к себе и, разглядывая внимательно его лицо, начал смеяться, на что Баязет, полный негодования, гордо казал ему: «Не насмехайся, Тимур, над моим несчастьем, знай, что бог раздает царства и империи, и что завтра с тобой может случиться то, что случилось со мной сегодня». На это Тимур глубокомысленно и вежливо ответил: «Я знаю не хуже тебя, Баязет, что бог раздает царства и империи, я не насмехаюсь над твоей несчастной, судьбой,

избави меня от этого бога; но когда я рассматривал твое лицо, мне пришла в голову мысль, что эти царства и империи должны перед богом, а может и сами по себе, быть вещами очень незначительными, так как бог раздает их людям, столь плохо сложенным, как мы с тобой, — несчастному слепому на один глаз, как ты, и жалкому хромоту, как я».

Вы хотите, чтобы, оставив прочие мои занятия, которые я считаю крайне важными для укрепления и процветания этого государства, я думал только о завоеваниях, о расширении пределов империи? Я готов признаться, что это занятие достойно великого монарха, достойно действительно царственной души, и я бы не заслуживал быть потомком великого Тимура, если бы не понимал этих чувств и не испытывал к ним склонности. Однако мне кажется, что я не сижу сложа руки и мои армии не бездействуют в Деккане и Бенгалии. Надо однако признаться, что не всегда самые великие завоеватели оказываются самыми великими монархами и что слишком часто среди завоевателей видишь варваров, а их великие завоевания обыкновенно распадаются сами собой и, как мы видим, через короткий срок приходят в упадок. Тот является великим государем, кто умеет достойно выполнять возвышенные и великие обязанности этого ремесла, оказывать правосудие своим подданным и так далее». Конец письма не попал мне в руки.

Второй факт касается Эмир-Джемлы. Было бы несправедливостью по отношению к этому великому человеку умолчать, как он после войны повел себя с Ауренгзебом и как увенчал свои последние дни. Этот великий человек, покончив в Бенгалии с Султан-Суджей не так, как Джион-хан, этот гнусный патан, с Дарой, или серенагарский раджа с Сулейман-Шеку, но как великий полководец и ловкий политик, оттеснив его к морю, заставив бежать и дав ему спастись, отправил к Ауренгзебу евуха просить у него позволения перевезти свое семейство в Бенгалию. Он писал, что теперь, когда война кончена, он чувствует себя одряхлевшим и надеется, что ему будет дано утешение провести остаток своих дней с женой и детьми. Но Ауренгзёб был слишком проницателен, чтобы не разгадать планы эмира; он знает, какой репутацией пользуется Эмир-

Джемла, победитель Суджи: его считают человеком очень умным, предприимчивым, храбрым и богатым; Бенгальское же королевство не только лучшее в Индостане, но и сильно само по себе. Эмир стоит во главе закаленного войска, которое его почитает и уважает в такой же мере, как и боится; кроме того Ауренгзеб с давних пор знает его честолюбие и понимает, что, если бы сын его Махмет-Эмир-хан был при нем, он стал бы стремиться к короне и захотел бы сделаться независимым государем Бенгалии, а может быть пошел бы еще дальше. Между тем отказать ему в этом рискованно: он способен решиться на какую-нибудь опасную крайность, как он уже это сделал в Голконде.

Как же ему поступить с ним? Он ему отсылает жену и дочь и всех детей его сына, дает ему звание Мир-уль-Омра, что в этом государстве является высшей почестью, какую только может получить любимец государя. Что же касается Махмет-Эмир-хана, он делает его великим бакши, что приблизительно соответствует нашему главному начальнику кавалерии. Это вторая или третья должность в государстве, но безусловно прикрепляющая ее носителя ко двору и не дающая возможности удалиться от особы государя иначе как с большим трудом.

Эмир с своей стороны хорошо понимает, что Ауренгзеб сумел отразить удар; напрасно теперь требовать от него выдачи сына; этого нельзя сделать, не оскорбив его, а следовательно самое верное—удовольствоваться изъявлениями дружбы, дарованными почестями и бенгальским губернаторством; но при этом следует все время держаться настороже; если он не может ничего предпринять против Ауренгзеба, то надо устроить так, чтобы и Ауренгзеб ничего не мог предпринять против него. Вот каким образом действовали эти два больших человека, и в таком положении дело находилось около года, пока Ауренгзеб, хорошо зная, что великий полководец не сможет долго предаваться покою и если не занят внешней войной, то при первой возможности затеет что-нибудь внутри государства, предложил ему начать войну с богатым и могущественным раджей Ассама, владения которого лежат на север от Даки у Бенгальского залива⁶⁰. Эмир, сам уже повидимому имевший такие намерения и полагавший, что завоевание этой страны откроет ему путь к неувя-

даемой славе, так что слух о нем и его военных подвигах дойдет до Китая, оказался уже вполне готовым к этому предприятию. Он сел на суда в Даке с мощной армией и поплыл по реке, которая протекает по этим странам. Сделав по ней около ста лье по направлению к северу с некоторым уклоном к востоку, он прибыл к крепости, именуемой Азо, которую раджа Ассама с давних пор уже отнял у Бенгальского королевства. Он атаковал крепость и взял ее штурмом менее чем в пятнадцать дней, направив оттуда путь на Шамдару, являющуюся воротами в страну раджи; он прибыл туда через двадцать восемь дней, двигаясь все время по направлению к северу. Тут разыгралось сражение, в котором ассамский раджа был разбит и был вынужден отступить к Гергуону, столице королевства, в сорока милях от Шамдары. Эмир последовал за ним по пятам и, появившись в виду города через пять дней, не дал радже укрепиться в Гергуоне, как тот надеялся. Это принудило раджу, как только он увидел армию Эмира, бежать в горы королевства Ласса и покинуть Гергуон, который подвергся разграблению, как раньше Шамдара. В нем нашли большие богатства; это большой прекрасный город, ведущий крупную торговлю; женщины там отличаются необыкновенной красотой. Однако на несчастье Эмира сезон дождей начался раньше обыкновенного, а так как в этой стране дожди чрезмерны и затопляют в течение более трех месяцев всю землю за исключением деревень, которые расположены на возвышенностях, то Эмир оказался в очень затруднительном положении. Раджа, посылая с гор людей, знавших страну, сумел за короткое время забрать из деревень все припасы, так что армия эмира, несмотря на все свои богатства, оказалась лишенной продовольствия, пока не прошли дожди, и не могла ни продвигаться вперед, ни вернуться назад. Вперед она не могла идти из-за гор, так как они мало доступны и так как шли сильные дожди; назад она не могла идти из-за тех же дождей и из-за грязи, а также потому, что раджа в нескольких местах испортил дорогу, которая представляет собой высокую плотину, идущую до Шамдары. Вследствие всего этого эмир вынужден был провести в этом месте весь сезон дождей, ужасно бедствуя; по окончании этого

периода, видя, что его армия находится в унынии, утомленная и полумертвая от голода, он отказался от намерения идти вперед и вернулся обратно. Но и это было сопряжено с такими трудностями и такими большими неудобствами вследствие грязи, недостатка припасов и преследования раджи, который шел за ним по пятам, что всякий другой на его месте, кто не сумел бы восстанавливать порядок во время похода и не имел бы терпения выстаивать по пяти-шести часов у какого-нибудь прохода, следя за тем, чтобы все солдаты прошли без задержки, несомненно погиб бы и растерял бы там всю армию. Он же, несмотря на все препятствия, вернулся все-таки с большой славой и громадными богатствами. У него было намерение продолжать свое предприятие на следующий год; он предполагал, что укрепленный им Азо, в котором он оставил сильный гарнизон, сможет держаться остальную часть года против раджи. Но доколе тело, истомленное старостью, может бороться с такими тяготами? Едва он прибыл, как в его армии началась дезинтерия. Он сам тоже не был сделан из бронзы: он заболел и умер. Судьба как будто пожелала покончить со справедливыми опасениями Аурагзеба. Я говорю «справедливые опасения», так как не было никого из знавших этого выдающегося человека и положение дел в Индостане, который бы не сказал: только теперь Аурагзев стал королем Бенгалии. Он сам не мог удержаться, чтобы не высказаться по этому поводу, ибо он откровенно сказал при всех Махмет-Эмир-хану: «Вы потеряли отца, а я самого большого и самого опасного друга, который у меня когда-либо был». Он впрочем не преминул его тут же утешить и заверить, что он заменит ему на всю жизнь отца, и вместо того чтобы, как ожидали, сократить его жалование и разыскивать сокровища покойного, он снова утвердил Махмет-Эмира в должности бакши, повысил ему содержание на тысячу рупий в месяц и оставил его наследником всего имущества отца, хотя по обычаю страны он мог завладеть им сам.

Третий факт касается Шах-Гест-хана, которого Аурагзев прежде назначил губернатором Агры, когда отправился на битву при Каджоуе против Султан-Суджи, затем губернатором и командующим армией в Деккане

и наконец, после смерти Эмир-Джемлы, — губернатором и командующим армией в Бенгалии с званием Мир-уль-Омра, которое носил Джемла. Мы уже упоминали в нашем повествовании, что он приходился дядей Ауренгзебу и сумел помочь ему своим красноречием и ловким пером, своими интригами и советами. Было бы несправедливо по отношению к его славе умолчать о важном предприятии, которое он затеял при своем вступлении в должность губернатора, тем более что Эмир-Джемла либо из политических соображений, либо по другим причинам не желал предпринять это дело. Подробности, которые я расскажу, познакомят не только с прошедшим и настоящим королевств Бенгалии и Аракана, в которых никто до сих пор еще не сумел разобраться, но также и с некоторыми другими обстоятельствами, заслуживающими внимания.

Чтобы понять надлежащим образом всю важность предприятия Шах-Гест-хана и составить себе представление о том, что происходит в Бенгальском заливе, надо знать, что уже много лет, как в королевстве Аракана, или Мога, жило постоянно некоторое количество португальцев и с ними много метисов, христианских рабов и других франги из разных мест. Это было убежище беглецов из Гоа, Цейлона, Кошина⁶¹, Малаги и всех других мест Индии, в которых прежде находились португальцы. Расстриги, покинувшие монастырь, люди, женившиеся по два и три раза, убийцы, словом, весь преступный мир, встречали здесь самый радушный прием. Они вели омерзительный образ жизни, совершенно не достойный христиан, доходя до того, что безнаказанно убивали и отравляли друг друга, убивали собственных духовных лиц, которые впрочем часто были не лучше их самих. Король Аракана, постоянно опасаясь Могола, держал их в виде стражи на своей границе в порту Читагонг⁶², дал им земли и предоставил им жить так, как они хотят. Их обыкновенным занятием и ремеслом были разбой и пиратство. На своих маленьких легких галерах, которые называют галеассами, они только и делали, что бродили по морю в этой стороне, заходя во все речки, каналы и рукава Ганга, проходя между всеми островами Нижней Бенгалии, а нередко проникая глубже и поднимаясь до

сорока или пятидесяти лье вверх по течению. Они нападали врасплох на целые селения, собрания, базары, праздники и свадьбы бедных язычников и других жителей этой страны; со страшной жестокостью обращали в рабство мужчин и женщин, взрослых и детей и сжигали все, что не могли увезти. Вот почему в настоящее время можно найти в устье Ганга столько прекрасных островов совершенно пустынных; когда-то они были населены, теперь же здесь не найдешь никаких обитателей, кроме диких животных, в особенности тигров.

И вот что они делали с той массой рабов, которых они таким образом набирали повсюду. У них хватало наглости и смелости приводить на продажу тут же на месте старых людей, с которыми они не знали, что делать; те, которые избегали опасности бегством или укрывались в лесах, старались выкупить своих отцов и матерей, которые вчера на их глазах были взяты в плен. Всех прочих они оставляли у себя для работы в качестве гребцов; они превращали их в таких же христиан, какими были сами, воспитывая из них разбойников, приучая к крови, к убийству, или же продавали португальцам в Гоа, Цейлоне, Сан-Томэ и других местах, а также португальцам в Бенгалии, в Хугли, где они поселились с позволения деда Ауренгзеба, Джахан-Гира, относившегося к христианам снисходительно и терпевшего их из-за торговли, а также потому, что они обещали охранять Бенгальский залив от корсаров. Эта замечательная торговля велась вблизи Гальского острова, около мыса Дас Пальмас. Пираты поджидали там прихода португальцев, которые наполняли рабами свои корабли по очень дешевой цене (так поступали и некоторые другие европейцы со времени упадка португальцев). При этом эта гнусная сволочь нагло хвасталась, что в один год обращает в христианство больше людей, чем все миссионеры в Индии за 10 лет. Надо сказать—странный способ распространения христианства. Эти-то пираты и явились причиной того, что Шах-Джахан, который был более ревностным магометанином, чем отец его Джахан-Гир, обратил свой гнев не только на достопочтенных отцов-иезуитов, бывших миссионерами в Агре. Он не только приказал сломать прекрасную большую церковь, которую они выстроили, как и в Лагоре, с милостивого разреше-

ния Джехан-Гира, относившегося, как я уже говорил, снисходительно к христианству (на этой церкви была высокая башня с колоколом, который был слышен на весь город), но начал также преследовать христиан в Хугли. Ему надоело видеть, что они действуют заодно с пиратами, заставляя трепетать перед именем франги и наполняя свои дома рабами, которые были собственными подданными Шах-Джихана, и он их разорил до тла⁶³. Сначала он вытянул у них ласковыми словами и угрозами сколько мог денег; потом за то, что они нерассудительно упрямылись и отказывались ему дать все, что он требовал, он их подверг осаде и велел всех привести в Агру, вплоть до маленьких детей, священников и монахов, в общем — несколько сот человек. Это было несказанное бедствие и отчаяние, своего рода вавилонское пленение. В Агре их всех обратили в рабство, красивых женщин и девушек заперли в сераль, старых и прочих роздали разным эмирам, детей мужского пола сделали пажам и обрезали, взрослые же большей частью отреклись от своей веры, запуганные ежедневными угрозами, что их бросят под ноги слонам, или прельщенные прекрасными обещаниями. Правда, среди них было несколько монахов, которые стойко держались; кроме того миссионеры в Агре, несмотря на все бедствия оставшиеся в своем доме, нашли позднее возможность (частью через друзей, частью посредством денег) многих спасти и переправить в Гоа и другие места, занятые португальцами.

Эти же самые пираты за некоторое время до разорения Хугли предложили вице-королю Гоа передать в его руки для португальского короля все королевство Аракана. Но он, говорят, отклонил это предложение из заносчивости и зависти и не пожелал послать помощь, которую просил у него для этой цели некий Бастиан Консальв, сделавшийся начальником над этими людьми и ставший столь могущественным и влиятельным, что женился на одной из дочерей короля. Вице-королю не хотелось, чтобы это великое дело осуществил человек такого низкого происхождения, как Бастиан Консальв⁶⁴. Между прочим надо заметить, что этому не следует удивляться. Португальцы, находившиеся в Индии, упустили по такой же причине много других случаев: в Японии, в Пегу, в Эфиопии

и других странах, не говоря уже о том, что таким же путем, и может быть тоже по справедливой каре божьей, как они сами это откровенно признают, они стали добычей своих врагов и так низко пали в Индии, что не знаю, смогут ли когда-нибудь вновь подняться. А ведь раньше, до того как они развратились и погрязли в наслаждениях, все перед ними дрожало. Они отличались храбростью, благородством, великими подвигами, были ревностными христианами, владели огромными богатствами, и все правители Индии добивались их дружбы.

Эти же самые пираты тогда же завладели островом Сондива, чрезвычайно выгодным постом, дающим господство над устьем Ганга. Здесь знаменитый монах-августинец по имени Фра Хуан в течение нескольких лет разыгрывал роль царька, сумев бог знает каким способом отделаться от коменданта крепости.

Эти же пираты прибыли в Даку, чтобы перевезти на своих галеассах Султан-Суджу в Аракан, как мы это рассказывали, и сумели взломать несколько его сундуков, украв из них множество драгоценных камней и тайно продав их затем в Аракане почти даром, так как большинство камней попало в руки людей, не понимавших, что это такое, и затем перешло в руки голландцев и других, которые живо сумели их приобрести, объяснив этим невежественным вора, что их бриллианты мягкие и что цена, которую они дают, соответствует их твердости.

Наконец они же в течение стольких лет причиняли Великому Моголу хлопоты в Бенгалии, заставляя его постоянно держать там множество стражи на всех переправах, большое сухопутное войско и маленькую морскую армию с галеассами для борьбы с их набегами. Несмотря на все это, они продолжали производить ужасные опустошения и врываться, как я уже говорил, глубоко внутрь страны, насмехаясь над всей этой армией Моголов, и стали столь смелыми и научились так хорошо владеть оружием и управлять галеассами, что вчетвером или впятером не боялись напасть на четырнадцать-пятнадцать галеасс Могола и действительно овладевали ими, грабили, забирали или пускали ко дну.

И вот Шах-Гест-хан обратил внимание на этих самых пиратов и как только вступил в Бенгалию решил освобо-

дить страну от этой чумы, от людей, которые ее разоряли с столь давних пор. Он намерен был пойти после этого дальше и напасть на короля Аракана согласно приказанию Ауренгзеба, желавшего отомстить за кровь Султан-Суджи и всей его семьи, с которой так жестоко поступили, и научить этого варвара, как нужно уважать царскую кровь в каких бы то ни было случаях.

Теперь расскажем, как ловко Шах-Гест-хан приступил к осуществлению своего плана. Так как он знал, что из Бенгалии в Аракан невозможно провести сухим путем не только кавалерию, но даже и пехоту из-за множества каналов и речек, которые протекают около границы, и что кроме того эти читагонгские пираты, о которых я говорил, достаточно сильны, чтобы помешать перевозке войск морем, то он решил заинтересовать в этом плане голландцев и отправил в Батавию посла, поручив ему договориться на известных условиях с генералом Компании, чтобы общими усилиями завладеть всем королевством Аракана; так некогда поступил с Ормузом Шах-Аббас, сговорившись с англичанами. Батавский генерал, видя, что предприятие осуществимо и позволит окончательно унижить португальцев в Индии, а Компании принесет немалые выгоды, отправил в Бенгалию два военных корабля, чтобы облегчить перевозку войск Могола, направленных против пиратов. Но вот что сделал Шах-Гест-хан до того, как эти военные суда прибыли. Он заготовил большое количество галеасс и несколько больших судов для перевозки армии, пригрозил пиратам их разорить и погубить окончательно, дал им понять, что Ауренгзоб питает замыслы против Аракана, что приближается могущественная армия голландцев и им следует подумать, если они благоразумны, о себе и своих семействах, что, впрочем, если они хотят покинуть службу короля Аракана и поступить на службу к Ауренгзебу, он им предоставит хорошие условия, раздаст сколько нужно земли в Бенгалии и будет им платить жалование двойное против того, которое они теперь получают. Неизвестно, подействовали ли на их умы эти угрозы и обещания или то, что случайно как раз тогда они убили одного из первых должностных лиц короля Аракана и опасались наказания, но как бы то ни было, они попались в ловушку и в один прекрасный

день их охватил такой безумный страх, что они вдруг бросились к своим сорока или пятидесяти галеассам и поплыли в Бенгалию к Шах-Гест-хану с такой поспешностью, что едва успели погрузить своих жен и детей и все, что у них было наиболее ценного. Шах-Гест-хан принял их с распростертыми объятиями, осыпая всяческими ласками, разместил их семейства в Даке, назначил им значительное жалование и, не давая им передохнуть, отправил вместе со всей своей армией взять остров Сондиву, попавший в руки короля Аракана, а оттуда перебраться со всей армией, кавалерией и пехотой в Читагонг. К этому времени прибыли два голландских военных корабля. Но Шах-Гест-хан, полагая, что теперь он сможет легко справиться и без них, отпустил их с благодарностью. Я видел эти два корабля в Бенгалии с их командирами, которые отнюдь не были удовлетворены ни этой благодарностью, ни щедротами Шах-Гест-хана. Что же касается пиратов, то теперь, когда Шах-Гест-хан держит в своих руках их жен и детей и у них нет больше надежды когда-либо вернуться в свои поселения в Читагонге, а ему они больше не нужны,—он смеется над данными им обещаниями и обращается с ними может быть не так, как должен был бы, но так, как они этого вполне заслуживают, оставляет их месяцами без жалования и считает их гнусными изменниками, которым нельзя доверять после того как они подло покинули того, чью соль они ели в течение стольких лет. Вот каким образом Шах-Гест-хан покончил с этой сволочью, которая, как я говорил, разоряла и опустошала всю Нижнюю Бенгалию. Время покажет, будет ли он также счастлив в дальнейшем своем предприятии против короля Аракана.

Четвертый факт касается двух сыновей Ауренгзеба, Султан-Махмуда и Султан-Мазума. Первого он все еще держит в Гвалиоре; но, если верить слухам, распространенным в народе, ему не дают пить пульста, обычного напитка, который заставляют пить тех, кого туда сажают. Что же касается Султан-Мазума, то он всегда мог служить примером выдержки и умеренности. Не известно только, не увлекся ли он чрезмерно интригами, когда отец его был при смерти, и не заметил ли Ауренгзев чего-нибудь, что могло возбудить его подозрительность, или

может быть Ауренгзеб захотел испытать его послушание и храбрость. Как бы то ни было, в один прекрасный день он сухо приказал ему на полном собрании эмиров отправиться убить льва, который спустился с гор и производил большие опустошения в деревнях; при этом не приказал дать ему большие сети, которые обыкновенно употребляют в такой опасной охоте, холодно ответив главному начальнику охоты, который их немедленно потребовал, что, когда он был принцем, то обходился без подобных предосторожностей. По счастью для Султан-Мазума охота окончилась удачно и он потерял лишь двух-трех человек и несколько лошадей, которые были ранены, хотя, я думаю, дело не обошлось без больших страхов, так как раненый лев прыгнул на голову слона Султана. Тем не менее Ауренгзеб с тех пор не упускает случая выказывать ему большое расположение и даже дал в управление Деккан, правда, с такой ограниченной властью и с такими малыми денежными средствами, что с этой стороны ему нечего опасаться.

Пятый факт касается губернатора Кабула, Могабетхана, которого Ауренгзеб вытащил наконец из его провинции и милостиво простил, не желая, как он говорил, потерять столь доблестного военачальника, который так мужественно стоял за своего благодетеля Шах-Джехана; он даже назначил его губернатором Гуджерата вместо Джессомсенга, которого он послал воевать в Деккан. Правда, несколько ценных подарков, сделанных ханом принцессе Раушенаре-Бегум, и много чудных лошадей и персидских верблюдов, которых он поднес Ауренгзебу вместе с пятнадцатью или шестнадцатью тысячами золотых рупий, вероятно немало помогли его назначению.

По поводу Кабульской провинции, которая лежит против Кандагарского королевства, ныне находящегося в руках персов, я здесь добавлю в нескольких словах кое-какие подробности, которые будут полезны для истории и дадут возможность как следует ознакомиться со страной и взаимными интересами Индостана и Персии, в которых, насколько я знаю, никто еще не сумел разобратся. Кандагар, сильная и важная крепость, столица этого прекрасного и богатого королевства, носящего то же название, в течение последних веков был причиной боль-

ших войн между моголами и персами, так как они оспаривали друг у друга права на него. Великий падишах Индии Акбар силой отобрал у персов Кандагар и владел им в течение всей своей жизни. Шах-Аббас, известный король Персии, отнял его у Джехан-Ги́ра, сына Акбара. Затем город вернулся под власть Шах-Джеханана, сына Джехан-Ги́ра, но уже не силой оружия, а благодаря измене губернатора Али-Мердан-хана, который сдал крепость Шах-Джехану, после чего и сам перешел к нему, опасаясь интриг своих врагов, оклеветавших его перед персидским королем. Кандагар⁶⁵ вновь был осажден и взят обратно сыном Шах-Аббаса. С тех пор он еще дважды был осажден Шах-Джеханом, но безуспешно. Первый раз город избежал этого благодаря несогласиям и зависти персидских эмиров, состоящих на службе у Великого Могола и являющихся самыми могущественными при дворе и благодаря почтению, которое они испытывают к своему природному государю. Они все во время осады крайне вяло действовали и не пожелали итти за раджей Рупом, который уже водрузил было свои знамена на стенах города со стороны гор. Второй раз это произошло вследствие зависти Ау­ренгзеба, который не захотел ворваться через пролом, сделанный пушечными выстрелами наших франги—французов, англичан, португальцев и немцев. Впрочем его зависть была не без оснований: он не хотел дать возможности говорить, что Кандагарская крепость взята во времена Дары, который был первым инициатором этого предприятия и находился в это время с отцом своим Шах-Джеханом в Кабуле. За несколько лет до последних смут Шах-Джехан собирался осадить ее в третий раз, но его отговорил от этого замысла Эмир-Джемла, посоветовав направить свое оружие против Деккана, как я уже рассказывал. Сам Али-Мердан-хан его сильно отговаривал и даже сказал ему следующие слова, которые я передаю как очень необычные: «Ваше величество никогда не возьмете Кандагара, если там не будет такого изменника, как я; разве что вы решите не брать с собой ни одного перса и сделать все базары или рынки совершенно свободными», т. е. не взимать никаких налогов с тех, кто поставляет припасы для армии. Наконец Ау­ренгзев, как и другие, готовился в последние годы к осаде

этого города. Неизвестно, был ли он уязвлен письмами, которые ему написал король персидский, или оскорблениями и дурным обращением, которым тот подверг его посла Тарбиет-хана, но, узнав о смерти персидского короля, он повернул обратно, сказав (что впрочем мало вероятно), что не хочет иметь дело с ребенком, новым королем, хотя Шах-Сулейману, наследовавшему престол, по моему мнению, около двадцати пяти лет.

Шестой факт касается тех, которые преданно служили Ауренгзебу и которых он почти всех сильно возвысил; во-первых, он назначил, как мы уже говорили, дядю своего, Шах-Гест-хана, губернатором и начальником армии в Деккане, а затем губернатором Бенгалии, Мир-хана — губернатором Кабула, Калил-улла-хана — губернатором Лагора, Мир-Бабу назначил в Алахабад, Ласкер-хана — в Патну, сына Алаверды-хана, бывшего при Султан-Судже, — губернатором Синда, Фазель-хана, который ему сильно помог своими советами и своей ловкостью, он сделал «хан-изаманом», что значит главным управляющим царского дома, Данешменд-хана — губернатором Дели, а так как он постоянно занят науками или иностранными делами, то Ауренгзев в виде особой милости и привилегии освободил его от ежедневного двукратного посещения собрания для приветствия падишаха, как этого требует старый обычай, притом без всяких вычетов из жалования, как это сделали бы с другими эмирами, если бы они пропускали эти собрания. Он дал Дианет-хану губернаторство Кашмира, маленького государства, почти неприступного, которым Акбар завладел хитростью; это маленький земной рай Индии, который имеет свою историю, написанную на его языке. У меня имеется ее сокращенный перевод на персидский язык, сделанный по приказанию Джехан-Гири. В этом государстве был длинный ряд правителей, очень древних, иногда столь могущественных, что они покорили Индию до Цейлона. Правда, Ауренгзев сместил Неябат-хана, который отличился в битве при Самонгере и Каджоуе, но ведь не следует тоже постоянно попрекать своего государя оказанными ему услугами. Относительно негодяев Джион-хана и Назера мы знаем, что первый получил награду по заслугам; про второго же никто не знает, что с ним случилось.

Что же касается Джашвантсинга и Джессента, тут встречается затруднение, в котором я постараюсь разобратъся. Один взбунтовавшийся язычник из Биджапура сумел захватить несколько важных крепостей и морских портов падишаха; он называется Сева-Джи, государь Сева,—это человек доблестный, очень осторожный, отважный и крайне предприимчивый; он наделал Шах-Гестхану в Деккане больше хлопот, чем король Биджапура со всей своей армией и со всеми раджами, которые обыкновенно соединяются с ним для общей обороны. Смелость его дошла до того, что он задумал похитить Шах-Гестхана и всю его казну на глазах всей армии в городе Ауренг-Абаде. Он довел бы свой замысел до удачного конца, если бы не был открыт: он проник ночью с отрядом решительных людей в покои Шах-Гестхана; сын хана был убит при попытке защищаться, а сам хан тяжело ранен; что касается Сева-Джи, то он вернулся целым и невредимым. Неудача не отбила охоты у этого бесстрашного человека к отважным предприятиям, и он затеял другое чрезвычайно смелое и опасное дело, которое удалось ему гораздо лучше. Отобрав две или три тысячи человек лучших своих войск, он без шума отправился с ними в поход, распуская по дороге слух, что это едет раджа ко двору. Когда он подошел к Сурату, знаменитому и богатому индийскому порту, то вместо того чтобы пройти мимо, как он уверил встреченного им главного начальника деревни, он бросился в город, где оставался около трех дней, рубя всем руки и ноги, чтобы заставить их признаться, где скрыты сокровища, разыскивая, делая обыски, забирая все, что возможно, или сжигая то, что нельзя было унести. После этого он беспрепятственно вернулся к себе с грузом на несколько миллионов в золоте, серебре, жемчуге, шелковых материях, тонком полотне и других дорогих товарах. Джессомсенг был заподозрен в сношениях с Сева-Джи по поводу этих двух предприятий. По этой причине Ауренгзеб отозвал его из Деккана, но тот, вместо того чтобы отправиться в Дели, ушел в свои владения.

Я забыл сказать, что во время разграбления Сурата Сева-Джи как набожный человек пощадил дом достопочтенного отца Амвросия, капуцина и миссионера, и сде-

лал распоряжение, чтобы его не грабили, так как, говорил он, я знаю, что отцы-франги—добродетельные люди. Он пощадил также дом покойного делала, или главного маклера голландцев, узнав, что тот широко раздавал милостыню. Пощадил он и дом англичан и дом голландцев не из набожности, как те дома, но потому, что они прекрасно защищались и держались стойко, особенно англичане, которые успели привести людей с нескольких кораблей, стоявших на рейде; они делали чудеса и даже спасли несколько домов, лежавших вблизи. Особенно отличился тут один еврей, прибывший из Константинополя с очень ценными рубинами, которые он собирался продать Ауренгзебу, и спасшийся из рук Сева-Джи. Вместо того чтобы признаться, что у него есть драгоценные камни, он предпочел три раза стоять на коленях под топором, занесенным над его головой. Но нужно быть евреем, закоренелым в скупости, чтобы спастись таким образом.

Что же касается Джессенга, то Ауренгzeb уговорил его согласиться на назначение его командующим армией и отправиться в Деккан, послав с ним Султан-Мазума, но без всяких полномочий. Джессенг прежде всего довольно энергично осадил главную крепость Сева-Джи, и так как он более, чем кто-либо другой, был мастером вести переговоры, то сумел уговорить его сдать крепость по соглашению, не доходя до крайнего истощения, и привлек его на сторону Ауренгзеба против Биджапура. Ауренгzeb провозгласил его раджей, взял под свое покровительство, а сыну его дал очень значительную эмирскую пенсию. Несколько времени спустя, имея намерение начать войну с Персией, Ауренгzeb написал Сева-Джи несколько любезных писем, восхваляющих его щедрость, способности и выдержку, и убедил его с помощью Джессенга прибыть к нему в Дели. Там родственница Ауренгзеба, жена Шах-Гест-хана, бывшая в то время в Дели, приложила все усилия, чтобы повлиять на Ауренгзеба и убедить его задержать человека, убившего ее сына, ранившего ее мужа и разграбившего Сурат. И вот однажды вечером три или четыре эмира окружили палатки Сева-Джи. Однако он сумел ускользнуть ночью переодетым. Это бегство наделало много шума при дворе, все обвиняли старшего сына раджи Джессенга в содействии бегству. Джессенг,

немедленно получивший сведения, что Ауренгзеб страшно разгневан на него и на его сына, перестал являться ко двору и день и ночь был настороже, опасаясь, что Ауренгзеб воспользуется этим предложением, чтобы наброситься на его владения и захватить их; затем он покинул Деккан и отправился охранять свои владения, но по дороге, дойдя до Брампура, умер. Тем не менее Ауренгзеб не только не выказал холодности и раздражения его сыну, но послал к нему утешить в смерти отца и назначил ему ту же пенсию. Это только подтверждает мнение многих, что Сева-Джи убежал с согласия Ауренгзеба, который не мог удержать его при дворе, так как все женщины были слишком возбуждены против него, видели в нем человека, обагрившего свои руки в крови их родственников.

Однако вернемся назад и рассмотрим Деккан; это—область, которая вот уже сорок лет как является театром военных действий, и много раз служила поводом для раздоров между Великим Моголом, королями Голконды и Биджапура и несколькими другими мелкими государями. Разобраться в этом можно только при условии ознакомления с важными событиями, происходившими в этой стране, и с положением государей, которые ею управляют.

Весь громадный полуостров Индостана, если провести линию от Камбейского залива до Бенгальского около города Джаганната и оттуда до мыса Коморин, за исключением некоторых горных местностей, был менее чем двести лет назад под единой властью государя, который таким образом был очень могущественным; в настоящее же время он разделен между несколькими государями, исповедующими к тому же разные религии. Причиной этого разделения послужило то, что раджа, или король Рамрас, последний из владевших всем полуостровом, слишком возвысил бывших у него трех грузинских рабов, назначив всех трех губернаторами—первого над большей частью тех земель, которые теперь занимает в Деккане Великий Могол,—около Даулет-Абада от Бадара, Паранды и Сурата до Нарбадара; второго—над всеми прочими землями, которые в настоящее время входят в Биджапурское королевство, и наконец третьего—над всем, что входит в королевство Голкондское. Эти три раба стали очень богатыми и очень могуще-

ственными, их поддерживали многие моголы, состоявшие на службе у Рамраса, потому что они все трое были магометанами, шиитской секты, как персы (они не могли принять закон язычников, даже если бы они сами того хотели, потому что язычники верят, что закон их дан только им); они наконец взбунтовались по общему соглашению, убили Рамраса и вернулись каждый в свою провинцию, приняв там титул шаха, или короля. Потомки Рамраса, не чувствуя себя достаточно сильными против них, удовлетворялись тем, что удержались в одном округе, именно в той области, которую называют в просторечии Карнатик, а на наших картах Бизнагер⁶⁶, где они являются раджами по сей день, а все прочее государство разделилось тогда же между всеми этими раджами, наиками⁶⁷ и царьками, которых мы там видели. Эти три раба и их потомки все время держались в своих королевствах потому, что они были в постоянной связи между собой и поддерживали друг друга в больших войнах с моголами. Но когда они стали заботиться каждый только о своих владениях, то скоро почувствовали последствия этого разделения: воспользовавшись им, Могол тридцать пять—сорок лет назад успел за короткое время завладеть всей областью Незам-шаха, или короля Незама, пятого или шестого потомка первого раба, и взял его самого в плен в его столице Даулет-Абаде, где тот и умер⁶⁸.

С этого времени короли Голконды держались довольно прочно; конечно они не могли равняться силами с Моголом; но тот был все время занят борьбой с Голкондой и Биджапуrom, у которых ему нужно было взять Амбер, Паранду, Бидар и несколько других крепостей, прежде чем добраться без труда до Голконды. Кроме того короли Голконды, обладающие большими богатствами, достаточно ловки, чтобы тайком снабжать деньгами короля Биджапура и этим помогать ему выдерживать войну против Могола. К тому же у них было вполне достаточно войска, всегда готового к войне, которое немедленно отправляется в поход и движется к границе, едва лишь получается известие, что армия Могола идет на Биджапур; это делается с целью показать Моголу свою готовность не только защищаться, но и открыто оказать помощь Биджапуру в случае, если он будет доведен до крайности.

Затем, что очень важно, они умеют давать взятки главным начальникам армии Могола, которые за это внушают двору, что гораздо выгоднее затеять войну с Биджапуром как наиболее близким к Даулет-Абаду. Кроме того короли Голконды ежегодно посылают Моголу в виде дани очень значительные подарки, состоящие частью из редких изделий страны, частью из слонов, которых они привозят из Пегу, Сиама и Цейлона, частью из наличных денег. Затем наконец Могол рассматривает это королевство почти как свое, не только потому, что оно платит дань, но главным образом вследствие того соглашения, которое, как я уже говорил, нынешний король заключил с Ауренгзебом, когда тот осадил его в Голконде, и еще потому, что у короля нет ни одного укрепления от Даулет-Абада до Голконды, которое было бы способно к сопротивлению, и Могол полагает, что, если он захочет и сделает надлежащее усилие, он овладеет королевством в один поход. По моему мнению, он давно бы это сделал, если бы не опасался короля Биджапура; если Ауренгзев бросит свои силы против Голконды, биджапурский король без сомнения вступит в Деккан. Ауренгзев хорошо знает, что для собственной безопасности ему очень важно сохранение самостоятельности Голкондского королевства.

Из всего этого можно более или менее понять интересы короля Голконды, его отношения с Моголом и наконец причины, благодаря которым он держится и, как говорится, подпирает плечом время. Тем не менее я вижу, что это государство сильно поколеблено в своем могуществе, так как теперешний король, кажется, совсем потерял мужество после несчастного дела с Ауренгзебом и Эмир-Джемлой и как будто выпустил из рук бразды правления в своем государстве. Он не решается выйти из Голкондской крепости и не появляется перед народом, чтобы выслушивать просителей и совершать правосудие по обычаю страны. В результате дела идут очень плохо, сильные угнетают слабых и даже теряют уважение к нему, насмехаясь над его приказаниями, и глядят на него, почти как на женщину. Народ же, измученный несправедливостью и дурным обращением, только и мечтает об Ауренгзебе. О крайности, до которой дошел этот несчастный король, можно судить по следующим фактам:

Первый факт: в 1667 году, когда я был в Голконде; Аурагзеб отправил к нему чрезвычайного посла для объявления ему войны, если он не даст десяти тысяч всадников для действий против Биджапура; он оказал этому послу необыкновенные почести и сделал большие подарки как ему лично, так и Аурагзебу и вступил с ним в соглашение, по которому он ему дает, правда, не десять тысяч всадников, а столько денег, сколько требуется, чтобы их содержать; большего Аурагзеб и не требовал.

Второе—это то, что обыкновенный посол Аурагзеба, который постоянно находится в Голконде, приказывает, угрожает, выдает паспорта, говорит и делает все, что хочет, и никто не смеет что-либо сказать по этому поводу. Третье—это то, что сын Эмир-Джемлы, Махмет-Эмирхан, несмотря на то что он не более как простой эмир Аурагзеба, так почитается по всему королевству и особенно в Мослипатаме, что его доверенный, или таптапа, является почти хозяином области, покупает и продает, вводит и выводит свои корабли с товарами, и никто ни в чем ему не смеет перечить, ни потребовать с него каких-либо таможенных пошлин; так велико было прежде могущество отца его, Эмир-Джемлы, в этом королевстве, что время не смогло его искоренить. Четвертое—это то, что голландцы не стесняются угрожать иной раз задержкой всех торговых судов страны в порту, не давая им разрешения выйти из него, пока им не уступят того, что они требуют; они даже не подчиняются распоряжениям короля. Однажды я был свидетелем того, как они пытались взять силой английское судно в самом порту Мослипатاما; губернатор помешал этому, вооружив против голландцев весь город и угрожая поджечь их факторию и всех их перебить. Вызывает также недовольство беспорядок, который царит в монетном деле и чрезвычайно вредит торговле. Пятое—то, что даже португальцы, хотя в Индии они все бедные, несчастные, забитые, иногда угрожают ему войной и разорением Мослипатاما и всего побережья, если он не отдаст им крепости Сан-Томе, которую они предпочли несколько лет назад добровольно передать ему в руки, вместо того чтобы сдать ее голландцам, уступая силе. Впрочем я слышал в Голконде от очень толковых людей, что этот король—человек со здравым рассудком;

он так поступает из политических соображений, чтобы никого не раздражать, а главное—устранить у Ауренгзеба всякие подозрения и убедить его в том, что он почти не принимает участия в делах королевства. Между тем у него подрастает сын, которого скрывают, и он лишь выжидает время объявить его королем и посмеяться над соглашением с Ауренгзобом. Поживем, увидим.

Посмотрим однако, каковы интересы Биджапура. Биджапурское королевство тоже продолжало держаться, хотя Могол почти не прекращал войны с ним; и тоже не потому, что оно способно было бороться с силами Могола, но потому, что против него никогда почти не прилагали больших усилий. Военачальники Ауренгзеба не всегда стремятся кончить войну: ведь нет ничего приятнее, как стоять во главе армии и повелевать, чувствуя себя маленьким царьком вдали от двора. Поэтому создалась поговорка, что Деккан—хлеб и жизнь солдат Индостана. Кроме того область Биджапур чрезвычайно мало доступна со стороны империи Могола из-за недостатка хорошей воды, фуража и припасов, а столица Биджапур очень сильно укреплена, лежит в сухой и бесплодной стране, в которой едва ли где найдешь хорошую воду кроме самого города. И наконец в королевстве много крепостей, расположенных на малодоступных горах. Однако, по-моему, и это государство сильно шатается, так как Могол у него отнял Паранду, составляющую как бы ключ к стране, прекрасный укрепленный город Бидер и несколько других важных крепостей; особенно же это видно из того, что последний король Биджапура умер не оставив детей мужского пола, тот же, кто сейчас считается королем, был усыновлен королевой, сестрой короля Голконды,—милость, за которую он плохо отплатил. С тех пор, как она вернулась из Мекки, он вовсе не считается с ней под предлогом того, что она плохо себя вела на голландском корабле, который ее отвозил в Моку. Двое или трое из тех, что были на корабле, понравились ей, а некоторые даже покинули корабль, чтобы следовать за ней из Моки в Мекку сухим путем. Наконец благодаря беспорядку, господствующему в этом королевстве, тот язычник, о котором я рассказывал, Сева-Джи, сумел завладеть многими крепостями, очень сильными, располо-

женными большей частью на малодоступных горах, где он разыгрывает царька, насмехаясь и над Биджапуром и над Моголом, делая набеги и грабя все страны от Сурата до ворот Гоа. Однако если, с одной стороны, он наносит вред Биджапуру, то, с другой—сильно помогает ему тем, что храбро выступает против Могола, все время устраивая против него засады и заставляя много говорить о себе. Дошло до того, что он разграбил Сурат и остров Барды, принадлежащий португальцам и лежащий у ворот Гоа.

Шестое—это то, что, когда я выехал из Дели в обратный путь, я узнал в Голконде о смерти Шах-Джехана; Ауренгзеб, говорят, был этим сильно тронут и проявил все признаки скорби, которые только сын может проявлять по поводу смерти отца; в тот же час он направился в Агру. Бегум-Сахев велела обить роскошными коврами мечеть и место, где он должен был остановиться, прежде чем войти в крепость; у входа в сераль, или женское отделение дворца, она ему поднесла большой золотой чан, куда были высыпаны все ее драгоценные камни и все драгоценности Шах-Джехана, и наконец она сумела принять его с таким великолепием и вела себя с ним так ловко и тонко, что добилась от него прощения; позднее она вошла к нему в доверие и стала пользоваться его милостями.

Я не сомневаюсь, что большинство из тех, кто прочтет мою историю, найдут пути, которыми шел Ауренгзеб, чтобы достичь царства, весьма насильственными и страшными. Я не пытаюсь оправдать его, я только прошу, прежде чем его осудить, размыслить над злосчастным обычаем этого государства, по которому наследование короны остается неопределенным за отсутствием хороших законов, закрепляющих это право за старшим сыном, как например у нас. Вследствие этого государство захватывается самым счастливым и сильным и становится его добычей. Принцы из царской семьи по самому условию своего рождения обречены на жестокую необходимость: либо победить и царствовать, истребив всех остальных, чтобы упрочить свою власть и обезопасить свою жизнь, или же самим погибнуть. И мне представляется, что тот, кто поразмыслит над этим, не найдет его поведение столь поразительным и увидит в нем не варвара, а великого и редкого гения, великого политика и великого государя.

ПИСЬМО КОЛЬБЕРУ⁶⁹

О площади, занимаемой Индостаном, обращении золота и серебра, которые попадают туда, чтобы там и остаться, о богатстве, военной силе, юстиции и главной причине упадка азиатских государств.

Монсеньор!

Так как азиатский обычай велит никогда не приходиться к великим мира сего с пустыми руками, то, когда я имел честь целовать платье Великого Могола Ауренгзеба, я ему поднес подарок, состоявший из восьми рупий, как выражение моего почтения; затем я поднес украшенный янтарем футляр для ножа, вилки и перочинного ножа сиятельному Фазель-хану, который должен был определить мне жалование, как доктору: он был министром, на котором лежали важнейшие заботы о государстве. Не желая, монсеньор, вводить новые порядки во Франции, я однако не могу при моем возвращении забыть этот обычай. Мне думается, что я не смею предстать перед королем, к которому я отношусь с несравненно большим почтением, чем к Ауренгзебу, и перед вами, к которому я тоже питаю гораздо больше уважения, чем к Фазель-хану, не сделав тому и другому маленьких подарков, редких по крайней мере из-за их новизны, если не из-за руки, которая их приносит.

Переворот, имевший место в Индостане, показался мне ввиду сопровождавших его необычайных происшествий темой, достойной величия нашего монарха, а настоящий доклад по существу содержащегося в нем материала — приличествующим тому рангу, который вы занимаете в его совете, той деятельности, которая по моему возвращении так поразила меня, когда я увидел порядок, восстановленный во многих делах, где считал это невозможным, и тому рвению, с которым вы стремитесь показать самым отдаленным странам мира, каков наш монарх и как французы способны на всякого рода предприятия и могут с честью выполнить все, что вы задумали для их славы и выгоды.

Именно в Индии, откуда я возвращаюсь после двенадцатилетнего отсутствия и где ваше имя стало уже хорошо известно, я понял, как счастлива Франция, и убедился, как много она обязана вашим заботам. Это была бы благодарная тема, на которой я охотно остановился бы, но так как я поставил себе задачей говорить здесь только о новых, неизвестных вещах, то к чему же говорить о том, что и так известно всему миру? Несомненно вам больше понравится, если я постараюсь дать некоторое представление об индийском государстве, рассказать о котором я взял на себя обязанность.

Вы уже могли видеть на картах Востока, как велики размеры империи Великого Могола, которую обычно зовут Индией, или Индостаном. Я ее не измерял математически, но, подсчитывая нормальные дневные переходы в этой стране и необходимость путешествовать три месяца, чтобы проехать от границы Голкондского королевства до местности, лежащей за Казни, вблизи Кандagara, первого персидского города, я полагаю, что это расстояние в пять раз больше, чем расстояние от Парижа до Лиона, что составит около пятисот наших обыкновенных лье.

Затем благоволите обратить внимание на то, что на этом громадном пространстве много чрезвычайно плодородных земель, некоторые из них, как например все огромное Бенгальское королевство, превосходят Египет не только изобилием риса, пшеницы и прочих продуктов, необходимых для жизни, но также теми ценными товарами,

которых Египет не знает, каковы шелка, хлопчатобумажные изделия, индиго и много других, о которых в достаточной мере говорится в разных описаниях.

Из этих земель многие достаточно населены и довольно хорошо возделаны; местные ремесленники, хотя по природе своей довольно ленивы, все же вследствие нужды или по другим причинам старательно трудятся, вырабатывая ковры, парчу, золотые и серебряные ткани и всякого рода изделия из шелка и хлопка, которые употребляют в стране или везут в другие места.

Вы можете также заметить, что золото и серебро, которые разгуливают по земному шару, частично исчезают без следа, как только попадают в Индостан. Известно, что из драгоценных металлов, которые поступают из Америки и рассеиваются по разным государствам нашей Европы, часть устремляется разными путями в Турцию в обмен на товары, получаемые оттуда; другая часть идет через Смирну в Персию в обмен на шелк, за которым туда ездят. Вся Турция нуждается в кофе, которое привозится из Йемена, или счастливой Аравии, и составляет обычный напиток турок; та же Турция вместе с Йеменом и Персией не могут обойтись без индийских товаров. Таким образом все эти страны принуждены привозить в Моку на Красном море, вблизи Баб-эль-Мандеба, в Басору в конце Персидского залива и в Бендер-Аббас, или Гомерон, вблизи Ормуза, часть того золота и серебра, которое попало к ним; оттуда оно перевозится в Индостан на кораблях, которые во время муссона, или сезона ветров, специально заходят в эти три известные гавани. С другой стороны, индийские корабли, принадлежащие либо самим индийцам, либо голландцам, англичанам и португальцам, которые каждый год доставляют товары Индостана в Пегу, Танассери, Сиам, Цейлон, Ассам, Макаassar, Мальдивские острова, Мозамбик и другие местности, тоже привозят из всех этих стран много золота и серебра, которые постигает та же участь. Из драгоценных металлов, которые голландцы извлекают из Японии, где имеются рудники, часть тоже рано или поздно направляется туда же, в Индостан. Наконец то, что сюда ввозят прямым морским путем из Португалии или из Франции, возвращается в эти страны только в виде товара.

Я прекрасно знаю, что мне могут возразить, что тот же Индостан нуждается в ввозе слонов, меди, гвоздики, мускатного ореха, корицы и разных других продуктов, которые голландцы туда ввозят из Цейлона, Японии, Молуккских островов и Европы, ему нужен также свинец, который отчасти поставляет ему Англия, кумач и другие товары, поставляемые Францией. Индостан нуждается даже в большом количестве лошадей: известно, что из Узбекистана он получает их ежегодно более двадцати пяти тысяч, из Персии, через Кандагар, их также привозят немало, а некоторое количество прибывает из Эфиопии, Аравии и Персии морем—из портов Моки, Басоры и Бендер-Аббаса. Индостану требуется кроме того громадное количество свежих фруктов, доставляемых из Самарканда, Бали, Бухары и Персии, как например дыни, яблоки, груши, виноград; они потребляются в Дели, где их покупают по весьма дорогой цене почти всю зиму, так же как и сухие фрукты, которые там имеются круглый год и которые привозятся из тех стран—например миндаль, фисташки, лесные орехи, сливы, абрикосы, виноград и пр. Наконец есть спрос на маленькие морские раковины с Мальдивских островов, которые служат в качестве мелкой монеты в Бенгалии и в некоторых других местностях, а также на серый янтарь с этих же самых Мальдивских островов и из Мозамбика; на рога носорога, на слоновую кость и рабов из Эфиопии, на мускус и посуду из Китая, на жемчуг из Бехарена и Тутукури около Цейлона и не знаю на какие еще другие вещи этого рода, без которых можно бы прекрасно обойтись. Но все это не приводит к вывозу из империи золота и серебра, так как купцы набирают на обратный путь местные товары, находя это более выгодным, чем увозить деньги; таким образом все это не мешает Индостану быть, как мы сказали, пропастью, поглощающей значительную часть золота и серебра всего мира, которые находят многие пути, чтобы туда проникнуть со всех сторон, и почти ни одного—для выхода оттуда.

Наконец обратите внимание на то, что Великий Могол является наследником всех эмиров, или вельмож, и мансебдаров, или маленьких эмиров, которые состоят у него на жалованьи, а также на то, что все земли государства,—

а это имеет важнейшие последствия,—составляют его собственность за исключением кое-каких домов или садов, которые он позволяет своим подданным продавать, делить или покупать друг у друга по их усмотрению. Все эти факты убедительно указывают на то, что в Индостане имеется очень большое количество золота и серебра, хотя в нем нет ни приисков, ни рудников, но кроме того они дают возможность предположить, что Великий Могол, являющийся государем Индостана, по крайней мере лучшей его части, получает огромные доходы и владеет огромными богатствами.

Однако, с другой стороны, надо отметить некоторые обстоятельства, создающие противовес этим богатствам. Прежде всего среди этих громадных пространств встречается много песков и бесплодных гор, мало возделанных и слабо населенных, а из плодородных земель многие не обработаны за отсутствием земледельцев: часть из них погибла от дурного обращения губернаторов, нередко отнимающих у них самое необходимое для жизни, порой даже детей, которых обращают в рабство, когда у родителей нет средств платить или когда они пытаются уклониться от платежа; другие покинули деревню по той же причине и, впав в отчаяние, что им приходится работать только для других, бросились в города или в войска, чтобы служить носильщиками, водоносами или сделаться служителями всадников; некоторые бежали во владения раджей, потому что там их меньше угнетают и лучше обращаются с ними.

Далее надо заметить, что на этом пространстве живет множество народов, над которыми Могол не вполне властен; у них большей частью имеются свои начальники и государи, которые повинуются Моголу и платят ему дань только по принуждению; некоторые из них платят очень мало, а некоторые и вовсе ничего не платят; есть же и такие, которые даже получают от него, как это мы сейчас увидим.

Сюда относятся все мелкие государи, находящиеся на границе с Персией, которые почти никогда ему ничего не платят, как и не платят персидскому королю. Таковы еще балуши, афганы и другие горные племена; большинство из них тоже платит ему очень мало и почти не считается

с ним. Как оскорбительно они с ним обращаются, об этом свидетельствует следующий случай: когда для осады Кандагара Могол со своей армией переходил из Атока на Инде в Кабул, они заставили всю его армию остановиться в пути из-за недостатка воды, которую они задержали у себя в горах; они не давали воде стекать на равнину, где проходила большая дорога, пока им не сделали подарков, хотя, по правде сказать, они просили о них, как о милостыне.

Таковы еще патаны, магометанский народ, вышедший со стороны Ганга в Бенгалию; до нашествия моголов на Индию они сумели достичь могущества в разных местах, особенно в Дели⁷⁰, и сделали некоторых окрестных раджей своими данниками. Эти патаны горды и воинственны,— даже самые ничтожные из них, хотя бы они были слугами или водоносами, ставят себя очень высоко и говорят, когда клянутся: «Пусть я никогда не стану королем в Дели, если это не так». Эти люди презирают как индийцев, язычников, так и моголов и смертельно ненавидят последних, твердо помня, чем патаны были раньше, пока их не изгнали из больших княжеств и не принудили уйти в горы, подальше от Агры и Дели, где они обжились и где некоторые из них сделались маленькими царьками вроде раджей, но с меньшим значением.

Таков и король Биджапура, который ничего не платит государю Индии, постоянно с ним воюет, держась в своей стране отчасти благодаря своим собственным силам, отчасти же вследствие отдаленности от Агры и Дели—обычных резиденций Могола, а отчасти благодаря тому, что его столица Биджапур сильно укреплена и мало доступна для армии из-за плохой воды и недостатка фуража, который трудно найти по дороге к ней; отчасти еще и потому, что некоторые раджи всегда соединяются с ним для совместной обороны. Таков и известный Сева-Джи, который недавно ограбил и сжег Сурат, этот богатый морской порт; он нередко совсем отказывается платить или же платит очень мало. Таков еще могущественный и богатый король Голконды, тайно снабжающий деньгами короля биджапурского и всегда держащий на границе армию, готовую к обороне и поддержке Биджапура, в случае если бы тот оказался в тяжелом положении.

Таковы наконец более сотни крупных раджей, или языческих государей, разбросанных по всей империи, одни—по близости Агры и Дели, другие—вдали от этих городов; среди них имеется примерно пятнадцать-шестнадцать очень богатых и могущественных и пять или шесть таких, как Рана (который был раньше как бы императором всех раджей и происходит, как говорят, от потомков царя Пора⁷¹) и как Джессенг и Джессомсенг; они настолько сильны, что, объединившись, они втроем, без участия посторонних, создали бы Моголу большие затруднения, так как каждый может чрезвычайно быстро выставить двадцать тысяч всадников, притом гораздо лучших войск, чем моголы. Эти всадники называются раджпуты, или сыновья раджей; они, как я уже говорил в другом месте, из поколения в поколение всецело заняты военной службой; раджи раздают им земли под условием всегда быть готовыми по приказу раджи сесть на коня; они очень смелы и им недостает лишь дисциплины, чтобы стать великолепными воинами.

Третье обстоятельство, на которое следует обратить внимание, это то, что Могол—магометанин, но не из тех, которых зовут шиитами, стоящими за Али и его потомков, каковы персы, а следовательно большинство его двора, а из тех, кого зовут сунни. Они стоят за Османа и потому называются османили, как и турки. Кроме того Могол—чужестранец, он потомок Тамерлана, вождя тех моголов из Татарии, которые около 1401 года наводнили Индию и стали ее хозяевами; вследствие этого он находится в стране, почти целиком враждебной, тем более что не только на одного могола, но и вообще на одного магометанина имеются сотни язычников. Чтобы устоять против стольких могущественных внутренних врагов, а также против своих соседей—персов и узбеков, он должен постоянно содержать большие армии как во время войны, так и во время мира, вблизи своей особы и в поле. Эти армии составлены частью из местных жителей, как раджи и патаны, но преимущественно из моголов, как он сам, или по крайней мере признаваемых за моголов, на том основании, что у них светлая кожа, что они—иностранцы и магометане; это в настоящее время считается достаточным, ибо теперь двор падишаха состоит не только из одних моголов, как

вначале, а представляет собою, как мы уже говорили, сброд из всякого рода иностранцев—узбеков, персов, арабов и турок или их потомков, с той лишь разницей, что потомки в третьем или четвертом поколении, наделенные темным цветом кожи и медлительным характером туземцев, уже не так почитаются и уважаются, как новоприбывшие, даже редко получают должности и счастливы, если могут стать простыми всадниками или пехотинцами. Вот об этих-то армиях я и постараюсь дать вам некоторое понятие, чтобы по громадным расходам, которые вынужден нести Великий Могол, вы могли лучше судить о его действительном богатстве. Рассмотрим прежде всего туземное войско, которое он по необходимости должен содержать.

Туземное войско составляют раджи, как Джессенг, Джессомсенг и многие другие, которым он дает очень крупные пенсии, с тем чтобы они были всегда готовы выступить с определенным количеством раджпутов, и считает их равными эмирам, т. е. наравне с иностранными и магометанскими вельможами; он либо держит их в армии, которая состоит всегда при его особе, либо в провинциальных войсках. Эти раджи обыкновенно несут те же обязанности, что и эмиры, вплоть до караульной службы, однако с той разницей, что они не несут ее внутри крепости, как эмиры, а за стенами ее, в своих палатках, ибо они не соглашаются быть запертыми хотя бы на сутки в крепости и входят туда не иначе, как с надлежащей свитой из людей, готовых дать себя разорвать ради них на куски, как это бывало, когда хотели сыграть с ними какую-нибудь скверную шутку.

Могол вынужден держать у себя на службе этих раджей по многим причинам. Прежде всего потому, что войско этих раджей очень хорошо, как я уже говорил, и что есть такие раджи, которые могут в одно мгновение выставить в поход двадцать тысяч всадников и больше. Во-вторых, он это делает, чтобы лучше держать в узде остальных раджей, которые не состоят у него на жаловании, и образумлять их, когда они уклоняются от уплаты дани или когда, из страха или по другим причинам, они не хотят оставлять свои земли и поступать в армию по требованию Могола. Третья причина заключается в стремлении поддерживать рознь и вражду между ними: поощряя

и осыпая милостями одних больше чем других, он довольно часто доводит их до междоусобных войн. Четвертая причина—желание использовать их против патанов или собственных эмиров, или губернаторов, если бы некоторые из них вздумали бунтовать. Пятая—желание использовать их против короля Голконды, когда он уклоняется от уплаты дани или пытается встать на защиту короля биджапурского или какого-нибудь соседнего раджи, которого Могол хочет ограбить или сделать данником, так как в этих случаях Могол не может слишком полагаться на своих эмиров, которые большей частью—персы и принадлежат не к суннитам, как он, а к шиитам, как короли Персии и Голконды. Шестая и самая значительная причина заключается в том, что они нужны для посылки против персов, когда представляется к этому повод, так как в этом случае Могол также не может доверяться своим эмирам, ибо они, как я только что сказал,—персы, а следовательно не склонны сражаться против своего природного государя, тем более что для них он—имам, их халиф, или верховный первосвященник, потомок Али, воевать против которого они считают преступлением и большим грехом.

Кроме раджей он по тем же причинам вынужден также держать некоторое количество патанов.

Наконец ему приходится держать чужестранное войско, состоящее из моголов, о котором мы уже говорили. Так как оно составляет главную силу его государства, возлагая на него невероятные расходы, то мне кажется, что будет вполне уместным постараться вам описать, какова эта армия, хотя бы и пришлось слишком долго остановиться на этом.

Посмотрим, что такое это чужестранное войско. Оно, будь то конница или пехота, делится как бы на две части, из которых одна всегда состоит при нем, а другая же рассеяна по провинциям или включается в состоящую при нем конницу. Познакомимся прежде всего с эмирами, затем с мансебдарами, рузиндарами и наконец с простыми всадниками; от них мы перейдем к пехоте, среди которой мы обратим внимание на мушкетеров и всяких пехотинцев, которые обслуживают пушки, и скажем мимоходом два слова о двух родах его артиллерии.

Не следует думать, что эмиры или придворные Могола— знатного происхождения, как во Франции. Так как вся земля принадлежит государю, то выходит, что там нет ни герцогств, ни маркизатов, нет никаких семейств, богатых земель и живущих на доходы со своих поместий. Очень часто это даже не дети эмиров, так как падишах является наследником всего их имущества, и отсюда следует, что знатные фамилии не могут долго держаться в своем величии, напротив, их падение наблюдается часто и наступает мгновенно; уже дети или, в лучшем случае, внуки могущественного эмира нередко после смерти отца оказываются доведенными чуть ли не до нищеты и вынуждены поступать на службу к какому-нибудь эмиру в качестве простых всадников.

Правда, обычно Могол оставляет маленькую пенсию вдове, часто и детям, а если отец проживет достаточно долго, он может при помощи протекции быстро продвинуть их по службе, особенно если они хорошего сложения, белолицы и уже не слишком похожи на индийцев, так что могут еще сойти за настоящих моголов; однако такое повышение по протекции все-таки происходит довольно медленно, ибо здесь почти, как общее правило, полагается переходить к большим жалованиям и большим должностям с маленьких. Эти эмиры обыкновенно просто авантюристы и пришельцы всякого рода национальностей, как я говорил, которые тянут один другого ко двору; это люди, вышедшие из ничтожества, некоторые из них рабы, большая часть без образования. Могол раздает им высокие должности по своему усмотрению и по произволу смещает их.

Среди эмиров некоторые называются хазари (тысяча лошадей), другие—до-хазари (две тысячи), третьи—панч-хазари (пять тысяч), агит- (восемь), дас- (десять) и даже дуаздас-хазари (двадцать тысяч), как был например старший сын государя. Это соответственно означает: господин с тысячью лошадей, с двумя тысячами, с пятью тысячами и т. д. Жалованье их зависит от большего или меньшего количества лошадей (я говорю лошадей, потому что их оплачивают не из расчета всадников, но именно лошадей, так как иногда эмиры содержат всадников с двумя лошадьми на каждого для лучшей службы,

так как в жарких странах обычно говорят, что всадник, у которого одна лошадь, больше чем на половину пехотинец). Однако не надо думать, что они обязаны содержать или государь действительно оплачивает им то количество лошадей, которое соответствует громким названиям дуаздег-хазари или гешт-хазари (двенадцать тысяч лошадей или восемь тысяч лошадей). Эти названия придуманы только для того, чтобы поразить и привлечь иностранцев; государь определяет действительное число лошадей, которое они обязаны содержать, и платит соответственно этому числу. Кроме того он им оплачивает некоторое количество, которое они содержать не обязаны; это и составляет обыкновенно главную часть их дохода помимо тех сумм, которые они «экономят» на плате каждому всаднику и на количестве лошадей; все это делает содержание эмиров очень крупным и значительным, особенно если им удастся получить хорошие джигиры, или земли, предназначенные им в жалование. Я видел, что вельможа, бывший моим начальником и называвшийся панч-хазари, или господин с пятью тысячами лошадей, в действительности был обязан содержать только пятьсот лошадей. По оплате всех всадников ему оставалось около пяти тысяч эку в месяц, хотя он был нагди, т. е. получал жалованье наличными из казначейства, как все, не имеющие джагиров. Но, несмотря на крупные доходы, получаемые эмирами, я редко видел среди них богатых людей: очень многие испытывают денежные затруднения и запутываются в долгах. Их разоряет не столько расход на прокормление, как это обыкновенно бывает в других странах с большими вельможами, — напротив, эти расходы очень скромны и умеренны, — а необходимость делать государю в дни определенных годовых праздников крупные подношения в соответствии с размером получаемого ими жалованья. Кроме того их истощают расходы по содержанию их жен, слуг, верблюдов и ценных лошадей, которых они держат для своих личных потребностей.

Число эмиров, как тех, которые находятся в походе, в провинциях и в армиях, так и состоящих при дворе, очень велико. Точно я его никогда не мог узнать, да оно и не определено. Однако я никогда не видел при дворе менее двадцати пяти—тридцати эмиров, которые, как я го-

ворил, получают большое жалованье, смотря по большому или меньшему числу лошадей, которых они обязаны содержать,—от одной до двенадцати тысяч.

Эти эмиры получают губернаторства и главные должности при дворе и в армиях; они, как говорится, являются столпами государства и поддерживают блеск двора. По улицам они следуют не иначе, как великолепно одетые, иногда сидя на слоне, иногда верхом на коне, а порою в палеки, причем обыкновенно в сопровождении изрядного количества всадников из тех, которые охраняют их дом, и множества пеших слуг, которые идут спереди и сбоку, чтобы очищать для них дорогу, прогонять павлиньими хвостами мух и пыль, нести их зубочистку или плевательницу, воду для питья, а иногда счетоводные книги и прочие документы. Все те, кто находится при дворе, обязаны под страхом вычета из жалованья два раза в день являться на поклон к государю в собрание—к десяти-одиннадцати часам утра, когда он отправляет правосудие, и к шести часам вечера. Кроме того обязаны нести караульную службу в крепости каждый по очереди раз в неделю в течение суток. Они приносят туда свои постели, ковры и прочую мебель, государь дает им только пищу, которую они принимают с большой церемонией и с большим почетом, делая трижды таслим, или поклон, с лицом, обращенным к его покоям, опуская сначала руку до земли и затем поднимая ее над головой. Кроме того они обязаны следовать верхом а государем и повсюду сопровождать его, когда он отправляется за город, какая бы ни была погода, несмотря на дождь или пыль, между тем как он следует в своем палеки на слоне или в тахт-раване, или походном троне, который несут на плечах восемь человек, ловко сменяемых по дороге другими восьмью. Таким образом он во всех переходах хорошо защищен от всякой непогоды. Они несут эту обязанность, идет ли он на войну или совершает переходы с армией из города в город, или отправляется на охоту.

Иногда государь освобождает некоторых от этой обязанности по причине их особой службы или вследствие того, что они больны, слишком стары, или чтобы избежать лишнего скопления людей, как он это обыкновенно делает, когда выезжает куда-нибудь недалеко от города,

на охоту или в загородный дом, либо когда он отправляется в мечеть; в этих случаях его обычно сопровождают лишь дежурные по караулу.

Мансебдары—это всадники, получающие мансеб—особую плату, очень почетную и значительную, правда, не настолько значительную, как жалованье эмиров, но более высокую, чем получают другие; их поэтому рассматривают как маленьких эмиров, равных по рангу тем, которые становятся впоследствии эмирами, тем более что они не признают над собой никаких начальников кроме самого падишаха и несут обыкновенно те же обязанности, что и эмиры; они были бы настоящими эмирами, если бы у них было под начальством несколько всадников, что некоторые из них раньше и имели, тогда как теперь обыкновенно они имеют только от двух до шести обязательных лошадей, т. е. таких, которые носят царское тавро; жалование же их обыкновенно составляет от 150—200 до 600—700 рупий в месяц наличными. Их число тоже неопределенно, но оно гораздо значительнее, чем число эмиров, ибо при дворе их всегда от двухсот до трехсот, не считая тех, которые находятся в провинции или в армии.

Рузиндары—тоже всадники, но оплачиваются поденно, как показывает их название; плата иногда бывает у них выше, чем у многих мансебдаров, но она выдается иначе и не так почетна; зато они не принуждаются, как мансебдары, к адженасу, т. е. к приобретению за известную цену, подчас далеко не умеренную, ковров и других предметов домашнего обихода, находившихся в употреблении при дворе. Число этого рода людей очень значительно; они занимают мелкие должности, многие из них служат писцами, помощниками писцов, накладывают печать на бараты, или ордера, для получения денег, причем берут взятки за ускорение выдачи баратов.

Простые всадники подчинены эмирам; среди них наиболее уважаемыми и получающими высшую плату являются те, у которых имеются две обязательные лошади, т. е. отмеченные тавром их эмира; плата их точно не установлена, многое зависит от щедрости эмира, который может оказывать в этом отношении предпочтение, кому пожелает. Однако Могол считает, что плата простого всадника

с одной лошадейю не должна быть менее двадцати пяти рупий или около того, и в своих расчетах с эмирами он исходит из этой цифры.

Оплата пехотинцев наиболее низкая, и потому среди них попадают очень убогие мушкетеры, особенно если они стреляют, не сидя на земле и не упирая мушкета на подвешенную к нему маленькую изящную деревянную вилку; да и то они очень боятся опалить свои большие бороды и глаза; особенно же они боятся, что какой-нибудь «джен», или злой дух, разорвет их мушкет. Они получают плату в десять—пятнадцать—двадцать рупий, но встречаются канониры, получающие большое жалованье, особенно из наших франги, или христиан, — португальцев, англичан, голландцев, немцев и французов, которые сюда приезжают из Гоа или убегают из голландской и английской компаний. Раньше, когда моголы еще не научились стрелять из пушек, жалованье канониров было очень велико; с того времени остаются еще некоторые, получающие по двести рупий в месяц, но теперь таким канонирам уже дают не более тридцати двух рупий, да и вообще не хотят их больше брать на службу.

Артиллерия делится на два рода. Первый—это крупная, или тяжелая, артиллерия, вторая—легкая, или, как они ее называют, стремянная. Что касается тяжелой артиллерии, то припоминаю, что, когда государь после своей болезни разъезжал со всей своей армией, почти каждый день развлекаясь охотой то на цаплей, то на нильгау, или серых быков (как они называют этот род лосей), то на газелей и леопардов, то иногда на львов, продвигаясь мало-помалу в Лагору и Кашмиру, этому маленькому раю Индии, который я опишу в другом месте, и где он собирался провести лето, — эта артиллерия состояла из семидесяти пушек, большей частью чугунных, не считая двухсот—трехсот легких верблюдов, которые несли по небольшому полевому орудью величиной с двойной мушкет; их привязывают к этим животным вроде того, как мы привязывали к лодкам камнететные машины.

Стремянная артиллерия, показавшаяся мне очень изящной и хорошо обученной, состояла из пятидесяти или шестидесяти маленьких полевых бронзовых орудий, помещенных каждое на маленькую тележку, хорошо сделан-

ную и хорошо окрашенную, с сундучком спереди и сзади для снарядов; ее везли две прекрасные лошади; кучер управлял ею, как коляской; она была украшена маленькими красными лентами и при каждой была еще третья лошадь, которую вел под уздцы помощник кучера-канонира, она служила запасной. Так как тяжелая артиллерия не могла всюду следовать за государем, который сворачивал с большой дороги то направо, то налево через поля, чтобы выбрать хорошие места для охоты и водопоя,—ей приходилось двигаться по большой дороге, чтобы скорее ехать и избегать задержек, которые она причинила бы на трудных переправах, а особенно на понтонных мостах, которые устраивали для переправы через реки. Стремянная же артиллерия была неразлучна с особой государя, поэтому-то ей и дали название стремянной: она отправляется утром, когда государь выходит из своей палатки; он обыкновенно несколько сворачивает с дороги, чтобы попасть к намеченному месту охоты, которое охраняется, чтобы армия не вошла туда, артиллерия же движется прямо и нередко во весь опор к месту сбора, чтобы выстроиться перед его палаткой, которая ставится уже накануне, как и палатки больших эмиров, и в то мгновение, когда государь появляется, вся эта артиллерия стреляет, чтобы предупредить армию об его прибытии.

Полевая армия ничем не отличается от состоящей при особе государя. Везде имеются эмиры, мансебдары, рузиндары, простые всадники, пехота, артиллерия,—повсюду, где воюют, отличие заключается лишь в том, что количество полевой армии очень велико, так как одна только армия, которую Могол вынужден постоянно содержать в Деккане, чтобы держать в узде могущественного короля Голконды и воевать с королем Биджапура и со всеми раджами, которые к нему присоединяются, состоит не менее чем из двадцати—двадцати пяти, иногда тридцати тысяч всадников.

Кабульское королевство для обыкновенной своей охраны против персов, афганцев, балушей и всяких других горцев требует по меньшей мере двенадцать—пятнадцать тысяч всадников, Кашмирское королевство—более четырех тысяч, а Бенгальское королевство—много больше. К тому же здесь почти постоянно идет война, и нет такого

губернатора провинции, который не нуждался бы в большом количестве войск, смотря по размерам и особенностям положения его провинции; все вместе взятое дает невероятное количество. Тем не менее, оставляя в стороне пехоту, не имеющую большого значения, и показное количество лошадей, которое может ввести в заблуждение, я, как и некоторые другие, хорошо знакомые с этим вопросом, полагаю, что действительное число лошадей, состоящих обыкновенно при государе, включая сюда кавалерию раджей и патанов, может доходить до тридцати пяти тысяч, а с теми, которые находятся в поле, это составит двести тысяч и пожалуй даже несколько более. Я сказал, что пехота не имеет большого значения, ибо я не думаю, чтобы армия, которую государь держит при себе, включая сюда мушкетеров, пеших канониров, их помощников и вообще всех, кто обслуживает эту артиллерию, превышала пятнадцать тысяч; по этому можно судить, сколько она может составить в полевых армиях. Из этого ясно, что неоткуда взять то чудовищное количество пехоты, которое некоторые насчитывают в армиях Великого Могола, если только они не смешивают с настоящими военными людьми всех тех слуг и торговцев с базаров, или рынков, которые следуют за армией; в этом случае я готов поверить, что они правы, насчитывая двести и триста тысяч в одной только армии, которая находится при государе; иногда в ней может быть и больше людей, например в тех случаях, когда он предполагает долго отсутствовать из столицы. Это однако не удивит того, кто знаком с невероятным нагромождением палаток, кухонь, тряпья, обстановки и даже часто женщин, а в связи с этим—слонов, верблюдов, быков, лошадей, носильщиков, поставщиков фуража и продовольствия, всякого рода торговцев и слуг, которые тянутся за этими армиями. Это не покажется странным тем, кто познакомится с положением страны и с ее особым управлением, при котором государь является единственным собственником всех земель в государстве; отсюда неизбежно вытекает то, что целые столицы, как Дели или Агра, живут почти исключительно за счет армии и таким образом вынуждены следовать за королем, когда он отправляется на войну. Города эти отнюдь не похожи на Париж; в сущности говоря,

это военные лагеря, расположенные немного лучше и удобнее, чем в открытом поле.

Кроме всего прочего примите во внимание, что вся эта армия, которую я только что вам описал, от эмира до последнего солдата, обязательно получает свое жалование каждые два месяца. Жалование, которое дает государь, является единственным источником дохода, поэтому недопустимы какие-либо задержки в его выплате, как это случается иногда в наших государствах, где из-за какой-нибудь спешной потребности государства дворянину, офицеру и даже простому всаднику приходится ждать некоторое время и поддерживать свое существование собственными средствами, процентами на свой капитал, доходами от своих земель. Тут (в Индии) необходимо, чтобы все было выплачено точно, в установленный срок, иначе все развалится, все умрут с голоду, продав то немногое, что они имеют, включая своих лошадей, как я это видел в последнюю войну, когда некоторые уже собирались это сделать, если бы она скоро не кончилась. К тому же в этой армии едва ли найдется солдат, который не был бы женат и не имел бы жен, детей, слуг и рабов, ждущих этого жалования и кроме него не имеющих ни других надежд, ни иного выхода. Многие удивляются этому громадному количеству лиц, живущих на жалование (их насчитывают миллионы), они не в состоянии представить себе, где можно найти достаточно доходов для таких огромных трат; однако нет оснований так удивляться этому, если иметь в виду богатство государства, особенности государственного управления и земельную собственность государя.

К этому благоволите добавить, что Великий Могол содержит при себе в Дели и в Агре и окрестностях две или три тысячи прекрасных лошадей, которые должны быть всегда готовы на случай нужды, кроме того еще восемьсот или девятьсот слонов и очень большое количество мулов, лошадей и носильщиков для перевозки и переноски всех больших палаток с их отделениями, для перевозки его жен, его кухонь, мебели, воды из Ганга и всех прочих необходимых в походе предметов, которыми он пользуется, как будто не выезжал из дома. Все эти предметы не являются необходимыми в наших государствах. Благоволите

еще добавить к этому невероятный расход сераля, без которого труднее обойтись, чем это кажется. Эта уйма всякого тонкого и златотканного полотна, парчи, шелковых тканей, шитья, мускуса, амбры, благовонных масел, жемчуга,—добавьте, говорю, все это, присоединив к тому, о чем мы говорили раньше. Если сопоставить все эти бесконечные расходы, к которым он вынужден, с доходами, которые, по вашим соображениям, он может получать, то посудите,—в самом ли деле он так безгранично богат, как это изображают. Что касается меня, я хорошо знаю, что нельзя отрицать его огромных доходов; я полагаю, что он один получает их больше, чем турецкий султан и король Персии, вместе взятые. Но чему я никогда не в состоянии был поверить, так это невероятным сказкам, которые о них рассказывают, и, если бы я даже поверил большей их части, я бы никогда не мог признать его действительно столь богатым, как об этом говорит весь мир, если только не считать, что казначей, получающий крупные суммы денег одной рукой и одновременно вынужденный их раздавать другой, действительно вследствие этого богат. Что касается меня, я считал бы действительно богатым лишь такого государя, который, не притесняя и не слишком разоряя своих подданных, имел бы достаточные доходы, чтобы содержать большой и великолепный двор, как это водится у нас или в других местах, и достаточное количество войска для охраны государства и ведения не особенно большой войны со своими соседями в течение нескольких лет, который мог бы при желании проявлять щедрость, возвести несколько великолепных и царственных построек и производить другие расходы, какие привыкли делать государи в зависимости от своих личных наклонностей, и который кроме того мог бы несколько лет подряд откладывать в казначейство суммы, достаточно крупные, чтобы быть в состоянии в течение нескольких лет выдерживать большую войну и самому ее затеять. Я готов верить, что Великий Могол обладает приблизительно этими возможностями, но меня нельзя убедить в том, что он их имеет в таком избытке, как это обыкновенно думают и утверждают. Уже эти громадные и неизбежные расходы, которые я отметил, должны убедить вас в правильности моего мнения, но без сомнения вы окончательно

согласитесь со мной после того, как я укажу на два обстоятельства, о которых я, полагаю, хорошо осведомлен.

Первое обстоятельство заключается в том, что нынешний Великий Могол к концу последнего переворота, когда мир царил во всей империи кроме Бенгалии, где все еще держался Султан-Суджа, был в большом затруднении, не зная, откуда достать средства на содержание своей армии, хотя ей и не платили так хорошо, как обыкновенно, а война продолжалась всего около пяти лет, и хотя он наложил руку на большую часть казны отца своего, Шах-Джехана.

Второе заключается в том, что вся эта казна Шах-Джехана, который был очень умерен в расходах и царствовал более сорока лет без значительных войн, никогда не доходила до шести куруров рупий. Я уже говорил, что рупия стоит приблизительно двадцать девять су; сто тысяч рупий составляют один лек, а сто¹ леков—один курур. Правда, я не включаю в эту казну большое количество ювелирных изделий самого разнообразного вида и рода из золота и серебра, а также громадное количество жемчуга и драгоценных камней всякого рода, больших размеров и высокой стоимости; не знаю, существует ли в мире государь, который имел бы их больше; один трон, покрытый имь, ценится по меньшей мере в три курура рупий, если только память мне не изменяет. Но надо также сказать, что все это—добыча, взятая у древних патанских князей и у раджей, которая накапливалась с давних пор и продолжает накапливаться и возрастать с каждым днем, переходя от одного государя к другому, благодаря подаркам, которые эмиры обязаны подносить ежегодно в известные праздники и которые считаются движимым имуществом короны; прикоснуться к нему было бы чем-то вроде преступления, и от продажи его, в случае нужды, падишах с трудом мог бы выручить хоть один соль⁷².

Прежде чем кончить, я скажу, почему в империи Могола, этой пропасти, поглощающей золото и серебро, как я го-

Во французском издании (1774 г.) очевидная опечатка; в нем говорится: «а этот лек составляет один курур». —Прим. пер.

ворил вначале, незаметно, чтобы народ был богаче, чем в других местах; напротив, повидимому народ здесь более нуждается, и деньги составляют большую редкость, чем во многих других странах.

Первая причина заключается в том, что очень много драгоценных металлов потребляется для плавки и переплавки всяческих колец для носа и ушей, цепочек, перстней, ручных и ножных браслетов, которые носят женщины, особенно много тратится на невероятное количество тканей, на которые уходит совершенно без всякой пользы огромная масса драгоценного металла, который потом совершенно пропадает,—на все эти вышивки, алаша, или полосатые шелковые ткани, тура, или пучки золотых сеток, которые носят на чалмах, на полотно златотканное и серебротканное, шарфы, чалмы, парчу и тому подобные материи, ибо все войско, от эмиров до простых солдат с их женами и детьми, стремится блистать позолотой, хоть бы они дома умирали с голоду, что бывает довольно часто.

Вторая причина—это то, что все земли империи составляют собственность государя и раздаются как бенефиции, носящие название джагир (в Турции их называют тимар), воинам армии вместо жалования или пенсии, смотря по тому, что имеет в виду слово джагир, которое означает место, которое надо взять, или место с пенсией. Таким же образом они раздаются губернаторам вместо пенсии и на содержание войск с тем условием, чтобы из излишка доходов от земли они давали ежегодно некоторую сумму государю в качестве откупа, либо же государь оставляет их за собой в качестве личного удела своего двора, который никогда или почти никогда не дается как джагир; он сдает эту землю откупщикам, которые должны ему вносить ежегодно некоторую сумму. Благодаря этим платежам и те и другие, т. е. люди с тимарами, губернаторы и откупщики, имеют как бы неограниченную власть над крестьянами, да и немалую над ремесленниками и торговцами в городах, местечках и селах их округа; там нет ни больших вельмож, ни парламентов, ни президиалов, как у нас, которые могли бы держать этих людей в страхе, нет ни кади, т. е. судей, достаточно влиятельных, чтобы воспрепятствовать их насилиям и подавить их; словом,

нет никого, кому бы крестьянин, ремесленник или торговец мог пожаловаться на обиды и притеснения, которым эти лица их весьма часто подвергают, злоупотребляя повсюду безнаказанно и безбоязненно правительственной властью, находящейся в их руках. Немного лучше пожалуй обстоит дело в местностях, близких к столицам, каковы Агра и Дели, и в больших городах и морских портах, откуда жалобы, как они знают, могут легче дойти до двора. Поэтому все живут в постоянном трепете перед этим сортом людей, особенно перед губернаторами: их боятся больше, чем раб своего господина. Поэтому жители обычно стараются казаться нищими, лишенными денег; соблюдают чрезвычайную простоту в одежде, жилище и обстановке, а еще более в еде и питье. Они нередко даже боятся слишком далеко заходить в торговле из опасения, что их будут считать богатыми и придумают какой-нибудь способ разорить их; поэтому в конечном счете они не находят ничего лучшего, как прятать и закапывать свои деньги в величайшей тайне глубоко в землю; таким образом деньги выходят из обращения и погибают в земле без всякой пользы для государя, государства и кого бы то ни было. Это наблюдается не только у крестьян и ремесленников, но, что гораздо важнее, у всякого рода торговцев, будь то магометане или язычники кроме тех из них, которые состоят на жаловании у государя или у эмиров или наконец имеют особенного покровителя и патрона, достаточно влиятельного. Главным образом это можно видеть у язычников, в руках которых сосредоточены почти вся торговля и деньги; они проникнуты верой в то, что золото и серебро, которые они прячут в течение жизни, будут служить им после смерти. Такова, по-моему, истинная причина, почему в торговле среди народа обращается так мало денег.

Отсюда однако возникает важный вопрос, а именно: не было ли бы более целесообразным не только для подданных, но и для самого государства и государя, чтобы этот последний, как в наших государствах и королевствах, не являлся единственным собственником всех земель в государстве, чтобы у частных лиц было, как у нас, «мое» и «твое»? Что касается меня, то после тщательного сопоставления состояния наших королевств, где существует

это «мое» и «твое», с состоянием иных государств, где его нет, я пришел к убеждению, что для самого государя гораздо лучше и целесообразнее, чтобы было так, как в наших странах, ибо в тех государствах, где устроено иначе, золото и серебро исчезают тем путем, как я указал. Нет почти никого, кто бы был обеспечен от насилия этих тимариотов, губернаторов и откупщиков. Государь, сколько бы доброй воли у них ни было по отношению к своим народам, почти никогда не могут по указанной мной причине обеспечивать им справедливость, препятствовать тирании, особенно в больших государствах и областях, вдали от столичных городов, а между тем именно это как раз требуется, ибо в этом главная обязанность и задача государя. Кроме того эта тирания часто переходит всякие границы, отнимает у крестьян и ремесленников все необходимое для жизни, так что они умирают от голода и нищеты, не производят детей или имеют таких, которые умирают в детстве, ибо плохо питаются и живут в бедности, как и их отцы и матери. Бывает, что они покидают землю, чтобы поступить в услужение к какому-нибудь всаднику, или бегут, куда только могут, к соседям, в надежде встретить там более мягкое обращение, о чем я говорил раньше. Наконец земли обрабатываются почти исключительно из-под палки, а следовательно очень плохо, многие истощаются и делаются совершенно непригодными, так как не находится никого, кто мог бы и хотел нести расходы по содержанию в порядке канав и каналов для стока вод и на проведение их в поля, которые в них нуждаются; нет также никого, кто бы интересовался постройкой домов и ремонтом тех, которые разваливаются. Крестьянин говорит про себя: «Зачем же я буду так трудиться для тирана, который завтра придет и забрет все или по крайней мере все самое лучшее, самое прекрасное, и если ему только придет такая фантазия в голову, даже не оставит мне на нищенское существование». Тимариот, губернатор, откупщик—каждый со своей стороны рассуждают таким образом: «Зачем мне вынимать деньги из своего кошелька и особенно стараться вносить улучшения в землю или хорошо содержать ее, если я вечно накануне того, что ее у меня отнимут или заменят другой, если я работаю не для себя, не для своих детей и если место, которое я занимаю сегодня, весьма вероятно не

будет моим в будущем году. Надо из него извлечь всё, что можно, пока оно у меня в руках, хотя бы крестьянин издох или бросил бы землю, хотя бы земля обратилась в пустыню, когда меня здесь не будет».

Вот почему эти азиатские государства на наших глазах приходят в состояние жалкого упадка. Вот почему мы не видим в этих странах ничего кроме городов, построенных из земли и грязи в отличие от наших, ничего кроме опустевших и разрушающихся городов и поселков. Вот почему (если взять для примера то, что поближе к нам) все эти Месопотамии, Анатолии, Палестины, эти чудесные равнины Антиохии и столько других земель, некогда хорошо возделанных, плодородных и густо населенных, теперь превратились в полупустыни, необработанные и заброшенные, или в смертоносные и необитаемые болота. Вот почему из несравненных земель Египта менее чем за восемьдесят лет, как замечено, погибло более одной десятой части, так как никто не хочет тратиться на надзор за каналами и на то, чтобы удержать Нил, чтобы он не бросился с яростью в сторону, затопляя низко лежащие равнины или заноса их песком, убрать который можно потом только с большим трудом и с крупными расходами. Вот почему в этих странах замирают ремесла или по крайней мере не так процветают, как могли бы при других условиях или как мы это наблюдаем у нас; ибо какую бодрость и энергию может иметь ремесленник для надлежащего изучения и применения своего ремесла, когда он видит, что среди народа, который почти поголовно нищ или старается им казаться, не найдется никого, кто бы интересовался изяществом и красотой его работы, так как все гонятся только за дешевизной. Знатные люди оплачивают его очень плохо и только когда им вздумается; подчас он бывает рад, если уйдет целым из их рук и его не попотчуют корра, этим ужасным большим кнутом, который всегда привязан на виду у дверей эмиров; он знает, что для него нет никакой надежды чего-нибудь достичь в будущем, например купить должность или землю для себя и для своей семьи; из страха, что его сочтут богатым, он не смеет даже иметь вид человека, скопившего хотя бы какие-нибудь гроши, не смеет носить красивой одежды или вкусно есть и пить. Поэтому в этих странах уже давно

исчезли бы красота и изящество ремесленных изделий, если бы государи и самые большие вельможи не держали мастеров, которые работают у них на жаловании, обучают своих детей и стараются стать ловкими, чтобы заслужить хоть некоторое уважение и избежать корра, и если бы не было крупных богатых купцов в городах, имеющих добрых и влиятельных покровителей и несколько лучше оплачиваемых рабочих. Говорю—немного лучше, так как, какие бы прекрасные ткани мы ни видели в этих краях, не надо воображать, что ремесленник там в почете или может чего-нибудь добиться; он работает только по крайней необходимости или из-под палки; он никогда не становится богатым; хорошо, если у него есть на что жить и во что скромно одеться; если он зарабатывает деньги, то это не для себя, а для этих больших городских купцов, которые, как я говорил, сами с трудом существуют и не знают, как уберечь себя от оскорблений. По той же причине в этих государствах господствует самое глубокое невежество, ибо откуда взяться там хорошим академиям и школам? Где можно было бы найти основателей? И даже если бы таковые оказались, откуда бы появились учащиеся? Где те, которые достаточно обеспечены, чтобы помещать своих детей в школу? И даже если бы таковые нашлись, кто из них рискнет прослыть богатым? А если бы они и пошли на это, какие выгоды их ожидают? Где должности и почетные звания, которые требуют знаний и способностей, которые побуждают молодых людей к учению?

По тем же причинам торговля во всех этих странах кажется очень вялой по сравнению с нашей, ибо много ли найдется таких, которые захотят усердствовать, суетиться, вести переписку и рисковать для другого, для губернатора, который их обидит, если они не примажутся к какому-нибудь военному человеку и не будут у него на положении рабов, причем он будет брать себе из барышей ту часть, какую захочет? Кому охота навлечь на себя какую-нибудь беду, питаться, имея сто тысяч рупий, не лучше, чем имея всего десять тысяч, прикидываться нищим и несчастным? У королей здесь нет на службе князей, вельмож, дворян, сыновей из богатых и воспитанных семейств, офицеров, буржуа, торговцев и ремесленников, среди которых бывают даже люди хорошего происхождения, воспитанные,

образованные, с сердцем и доблестью, чувствующие привязанность и истинное уважение к королю. Они даже, как я говорил, часто довольно долго содержат себя на собственные средства при дворе и в армии, живя надеждами, довольствуясь ласковым взглядом государя, а в случае надобности соперничают друг с другом в силе и энергии, стремясь поддержать честь предков и рода. Государя здешних стран видят вокруг себя только людей, вышедших из ничтожества, рабов, невежд, грубиянов и придворных, выдвинутых на должности из грязи и не имеющих ни воспитания, ни образования. От них всегда почти пахнет разбогатевшими нищими. Заносчивые, неспособные, без сердца и без чести, они не дорожат честью своего короля и родины. В этих странах государям приходится все разорять, чтобы добыть средства для чудовищных расходов, неизбежных при содержании большого двора, не имеющего других источников существования кроме собственных сундуков и казначейства, и при необходимости иметь большое количество войска, которое требуется для того, чтобы держать народ в повиновении, не давать ему разбежаться, заставляя его работать и извлекать из него то, что нужно для государства. А подданные живут в глубоком отчаянии от вечных обид, угроз и необходимости работать только для других. В этих странах, когда случается серьезная война, и даже почти во всякое время, государям приходится по необходимости продавать губернаторства за наличные деньги, выплачиваемые в громадных суммах. Отсюда преимущественно и происходит это разорение и бедственное состояние, которое мы видим. Ведь должен же этот покупатель-губернатор выручить ту громадную сумму, которую он достал взаймы от тех и других лиц под большие проценты? И даже не зависимо от того, купил он губернаторство или нет,— разве ему не нужно изыскивать средства так же, как это нужно тимариотам и откупщикам, чтобы ежегодно подносить подарки визирю, евнуху, какой-нибудь женщине в серале и другим лицам, которые ему покровительствуют при дворе. Разве ему не нужно платить обычную дань государю и разве не стремится он сверх того и сам обогатиться, этот несчастный раб, который обычно приходит голодный и весь в долгах, без имущества, без земли и не имея самостоятель-

ных доходов? Разве губернаторы не разоряют и не опустошают все, живя в провинции, как маленькие тираны с безграничной, безмерной и беспредельной властью, не имея там никого, как я уже говорил, кто мог бы их сдерживать, или к кому подданный мог бы обратиться, чтоб защитить себя от их насилий и добиться справедливости. Правда, в империи Могола имеются вакеа-неви, т. е. люди, которых государь посылает в провинции, чтобы они доносили ему обо всем, что там происходит. Они несколько обуздывают чиновников, если только, как это почти всегда случается, не вступают с ними в соглашение и не сговариваются о совместном «кормлении», ибо все они такие же нищие, как и те. Правда, губернаторства продаются в империи Могола не так часто, как в Турции, и это делается не так открыто (я говорю не так открыто, так как большие подарки, которые они вынуждены от времени до времени подносить, стоят почти столько же, сколько покупка), и губернаторы остаются дольше в своих провинциях, а потому они не такие голодные и нищие, не так запутаны в долгах, как новоприбывшие. Поэтому они не так притесняют народ и не так жестоки с ним, чтобы опасаться бегства подданных к раджам, что однако все же случается часто. Следует сказать, что и в Персии губернаторства продаются не так часто и не так публично, как в Турции, и дети губернаторов нередко наследуют там своим отцам, вследствие чего народ не находится в таком угнетении, как в Турции. Поэтому там больше утонченности, а некоторые даже отдаются изучению наук, но все это конечно очень ничтожно. Эти три государства—Турция, Персия и Индостан,—уничтожив понятие «мое» и «твое» по отношению к земельным владениям, что является основой всего, что есть в мире ценного и прекрасного, поневоле очень похожи друг на друга и имеют один и тот же недостаток: рано или поздно их неизбежно постигнут те же бедствия, та же тирания, то же разорение, то же опустошение.

Итак, не дай бог, чтобы наши европейские монархи стали собственниками всех земель, которыми владеют их подданные. Тогда их государства оказались бы далеко не в том состоянии, в котором они находятся, не такими обработанными, населенными, хорошо застроенными, бо-

гатыми, культурными и цветущими, какими мы их видим теперь. Наши короли гораздо богаче и могущественнее, чем короли Индостана, и надо признаться, что они обслужены гораздо лучше и более по-царски. Между тем они могли бы легко оказаться королями пустынь, нищих и варваров, такими, каких я только что изобразил. Те, которые желают иметь все, теряют в конце концов все и, желая стать слишком богатыми, оказываются в результате лишенными всего или по крайней мере весьма далекими от той степени богатства, которую им сулит их слепое честолюбие и слепая страсть стать более неограниченными властителями, нежели это позволяют законы божеские и природы. Куда девались бы все эти князья, прелаты, дворянство, богатые буржуа, крупные купцы и славные ремесленники таких городов, как Париж, Лион, Тулуза, Руан и, если хотите, Лондон и много других? Где были бы эти бесчисленные местечки и села, все эти чудные деревенские усадьбы, все эти поля и холмы, возделанные и содержимые с таким старанием, заботливостью и усердием? И где следовательно были бы эти громадные доходы, которые извлекаются оттуда и обогащают как государя, так и подданных? Вместо этого оказались бы большие селения, необитаемые из-за скверного воздуха и обращющиеся в развалины, причем никто не подумал бы заняться их восстановлением, холмы оказались бы заброшенными, поля остались бы без обработки, зарастали бы кустарником или обращались в болота, разносящие заразу, как я уже говорил. Добавим еще одно слово по адресу любезных и опытных путешественников: не было бы никаких удобств для путешествий, приходилось бы все брать с собой, как цыганам, а все эти прекрасные гостиницы, которые тянутся от Парижа до Лиона, обратились бы в десяток или дюжину жалких караван-сараев. Это обыкновенно большие строения, стоящие на возвышении, вокруг которых двор вымощен, как наш Новый мост, и сотни людей помещаются здесь вперемешку с лошадьми, мулами и верблюдами. Летом здесь задыхаются от жары, а зимою можно умереть от холода, если бы дыхание всех этих животных не согревало воздух.

Однако, возразят мне, зачем нам забираться так далеко, в Индию, мы видим государства, где не различают

понятий «мое» и «твое», как например империя турецкого султана, которую мы знаем лучше всех других, и она не только существует, но даже очень могущественна, и силы ее растут с каждым годом.

Да, верно, это государство, занимающее огромное пространство с землями такого превосходного качества, что эту почву можно истощить лишь с большим трудом и за очень продолжительный период времени,—это государство еще богато и могущественно. Но не подлежит сомнению, что если бы Индия была возделана и населена, как наша страна, и если бы там везде существовала частная собственность, то она имела бы совсем другой вид; она была бы достаточно населена, чтобы выставить прежние чудовищные армии, и достаточно богата, чтобы их содержать. Мы ее извездили почти во всех направлениях и видели, до какой невероятной степени она разорена и как она обезлюдела; теперь нужно потратить целых три месяца, чтобы набрать в столице пять-шесть тысяч солдат; мы знаем даже, до чего бы она уже дошла, если бы не большое число христианских рабов, которых ввозят отовсюду, и не подлежит сомнению, что если теперешнее правительство будет продолжать управлять в течение многих лет, оно неизбежно погибнет и падет само собой от собственной слабости. Да и сейчас оно, кажется, держится только этими рабами, так как нет ни одного губернатора да и вообще ни одного человека в империи, у которого нашелся бы хоть один су для какого-нибудь предприятия или который мог бы набрать столько народу, сколько ему нужно. Странная манера поддерживать государство! Тогда пожалуй, чтобы покончить с восстаниями, понадобится тот брамин из Пегу, который уморил голодом половину королевства и превратил эту местность в лес, не позволяя в течение нескольких лет возделывать землю. Однако его замысел не удался, и государство вслед за тем распалось, а недавно столица Ава чуть не была взята горстью людей, бежавших из Китая. Тем не менее надо признать, что мы можем и не увидеть при нашей жизни полной гибели и развала империи¹, потому что ее соседи не только лишены возможности что-либо предпринять против нее, но даже не в состоя-

¹ Но впрочем может быть мы увидим даже нечто худшее.

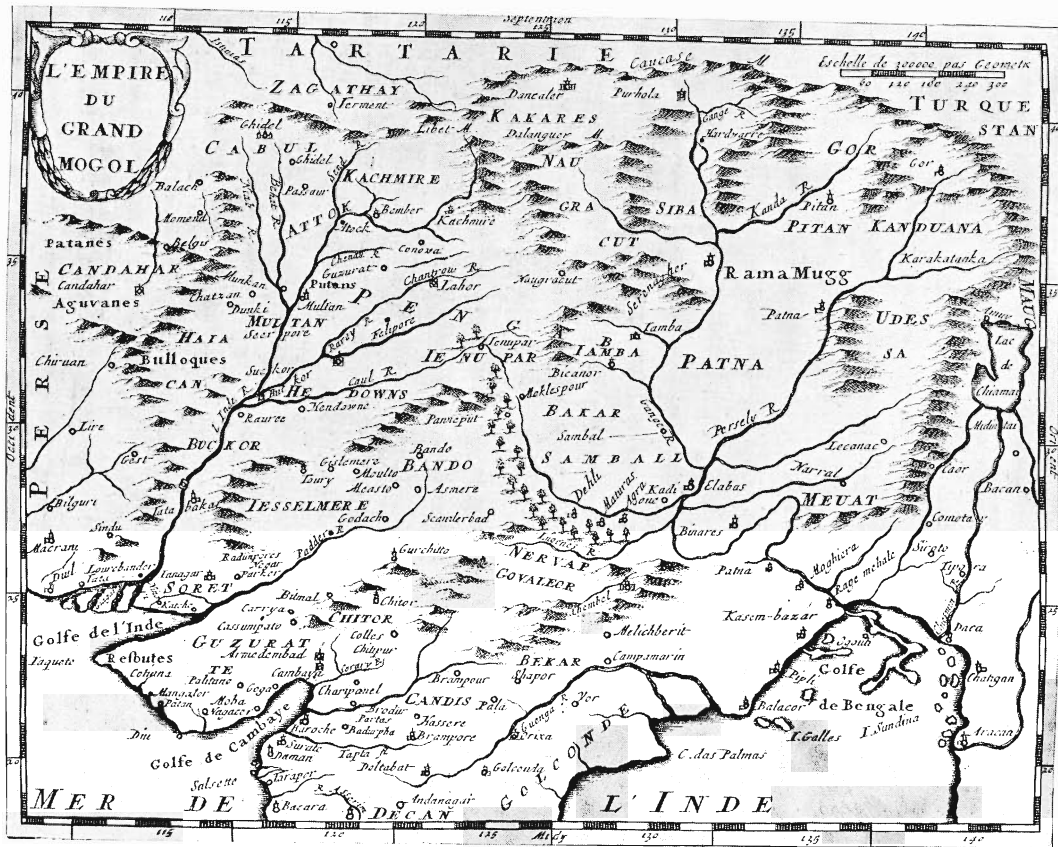
нии ей сопротивляться иначе, как при помощи иностранцев, которые по дальности расстояния и вследствие соперничества между собой всегда будут проявлять медлительность, мелочность и подозрительность.

Однако могут спросить, почему в этих государствах нет хороших законов, почему население провинций не может обращаться с жалобами к великому визирию или самому государю? Правда, они не совсем лишены хороших законов, и если бы их законы соблюдались как следует, там можно было бы жить не хуже, чем в других местах, но к чему эти законы, если их не соблюдают и если нельзя так устроить, чтобы они соблюдались? Не тот ли самый великий визирь, или государь, послал им этих нищих тиранов в провинции, а он не в состоянии дать иных? Не он ли сам продавал губернаторства? Разве, чтобы добиться справедливости, бедный крестьянин или ремесленник может найти средства для поездки в столицу, удаленную от его места жительства на полтораста—двести миль? А что если губернатор распорядится его убить по дороге, как это неоднократно бывало, или схватит его когда-нибудь впоследствии? Что если у губернатора окажутся покровители при дворе, которые изложат обстоятельства дела совсем иначе, чем это было в действительности? Наконец разве этот голодный губернатор, а также тима-риот, или откупщик,—люди, способные, как говорит персидская пословица, извлечь масло из песка и разорить мир, со всей кучей таких гарпий, каковы их жены, дети и рабы,—разве этот губернатор, говоря я, не полномостный господин, ведающий правосудием? Он сам и парламент, и президиал, и выборный, и сборщик податей, словом—все вместе взятое.

Быть может еще скажут, что земли, которые наши короли держат в личном владении, не хуже возделаны и не менее населены, чем другие. Но большая разница иметь кое-какие земли в разных местах королевства или же владеть всей землей, что меняет совершенно положение. Кроме того у нас столь разумные законы, что наши короли первые готовы их соблюдать, требуя, чтобы их личные владения управлялись так же, как земли их подданных; они даже позволяют вчинять иски против своих арендаторов и прочих служащих; таким образом крестьянин

или ремесленник может добиться справедливости и найти убежище от незаконных насилий и обид. В этих же странах я не вижу никакого убежища для слабых; палка и каприз губернатора—почти единственный закон, который здесь царствует и решает все дела.

Но наконец могут сказать, что в государствах такого рода по крайней мере нет такого множества судебных дел и они не тянутся так долго, как у нас; нет и такого количества судейских разного рода. Действительно, нельзя не одобрить полностью старую персидскую поговорку: «На бак Кута Беттер—Езбак Дераз», что значит: скорая несправедливость лучше медлительной справедливости. Продолжительность тяжб действительно недопустима в государстве, и неотложной обязанностью государя является всеми подходящими средствами стремиться исправить это. Верно, что, устраняя «мое» и «твое», подрезаешь корень бесконечному числу тяжб, почти всем, которые могут быть важными, продолжительными и запутанными, а следовательно нет необходимости в таком большом количестве должностных лиц, которыми пользуются наши государи для отправления правосудия над своими подданными, и во множестве лиц, которые около них кормятся. Но столь же очевидно, что такое лекарство было бы во сто крат хуже болезни вследствие неудобств, которые оно вызвало бы. И, надо думать, судьи, как и в тех государствах, потеряли бы право носить это звание. А между тем наши короли могут пока еще гордиться ими. В этих же странах, за редким исключением, которое иногда составляют купцы, судится только всякий сброд или несчастные люди, занимающие одинаковое общественное положение и не имеющие средств подкупить судей или купить лже-свидетелей, которые там бесчисленны, дешевы и никогда не наказываются. Это я слышал со всех сторон и знаю по опыту нескольких лет. Я тщательно расспрашивал местных жителей, наших старых купцов, которые проживают в этих краях, а также послов, консулов и переводчиков. Большинство наших путешественников видит мимоходом трех мусорщиков или трех людей из подонков общества у кади, который быстро отпускает тяжущихся, наградив ту или другую сторону, а иногда и обе, палочными ударами по пяткам или сказав им ласковые слова

(Из французского издания 1699)

«майбале баба»⁷³, которые употребляются кади в тех случаях, когда они видят, что с тяжущихся нельзя ничем поживиться. И вот по возвращении на родину эти путешественники восклицают: «Какое прекрасное и быстрое правосудие! Какие честные люди все эти судьи по сравнению с нашими!» Они не обращают внимания на то, что если бы один из этих несчастных, будучи виновен, имел несколько эку, чтобы подкупить судью или его писцов, и столько же, чтобы купить парочку лжесвидетелей, то он мог бы выиграть тяжбу или тянуть ее, сколько ему заблагорассудится.

Поэтому в заключение я без лишних слов скажу: отнять собственность на землю у частных лиц это значит одновременно ввести как неизбежное последствие тиранию, рабство, несправедливость, мошенничество, варварство; это значит оставить земли невозделанными, обратить их в пустыни, широко открыть дорогу разорению и гибели человеческого рода и даже крушению королевств и государств. Напротив, понятия «мое» и «твое» связаны у каждого с надеждой, что он трудится для постоянного блага, которое принадлежит ему и будет принадлежать его детям; это главное основание всего ценного и прекрасного в мире. Тот, кто окинет взором разные страны и государства и задумается над всем, что вытекает из этой собственности для государей и частных лиц, найдет в ней первоисточник и главную причину той великой разницы, которую мы замечаем между различными государствами и империями мира, и поймет, что именно в этом заключается то, что изменяет и разнообразит лик всей земли!

ПИСЬМО ГОСПОДИНУ ДЕ ЛА МОТ ЛЕ ВАЙЕ ⁷⁴

(написанное в Дели 1 июля 1663 года)

Содержащее описание Дели и Агры, главных городов империи Великого Могола, вместе с разными подробностями о придворной жизни и о характере моголов и населения Индии.

Милостивый государь!

Я знаю, что по возвращении моем во Францию один из первых вопросов, которые вы мне зададите, будет: могут ли Дели и Агра соперничать с Парижем по красоте, размерам и числу жителей?

Что касается красоты этих городов, то должен наперед сказать, что я иногда удивлялся, с каким пренебрежением отзывались европейцы о городах Индии, утверждая, что им далеко до наших по красоте зданий. Но совсем не требуется, чтобы они были на них похожи. Если бы Париж, Лондон или Амстердам находились там, где находится Дели, то пришлось бы снести большую часть их зданий и перестроить эти города заново, по совершенно иному плану. В наших городах бесспорно много красивого, но все же красоты эти по характеру своему соответствуют их холодному климату. Дели же может похвастаться своими красотами, соответствующими очень жаркому климату. Жара так сильна в Индостане, что никто, даже знатные вельможи и сам государь, не носят чулок и ходят в простых бабушах, или туфлях, а голову защищают небольшим тюрбаном из самой тонкой материи. Вся прочая одежда тоже соответственно легка. В летние месяцы бывает так жарко, что в комнате нельзя приложить руку к стене или прислонить голову к подушке. В течение более шести месяцев подряд приходится спать на открытом воздухе, без покрывал. Простой народ спит на улицах, у дверей своей комнаты, купцы и люди с положением спят иногда у себя во дворе или в саду, где много воздуха, а иногда на террасах, которые с вечера тщательно поливаются водой. Теперь представьте себе только, что сюда перенесли улицы Сен-Жак или Сен-Дени с их тесно прижавшимися друг к другу домами и, сам уже не знаю, сколькими этажами! Разве они были бы здесь обитаемы? Разве можно было бы спать в них ночью, когда отсутствие ветра доводит жару до того, что почти нечем дышать? Представьте себе, что человек вернулся летом из поездки по городу верхом на лошади, полумертвый от жары и пыли и обливаясь потом, и вот ему надо лезть, часто по узкой и темной лестнице, на четвертый или пятый этаж и там задыхаться от жары. У кого хватит на это смелости? Ведь тут хочется только поскорее влить в себя пинту свежей воды или лимонада, переодеться, помыть лицо, руки и ноги и растянуться в каком-нибудь тенистом уголке, где один или двое слуг будут изо всей мочи обмахивать вас большими панха, или веерами.

Но теперь я попытаюсь дать вам точное описание Дели,

для того чтобы вы сами могли судить, насколько оно имеет право называться красивым городом.

Прошло уже приблизительно сорок лет с тех пор, как Шах-Джехан, отец нынешнего Великого Могола—Ауренгзеба, желая обессмертить свое имя, велел воздвигнуть город неподалеку от того места, где расположено древнее Дели. Он назвал его по своему имени Шахджеханабад или, для краткости, Джеханабад, т. е. колония Шах-Джехана, и решил устроить здесь столицу, причем в качестве основания для перенесения ее из Агры ссылался на то, что там слишком жарко. Развалины старого Дели, оказавшиеся под рукой, послужили для постройки нового города, и в Индии уже почти не говорят о Дели, а только о Джеханабате. Но так как город Джеханабат у нас еще не известен, то я намерен говорить о нем, называя его старым именем Дели, к которому мы привыкли.

Дели таким образом представляет собой совершенно новый город, расположенный в открытой местности на берегу Джемны, реки, которую можно сравнить с Луарой. Город построен только на одном берегу, почти в форме полумесяца, и имеет всего один понтонный мост для перехода через реку в прилегающие окрестности. За исключением стороны, обращенной к реке, город окружен стенами из кирпича. Но укрепления чрезвычайно несовершенны, так как нет ни рвов, ни других средств обороны, если не считать крупных башен в античном стиле, расположенных на расстоянии сотни шагов друг от друга, и земельной насыпи за стенами толщиной в четыре или пять футов. Хотя внутри этих стен находится крепость, однако протяжение их меньше, чем обыкновенно полагается. Я объехал их с легкостью за три часа, и хотя я ехал верхом на лошади, однако не думаю, чтобы делал больше одного лье в час. Правда, если отнести к Дели еще большой и очень длинный пригород, который тянется в сторону Лагора, а также остатки старого города, тоже образующие большой и очень длинный пригород, и еще затем три-четыре пригорода меньшего размера, то это составит по прямой—линии больше полуторы мили, а сколько в окружности я не берусь даже определить точно, потому что эти пригороды перемежаются обширными садами и открытыми площадями.

Крепость, в которой находится мехале, или сераль, и другие апартаменты государя, о которых я еще буду говорить в дальнейшем, представляет собой круг или, скорее, полукруг. Она выходит на реку, но между стенами и рекой находится довольно длинная и широкая песчаная полоса. Здесь устраиваются бои слонов и смотры войск, принадлежащих эмирам или раджам, т. е. туземным князьям, причем государь смотрит на это зрелище из окон своих апартаментов. Стены крепости со своими античными и круглыми башнями похожи на стены города, но так как они построены отчасти из кирпича, а отчасти из красного камня, похожего на мрамор, то они имеют более красивый вид. Кроме того они выше, крепче и толще, так что на них можно было установить несколько небольших полевых пушек, направленных жерлами в сторону города. За исключением стороны, обращенной к реке, крепость обведена глубоким рвом, вымощенным тесаным камнем. Ров заполнен водой, в которой водятся рыбы. Однако эти стены не особенно крепки, и я полагаю, что небольшая батарея быстро сравняет их с землей.

Ко рву примыкает довольно большой сад, во всякое время года заполненный цветами и зелеными кустами; вместе с большими яркокрасными стенами это получается очень красиво.

К саду примыкает большая улица или, скорее, большая площадь, на которую выходят главные ворота крепости, а от них тянутся две главные улицы города. Палатки раджей, которые состоят на службе у государя и по очереди еженедельно несут караул, расположены на этой квадратной площади. Так как эти маленькие князьки ни за что не хотят долго находиться взаперти, то внутри самой крепости караул несут эмиры и манзедары.

На этой же площади на рассвете объезжают королевских лошадей из большой государственной конюшни, находящейся неподалеку.

Здесь же кобат-хан, или главнокомандующий кавалерией, тщательно осматривает лошадей новых всадников, поступающих на службу. Если лошади оказываются тюркской породы, т. е. из Туркестана или Татарии, и достаточно рослы и крепки, им ставят на бедра раскаленным железом государево клеймо и клеймо эмира, под

команду которого всадник зачисляется. Это хорошо придумано, для того чтобы всадники не ссужали друг другу лошадей для смотра.

Здесь также находится нечто вроде базара, или рынка, где продается всякая всячина. Подобно Новому мосту в Париже, это место, куда собираются всевозможные скоморохи и фокусники.

Здесь же располагаются астрологи как магометанские, так и языческие. Эти мудрецы сидят под палящим солнцем, на своих пыльных коврах и держат в руках какие-нибудь старые астрономические инструменты; кроме того перед ними лежит большая раскрытая книга, в которой изображены знаки зодиака. Таким образом они привлекают внимание прохожих и обманывают народ, для которого они являются непогрешимыми оракулами. За паису (стоимостью приблизительно в одну соль) они предсказывают этим беднякам их будущее. Сначала они рассматривают руку и лицо клиента, потом перелистывают свою большую книгу и делают вид, будто производят вычисления. После этого они решают, наступил ли сахет, т. е. благоприятный момент для начала предприятия, которое задумал вопрошающий. Глухие бабенки, закутанные с ног до головы в белую ткань, толпами стекаются к астрологам, шепчут им на ухо все подробности о своей жизни, раскрывают им все свои тайны, словно на исповеди. Эти невежественные, несчастные люди обращаются к астрологам с просьбой настроить звезды в их пользу, как будто астрологи действительно обладают таким неограниченным влиянием.

Самым забавным из этих астрологов был португальский метис, бежавший из Гоа. Он сидел на ковре с такой же важностью, как и все другие, и у него было много клиентов, несмотря на то что он не умел ни читать, ни писать. Инструментом ему служил морской компас, а вместо астрологических книг он пользовался старым молитвенником на португальском языке. Картинки в книге он истолковывал как знаки европейского зодиака. «A tal bestias tal Astrologo» (какова скотина, таков и астролог), не стесняясь сказал он иезуиту, отцу Бюзо, который увидел его за этой работой.

Я говорю здесь только о жалких базарных астрологах.

Те, которые посещают дворы вельмож, считаются великими учеными и наживают большие состояния. Вся Азия страдает этим суеверием. Государи и вельможи не предпринимают ни одного пустяшного дела, не посоветовавшись предварительно с ними, и платят им большие жалованья, для того чтобы они читали, что написано в небесах, и определяли, когда имеется сахет, а также разрешали при помощи корана все сомнения.

Две главные улицы города, которые, как я уже сказал, начинаются от площади против ворот крепости, имеют приблизительно 25 или 30 обыкновенных шагов в ширину, они уходят в прямом направлении так далеко, как видит глаз. Но одна из них, ведущая к воротам Лагора, значительно длиннее другой. Что касается домов, то обе улицы совершенно похожи друг на друга. Подобно тому как у нас на Королевской площади, по обеим сторонам этих улиц построены аркады; разница только в том, что они построены исключительно из кирпича и что крыша служит здесь в качестве террасы; никаких других сооружений над аркадами здесь нет. От нашей Королевской площади эти аркады отличаются еще и тем, что они не образуют сплошной галереи: они обыкновенно разделены перегородками, и в них находятся лавки, которые не запираются. Здесь днем работают ремесленники, сидят менялы, или купцы, выставившие свой товар. В глубине каждой арки имеется узенькая дверь, ведущая в склад, куда эти товары уносят на ночь.

Дома купцов строятся над этими складами позади аркад. С улицы они имеют довольно красивый вид, а внутри довольно удобны: в них много воздуха, пыль до них не долетает и у них есть прямой выход на террасу над аркадами; с террасы можно смотреть на улицу, здесь можно также спать на свежем воздухе. Плохо то, что за исключением этих двух улиц и некоторых других в городе нет таких хороших домов, возвышающихся над террасами. Да и на этих двух улицах они не повсюду имеются: часто над складом или где-нибудь в стороне стоит небольшое здание, которое не видно с улицы. Богатые купцы имеют свои дома в других местах и вечером отправляются туда. Кроме обеих главных улиц имеется еще пять других. Они не такие длинные и прямые, но в остальном похожи на них. Из бесчисленного множества других улиц, перекрещиваю-

щихся друг с другом, некоторые имеют аркады. Но так как они были построены в разное время и без соблюдения должной симметрии, то очень немногие из них так широки и прямы и так хорошо застроены, как главные улицы.

На этих улицах повсюду разбросаны дома манзедбаров, или мелких эмиров, судейских чиновников, богатых купцов и прочих лиц. Многие дома имеют довольно сносный вид. Правда, они редко бывают целиком построены из кирпича или камней, а многие даже сделаны только из глины и покрыты соломой. Но все-таки они удобны, потому что обыкновенно хорошо проветриваются и имеют дворы и сады. Они и внутри довольно приятны, так как обставлены хорошей мебелью, и кроме того соломенные крыши обиты изнутри длинными, красивыми и крепкими камышевыми палками, а глиняные стены красиво выбелены известью.

Между этими неплохими домами разбросано огромное множество небольших домиков, построенных только из глины и соломы. Здесь живут простые всадники и все то множество слуг и мелкого базарного люда, которое следует за двором и армией. Эти хижины являются причиной, почему в Дели так часто бывают пожары. За последний год три пожара истребили более семидесяти тысяч соломенных крыш; вследствие сильного ветра, который здесь обыкновенно дует летом, пламя перебрасывалось так быстро, что сторело несколько верблюдов и лошадей, которых не успели отвязать. Жертвой пламени стали также эти несчастные женщины, которые никогда не выходили из сераля; они так нелепы и стыдливы, что при виде чужих только и умеют, что прятать свое лицо.

Из-за этих скверных домиков, покрытых соломой, Дели всегда представляется мне каким-то соединением нескольких деревень или военным лагерем, только более удобно расположенным и лучше устроенным, чем обыкновенные полевые лагеря.

Жилища эмиров главным образом расположены по берегу реки и в пригородах, но встречаются также и повсюду. В этих жарких странах дом считается красивым, если он просторен, если в нем много воздуха и если со всех сторон открыт доступ ветру, в особенности северному.

В хороших домах имеются дворы, сады, деревья, бассейны с водой, небольшие фонтаны в залах или по крайней мере при входе. Кроме того здесь стремятся иметь красивые погреба с большими опахалами, чтобы там отдыхать в прохладе, от полудня до четырех или пяти часов дня, когда воздух нагревается так, что становится трудно дышать. Вместо этих погребов многие предпочитают касканья, т. е. маленькие опрятные домики, сделанные из соломы или еще чаще из ароматных корней. Обыкновенно эти домики расположены среди цветника, близко к резервуару с водой, чтобы слугам легко было обрызгивать их снаружи водой, которую они приносят в бурдюках. Особым преимуществом дома считается, когда он расположен среди большого цветника. Такой дом должен иметь четыре больших «дивана», или возвышения, расположенных приблизительно на высоте человеческого роста и доступных сквознику, для того чтобы прохлада могла поступать со всех сторон. Красивые здания должны также иметь высокие террасы, где можно было бы спать ночью. Террасы эти должны сообщаться с большой комнатой, куда легко передвинуть постель в случае необходимости, например если пойдет проливной дождь, или поднимется густое облако пыли, или если на рассвете повеет холодным ветром, или если нужно остерегаться утренней росы, которая часто вызывает оцепенение членов и нечто вроде паралича.

Внутри хорошего дома весь пол должен быть устлан матрацами из бумажной материи; матрацы должны быть толщиной в четыре дюйма; летом их накрывают тонкой белой тканью, а зимой—шелковым ковром. В самом почетном углу комнаты лежат один или два матраца из бумажного пике, с красивыми покрывалами, на которых выстеганы цветы; покрывала отделаны тонкой шелковой вышивкой с золотыми и серебряными блестками. Эти матрацы предназначаются для хозяина дома или почетных посетителей. На каждом матраце лежит широкая подушка из парчи, имеющая форму валика, на которую можно облокотиться. Вдоль стен разбросаны еще такие же подушки, покрытые парчей, бархатом или сатином с разрисованными на нем цветами; они предназначаются для всех остальных, кто бывает в комнате. Стены на высоте пяти-шести футов от мостовой должны быть заполнены нишами

или маленькими окнами самой разнообразной формы. Они делаются с большим вкусом и отличаются приятным видом, удачно выбранными пропорциональными размерами. Внутри комнат стоят фарфоровые вазы и горшки в цветах. Потолок позолочен и раскрашен, однако изображения людей или животных совершенно отсутствуют, так как они запрещены религией.

Вот приблизительное описание хорошего дома в этих местах, а так как в Дели имеется много домов, обладающих всеми или по крайней мере некоторыми из перечисленных свойств, то я полагаю, что можно, несколько не унижая наших городов, спокойно утверждать, что столица Индостана не лишена подлинно красивых зданий, хотя они не похожи на наши европейские.

Совершенно отсутствуют в Дели шикарные магазины, больше всего способствующие красоте наших европейских городов. А между тем Дели является резиденцией очень могущественного и очень пышного двора, куда стекается огромное количество всевозможных дорогих товаров. Тем не менее здесь не найдете улицы вроде нашей Сен-Дени; не знаю, найдется ли что-нибудь похожее на нее во всей Азии.

Наиболее красивые и ценные ткани обыкновенно хранятся здесь в складах, а лавки редко украшаются ими. На одну лавку, в которой продаются красивые, тонкие ткани, шелковые материи с золотыми и серебряными полосками, тюрбаны с золотой вышивкой, парча и другие дорогие товары, вы найдете по крайней мере двадцать пять лавок, в которых нет ничего кроме горшков с растительным и коровьим маслом, груды корзин с рисом, ячменем, мелким горошком, пшеницей, всяким другим зерном и овощами. Этим обыкновенно питаются не только индусы, которые никогда не употребляют мяса, но и магометане низшего класса, а также и значительная часть войска.

Здесь, правда, имеется довольно внушительный фруктовый рынок. На нем много лавок, которые летом бывают обыкновенно заполнены сухими фруктами из Персии, Балка, Бухары и Самарканда. Тут вы найдете миндаль и фисташки, орехи, изюм, сливы, абрикосы и пр. Зимой на рынке продают превосходный свежий виноград разных

сортов, который привозится из тех же стран завернутым в хлопок. Затем груши, яблоки трех или четырех сортов и замечательные дыни, которые продаются в течение всей зимы. Но скверно то, что эти фрукты чрезвычайно дороги; я видел, как за одну дыню просили полторы кроны. Фрукты считаются самым богатым угощением и составляют главный расход эмиров; я несколько раз был свидетелем, как у моего ага съедали более чем на двадцать крон фруктов за одним завтраком.

Летом бывают дешевые местные дыни, но они не очень хорошего качества. Только у больших вельмож, которые выписывают семена из Персии и заставляют очень старательно готовить почву для посадки, получаются хорошие дыни. Но все же они встречаются здесь редко, так как почва для них тут мало подходяща и вследствие этого семена вырождаются уже на второй год. Есть здесь еще один плод, именуемый амба, или манго. Он продается в большом количестве и очень дешев летом во время сезона, который для него продолжается два месяца. Но местные манго не очень высокого качества. Превосходное манго доставляется из Бенгалии, Голконды и Гоа. Оно имеет такой нежный вкус, что я не знаю более приятного лакомства.

Патека, т. е. арбузы, встречаются в большом изобилии в течение всего года, но местные арбузы не особенно хороши; они почти никогда не бывают красными, сочными и сладкими. Хорошие арбузы можно найти только у вельмож, которые привозят семена и тщательно выращивают их, не жалея денег.

В городе есть также кондитерские лавки, но сласти в них плохо приготовлены, запылены и засижены мухами. Есть также в разных частях города несколько хлебных лавок, но так как печи здесь не такие, как у нас, то хлеб никогда не бывает хорошо выпечен. Однако хлеб, который продается в крепости, недурен, а эмиры пекут хлеб у себя дома, и у них он гораздо лучше. Они не жалеют свежего масла, молока и яиц в тесто. Но хотя хлеб делается у них на дрожжах, тем не менее у него пригорелый вкус. Он больше походит на пирожное и пышки и никак не может идти в сравнение с гонесским хлебом и другими вкусными сортами, которые можно получить в Париже.

На базарах есть также лавки, в которых торгуют жареным мясом или разными другими блюдами. Все это убого, скверно и приготовлено из плохого мяса; иногда даже из верблюжьего мяса, или конины, или говядины от быка, павшего от какой-нибудь болезни. Этим лавкам не следует особенно доверять. Вообще, если кто хочет иметь доброкачественную пищу, надо готовить ее у себя дома.

В городе много лавок, где продают сырое мясо, но здесь надо остерегаться, чтобы вместо козлятины вам не всучили баранины, потому что баранина и говядина, в особенности первая, хотя и бывают приятны на вкус, но вызывают здесь жар, газы и плохо перевариваются. Лучшая пища—это козленок, но здесь трудно бывает достать на рынке четверть козленка; приходится покупать целых козлят живыми, что довольно неудобно, так как мясо портится за одну ночь и обыкновенно оно бывает постным и безвкусным. В мясных лавках продают четвертушками обыкновенно только мясо больших коз, которое тоже часто бывает слишком постным и жестким.

Впрочем с тех пор, как я несколько познакомился с местными порядками, я достаю довольно хорошее мясо и довольно хороший хлеб, так как я посылаю слугу в крепость к королевским поставщикам, которые рады продать за хорошую цену то, что им ничего не стоит. Однажды я рассмешил моего ага, когда сказал ему, что уже много лет привык жить воровством и хитростью, потому что иначе я на те сто пятьдесят экю, которые он мне платит в месяц, умер бы с голоду. А между тем во Франции я за полрупии мог бы иметь ежедневно мясо не хуже, чем у самого короля.

Что касается каплунов, то их здесь невозможно достать. Народ тут слишком жалостлив по отношению ко всякого рода животным (за исключением людей, которые требуются для сералей). Зато на рынках много домашней птицы, довольно хорошей и дешевой. Между прочим здесь имеется маленькая курица, нежная на вкус, которую я называл эфиопской, потому что кожа у нее совсем черная, как у эфиопов.

Голуби встречаются в продаже, но только не молодые, так как индийцы не хотят их убивать, говоря, что было

бы жестоко убивать таких бедных маленьких созданий. Встречаются здесь куропатки; они поменьше наших; их ловят сетями и привозят живыми издалека; обыкновенно они не так хороши, как курицы. То же самое следует сказать об утках и зайцах; их тоже привозят живыми в тесно набитых клетках.

Здесь жители не очень любят заниматься рыбной ловлей. Но иногда удается купить хорошую рыбу, особенно двух сортов, которые называются сангала и рау. Первая похожа на нашу щуку, вторая—на нашего карпа. Но достать их можно только в теплую погоду, так как индийцы гораздо больше боятся холода, чем у нас в Европе боятся жары. Если на рынке попадается какая-нибудь рыба, ее немедленно скупают евнухи, которые питают к ней особенное пристрастие, почему—не могу вам сказать. Только эмирам удастся силой принудить рыбаков ловить рыбу во всякое время. Для этого они прибегают к корра—длинному хлысту, который всегда висит у них на дверях.

Из того, что я сказал, вы можете сами сделать вывод, следует ли любителю хорошего стола покидать Париж и ехать в Дели. Бесспорно, люди знатные достают все, что им захочется, но это им удается благодаря многочисленной прислуге, благодаря корра и благодаря деньгам. Я уже несколько раз говорил, что в Дели нет середины. Здесь надо быть вельможей или вести жалкий образ жизни. Хотя я получаю довольно большое жалование и не жалею денег, но мне долгое время приходилось жить впроголодь, ибо на базаре нельзя найти ничего кроме дряни, которую не хотят брать вельможи.

Вина, этой существенной части всякого пиршества, совершенно нельзя достать, хотя его можно выделять из местного винограда. Я пил кое-какие вина в Ахмед-Абаде и Голконде, в голландских и английских домах и они были не плохи на вкус, но их не разрешают выделять, так как не только магометанам, но также индусам запрещено пить вино. Если здесь изредка и удастся достать вино, то оно бывает либо ширазское, либо канарское. Первое доставляется из Персии сухопутным путем до Бендер-Абаса, оттуда морем до Сурата, а из этого порта оно в 46 дней сухопутным путем доставляется до Дели;

канарское вино привозят в Сурат голландцы. Но вина эти так дороги, что, как мы говорим у нас во Франции, «цена портит вкус». Бутылка вместимостью около трех парижских пинт обходится не менее шести-семи крон. Специальным местным напитком является арак, или сахарная водка, выделяемая из неочищенного сахара; продажа его строго запрещена, и только христиане осмеливаются открыто пить его. Арак очень крепок, обжигает горло, как водка, выделяемая из хлеба в Польше. И когда его пьют сверх меры, он действует на нервы, вызывает дрожание рук и причиняет неизлечимые болезни. Здесь необходимо приучиться пить чистую воду или лимонад, который превосходит, стоит недорого и не портит желудка. Но, по правде говоря, в этих жарких странах не испытываешь большой потребности в вине. Я не сомневаюсь, что неведение многих болезней следует приписать трезвости, господствующей здесь среди населения, и сильному выделению пота, которому здесь постоянно подвергаются. В Индии почти не знают подагры, каменной болезни, болезни почек, катарров, перемежающейся лихорадки, и тот, кто приезжает сюда с такими болезнями, вскоре совершенно излечивается от них, как это было и со мной. И даже сифилис, который весьма распространен в Индии, не носит здесь такого резкого характера и не сопровождается здесь такими губительными последствиями, как в других частях света. Но хотя здесь люди пользуются лучшим здоровьем, однако население здесь не так крепко, как в нашем более холодном климате. Слабость и вялость тела и ума, вызываемые чрезмерной жарой, следует рассматривать как своего рода хроническую болезнь, которая чрезвычайно распространена и очень тягостна для всех, особенно во время сильной жары в летние месяцы и в частности для европейцев, не привыкших к жаре.

Было бы также напрасно искать в Дели мастерские с искусными ремесленниками. Этим город не может похвастать не потому, что индийцы не способны успешно заниматься ремеслами. Они в них даже преуспевают, и в Индии можно видеть людей, имеющих склонность к этому делу, которые сами, без учителей и инструментов, делают очень красивые вещи. Они так ловко подражают европей-

ским изделиям, что с трудом заметишь разницу. Даже например наши ружья делают здесь очень красиво и прочно. Я видел здесь такие золотые изделия, что вряд ли их исполнили бы лучше европейские золотых дел мастера. Я часто также восхищался красотой, приятными красками и тонким рисунком их картин и миниатюр. Особенно меня поразило изображение сражений Акбара, сделанное одним известным художником на щите. Говорят, что он семь лет работал над этим замечательным произведением. Отсюда видно, что индийским художникам нужны только хорошие учителя и знакомство с правилами искусства, чтобы усвоить надлежащие пропорции и уметь передавать выражение лица, что им почти никогда не удается. Отсутствие в Дели хороших ремесленников, по-моему, объясняется не недостатком дарования, а тем, что рабочих здесь презирают, с ними обращаются грубо, хотят иметь все по непомерно дешевой цене. Если какому-нибудь эмиру или манзедару требуются услуги ремесленника, то он посылает за ним на базар и потом платит, сколько ему заблагорассудится; ремесленник должен еще благословлять свою судьбу, если его в конечном счете не угостят корра. Откуда же у бедняги будет охота стараться? Он думает только о том, как бы поскорее спихнуть с рук работу и получить то жалкое вознаграждение, которое даст ему возможность раздобыть кусок хлеба. Поэтому совершенства в своем ремесле достигает только тот, кто состоит на службе у падишаха или какого-нибудь могущественного эмира и работает только на своего хозяина.

В крепости находится сераль и другие дворцовые здания, но не ищите здесь Лувра или Эскуриала. Эти здания совсем не похожи на наши и, как я уже сказал, не должны быть похожи. Достаточно того, что они обладают великолепием, соответствующим местному климату.

Входы в крепость не представляют собой ничего замечательного, за исключением двух больших слонов, сделанных из камня и стоящих по обе стороны главных ворот. На одном из этих слонов водружена статуя Джемела, знаменитого раджи Читора⁷⁵, а на другом—статуя его брата Польты. Это—отважные герои, которые вместе со своей еще более отважной матерью доставили столько хлопот Акбару и которые при защите городов, осажденных

Акбаром, выказали такое благородство, что предпочли погибнуть вместе со своей матерью в вылазках против врага, чем подчиниться завоевателю. За столь исключительное благородство даже противники сочли нужным воздвигнуть им памятники, которые бы напоминали о них. Эти два больших слона с восседающими на них героями производят довольно сильное впечатление и внушают почти-тельный страх. Когда вы входите через ворота в крепость, перед вами открывается большая, широкая улица, разделенная на две части каналом с проточной водой. По обеим сторонам улицы тянутся длинные «диваны», или возвышения, вроде тех, какие есть у нас на Новом мосту. Они вышиной в пять-шесть футов и шириной в четыре фута. По краям «диванов» расположены аркады. На этих длинных «диванах» сидят всякие контролеры и другие мелкие чиновники и отправляют свои обязанности; здесь им не мешают лошади и народ, который ходит внизу по улице. Ночью здесь сидят манзедары, или эмиры низшего ранга, которые несут дежурство. Вода в канале течет в сераль, там расходится во все стороны и потом попадает в крепостной ров. Вода доставляется сюда из реки через канал, прорытый в пяти-шести лье выше Дели в полях и даже в скалах, что стоило немало труда.

Другие ворота крепости тоже ведут к длинной и довольно широкой улице, которая, как и первая, имеет «диваны» по обеим сторонам, причем вдоль «диванов» устроены вместо аркад лавки. Собственно говоря, эта улица представляет собой базар, очень удобный во время сезона дождей и летом благодаря длинной и высокой сводчатой крыше, которая ее покрывает. Воздух и свет проникают сюда через широкие круглые отверстия в крыше.

Кроме этих двух улиц в цитадели имеется еще много маленьких улочек, как по правой, так и по левой стороне; они ведут к помещениям, где эмиры несут караульную службу по очереди, раз в неделю, в течение суток. Помещения эти можно назвать великолепными, так как эмиры всячески стараются украшать их за свой счет. Обыкновенно тут имеются большие «диваны», т. е. возвышения; перед ними открывается цветник; в цветнике маленькие каналы с проточной водой, маленькие бассейны и фонтаны. Эмирам, находящимся на дежурстве, не приходится за-

ботиться о пище,—они получают все в готовом виде от государя, и им остается только принимать присылаемые блюда, что делается с большими церемониями: полагается троекратный таслим, т. е. выражение признательности и благодарности, для чего нужно повернуться лицом ко дворцу государя, приложить руку к голове и затем опустить ее до земли.

Кроме этого имеется еще много «диванов» и палаток в разных местах, которые служат в качестве канцелярий для разных чиновников.

Большие помещения, называемые карканэ, служат в качестве мастерских для ремесленников. В одном помещении заняты вышивальщицы, работающие под надзором мастера, в другом—вы увидите золотых дел мастеров, в третьем—живописцев, в четвертом—лакировщиков. В других помещениях работают столяры, токари, портные, сапожники, мастера, вырабатывающие шелковые ткани, парчу и тонкие материи, из которых делают тюрбаны, пояса с золотыми цветами и женские панталоны столь тонкой выделки, что при известных обстоятельствах их хватает только на одну ночь, хотя они часто стоят по 10—12 экю, а иногда и больше, если они красиво вышиты иглой.

Все эти ремесленники приходят каждое утро в свои карканэ и работают весь день, а вечером возвращаются к себе домой. Так тихо течет их жизнь, и никто не стремится улучшить положение, в котором он очутился по рождению. Вышивальщик воспитывает своего сына вышивальщиком, сын золотых дел мастера становится золотых дел мастером. Городской врач воспитывает сына так, чтобы он стал врачом. Никто не берет жен иначе, как из своей профессии, и этот обычай почти столь же строго соблюдается магометанами, как и индусами, которым он прямо предписывается законом. Многие красивые девушки вследствие этого остаются старыми девами, между тем как их родители могли бы найти им хорошую партию, если бы согласились отдать их в менее благородные семьи, чем их собственные.

Когда вы пройдете все только что упомянутые места, вы увидите ам-каз. По-моему, в нем есть что-то величественное. Это широкий квадратный двор с аркадами, по-

хожий на нашу Королевскую площадь, с той лишь разницей, что аркады в ам-каз не имеют над собой строений, и каждая аркада отделена от другой стеной; однако есть маленькие дверцы, которые ведут из одной аркады в другую. Над большими воротами, расположенными посреди одной из сторон двора, имеется обширный «диван», доступный со стороны двора и носящий название нагар-канэ. Он называется так потому, что здесь хранятся трубы, или, вернее, габои и кимвалы, на которых играют в известные часы дня и ночи. Для уха европейца, который недавно прибыл сюда, эта музыка звучит довольно странно, потому что десять или двенадцать габоев и столько же кимвалов гремят одновременно. Один из габоев, именуемый карна, имеет полторы сажени в длину, а его нижнее отверстие никак не менее фута. Из кимвалов, которые сделаны из меди и железа, некоторые имеют по крайней мере сажень в диаметре. Вы можете себе представить, какой шум идет из нагар-канэ. Вначале, признаться, эта музыка совершенно оглушала меня, и я не мог вынести этого шума. Но чего не сделает привычка? Вот уже много времени, как я нахожу эти звуки весьма приятными, в особенности ночью, когда я лежу в постели далеко от нагар-канэ на своей террасе. Эта музыка кажется мне торжественной, величавой и весьма мелодичной. Этому не приходится удивляться, потому что у этой мелодии есть свои правила и свое чувство меры, к тому же здесь имеются превосходные музыканты, с детства обученные играть на этих инструментах; они прекрасно умеют смягчать и понижать резкие звуки габоев и кимвалов таким образом, что получается симфония отнюдь не неприятная, если ее слушать на большом расстоянии. Поэтому нагар-канэ расположено на возвышении и довольно далеко от апартаментов государя.

Против больших ворот, над которыми находится нагар-канэ, на противоположной стороне двора расположен большой зал, украшенный несколькими рядами колонн; стены и потолок зала разрисованы и украшены позолотой. Зал стоит на значительном возвышении над землей и хорошо проветривается, так как он открыт с трех сторон, выходящих во двор. В середине стены, отделяющей зал от сераля, возвышаясь над полом выше человеческого

роста, находится широкое отверстие вроде окна. Оно находится настолько высоко, что человек не может достать до него снизу рукой. В этом окне ежедневно, приблизительно в полдень, монарх сидит на своем троне, имея кого-нибудь из своих сыновей по правую и по левую руку. Рядом стоят несколько евнухов. Из них один отмахивает мух павлиньими хвостами, другие освежают воздух широкими опахалами, третьи с глубочайшим вниманием и в самых смиренных позах ожидают, пока понадобятся их услуги. Внизу на «диване», окруженном серебряными перилами, стоят все эмиры, раджи и послы. Они стоят, опустив глаза вниз и скрестив руки на животе. Несколько дальше от трона стоят манзедары, или эмиры низшего ранга, в такой же почтительной позе. Остальная часть зала и весь двор заполнены лицами всякого звания, потому что здесь ежедневно в полдень государь дает аудиенцию всем своим подданным. Потому зал этот и называется ам-каз, т. е. зал общей аудиенции для лиц высокого и низкого звания.

В течение приблизительно полутора часов, пока продолжается эта церемония, для развлечения государя перед тронем проводят самых красивых лошадей из его конюшен, чтобы государь видел, хорошо ли с ними обращаются и в каком состоянии они находятся. Затем следуют слоны, грязная кожа которых хорошо вымыта и разрисована черной, как чернила, краской, причем от затылка в обе стороны проведены две широкие красные полосы, которые сходятся у хобота. Слоны покрыты вышитой тканью, через спину у них перекинута массивная серебряная цепь, к которой привязаны по обе стороны два серебряных колокольчика, а с ушей свисают белые хвосты тибетских коров, представляющие большую ценность; они напоминают собой огромные усы. Два маленьких слоника, прекрасно разукрашенные, идут рядышком с этими огромными животными, словно рабы, предназначенные для услуг. Как бы гордясь своим великолепным одеянием и пышной свитой, слоны шествуют важно, и когда они оказываются перед тронем, то погонщик, сидящий на спине у слона с железной палкой в руках, колет его наконечником, уговаривает его словами, пока животное не наклоняет одно колено, не поднимает вверх

свой хобот и не издает громкого рева, народ считает, что таким образом слон выполняет свой таслим—подобающее приветствие.

За слоном следуют другие животные: прирученные антилопы, которых заставляют бороться друг с другом; нильгау, или серые быки, которые на меня производят впечатление особой породы лосей; носороги, огромные бенгальские буйволы с удивительными рогами, позволяющими им сражаться с львами и тиграми; прирученные леопарды или пантеры, которых употребляют для охоты на антилоп; разные породы охотничьих собак из Узбекии, причем на каждой собаке маленькая красная попона; наконец всякого рода хищные птицы, которыми пользуются в поле для охоты на куропаток, журавлей, зайцев и даже, как рассказывают, на антилоп, которых они ударяют по голове и ослепляют своими крыльями и когтями.

Часто также один или два эмира показывают государю свою кавалерию. В таком случае эмиры стараются, чтобы всадники их были одеты лучше, чем обыкновенно, а лошади имеют на себе железную сбрую и украшены всевозможными фантастическими попонами.

Государь развлекается также испытанием лезвий ножевщиков на тушах овец, которые ему приносят без внутренних и изящно связанными. Молодые эмиры, манзедары и гурзбердары, т. е. вооруженные дубинками, показывают свою силу, ловкость, одним ударом отрубая от тела овцы четыре ноги, связанные вместе.

Но все эти развлечения только приправа, или, если хотите, интермедия среди серьезных дел, ибо, как я уже сказал, государь неукоснительно производит смотр своей кавалерии и обращает внимание на всякие мелочи. Когда война окончилась, мы сами были свидетелями того, как он не пропустил ни одного всадника или вообще воина, без того чтобы не присмотреться к нему и решить, следует ли увеличить ему жалование или уменьшить, или же совсем уволить его со службы. Кроме того он каждый день заставляет подавать себе жалобы, которые ему издали показывают в толпе, заставляет прочитывать их себе, вызывает к трону тяжущиеся стороны, расспрашивает их и часто тут же на месте решает дело, хотя существует

еще адале-канэ, т. е. судебная палата, где он аккуратно присутствует раз в неделю в сопровождении своих главных кади, или судей. Кроме того он раз в неделю терпеливо выслушивает в течение двух часов десять человек из простонародья, которых ему представляет какой-нибудь добрый и богатый старец. Отсюда видно, что эти государи, хотя мы их и считаем варварами, все же всегда помнят, что они должны соблюдать справедливость по отношению к своим подданным.

Собрания в ам-казе, о которых я сейчас рассказал, представляются мне достаточно значительными и величественными, но что меня всегда чрезвычайно неприятно поражало, так это крайне низменная и пошлая лесть, которую там обыкновенно приходится слышать. Стоит государю сказать какое-нибудь слово, хотя бы совсем некстати, его немедленно подхватывают и кто-нибудь из его эмиров, воздевая руки, словно для того, чтобы получить благословение неба, немедленно восклицает: «Карамат, карамат!» (чудеса, чудеса). «Он сказал чудесное слово». И нет того могола, который не знал бы и не щегольнул бы перед вами поговоркой в персидских стихах:

Если шах скажет днем: «Наступила ночь»,—
«Вижу месяц и звезды!» кричи во всю мочь.

Этот порок проникает даже в гущу народа. Сотни раз со мной случалось, когда моголы, если им что-нибудь было нужно от меня, не стеснялись мне говорить в виде предисловия, что я Аристоталис, Бократ, Амоисина Улзаман, т. е. что я Аристотель, Гиппократ и Авицена нашего времени. Вначале я пытался возражать, что я совсем не таков, каким они меня называют, что я далеко не имею заслуг этих великих людей. Но потом я увидел, что от этого дело становится еще хуже и что каждый раз приходится повторять то же самое. Тогда я решил, что надо наконец приучить свой слух к их лести, так же как я приучил его к их музыке. Я не могу не привести здесь маленький образец такой лести, потому что он вам лучше всего покажет, до каких пределов они доходят. Браминский пандит, или индусский ученый, которого я пригласил на службу к моему ага, счел нужным при первом своем появлении произнести панегирик, в котором сначала сравнил ага

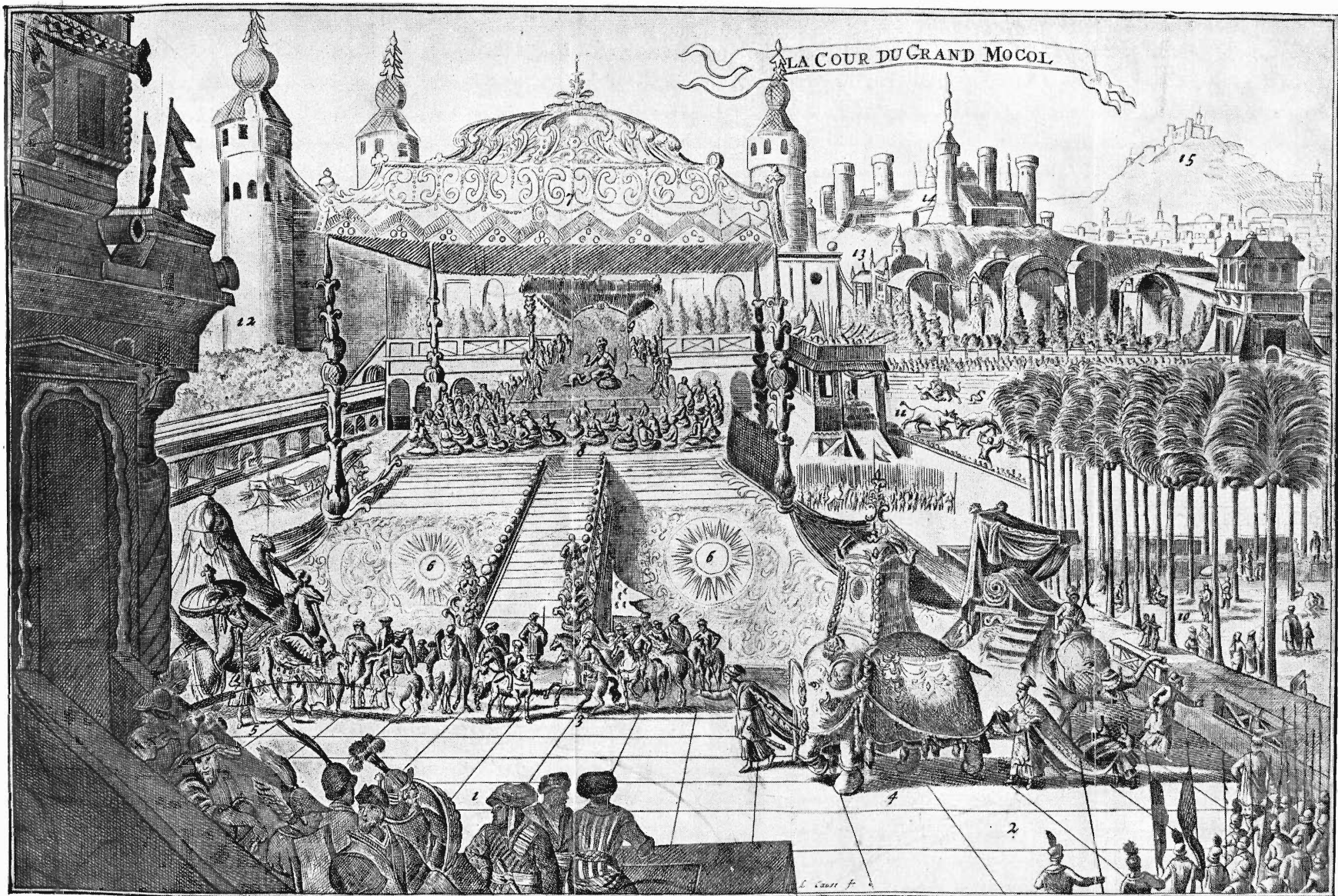
с величайшими завоевателями, какие когда-либо существовали. Затем он наговорил ему целый короб грубой и наглой лести и наконец серьезно закончил следующими словами: «Когда вы, государь мой, ставите ногу в стремя и едете на лошади во главе вашей кавалерии, то земля дрожит под вами, так как восемь слонов, которые держат ее на своих головах, не могут выдержать такого напряжения». Я с трудом удерживался от смеха и попытался серьезно сказать моему ага, который тоже готов был рассмеяться, что ему следует как можно реже садиться на лошадь во избежание землетрясений, так как они часто вызывают большие бедствия. «Именно поэтому,—тотчас же ответил он мне,—я обыкновенно заставляю себя носить в паланкине».

Из большого зала ам-каз входят в большое уединенное помещение, называемое госель-казе, что означает место для омовения. Туда пускают только немногих. Двор здесь не так велик, как в ам-казе. Однако зал все-таки очень красив, просторен, раскрашен и позолочен, возвышается на 4—5 футов над мостовой, представляя собой как бы большую эстраду. Здесь государь сидит в кресле, а эмиры стоят вокруг него. Здесь он дает аудиенции более частного характера своим чиновникам, принимает их отчеты и решает наиболее важные дела государства. Все эмиры обязаны каждый вечер присутствовать на этом собрании, так же как и утром в ам-казе, в противном случае у них производится вычет из жалования. Только мой ага Данешменд-хан мог не являться на эти собрания, потому что он считался человеком ученым, всегда занятым либо науками, либо иностранными делами. Однако и он должен был присутствовать по средам в день своего дежурства. Это уже строго заведенный обычай, и вполне справедливо, что он обязателен для эмиров, ибо он почти обязателен для государя. Последний никогда не пропускает обоих собраний, за исключением тех дней, когда его задерживает какое-нибудь важное дело, или когда он очень болен. Мы были свидетелями, как Ауренгзеб во время своей последней болезни, хотя она была очень опасной, заставлял по крайней мере раз в день приносить себя на собрание. И действительно при тех обстоятельствах, когда он был так серьезно болен, его отсутствие не-

избежно повергло бы все государство в смуту и в городе стали бы закрываться лавки.

В то время как государь занимается делами в этом зале госель-канэ, перед ним считают нужным снова пронести большую часть тех предметов, которые проносят в ам-казе, с той лишь разницей, что, так как дело происходит вечером и двор невелик, то не устраивают смотра кавалерии эмиров, который производят утром в ам-казе. Затем есть еще другая особенность: все манзебдары, которые несут караул, приветствуют государя и проходят перед ним с разными церемониями. Впереди их торжественно несут кур, т. е. фигуры из серебра, на толстых серебряных палках. Фигуры очень красивы и хорошо сработаны: две из них изображают больших рыб, две другие—каких-то фантастических животных с ужасными телами, которых они называют эйедеха. Другие фигуры изображают двух львов, две руки, есть фигуры, изображающие весы, и целый ряд других фигур, которым индийцы придают мистическое значение. К этим кур и манзебдарам присоединяются несколько гурза-бердаров, или носителей дубинок, как я уже говорил, которые подбираются из людей рослых, красивых. На их обязанности лежит не допускать беспорядков на собрании и спешно передавать распоряжения государя или выполнять его приказы.

Теперь я хотел бы провести вас в сераль, так же как я провел вас по всей остальной крепости. Но найдется ли путешественник, который может сказать, что он бывал там? Я несколько раз туда заходил, когда государя не было в Дели, и повидимому прошел довольно далеко, когда однажды понадобился какой-то важной даме, которая была так больна, что ее не могли принести к дверям, как того требовал обычай. Но каждый раз, когда я там бывал, мне покрывали голову кашемировой шалью, которая свисала до ног, и евнух вел меня, держа за руку, словно слепого. Таким образом я не сумею подробно описать вам, что там находится, но только могу вам рассказать в общих чертах, основываясь на том, что мне сообщили некоторые евнухи. Они говорили, что там имеются очень хорошие помещения, отделенные друг от друга, более или менее просторные и роскошные в зависимости от довольства проживающих там женщин и пенсионера, который

1—2. Двор перед дворцом Великого Могола; 3. Конная стража; 4. Трон на слоне, на котором восседает Великий Могол; 5. Трон на верблюде; 6. Серебряные решетки; 7. Отделанная золотом крыша; 8. Вице-короли; 9. Трон; 10. Парк для прогулок; 11. Площадь, на которой устраиваются бои гладиаторов; 12 Женские апартаменты; 13. Зверинец.

(Иллюстрация и подписи к ней взяты из французского издания 1699 г.)

им положен. Почти в каждой комнате у дверей имеется небольшой резервуар с проточной водой, повсюду разбиты цветники, красивые аллеи и всюду имеются таинственные места, ручейки, фонтаны, гроты, глубокие ущелья, где можно укрыться от жары в дневные часы. Большие диваны и террасы, находящиеся на возвышении и хорошо проветриваемые, позволяют ночью спать на свежем воздухе. Таким образом там не знают, что такое жара. Особенно расхваливали мне евнухи маленькую башню с видом на реку; они говорили, что она отделана золотыми пластинками подобно двум башням, имеющимся в Агре. Внутри помещения тоже сплошь украшены золотом и лазурью, красивыми картинами и зеркалами.

Вот приблизительно все, что я могу рассказать вам о крепости. Но прежде чем выйти оттуда, я попрошу вас еще раз вернуться в ам-каз. Я хочу изобразить, что я видел в этом зале во время некоторых годовых праздников. В особенности я хочу рассказать о том празднике, который был устроен после войны для всеобщего увеселения, ибо это одно из самых замечательных зрелищ, какие я видел.

Государь восседал в роскошном одеянии на своем троне в глубине большого зала ам-каза. Куртка на нем была из белого сатина с маленькими цветочками и была украшена тонкой вышивкой из золота и серебра. На голове был тюрбан из золотой ткани, с султаном, прикрепленным к тюрбану необыкновенно огромными и ценными бриллиантами, а кроме того большим восточным топазом, который, можно сказать, не знал себе равного и сверкал, словно небольшое солнце. С шеи до живота у него свисало ожерелье из больших жемчугов вроде четок, какие здесь носят индусы. Трон его стоял на четырех толстых ножках, которые, говорят, сделаны из массивного золота и сплошь усеяны рубинами, бриллиантами и изумрудами. Я не берусь вам назвать количество драгоценных камней, которыми он был усыпан, а также их цену, потому что к трону не позволяют подойти настолько близко, чтобы их можно было сосчитать и судить об их прозрачности и редкости. Могу вам только сказать, что больших бриллиантов среди прочих камней было целое множество и что весь трон, если память мне не изменяет, оценивается в

четыре крора рупий. Я уже говорил, что рупия стоит приблизительно тридцать соль, а лек стоит сто тысяч рупий, крор же равен ста лекам. Таким образом трон оценивается в сорок миллионов рупий, что составляет около шестидесяти миллионов ливров. Трон этот сооружен Шах-Джеханом, отцом Аууренгзеба, для того чтобы показать огромное количество драгоценных камней, которое с течением времени накопилось в казначействе вследствие ограбления прежних патанов и раджей, а также от подарков, которые эмиры обязаны делать ежегодно по случаю известных праздников. По искусству самой работы трон хуже, чем по материалу, который на него затрачен. Лучше всего сделаны два павлина, покрытые драгоценными камнями и жемчугом. Это художественная работа одного француза по имени...⁷⁶, который был удивительным мастером и который нашел убежище и сделал карьеру здесь при дворе, после того как обманул нескольких европейских князей удивительно выполненными подделками.

У подножья трона собрались все эмиры, роскошно одетые. Они стояли на эстраде, покрытой большим парчевым балдахином с длинной золотой бахромой и обнесенной серебряными перилами. Колонны зала были покрыты золотой парчей, и по всему залу был раскинут большой балдахин из цветного сатина, прикрепленный канатами из красного шелка, с которого свисали длинные кисти, сделанные из шелка и золота. Пол был покрыт большими коврами из лучшего шелка, очень длинными и широкими. На дворе была разбита палатка (она называется аспект), такая же длинная и широкая, как зал, и даже пожалуй еще больше. Она соединялась с залом крышей и доходила почти до середины двора, причем была вся окружена большими перилами, украшенными серебряными пластинками. Палатка поддерживалась тремя столбами, которые по толщине и высоте были с мачту. Кроме того имелось еще несколько маленьких столбов, и все они были покрыты серебряными пластинками. Снаружи палатка была обтянута красной материей, а изнутри красивым ситцем, т. е. холстом, разрисованным кистью, который выделяется в Маслипатане. Ситец этот был сделан специально на заказ, и цветы были выполнены в таких ярких красках, что можно было подумать,

что это настоящий цветник, так естественны были цветы, нарисованные на всевозможный лад.

Так был разукрашен большой зал ам-каза. Что касается галлерей с аркадами, о которых я говорил и которые окружают двор, то каждому эмиру было приказано разукрасить их на свой счет. А так как каждому хотелось сделать свою аркаду наиболее великолепной, то все они были разукрашены сверху донизу парчей и устланы богатыми коврами. На третий день этого празднества король дал себя взвесить с большими церемониями на огромных весах, причем говорят, что гири были из литого золота; после государя взвешивались некоторые эмиры. Я припоминаю, что все эмиры выражали большую радость по поводу того, что государь весил на два фунта больше, чем в предыдущий год. Такие празднества устраиваются каждый год, но никогда еще праздник не отличался таким блеском и не потребовал таких расходов. Говорят, что Ауренгзеб затеял столь великолепный праздник специально для того, чтобы помочь торговцам парчей, у которых магазины были переполнены этим товаром, портившимся в течение четырех или пяти лет войны, когда он не находил сбыта. Эмирам пришлось сильно раскошелиться, но в конечном счете за это заплатились простые всадники, потому что после празднества эмиры заставили их взять эту парчу себе на куртки.

С этими праздниками связан старинный обычай, который не очень нравится эмирам. Дело в том, что они обязаны преподносить государю красивые подарки соразмерно получаемому ими жалованию. Одни делают роскошные подарки, желая показать себя или потому что они боятся расследований по поводу хищений, которые они производили, занимая известную должность или управляя губерниями. Другие это делают для того, чтобы заслужить благоволение короля и побудить его увеличить их жалованье. Некоторые, что бывает довольно часто, преподносят красивые золотые вазы, заполненные драгоценными камнями; другие дарят красивые жемчуга, бриллианты, изумруды или рубины; третьи, что тоже бывает довольно часто, преподносят государю без всяких церемоний некоторое количество золотых монет, стоимостью каждая в полтора пистоля. Я припоминаю, что когда Ауренгзеб

отправился во время этого большого празднества с визитом в своему визирю Джефер-хану не как к визирю, а как к родственнику и под предлогом того, что он хочет видеть новое здание, которое тот построил, то Джефер-хан преподнес ему в таких золотых монетах сумму в сто тысяч эю, затем несколько красивых жемчугов, рубинов, которые оценивались в сорок тысяч эю, но которые по оценке Шах-Джехана, прекрасно понимавшего в драгоценных камнях, не должны были стоить дороже пятисот эю. Это весьма смутило лучших ювелиров, которые оказались обманутыми.

Описываемое мною празднество сопровождается иногда еще и другой довольно странной затеей: своего рода ярмаркой, которая происходит в мегале, или серале, государя. Жены эмиров и главных манзедаров, или мелких эмиров (конечно наиболее красивые и обходительные), изображают торговок, торгующих на ярмарке. Государь выступает в роли покупателя, так же как все бегум, или принцессы, и другие важные дамы из сераля. В качестве товаров служат красивая парча, богатые вышивки нового фасона, роскошные тюрбаны, сделанные из золотой ткани, а также куски тонкой ткани, из которой шьют наряды для важных дам, и всякие прочие дорогие товары. Если у жен эмиров есть красивая дочь, они обязательно привозят ее с собой, чтобы показать государю и познакомиться с этими бегум. Вся прелесть ярмарки заключается в том, что государь торгуется с этими торговками из-за грошей, словно какой-нибудь мелкий торгаш; он клянется, что даже смешно требовать такую высокую цену, что он не желает платить так дорого, что у других торговок товар гораздо лучше;—словом, приводит всевозможные доводы мелких торговцев. Дамы действуют таким же образом и, совершенно не обращая внимания, что имеют дело с государем (это самое замечательное), упрямо стоят на своем и доходят даже до грубостей. Они говорят покупателю, что ему лучше не соваться на рынок, что он ничего не понимает в товаре, что пускай он лучше поищет в другом месте, что этот товар совсем не для него,—словом, приводят обычные доводы рыночных торговок. Точно так же и еще хуже ведут себя бегум: иногда они заводят настоящую перебранку, так что начинается крик, шум и такая комедия,

какую трудно себе представить. Однако когда наконец договариваются о цене, то принцессы и государь покупают все за наличные деньги и часто даже бывает, что они вместо серебряных рупий оставляют прелестной торговке или ее дочери несколько золотых рупий, словно по ошибке, делая вид, что они этого не замечают. Торговки с таким же видом принимают деньги, и все это сопровождается шутками и прибаутками.

Шах-Джехан, который был большим любителем женского пола, хотел устраивать ярмарки по случаю каждого праздника, хотя и прекрасно знал, что это не очень нравилось некоторым эмирам. Но вот что пожалуй уже выходило за всякие пределы: при Шах-Джехане на эти праздники в сераль допускались публичные женщины; правда, не те, которые бывают на базаре, а те, которые сортом получше, которые ведут себя более сдержанно, которых приглашают петь и танцевать на больших свадьбах у важных эмиров и манзебдаров. Их называют кеншень, т. е. позволенная, расцветенная. Эти женщины, как я только что сказал, тоже допускались в сераль и проводили там целую ночь в пении и плясках. Конечно их нельзя причислять к падшим созданиям с базара: они большей частью красивы, хорошо одеты, умеют отлично петь и танцевать на здешний лад, их телодвижения поражают своей ритмичностью; но все-таки это публичные женщины.

Шах-Джехан не удовольствовался даже тем, что допускал их в сераль на эти празднества: когда они являлись приветствовать его по старому обычаю в каждую среду в ам-казе, он часто приказывал им войти и проводил целую ночь, созерцая их забавные выходки. Ауренг-веб держит себя более серьезно и не позволяет им входить в сераль. Не желая отменять старый обычай, он разрешает им приносить по средам селям в ам-казе, но после этого они должны немедленно удалиться.

Раз уж мы заговорили о ярмарках и этих кеншень или кеншени, то пожалуй не будет ничего дурного, если я вам расскажу смешную историю об одном из наших французов. Ведь Плутарх говорит, что не следует пренебрегать мелочами и что они часто дают возможность понять характер самых выдающихся людей. Этого француза

звали Бернар, и он находился при здешнем дворе в последние годы царствования Джехан-Ги́ра. Он повидимому был хорошим врачом и даже выдающимся хиру́ргом, по крайней мере так о нем рассказывают. Он пользовался расположением Джехан-Ги́ра и был очень близок к нему, до такой степени, что они вместе выпивали и кутили. Джехан-Ги́р, или завоеватель мира, только и думал о выпивке и удовольствиях, а управление своим государством он передал в руки своей жены, знаменитой Ноур-Мегале, или Ноур-Джеханбе́гум, о которой он говорил, что у нее достаточно ума для управления государством и ему нет надобности утруждать себя. Наш Бернар кроме того, что он получал от государя десять э́кю в день, зарабатывал еще лечением знатных дам серала и важных эмиров, которые обращались к нему и наперебой делали ему подарки не только за его прекрасное лечение, но и потому, что видели исключительную любовь к нему государя. Но Бернар принадлежал к числу людей, которые не умеют беречь деньги. Все, что он получал, он немедленно раздавал. Благодаря этому он пользовался большой известностью и любовью, особенно среди кеншени, на которых он тратил много денег, так как они целыми толпами проводили ночи в его доме за пением и танцами. Но вот случилось, что он влюбился в одну из этих женщин, которая была молода, красива и хорошо танцевала. Однако мать ее боялась, что если она отдастся, то потеряет свою силу и здоровье, как это бывает, а потому не спускала с нее глаз. Бернар поэтому не мог найти другого способа кроме следующего: однажды, когда государь сделал ему подарок в ам-казе в присутствии всех эмиров за удачное лечение в серале, он очень вежливо поблагодарил государя и попросил оказать ему вместо этого другую милость и отдать молодую кеншени, в которую он влюбился. Она стояла тут же с остальными товарками, пришедшими сделать обычный селям. Все присутствовавшие заулыбались по поводу его столь странной просьбы, так как он был христианином, а женщина—магометанкой и кеншени. Но Джехан-Ги́р, который не особенно церемонился с магометанством, трясаясь от смеха, тотчас же приказал отдать ему эту девушку, положить ему ее на плечи, и пускай он уносит ее. Сказано, сделано. В присутствии всего собра-

ния ее положили Бернару на плечи, и он с этой ношей отправился к себе домой.

Теперь нужно вас познакомить с развлечениями, которыми обычно заканчиваются эти празднества и которые у нас в Европе не известны. Это бои слонов, которые государь, придворные дамы и эмиры смотрят из разных апартаментов крепости и которые происходят на глазах у всего народа на большой песчаной площадке, выходящей к реке.

Для этого сооружается земляная насыпь шириною в три-четыре фута и вышиной в пять-шесть футов. Слоны, участвующие в бою, становятся по обеим сторонам насыпи, причем на каждом слоне сидят два вожатых—один сидит на плечах и держит в руках железный крюк, для того чтобы повертывать слона направо и налево, а другой сидит сзади; в случае, если первый упадет, другой должен немедленно занять его место. Вожатые возбуждают своих слонов и натравливают их друг на друга; они то убеждают их ласковыми словами, то называют трусами и грубо понукают. После продолжительного понукания и прищипывания обе огромные туши подходят наконец к стене и вступают в бой. Они награждают друг друга ужасными ударами—клыками и хоботом, так что кажется, что они разможат друг другу головы. Этот бой продолжается в течение некоторого времени, несколько раз прерывается и снова начинается, пока наконец насыпь не обрушивается, и тогда более смелый из них переходит на сторону другого, обращает его в бегство, бьет его клыками и хоботом, при этом он так разъяряется, что нет возможности разнять слонов иначе, как при помощи шерки, т. е. потешных огней, которые бросают между ними. Дело в том, что эти животные очень пугливы и особенно боятся огня; вследствие этого, с тех пор как в армиях введено огнестрельное оружие, слоны стали почти бесполезны. Правда, слоны, привозимые с острова Цейлона, иногда бывают не так пугливы, но тоже только после того, как их приучают в течение нескольких лет, стреляя каждый день перед ними из ружей и бросая им под ноги бумажные петарды. Вообще бои слонов не такое уж неприятное зрелище, если бы только оно не было слишком жестоким: дело в том, что нередко несчастные вожатые падают на землю и тогда

слоны растаптывают их ногами. В бою слоны применяют коварные приемы: они стараются особенно бить хоботом и стянуть на землю вожатого своего противника. Поэтому в тот день, когда этим несчастным вожатым становится известно, что им придется участвовать в бою слонов, они прощаются со своими женами и детьми, словно осужденные на смерть. Их ободряет и утешает только то, что в случае если им удастся остаться в живых и удачно справиться со своими обязанностями, то король повышает им жалование и единовременно дает мешок пеис, что составляет около пятидесяти франков. Если же слоны их убивают, то государь оставляет их вдовам жалование, которое они получали, а сыну, в случае, если таковой имеется, дает должность. Нередко такие бои сопровождаются еще и другими несчастными случаями. Часто слон задевает кого-нибудь из огромной толпы, обычно присутствующей на этом зрелище, и тогда упавшего растаптывают лошади и люди, которые сразу обращаются в бегство, падают друг на друга, в то время как слоны свирепо дерутся. Поэтому небезопасно смотреть на эту игру вблизи. Когда я во второй раз ее видел, я сильно раскаивался, что встал так близко, и если бы у меня не было хороших лошадей и двух надежных слуг, то по всей вероятности я поплатился бы за это так же дорого, как и другие.

Но пора уже покинуть крепость и вернуться в город. Я должен теперь обратить ваше внимание на два здания, о которых я забыл рассказать. Первое—это большая мечеть, которая стоит посреди города и видна еще издали. Она возвышается на скале, которую сравняли, для того чтобы построить мечеть. Вокруг мечети возведена красивая площадь, и от нее с четырех сторон мечети расходятся четыре очень красивые и длинные улицы. Одна—от главных дверей мечети, другая—с противоположной стороны, а еще две улицы расположены против двух дверей, находящихся посреди обеих боковых сторон мечети. Для того чтобы подойти к дверям, надо подняться на двадцать пять или тридцать ступенек, которые окружают мечеть с трех сторон кроме западной; чтобы скрыть неровности скалы, они отделаны красивыми большими отесанными камнями; это особенно эффектно выделяет здание. Все три входа

имеют роскошный вид, они сплошь отделаны мрамором, и их большие двустворчатые двери покрыты хорошо сработанными медными плитками. Над главной дверью, которая гораздо роскошнее обеих других, возвышаются несколько маленьких башенок из белого мрамора, которые имеют очень изящный вид. В западной части мечети возвышаются три больших купола, которые снаружи и внутри отделаны белым мрамором. Средний купол самый большой и самый высокий. Вся остальная мечеть, т. е. та часть, которая идет от трех куполов до больших дверей, не имеет крыши. Это сделано из-за господствующей здесь жары. Весь пол устлан широкими большими мраморными плитами.

Я признаю, что это здание не соответствует правилам архитектуры, которые мы считаем обязательными, но тем не менее я не вижу в нем ничего, что оскорбило бы взор. Наоборот, мне кажется, что все хорошо задумано и тщательно выполнено с полным соблюдением пропорций. Мне кажется даже, что если бы у нас в Париже построили церковь с такой архитектурой, то ее не нашли бы уродливой, хотя она и была бы на наш взгляд необычной. За исключением трех больших куполов и всех этих башенок из белого мрамора вся мечеть красного цвета и производит такое впечатление, что она сделана из больших плит красного мрамора. Но в действительности—это камень, который легко тесать и который даже поддается выветриванию. Между прочим, если только верно то, что мне рассказывали о каменоломнях, где берут этот камень, то там наблюдается весьма замечательное явление: уверяют, что камень нарождается все снова и снова или потому что каменоломня каждый год заполняется водой, или по какой-то другой причине.

В эту мечеть государь отправляется молиться каждую пятницу, которая у магометан то же, что у нас воскресенье, причем когда он выходит из крепости, улицы, по которым он должен пройти, обязательно хорошенько поливаются; это делается из-за жары и пыли. Двести или триста мушкетеров выстраиваются шпалерами у ворот крепости; и такой же отряд выстраивается по обеим сторонам большой улицы, которая ведет к мечети. Мушкетеры у этих солдат маленькие, но хорошей работы.

У дверей должны держаться наготове пять-шесть всадников на хороших лошадях; они должны ехать впереди государя на довольно значительном расстоянии, чтобы его не беспокоила пыль, и должны прогонять народ. Когда все приготовления закончены, государь выходит из крепости и садится на богато разукрашенного слона под раскрашенным и позолоченным балдахинном; иногда он едет на троне, сверкающем золотом и лазурью и поставленном на носилки, покрытые яркокрасной материей или парчей. Эти носилки несут на плечах восемь человек, подобранные по росту и хорошо одетые. За государем следует толпа эмиров, некоторые из них едут на лошадях, некоторых несут в паланкинах. Среди эмиров находится также большое число манзедаров и людей с серебряными дубинками, о которых я уже говорил. Это конечно не похоже на великолепные процессии или, правильнее говоря, маскарад большого сеньора. Это также не похоже на военную свиту, сопровождающую наших королей. Это совсем иной род величия, чем у нас, но тем не менее в этом есть нечто величественное.

Второе здание, на которое я забыл обратить ваше внимание в городе, это караван-сарай принцессы. Он называется так потому, что его построила на свой счет Бегум-Сахэб, старшая дочь Шах-Джехана, о которой я уже столько говорил. Она желала, со своей стороны, способствовать украшению города, как это наперебой старались сделать эмиры, для того чтобы заслужить благоволение Шах-Джехана. Это тоже большое квадратное здание с аркадами вроде нашей Королевской площади, но опять с той же разницей, что каждая аркада отделена от другой перегородкой и в глубине каждой аркады находится маленькая комната. Кроме того над аркадами идет галлерей, которая проходит по всему зданию, и на эту галлерей наверху выходит столько же комнат, сколько их имеется внизу. Этот караван-сарай является местом, где встречаются крупные персидские, узбекские и прочие иностранные купцы. Они там находят всегда достаточное количество удобных свободных комнат, где можно прожить некоторое время в полной безопасности, так как ворота в караван-сарай каждый вечер закрываются. Если бы в разных местах Парижа было по сотне таких домов, то приезжие, которые в

первый раз попадают в город, не испытывали бы таких затруднений, какие они часто испытывают, когда им нужно найти безопасное место для ночлега. Они могли бы оставаться в таком доме несколько дней, пока не повидают своих знакомых и не найдут себе хорошей квартиры. Здесь могли бы находиться магазины для всяких товаров, кроме того здесь могли бы встречаться разные чужеземные купцы.

Прежде чем распрощаться с Дели, я еще скажу несколько слов по вопросу, который вы мне несомненно зададите, а именно: есть ли в Дели столько же населения и такое же многочисленное и хорошее общество, как в Париже. Конечно когда я принимаю во внимание, что Париж представляет собой три-четыре города, посаженные один на другой, застроенные комнатами и заполненные сверху донизу людьми, когда я представляю себе всю эту невероятную сутолоку—мужчин, женщин, пешеходов, всадников, повозки, коляски, экипажи, когда я припоминаю, что в Париже мало больших площадей, дворов и садов, то Париж начинает казаться мне питомником всего мира, и мне трудно поверить, что в Дели может быть столько же жителей. Однако когда я вспоминаю об этом огромном количестве лавочек в Дели и об обширных размерах города, а также о том, что в Дели никогда не бывает меньше тридцати пяти тысяч всадников, не говоря уже об эмирах, живущих там в своих домах, когда я принимаю во внимание, что редко у кого из всех этих всадников нет жены и детей, а также большого количества слуг, причем последние имеют свои дома, так же как и их хозяева, и все эти дома кишмя-кишат женами и детьми, когда я припоминаю, что в некоторых местах Дели, несмотря на ширину улиц, малое количество тележек и полное отсутствие экипажей, тем не менее в часы, когда жара позволяет выходить на улицу по делам, наблюдается большая сутолока, когда я принимаю в соображение все эти обстоятельства, я не могу дать окончательный ответ на этот вопрос. Однако мне кажется, что если в Дели и нет такого количества жителей, как в Париже, то все же их здесь не намного меньше.

Что же касается хорошего общества, то надо признаться, что в этом отношении между населением Парижа и Дели существует разница. Из десяти человек, которых вы

встретите на улицах Парижа, семь или восемь всегда будут довольно хорошо одеты и иметь приличный вид, — их во всяком случае нельзя причислить к черни или к нищим, — тогда как в Дели на двух-трех человек, которые покажутся достаточно хорошо одетыми и не слишком обнаженными, вы встретите семь-восемь нищих, имеющих жалкий вид и плохо одетых. Армия, которая здесь стоит, приводит с собой весь этот сброд и бедноту. Однако не буду преувеличивать: по правде говоря, в Дели, так же как и в Париже, можно встретить большое количество людей, хорошо одетых, едущих верхом на хороших лошадях, сопровождаемых шикарной свитой. Зрелище, которое можно видеть на большой площади перед крепостью, в часы, когда все эти эмиры, раджи и манзебдары направляются на собрание или на караул, производит сильное впечатление. Со всех сторон подъезжают манзебдары, хорошо одетые, разукрашенные золотом, на хороших лошадях, несколько слуг идут впереди, чтобы расчищать им дорогу, несколько слуг следуют позади. Эмиры и раджи едут на великолепных слонах, а некоторые, подобно манзебдарам, — на хороших лошадях, большинство же сидит в богатых паланкинах, которые несут на плечах шесть человек. Облокотившись на большую парчевую подушку, они жуют свой бетель, чтобы изо рта шел хороший запах, а губы становились красными. Рядом с ними идет слуга и несет плевательницу из фарфора или серебра, а двое слуг обмахивают своего господина павлиньими хвостами, чтобы ему не было так жарко, отгоняют мух и смахивают пыль; трое или четверо слуг-пешеходов идут впереди, чтобы отстранять прохожих, а сзади едет часть их конного отряда, отборные всадники на самых лучших лошадях. Повторяю, когда вы видите, как все это движется среди сутолоки, не меньшей, чем во многих местах Парижа, то нельзя отрицать, что это все-таки довольно внушительно.

Что касается окрестностей Дели, то они обращают на себя внимание своим плодородием: там возделываются рис, просо, три или четыре вида овощей, которые составляют обычную пищу простого народа, пшеница, сахар, ваниль, индиго — все это в большом изобилии. В двух лье от города, со стороны Агры, в месте, которое магометане называли Койя-Котун-эддине, стоит очень старое здание,

которое было деура, или языческим храмом. Там имеются надписи, тоже должно быть очень древние, потому что никто не может разобрать этих букв, так как они не похожи на шрифт всех тех языков, на которых говорят в Индии.

С другой стороны Дели, в двух или трех лье от города, находится загородный дом государя, который называется Шахлимар. Это действительно красивое и величественное здание. Но не думайте, что оно сколько-нибудь напоминает Фонтенебло, Сен-Жермен или Версаль. Без всякой лести для нас можно сказать, что это только их тень. Не думайте также, что вы найдете в окрестностях Дели что-нибудь подобное Сен-Клу, Шантильи, Медону, Лианкуру, Во, Рюэль и множеству других подобных мест или что вы хотя бы увидите не столь большие дачи простых дворян, буржуа и купцов. Как я уже говорил, это здесь невозможно, потому что подданные этого государства не владеют землей на праве собственности. Вы можете быстро проехать пятьдесят — шестьдесят лье, которые отделяют Дели от Агры, ибо на этом пути вы не встретите больших и хороших местечек, как на наших дорогах. За исключением Матураса, где еще сохранился древний великолепный языческий храм и несколько караван-сараяв, довольно красивых и расположенных на расстоянии одного дня пути друг от друга, я не нахожу здесь ничего значительного кроме пожалуй величественной аллеи, посаженной по распоряжению Джехан-Гира, которая продолжается на расстоянии ста пятидесяти лье с маленькими пирамидами и башенками, расположенными на расстоянии коссэ, т. е. полулье друг от друга, для того чтобы указывать направление дорог; кроме того часто встречаются колодцы для утоления жажды прохожих и для поливки молодых деревьев.

Если вы получили достаточное представление о Дели, то вы уже знаете, что собой представляет Агра: это относится и к ее местоположению на реке Джемне, и к крепости или к дворцу и большинству зданий. Правда, Агра имеет то преимущество перед Дели, что так как это город, в котором государи уже давно имели свою резиденцию — со времен Акбара, который построил Агру и назвал ее по своему имени Акбарабад, — то город этот более обширен,

чем Дели, имеет больше красивых домов, принадлежащих эмирам и раджам, больше красивых караван-сараев и других хороших домов из камня и в особенности из кирпича. Затем там есть две известные гробницы, о которых я еще буду говорить дальше. Но Агра невыгодно отличается от Дели тем, что она не обнесена каменными стенами. Кроме того она не построена по единому плану, не имеет таких красивых широких улиц, как Дели. Кроме четырех-пяти главных торговых улиц, очень длинных и довольно хорошо застроенных, весь остальной город состоит из маленьких улиц, узких, несимметрично расположенных, с тупиками и закоулками. Это вызывает страшную толкотню, когда там находится двор. По-моему, Агра ничем не отличается от Дели кроме того, что она производит более деревенское впечатление, чем Дели, в особенности если смотреть с возвышенного места. Но такой деревенский вид отнюдь не портит города, а придает ему большую красоту и разнообразие, потому что между домами эмиров и раджей и всех прочих много больших зеленых деревьев, так как каждый старался сажать их в своем саду и во дворе, чтобы иметь тень. Среди этих деревьев высокие каменные дома бании, т. е. индусских купцов, кажутся как бы остатками старых лесных замков. Благодаря этому открываются весьма красивые виды и перспективы, что особенно приятно в сухих и жарких странах, где глаз только требует зелени и тени.

Однако вам отнюдь нет надобности покидать Париж для того, чтобы найти самый красивый и величественный вид, какой только существует на свете. Прогуляйтесь по вашему Новому мосту и присмотритесь внимательнее днем ко всему, что вас окружает, к этой невероятной и удивительной суете, а ночью взгляните на бесконечное множество мерцающих огоньков в окнах высоких зданий. Суета, господствовавшая днем, продолжается даже после полуночи. Добрый буржуа и—чего вы уже никогда не увидите в Азии—добрая буржуазка прогуливаются, не боясь жуликов и грязи. А потом вы увидите длинные ряды лампочек, которые не боятся ни ветра, ни дождя, ни темноты. Прогуляйтесь, взгляните на все это, и, поверьте моему слову, вы можете утверждать, что перед вами самый красивый, самый величественный искусственный вид, какой

только существует на земле, за исключением может быть Китая или Японии, где я не был. А что будет, когда закончат постройкой Лувр, про который думали, что его никогда не увидят иначе, как на плане, нарисованном на бумаге? Я нарочно сказал искусственный вид, потому что когда я говорю о самых прекрасных видах, какие только существуют, то всегда нужно сделать исключение для Константинополя, для того вида, который открывается с корабля посреди большого канала, как раз напротив сераля. Здесь чувствуешь себя совершенно ошеломленным, словно находишься среди обширного волшебного амфитеатра. Но здесь мы имеем дело главным образом с творением природы, тогда как в Париже почти все искусственно и является творением рук человеческих. Это несомненно придает Парижу большое значение. Здесь больше чувствуется пребывание великого короля, столица великого императора и, взирая на все красоты Дели, Агры и Константинополя, можно без лести сказать, что Париж является самым красивым, самым богатым, самым первым городом в мире.

В Агре у отцов-иезуитов есть церковь и дом, который они называют коллежем. Там они обучают христианскому учению детей двадцати пяти — тридцати христианских семейств, которые, я не знаю уж как, обосновались там и обжились благодаря помощи, которую им оказывают отцы-иезуиты. Их призвал сюда Акбар во времена наибольшего могущества португальцев в Индии, он назначил им пенсией для пропитания и позволил построить церкви в главных городах — в Агре и Лагоре. Его сын Джахан-Гир еще больше покровительствовал им. Но Шах-Джахан, сын Джахан-Гира и отец правящего ныне Аурангзеба, лишил их пенсии, распорядился разрушить церковь в Лагоре, а также и большую часть церкви в Агре, сравнял с землей колокольню церкви, на которой был колокол, слышный во всем городе.

Добрые отцы-иезуиты питали большие надежды на распространение христианства в царствование Джахан-Гира ввиду пренебрежительного его отношения к магометанской вере и уважения, которое он проявлял к нашей. Он позволил двум своим племянникам стать христианами, а также разрешил принять христианство некоему мирзе

Зулкармину, который был воспитан в серале и подвергся обрезанию. Это было сделано под тем предлогом, что он христианской крови, является сыном жены богатого армянина, которую Джахан-Гир увел в сераль.

Те же отцы-иезуиты утверждают, что государь, начав с разрешения христианства, возымел намерение одеть весь двор так, как одеваются франги. Сделав для этого все нужные приготовления и в частности одевшись сам таким образом, он призвал к себе одного из своих эмиров и спросил его, какого он мнения об этой одежде. Но эмир, крайне изумленный, холодно ему отвечал, что это дело весьма опасное; тогда он должен был отказаться от своего плана и обратил все в шутку.

Отцы также утверждают, что, умирая, Джахан-Гир требовал, чтобы их допустили к нему, так как он хотел принять христианство, но что им об этом не сообщили. Некоторые утверждают, что этого совсем не было и что он умер так, как жил,—без всякой религии и с намерением, которое он имел: подобно своему отцу Акбару, провозгласить себя пророком и стать главой самостоятельной религии, которую он придумал. Не знаю, что было в действительности, но вот что мне рассказал один магометанин, отец которого состоял в свите Джахан-Гира. Однажды этот государь напился и велел призвать к себе некоего отца Флорентина, которого он называл отцом Атеш⁷⁷ за его пылкий нрав. Он потребовал, чтобы тот высказал все, что он может, против магометанского учения и в пользу христианского учения в присутствии самых ученых мулл, после этого Джахан-Гир пожелал тут же на месте произвести следующее жестокое испытание обоих вероучений. Он распорядился вырыть большую яму и развести в ней основательный костер и предложил, чтобы отец Атеш с евангелием подмышкой и мулла с кораном вместе бросились в огонь, а он примет учение того, кто не сгорит. Но печальные мины повергнутых в изумление мулл и сострадание к отцу Флорентину, который согласился на это предложение, заставили его отказаться от своего замысла. Но как бы то ни было, не подлежит сомнению, что пока был жив Джахан-Гир, отцы-иезуиты пользовались уважением и почетом при дворе и возлагали большие надежды на успехи христианства в этой стране. Но с тех пор у них

нет больших оснований питать такие надежды. Может быть это немного вызвано тем обстоятельством, что наш отец Бюзе был близок с Дарой.

Но раз уж мы заговорили о миссионерах, то почему бы мне не сказать вам о них в нескольких словах, с тем чтобы впоследствии посвятить им специально целое большое письмо. Укажу, что я бы одобрил миссии хороших миссионеров и в особенности наших капуцинов и иезуитов, а также некоторых других, если бы они проповедовали свое учение мягко, без чрезмерного рвения и высокомерия, если бы они занимались благотворительными делами на пользу местных христиан и помогали в делах христианства, будь то последователи католической, греческой, армянской, несторианской, якобинской или какой другой церкви; если бы они служили примером и утешением для бедных иностранцев и путешественников; если бы они благодаря своему образованию, своему скромному образу жизни приводили в замешательство невежественных, распущенных и неверных.

Но не всегда это делается: некоторых миссионеров лучше было бы оставить в их монастырях за крепкими запорами, вместо того чтобы пускать в эти страны, где они притворно исповедуют нашу религию и своим невежеством, завистью, распущенной жизнью, злоупотреблением властью, недостатками характера только позорят учение Иисуса Христа. Но исключение не уничтожает общего правила, и все это нисколько не мешает мне чрезвычайно ценить миссии и хороших ученых-миссионеров; они безусловно необходимы. Это предмет гордости и прерогатива христианства, что во всем мире существуют люди, выполняющие обязанности апостолов. Но на основании всего, что я видел, на основании многократных бесед и рассуждений со многими упорствующими неверными, я позволю себе сказать, что я почти отчаиваюсь в возможности таких великих апостольских деяний, как обращение двух или трех тысяч человек после одной проповеди или как например обращение магометанских государей в широком масштабе. Зная по собственному опыту и побывав почти во всех местах, где имеются миссии на востоке, я скажу, что все миссионеры, вместе взятые, не только в Индии, но и во всех магометанских государствах,

могли бы конечно своим обучением, соединенным с задачей милостыни и благотворительными делами, иметь некоторый успех у индусов, но им не удастся даже раз в десять лет своим учением и своими доводами обратить в христианство хотя бы одного магометанина. Бесспорно, эти неверные всегда будут питать большое уважение к нашей религии, будут отзываться об Иисусе Христе не иначе, как с большим почтением, и никогда не произнесут слово Айса, т. е. Иисус, не добавив к этому слову азарет, что означает величество. Они даже соглашались с нами, что он зачат и рожден чудесным образом непорочной девой и что он келум-аллах и ру-аллах, т. е. слово божие, дух божий. Но нельзя рассчитывать на то, что они признают все остальное в нашей религии и расстанутся со своей, в которой родились, со своим ложным пророком и примут нашу религию,—все равно, какие бы убедительные доводы им бы ни приводили. Наши европейские христиане должны прилагать все старания, делать пожертвования и даже пускаться в ход силу, для того чтобы повсюду имелись миссионеры, которые являлись бы не бременем для местного населения и не совершали низостей по нужде. Это необходимо как по соображениям, которые я только что привел, так и для того, чтобы они всегда могли воспользоваться благоприятным случаем, всегда бы воздавали должное истине и возделывали свой виноградник, когда это будет угодно богу, но в остальном не следует предаваться иллюзиям и верить всяким рассказам, не следует думать, что это дело такое легкое, каким его некоторые изображают. Магометанство—секта слишком вольная, слишком привлекательная, для того чтобы с ним расстались. Это губительное учение было распространено оружием и силой и все время продолжало распространяться таким же способом. Я не вижу других средств, для того чтобы поколебать его и вырвать с корнем, кроме тех, которыми оно пользуется, если только не случится какое-нибудь великое, необыкновенное чудо небесное, если в это дело не вмешается сам бог, на что можно надеяться, судя по великим делам, которые имели место в Китае, Японии и при государе Джахан-Гире, о котором я только что говорил. К этому надо присовокупить, хотя я не желаю выступать здесь с проповедями, что серь-

езным препятствием для обращения магометан в христианство является непочтительность, проявляемая христианами в их церквах, столь не соответствующая нашему верованию, что бог присутствует в алтаре, и столь отличная от глубокого, удивительного почтения, которое обнаруживают неверные в своих мечетях, где они не повернут головы, не скажут друг другу ни слова.

Голландцы имеют свою факторию в Агре, где они обыкновенно держат четыре-пять человек. Раньше они выгодно торговали здесь красным материалом, большими и маленькими зеркалами, простыми кружевами, кружевами из золота и серебра и разной мишурой, а также скупали анил или индиго, которые собирают в окрестностях Агры, в особенности же в Биане, на расстоянии двух дней пути от Агры. Туда они отправляются раз в год и имеют там свои собственные дома. Кроме того они скупают всякие ткани, которые получают из Джелапура, а также Лукнова, находящегося на расстоянии семи-восьми дней пути от Агры. Там у них тоже имеются свои дома, и они посылают туда раз в год нескольких факторов. Но в настоящее время они говорят, что эта торговля невыгодна либо потому, что ею занялись армяне, либо потому, что от Агры до Сурата так далеко, а еще и по той причине, что с их караванами постоянно случается какая-нибудь беда. Для того чтобы избежать плохих дорог и гор со стороны Гвалиора и Брампуна, им приходится избирать более далекий путь и ездить через Ахмед-Абад по территориям раджей. Однако я полагаю, что они не откажутся от своей фактории в Агре, как это сделали англичане, хотя бы уже потому, что они там выгодно продают свои бакалейные товары и имеют людей, близких ко двору, которые оберегают их интересы, что всегда выгодно, когда у них возникают затруднения в каких-нибудь факториях вследствие придинок губернаторов или других чиновников как в Бенгалии и Патоне, так и в Сурате и Ахмед-Абаде.

В заключение остановимся на двух замечательных мавзолеях, которые дают такое преимущество Агре по сравнению с Дели. Первый был построен по распоряжению Джехан-Гира, желавшего почтить память своего отца Акбара. Второй мавзолей воздвиг Шах-Джехан в честь своей жены Таже-Мегале, замечательной красавицы. Он

был в нее так влюблен, что, как рассказывают, не обращал внимания на других женщин, пока она была жива, а когда она умерла, собирался покончить с собой. Я не буду здесь рассказывать вам о мавзолее Акбара, ибо все то, что в нем есть красивого, в еще большей степени имеется в мавзолее Таже-Мегале, который я попытаюсь вам здесь описать.

Представьте себе, что при выходе из города Агры в восточном направлении вы попадаете на длинную, широкую вымощенную улицу, которая слегка поднимается вверх. С одной стороны идет высокая, длинная стена, за которой находится квадратный сад, значительно более обширный, чем наша Королевская площадь. С другой стороны тянется ряд новых домов с аркадами вроде тех, которыми застроены главные улицы Дели. После того как вы дойдете до середины стены, вы увидите по правую сторону, там, где находятся дома, большие, довольно красивые ворота, которые ведут в караван-сарай, а на противоположной стороне, там, где стена, вы увидите роскошный четырехугольный павильон, через который входят в сад между двумя бассейнами, обложенными тесаными камнями. Павильон этот больше в длину, чем в ширину, он сооружен из камня, напоминающего красный мрамор, но не отличающегося прочностью. Фасад, по-моему, значительно внушительнее и длиннее, чем фасад Сен-Луи на улице Сент-Антуан. Правда, здесь нет колонн, архитравов и карнизов, сделанных согласно правилам архитектуры, которые так строго соблюдаются в наших дворцах. Это здание своеобразно, но все же оно приятно своей причудливой формой и, по-моему, вполне заслуживало бы быть включенным в наши книги по архитектуре. Оно состоит почти исключительно из нагроможденных друг на друга аркад, галлерей, расположенных самым разнообразным образом. Однако все это производит великолепное впечатление,—хорошо задумано и хорошо выполнено. Ничто не оскорбляет глаз, наоборот, все здесь радует, и нельзя оторвать взора от этого сооружения. В последний раз, когда я его видел, я пошел туда вместе с одним из наших французских купцов, который, так же как и я, не мог оторваться от этого зрелища. Я не решался высказать свое мнение, опасаясь, что у меня испортился вкус и что я уже смотрю глазами

индийцев, но он как раз только что прибыл из Франции, и я был очень рад, услышав от него, что он никогда не видел в Европе ничего подобного по величию и смелости.

После того как вы делаете несколько шагов по павильону, для того чтобы пройти в сад, вы оказываетесь под высоким куполом, который наверху окружен галлереями, а внизу имеет справа и слева два «дивана», или эстрады, возвышающиеся над землей на восемь или десять футов. Напротив ворот стоит большая, совершенно открытая аркада, через которую входят в аллею, разделяющую почти весь сад на две равные части.

Эта аллея идет террасой и так широка, что там могут проехать шесть карет рядом; она вымощена большими квадратными камнями и возвышается приблизительно на восемь футов над остальным садом. Вдоль аллеи проходит канал, обложенный тесаными камнями, и внутри канала на некотором расстоянии друг от друга бьют фонтаны.

Сделав по этой аллее двадцать пять или тридцать шагов, обернитесь, чтобы взглянуть на вход. Вы увидите другой фасад павильона, который конечно нельзя сравнить с фасадом, выходящим на улицу, но который все же великолепен, так он высок и по архитектуре похож на тот фасад. По обе стороны павильона, вдоль стены сада идет террасами длинная, глубокая галлерея, поддерживаемая низкими колоннами, близко стоящими друг от друга. В эту галлерею во время сезонных дождей пускают бедняков, которые три раза в неделю приходят получать милостыню из фонда, учрежденного на вечные времена Шах-Джеханом.

Если вы пойдете дальше по аллее, вы увидите издали большой купол, здесь и находится могила; отсюда направо и налево расходятся аллеи, по сторонам которых разбиты цветники.

В конце этой аллеи, за куполом, направо и налево видны два больших павильона, построенные из того же камня, которые поэтому кажутся, как и первый павильон, совершенно красными. Это большие квадратные здания, построенные террасами, с тремя открытыми аркадами; в глубине их видна стена сада. Под этими павильонами можно прогуливаться, словно это были бы высокие и широкие галлереи.

Я не буду останавливать вашего внимания на внутреннем украшении этих павильонов, потому что стены, потолок и пол здесь мало чем отличаются от того, что вы увидите в другом здании, которое я вам опишу. Но предварительно я обращаю ваше внимание на то, что между аллеей, о которой мы говорили, и этим зданием имеется довольно широкое пространство, которое я назвал бы бассейном-цветником, потому что отесанные камни с разнообразной отделкой, по которым приходится идти, заменяют здесь буксы наших цветников. С середины этого бассейна-цветника хорошо видна часть здания, где находится могила, с которой нам еще остается познакомиться.

Это большое помещение со сводами из белого мрамора; вышиной оно приблизительно с наш Валь-де-Грас в Париже; оно окружено целым рядом башенок, сделанных из такого же мрамора и спускающихся ступенями; четыре большие аркады поддерживают все сооружение. Три из них выходят наружу, а четвертая прикрыта стеной зала и имеет галерею, где муллы, приставленные к этому делу, непрерывно читают коран в честь Таже-Мегале. В центре аркады украшены дощечками из белого мрамора, на которых сделаны надписи арабскими буквами из черного мрамора, что производит очень эффектное впечатление. Внутренняя, или вогнутая, часть свода, а также вся стена сверху донизу отделаны белым мрамором; все это сделано с большим вкусом и очень красиво. Всюду вы видите только яшму или нефрит, которыми отделана часовня великого герцога во Флоренции, или другие редкие и ценные камни, которые применены здесь самыми разнообразными способами попеременно с мрамором, облицовывающим стены. Плиты белого и черного мрамора на потолке тоже чрезвычайно тонко и изящно отделаны этими камнями.

Под сводом находится небольшая комната, а в ней—могила. Я туда не входил, потому что ее открывают раз в год и с большой церемонией и кроме того туда не пускают христиан, как они говорят, из опасения осквернить святыню. Но из того, что мне рассказывали, я мог понять, что нельзя себе представить большего богатства и великолепия.

Теперь мне остается только обратить ваше внимание на аллею, поднимающуюся террасой, шириной в два-

дцать—двадцать пять обыкновенных шагов, а вышиной еще больше. Аллея эта находится между сводчатым зданием и концом сада. Оттуда—вид на реку Джемну, протекающую внизу, и на большое пространство, покрытое садами, на часть города Агры, на крепость и на все эти красивые дома эмиров, построенные вдоль реки. Как я уже сказал, мне остается только обратить ваше внимание на эту террасу, которая тянется почти вдоль всего сада с одной его стороны, и после этого предложить вам судить самим, прав ли я, говоря, что мавзолей Таже-Мегале представляет собой нечто изумительное. Не знаю, может быть у меня слишком индийский вкус, но мне кажется, что скорее этот мавзолей следовало бы причислить к чудесам мира, чем те бесформенные массы пирамид, которые мне надоедало смотреть в Египте, когда мне их показывали во второй раз; снаружи я не находил там ничего кроме огромных каменных глыб, установленных ступенями одна над другой, а внутри, по-моему, было очень мало искусства и изобретательности.

Написано в Дели 1 июля 1663 г.

ПИСЬМО ГОСПОДИНУ ШАПЛЕНУ⁷⁸

(отправленное из Ширааза в Персию 4 октября 1667 г.)

О суеверии, странных обычаях и вероучении индусов, или язычников, в Индостане

[из коего видно, что нет мнений, настолько смешных и нелепых, чтобы они не могли взбрести в голову людям].

Милостивый государь!

Если бы даже мне пришлось прожить сотни лет, то и тогда вряд ли я забыл бы об этих солнечных затмениях. Одно я видел во Франции в 1654 году, а другое—в Дели, в Индии, если память мне не изменяет, в 1666 г. Первое затмение представляется мне весьма примечательным по тому детскому легковерию, которое проявляло наше простонародье, по тому паническому страху, который его тогда охватил. Страх был так силен, что некоторые покупали лекарства, думая, что они защитят их от солнечного затмения; некоторые наглухо запирались в комнатах, не давали проникать туда свету или прятались в темных погребах; другие толпами устремлялись в церкви, причем одни

боялись влияния злого, опасного духа, а другие верили, что настал последний день, и что затмение перевернет весь мир наизнанку. Здесь нисколько не помогало все, что говорили Гассенди, Робервали⁷⁹ и разные другие известные астрономы и философы, которые доказывали, что это затмение похоже на целый ряд других, происшедших раньше и не причинивших никакого зла, что это— явление известное, уже заранее предвиденное, не заключающее в себе ничего необычного и что с ним не связано ничего такого, о чем говорят лживые выдумки шарлатанов.

Солнечное затмение, которое я видел в Дели, тоже навсегда запомнилось мне вследствие смешных заблуждений и странных суеверий индийцев. К тому времени, когда надо было его ожидать, я поднялся на террасу моего дома, находившегося на берегу Джемны. Оттуда я увидел, что оба берега реки почти на расстоянии целого лье усеяны индусами, или язычниками, которые стояли по пояс в воде, устремив глаза к небу и ожидая начала затмения, для того чтобы в тот же момент окунуться и вымыться. Маленькие мальчики и девочки были совершенно голые, у мужчин были только повязки на бедрах, а замужние женщины и девочки шести-семи лет были покрыты только простыней. Люди знатные и богатые, например раджи (индусские суверенные князья), состоящие обычно на службе и на жалованьи у государя серрафы, или менялы, банкиры, ювелиры и прочие богатые купцы подходили с другой стороны реки вместе со своими семьями. Раскинув палатки, они погружали в реку канаты, нечто вроде ширм, предназначенных для их церемоний, и совершали омовение вместе со своими женами, так что их никто не видел. Как только эти идолопоклонники увидели, что затмение солнца началось, они подняли громкий крик и несколько раз подряд окунулись в воду. После этого они стояли в реке, поднимая глаза и руки к солнцу, и набожно бормотали молитвы; от поры до времени забирая руками воду, они брызгали ею по направлению к солнцу, низко наклоняя головы, и делали руками разные движения. Они продолжали окунаться, молиться и кривляться, пока не окончилось затмение. Тогда они стали выходить из реки, бросая перед собою серебряные монеты в воду и раздавая милостыню браминам, которые конечно присутствовали

при этой церемонии. Я заметил, что все, выходя из воды, одевали новую одежду, которая уже заранее была аккуратно сложена на песке, а некоторые, особенно набожные, оставляли свою старую одежду в подарок браминам.

Так наблюдал я с моей террасы торжественное празднование солнечного затмения, которое таким же образом совершалось в Инде, в Ганге и в других реках и в талабах, или индийских озерах, а в особенности в Танаизере, который в таких случаях вмещает по сто пятьдесят тысяч человек, собирающихся со всех концов империи. Его вода считается в день затмения более священной, чем все прочие.

Великий Могол, хотя он и является магометанином, однако разрешает индусам соблюдать эти старые суеверные обряды, не желая или не решаясь стеснять их в свободном исповедании религии. К тому же это делается не без того, чтобы депутация от браминов преподнесла падишаху лек рупий, т. е. сто тысяч рупий, что составляет около пятидесяти тысяч эю. Взамен он им дарит только несколько курток и какого-нибудь старого слона.

А теперь вы увидите, какие солидные доводы приводят они в защиту этого праздника и обрядов, совершаемых во время затмения.

Мы имеем, говорят они, четыре веды, т. е. четыре книги законов, священные божественные книги, данные нам богом через посредство Брамь. Эти книги учат, что некий деута, который является каким-то божеством в телесной оболочке, чрезвычайно злобным и завистливым, очень черным, очень мрачным и до крайности нечистоплотным (это их собственные выражения), овладевает солнцем и делает его черным, как чернила, загаживает и затемняет его. Солнце, которое тоже божество (деута), но весьма благодетельное и совершенное, чувствует себя в это время чрезвычайно плохо и переживает томительную тоску от того, что находится во власти этого мерзкого, грязного существа, которое загаживает его. Попытаться освободить солнце из такого жалкого состояния является долгом каждого; это может быть достигнуто только при помощи молитв, омовений и раздачи милостыни. Все эти действия имеют чрезвычайно большое значение во время затмения: милостыня, данная в это время, имеет во сто раз больше ценности, чем если ее дают в другое

время; и кто же, спрашивают они, отказался бы от при-
были в сто процентов?

Вот, милостивый государь, два солнечных затмения, которые я вряд ли когда забуду. Они побуждают меня рассказать о других странностях индусов, относительно коих вы можете сделать те выводы, какие вам будет угодно.

В городе Джаганнате, расположенном на берегу Бенгальского залива, находится знаменитый храм идола того же наименования. Там ежегодно происходит праздник, который, если память мне не изменяет, продолжается от восьми до десяти дней. На этот праздник собирается невероятная толпа народу, как собирались в древние времена в храме Амона⁸⁰ и как это в настоящее время бывает в городе Мекке. Говорят, что там собирается более ста пятидесяти тысяч человек. Сооружается огромная деревянная машина (я видел нечто вроде этого в некоторых других местах Индии) с целым множеством причудливых фигур, напоминающих наши изображения чудовищ с двумя головами, с телом наполовину человеческим, наполовину—животного, огромные, ужасного вида головы сатира и дьявола. Машина стоит на четырнадцати или шестнадцати колесах, вроде тех, какие бывают на лафетах у пушек; ее тащат пятьдесят—шестьдесят человек. Посредине, на видном месте, стоит идол Джаганнат, богато разодетый, пышно украшенный, и его возят из одного храма в другой.

В первый день, когда идола торжественно показывают в храме, там собирается такая огромная толпа и происходит такая давка, что не бывает года, чтобы некоторые из этих несчастных паломников, утомленных долгим путешествием, не были задушены. При этом все благбсловляют их судьбу и считают, что им выпала великая честь умереть в такой священной обстановке. А когда эта дьявольская колесница совершает свой переезд, находятся люди (я это не выдумываю), настолько безумные и суеверные, что они бросаются на землю под тяжелые колеса, которые давят их. По их мнению, нет деяния более героического и почетного, чем такое самопожертвование. Они верят, что Джаганнат немедленно примет их к себе в качестве детей и возродит их к новой жизни, которая принесет им счастье и высокое положение.

Брамины поощряют эти грубые заблуждения и суеверия ради своих- выгод и частных интересов. Я хочу сказать, что они делают это, чтобы получать милостыню и пользоваться уважением как лица, посвященные в великие таинства. Они доходят до такого отвратительного обмана и гнусности, что я не поверил бы, если бы не мог до конца убедиться в этом. Эти мошенники выбирают красивую девушку, которая (как они говорят и как они заставляют верить этот идиотский невежественный народ) становится невестой Джаганната. Вместе с идолом ее торжественно перевозят в храм. Там ее оставляют на всю ночь, причем внушают ей, что Джаганнат явится и будет спать с ней. Ей поручается спросить бога, будет ли год плодородным и какие процессии, праздники, молитвы, а также какую милостыню требует он за свои благодеяния. Ночью один из этих обманщиков входит в храм через узкую дверцу в задней стене, тешится с ничего не подозревающей девицей, убеждает ее во всем, что ему нужно, и на следующее утро, когда из этого храма в другой ее везут в триумфальной колеснице рядом с Джаганнатом как его супругу, она по требованию браминов громко возвещает народу как подлинные слова самого Джаганната все, что ей наговорили эти обманщики.

Но разрешите рассказать вам про безумства другого рода.

Перед колесницей, а также в деурах, или храмах идолов, в эти праздничные дни танцуют публичные женщины и показывают разные неприличные и странные позы. Тем не менее брамины считают все это вполне совместимым с их религией. Я был свидетелем того, как эти женщины, славящиеся не только красотой, но и большой сдержанностью, не соглашались принимать ценные подарки от магометан, христиан и даже чужемцев-язычников, потому что считали себя посвященными исключительно храму и его служителям—браминам и факирам, которые обычно сидят на пепле вокруг храма. Некоторые из них сидят совершенно голыми, с распущенными волосами, так что могут сойти за мегер; позы их я потом опишу. Но не будем сейчас останавливаться на этих безумствах.

Столь многие путешественники рассказывают о саможигании женщин в Индии, что пожалуй этому наконец

поверят. Я со своей стороны тоже хочу написать об этом, но должен предварительно заметить, что рассказы на этот счет преувеличены и что женщины сжигают себя не так часто, как в прежнее время. Магометане, управляющие теперь страной,—противники этого варварского обычая и стараются по возможности препятствовать его исполнению. Правда, они не запретили его окончательно, потому что, опасаясь бунтов, они предоставляют свободу вероисповедания идолопоклонническому населению, которое по своей численности значительно превосходит их. Но они препятствуют косвенным образом: женщины, желающие сжечь себя, должны испросить разрешения у губернаторов провинции, а он никогда не даст разрешения, пока не испробует всех мер кротости и не убедится, что ее нельзя отговорить от этого безумного намерения. Губернатор вызывает вдову к себе, делает ей внушение и заманчивые предложения, иногда отправляет ее к своим женщинам. Несмотря на эти препятствия, случаи саможжения бывают довольно часто, в особенности на территории раджей, где нет магометанских губернаторов. Я не стану рассказывать вам о всех женщинах, которых сжигали на моих глазах. Это было бы слишком долго и скучно. Я приведу только два-три примера, по которым вы сможете судить об остальных случаях. Но сначала я расскажу историю одной женщины, к которой меня посылали, для того чтобы отговорить ее от столь ужасного намерения.

Один из моих друзей по имени Бендидас, главный писец моего ага, Данешменд-хана, умер от изнурительной лихорадки, от которой я лечил его в течение более двух лет. Жена его решила немедленно сжечь себя вместе с телом мужа. Но ее родные, по распоряжению моего ага, у которого они состояли на службе, пытались ее отговорить. Они указывали ей, что хотя она приняла благородное и похвальное решение, которое делает великую честь семье и было бы для нее огромным счастьем, однако ей следует принять во внимание, что у нее малолетние дети и что ей нельзя покидать их; попечение об их благополучии и привязанность к ним должны взять верх над ее любовью к мужу и стремлением получить личное удовлетворение. Родные ничего не добились своим доводами, и тогда им пришла в голову мысль попросить меня посетить вдову,

как будто бы по поручению ага и в качестве старого друга семьи. Я согласился, и когда вошел в помещение, то увидел настоящий шабаш ведьм: семь или восемь старух ужасного вида и четверо или пятеро старых браминов стояли вокруг тела крайне возбужденные и по очереди издавали дикие звуки и сильно били в ладоши. Вдова сидела у ног своего покойного супруга. Волосы ее были распущены, лицо бледно, но глаза были без слез и сверкали, когда она кричала и вместе с остальными от поры до времени била в ладоши.

Когда крики и весь этот содом на время прекратились, я подошел к ним и, обратившись к женщине, тихо сказал ей, что пришел сюда по желанию Данешменд-хана, что он назначил пенсию в два эку в месяц каждому из ее обоих сыновей, но при условии, чтобы она отказалась от саможжения и могла заняться уходом за ними и их воспитанием. Я сказал также, что на худой конец мы имеем возможность не допустить ее саможжения, если она будет упорствовать, и можем наказать тех, кто поощряет ее и толкает на такой бессмысленный шаг, особенно когда все родные недовольны этим решением. Она не будет считаться совершившей бесстыдное деяние, как бездетные вдовы, у которых нехватает смелости сжечь себя после смерти супруга. Я несколько раз повторил эти доводы, но не получил никакого ответа. Наконец, высокомерно взглянув на меня, она сказала: «Хорошо, если мне не дадут сжечь себя, то я разобью себе голову о стену». «Какой дьявольский дух вселился в тебя!»—сказал я про себя. «Пускай так,—ответил я с нескрываемым раздражением,—но сначала возьми своих детей, несчастная, задуши и сожги их вместе с собой; в противном случае им придется умереть с голоду, потому что я сейчас же вернусь к Данешменд-хану и скажу, чтобы он отменил пенсию». Эти слова, произнесенные громко и самым угрожающим тоном, на какой я был только способен, произвели желательное впечатление на женщину и всех присутствующих. Не произнося ни слова, она вдруг опустила голову на колени, и большая часть старух и браминов юркнула в ворота и покинула помещение. Тогда родственники, пришедшие со мной, вступили с ней в переговоры. Я решил, что мое дело сделано, сел на лошадь и вернулся к себе домой, будучи убежден,

что родственники сделают остальное. Вечером, когда я направился к Дансшменд-хану, чтобы доложить ему, что я сделал, я встретил ее родственников, которые поблагодарили меня и сказали, что тело сожжено и что они наконец уговорили вдову не налагать на себя рук.

Что касается женщин, которые действительно сжигали себя, то я столько раз присутствовал при этом отвратительном зрелище, что уже почти не могу выносить его, мне страшно даже о нем подумать. Но все-таки я попытаюсь рассказать о некоторых случаях, только не уверен, что мне удастся дать вам надлежащее представление о твердости духа и решимости, с которыми эти маленькие женщины решаются на такую ужасную трагедию. Этого нельзя себе представить, пока не увидишь собственными глазами.

Однажды, когда я проезжал из Ахмедабада в Агру через владения тамошних раджей и караван остановился в небольшом местечке под тенью дерева, чтобы выждать до вечера, пока не спадет жара и можно будет двинуться дальше, нам сообщили, что какая-то вдова собирается как раз сейчас сжечь себя вместе с телом своего мужа. Я немедленно поспешил туда, и, когда подошел к самому краю большого, почти высохшего бассейна, где должно было совершиться это действие, я увидел на дне его глубокую яму, заполненную дровами. На них лежало тело умершего мужчины, и там же сидела женщина, которая издали показалась мне довольно красивой. Четверо или пятеро браминов зажигали огонь со всех сторон, пять женщин среднего возраста, довольно хорошо одетых, держали друг друга за руки, пели и танцевали вокруг ямы. Тут же присутствовало много зрителей обоего пола.

Костер, который был облит большим количеством масла, вскоре запылал, и я увидел, как огонь стал лизать одежду женщины, тоже пропитанную пахучим маслом, смешанным с порошком сандалового дерева и шафраном. Но я не мог заметить ни малейшего следа страдания или хотя бы тревоги у этой женщины. Мне сказали, что она настойчиво произносила слова «пять» и «два», что означало, что она уже в пятый раз сжигается с тем же супругом и нужно еще только две подобных жертвы, для того чтобы она согласно учению о переселении душ достигла совершенства. Можно было думать, что на нее в момент

смерти снизошло какое-то воспоминание или пророческий дух. Но это было только началом адской трагедии. Я полагал, что пение и танцы пяти женщин были простой, ничего не значащей церемонией, и весьма удивился, увидев, что, когда пламя заглоло платье одной из женщин, она тотчас же бросилась в костер. Этому примеру последовала другая женщина, когда пламя охватило ее. Мое удивление еще усилилось, когда три оставшиеся женщины взялись за руки и продолжали танцевать с полным спокойствием, а потом они тоже, одна за другой, бросились в огонь.

Меня раздражало, что я не мог понять, что это значит. Но вскоре мне объяснили, что эти пять женщин были рабынями и, видя глубокое горе своей хозяйки по поводу болезни супруга, которому она обещала, что не переживет его, а сожжет себя, они прониклись к ней таким сочувствием, такой нежностью, что дали слово последовать ее решению и сжечь себя вместе с нею.

Многие из тех, кого я расспрашивал о самосожжении женщин, хотели меня убедить, что это делается исключительно из-за привязанности к мужьям. Но вскоре я пришел к убеждению, что это—результат давних и глубоко укоренившихся предрассудков. Матери, смолоду приученные к этому суеверию как к чему-то весьма добродетельному, похвальному и неизбежному для женщины, дорожающей своей честью, внушают то же самое своим дочерям еще в самом нежном возрасте, хотя по существу это есть хитрая затея мужчин, придуманная с целью держать своих жен в более строгом повиновении, заставить их быть особенно внимательными во время болезни и отбить у них охоту отравлять своих мужей.

Но обратимся к другой трагедии, при которой, правда, я сам не присутствовал; но я отдаю ей предпочтение по сравнению с теми случаями, очевидцем которых я был, потому что она весьма своеобразна. Я видел так много вещей, которые считал бы невероятным, что ни вы, ни я не должны относиться с недоверием к этому рассказу только потому, что он несколько необычен по своему содержанию. Эта история в Индии пользуется такой известностью, что никто не сомневается, что так именно и было. Возможно, что она дошла уже и до вас в Европе.

У одной женщины была любовная интрига с молодым магометанином; он был ее соседом, по профессии портным и играл на тамбурине. Она отравила своего мужа, надеясь, что молодой человек женится на ней. Сделав это, она поспешила к своему любовнику и рассказала о содеянном. Она настаивала, что им обоим необходимо немедленно бежать, как это первоначально предполагалось, иначе приличие обязывает ее сжечь себя. Молодой человек, который побоялся впутаться в скверную историю, решительно отказался. Тогда женщина, не обнаруживая ни малейшего волнения или изумления, немедленно отправилась к своим родственникам, сообщила им о внезапной смерти мужа, торжественно заявила им, что не желает пережить его, а хочет сжечь себя вместе с ним. Обрадованные таким великодушным намерением и великой честью, которую она тем самым оказывала всему семейству, ее родственники немедленно приготовили яму, наложили туда дров, положили тело на костер и зажгли огонь. Когда эти приготовления были закончены, женщина стала обходить родственников, стоявших вокруг ямы, обнимала их и прощалась с ними. Среди них стоял также и портной, приглашенный вместе с другими музыкантами играть на тамбурине, как этого требует обычай страны. Приблизившись к молодому человеку, эта фурия в образе женщины сделала вид, что хочет попрощаться с ним, как с другими, но вместо того, чтобы нежно обнять его, она схватила его крепко за шиворот, притащила к краю ямы и, бросившись туда вниз головой, увлекла его за собой в пламя, откуда они быстро отправились на тот свет.

Когда я уезжал из Сурата в Персию, я был свидетелем самосожжения другой вдовы. При этом присутствовало несколько англичан, датчан и господин Шарден⁸¹ из Парижа. Вдова была средних лет и недурна собой. Я не берусь дать вам полного представления о том зверином бесстрашии и дикой радости, о полном отсутствии волнения, с которым она расхаживала, подвергалась омовению, разговаривала по очереди то с тем, то с другим; я не берусь описать ее уверенный или, правильнее сказать, совершенно ничего не выражающий взор, который она устремляла на нас и на маленькую кабинку, сложенную из сухой толстой просяной соломы с примесью мелких

дров. Она вошла в эту кабинку, уселась на погребальном костре, положила голову умершего мужа себе на колени, взяла факел и собственными руками зажгла огонь изнутри, в то время как брамины, вооруженные большими кочергами, чтобы мешать дрова (я уж не помню, сколько их было), зажигали костер снаружи со всех сторон. Право, я не в состоянии изобразить всю эту сцену. Мне трудно даже убедить себя в том, что я видел это ужасное зрелище, хотя с тех пор прошло всего несколько дней.

Правда, я бывал также свидетелем того, как некоторые женщины пугались при виде сложенного костра и может быть охотно отказались бы от своего намерения. Но часто это бывает уже поздно. Эти дьяволы-брамины возбуждают их, даже толкают их в огонь. Я присутствовал при том, как молодую женщину, отпрянувшую в пяти-шести шагах от костра, загоняли туда. Другой раз я видел, как женщина забеспокоилась, когда огонь вокруг нее стал разгораться и охватывать ее платье, но палачи своими кочергами несколько раз оттолкнули ее обратно.

Я встречался с одной женщиной, еще не утратившей красоты, которой удалось спастись от них, бросившись под защиту метельщиков улиц, которые собираются в подобных случаях в большом числе, если узнают, что предстоит сожжение молодой и красивой женщины, не имеющей знатных родственников, и что ее будут сопровождать лишь немногие знакомые. Но эти женщины, которых покидает смелость при виде костра и которые спасаются таким образом, не могут рассчитывать на то, что они будут приняты обратно в среду индусов и будут жить с ними. Индусы считают их бесчестными после такого поступка, такого оскорбления религии. Обыкновенно такие женщины обречены стать жертвой этих людей; ими в Индии все гнушаются и им уже нечего терять. Ни один могол не осмелится содействовать спасению женщины, обреченной на сожжение, и не рискнет предоставить ей убежище из опасения навлечь на себя какую-нибудь беду. Только португальцы в морских портах, где на их стороне перевес силы, несколько раз спасали таких женщин. Я неоднократно испытывал такое негодование против этих проклятых браминов, что охотно задушил бы их, если бы только у меня хватило смелости.

Припоминаю, как при мне в Лагоре сожгли очень красивую и совсем молодую женщину, которой, я полагаю, вряд ли было более двенадцати лет. Бедная маленькая женщина была ни жива, ни мертва, когда приблизилась к костру. Она дрожала и горько плакала. Но три или четыре брамина и какая-то старуха, которая держала ее под руку, подталкивали ее вперед, усадили ее на костер, связали ей руки и ноги, чтобы она не могла убежать и не шевелилась, зажгли огонь со всех сторон и в таком положении сожгли ее живьем.

Мне трудно было подавить чувство злобы, но я должен был удовлетвориться ненавистью к этой религии и только мог повторить про себя слова поэта об Ифигении, принесенной в жертву Диане ее собственным отцом Агамемноном, одним из главных вождей греков, сделавшим это в их интересах.

Но я еще не перечислил всего варварства и всех жестокостей браминов. В некоторых частях Индии, вместо того чтобы сжигать женщин, которые отказались пережить своих супругов, брамины зарывают их по горло живыми в землю, потом двое или трое внезапно набрасываются на них, свертывают им шею, окончательно душат их, набрасывают сверху землю из принесенных с собой корзин и утаптывают ее.

Большинство индусов сжигает своих покойников, но некоторые только слегка обжаривают трупы соломой на берегу реки и затем бросают их в воду с высокого и крутого берега. Я несколько раз присутствовал при таком зрелище на берегу Ганга и видел, как стаи ворон летали вокруг трупа, ибо трупы в такой же мере становятся добычей этих птиц, как и добычей рыб и крокодилов. Но этот способ хоронить мне больше нравится.

Некоторые индусы, когда они видят, что больной находится уже при последнем издыхании, приносят его на берег реки. Я несколько раз присутствовал и при таком варварском способе похорон. Сначала они заставляют больного опустить ноги в воду и потом постепенно погружают его до шеи, а когда они предполагают, что он сейчас испустит дух, они сразу погружают все тело в реку и оставляют его там, причем сильно хлопают в ладоши и громко кричат. Делается это, как они говорят, для того

чтобы душа при выходе из тела была омыта от всякой скверны, приставшей к ней при жизни. Так рассуждают не только люди низкого звания,—мне серьезно доказывали то же самое люди, пользовавшиеся репутацией больших ученых.

Из бесконечного множества всякого рода факиров, так называемых нищих, дервишей, монахов, т. е. индусских ханжей, многие живут в своего рода монастырях, находящихся под управлением настоятелей. Там они дают нечто вроде обета целомудрия, бедности, покорности. Жизнь, которую ведут эти люди, так странна, что я сомневаюсь, поверите ли вы моему описанию. Их обычно называют игогами, что означает соединившиеся с богом. Их можно видеть в большом количестве днем и ночью сидящими или лежащими на пепле, притом совершенно обнаженными. Часто они располагаются под большими деревьями у талабов, т. е. водоемов для орошения, или на галлереях, расположенных вокруг деур, т. е. языческих храмов. У некоторых волосы свисают ниже колен, причем они спутаны и всклокочены так, что напоминают шерсть наших пуделей или еще больше волосы у людей, страдающих польской болезнью, которую называют колтуном. Я видел и таких игогов, которые держали одну, а некоторые и обе руки все время вытянутыми вверх над головой; ногти на руках у них были скрючены и длиннее половины моего мизинца, которым я их измерял. Руки у них были так тонки, как бывают у людей, умирающих от истощения, потому что в такой напряженной и неестественной позе они не получают достаточно пищи. Они не могут даже наклониться, для того чтобы взять пищу или питье, потому что сухожилия у них стянуты и суставы засохли и онемели. Им прислуживают молодые послушники, которые относятся к ним с чрезвычайным почтением, как к святым людям. Никакая мегера не может показаться в аду страшнее, чем эти люди, застывшие в позе, которую я уже изобразил: совершенно голые, с черной кожей, с длинными волосами, тонкими-претонкими руками и длинными скрюченными ногтями.

Мне часто приходилось встречать в сельских местностях, преимущественно на территории какого-нибудь раджи, толпы таких голых факиров отвратительного вида.

У некоторых руки были подняты именно так, как я сейчас описал, у других ужасные волосы либо свисали распущенными, либо были связаны и обмотаны вокруг головы. Некоторые держали в руках дубинку, совсем как Геркулес. У некоторых на плечи была наброшена сушеная не обработанная тигровая шкура. Я видел, как они, совершенно голые, бесстыдно шествовали по большому городу, и удивлялся, когда мужчины, женщины и девушки равнодушно глядели на них и выражали не больше волнения, чем вызывают у нас отшельники, идущие по улице. Женщины весьма благочестиво подавали им милостыню, несомненно полагая, что это люди святые, более мудрые и порядочные, чем остальные мужчины.

В Дели я в течение довольно продолжительного времени встречал известного факира по имени Сармет, который разгуливал по улицам совершенно голым. Несмотря на все обещания и угрозы Ауренгзеба, он предпочел, чтобы ему отрубили голову, но ни за что не пожелал согласиться надеть какую-нибудь одежду.

Некоторые из этих факиров предпринимают паломничества в отдаленные места и идут не только совершенно голыми, но еще несут на себе тяжелые железные вериги, вроде цепей, которыми обматывают ноги у слонов. Я видел также факиров, которые, по специальному обету, стояли навтыжку по семь-восемь дней, не присаживаясь, не ложась и только ночью на несколько часов прислонялись к протянутой впереди веревке; ноги у них за это время распухали, так что по толщине не уступали бедрам. Другие целыми часами неподвижно стояли на руках вниз головой и вверх ногами. Я мог бы перечислить еще целый ряд разнообразных поз. Некоторые из них были столь мучительны, что наши фокусники не могли бы проделать то же самое. И все это делалось якобы из набожности, во имя религии, хотя, собственно говоря, в Индии нет и тени религии.

Я должен признаться, вначале все эти странные вещи очень удивляли меня, и я не знал, как к этому отнестись; иногда я склонен был считать факиров основателями или уцелевшими последователями старой школы циников, пользовавшихся такой дурной славой. Но я не находил в них ничего кроме грубости и крайнего невежества, и они про-

изводили на меня впечатление скорее деревьев, передвигающихся с места на место, чем разумных животных. Иногда я думал, что это—люди, доведенные до одурения религией. Но, как я уже сказал, я во всем их поведении не мог заметить даже тени настоящего благочестия. Иногда я начинал думать, что сама эта жизнь, бездельная, ленивая, независимая жизнь нищих, может заключать в себе нечто привлекательное, или что тут действует тщеславие, которое проникает повсюду и которое одинаково легко может скрываться в лохмотьях Диогена и в опрятной одежде Платона; может быть это и была тайная сила, приводившая в действие все эти машины. Но потом, размышляя по поводу нищенской и строгой жизни, которую они ведут, я уже совсем не знал, что и думать.

Говорят, что факиры предаются такому ужасному самоистязанию в надежде, что после перерождения они станут раджами, будут поставлены в более приятные условия жизни, чем теперь. Но я несколько раз задавал себе вопрос, как можно поверить, что человек обрекает себя на такое жалкое существование ради другой жизни, которая будет столь же коротка, как и первая, когда в конечном итоге совсем не такое счастье, даже если удастся родиться раджей или Джессенгом или Джессомсенгом, как называются самые могущественные раджи в Индии. Должно быть здесь скрывается что-нибудь такое, говорил я, что вы от меня утаиваете, или же вы совершенно сумасшедшие люди.

Некоторые из факиров пользуются репутацией настоящих святых, считаются «озаренными», «совершенными» йогами, которые уже подлинно «соединились» с богом. Эти люди совершенно отказались от мира, они ведут уединенный образ жизни в отдаленных садах; подобно отшельникам, и никогда не появляются в городе. Если им приносят пищу, они ее принимают, если не приносят, то говорят, что они обходятся и без нее. Люди верят, что они существуют милостью бога и проводят время в постах и постоянном самоистязании, а в особенности погружаясь в бездну размышлений. Я говорю—погружаясь в бездну, ибо они доводят себя до такого состояния, что целыми часами пребывают в экстазе, утрачивают всякое представление о внешнем мире и даже—это было бы удивительно,

если бы было правдой,—видят самого бога, который является в образе света, очень белого и яркого и неизъяснимого. Они испытывают при этом столь «неизъяснимый» восторг и удовлетворение, соединяемое с презрением ко всему земному. Так по крайней мере говорил мне один из них, утверждавший, что он может входить в такой экстаз и уже несколько раз пребывал в таком состоянии. Так говорят и те, кто имеет с ними дело; они столь настойчиво утверждают это, что видимо вполне не верят этому и не подозревают здесь обмана. Одному богу известно, что здесь правда. Возможно, что воображение, расстроенное пребыванием в одиночестве и постами, может довести до таких иллюзий, или что это нечто вроде тех натуральных экстазов, в которые по желанию мог впадать Кардан, как он это рассказывает, тем более, что, как мне известно, факиры прибегают к некоторым хитростям и следуют известным правилам, для того чтобы постепенно чувства переставали у них действовать. Так например они говорят, что, просидев в течение нескольких дней на хлебе и воде, следует затем уединиться, устремить на некоторое время глаза вверх и сидеть неподвижно, затем начать постепенно опускать их и направить свои взоры так, чтобы оба глаза одновременно глядели на кончик носа и равномерно видели обе его стороны, что довольно трудно. В такой напряженной позе, внимательно глядя на кончик носа, нужно сидеть, пока не снизойдет озарение. Во всяком случае мне известно, что такое состояние экстаза и способы проникаться им составляют великую тайну секты иогов, так же как и секты суфитов. Я называю это тайной, ибо они держат все это в секрете, и я бы не сумел разузнать так много, если бы мне в этом не помог пандит, или индусский ученый, которого Данешменд-хан держал у себя на службе и который не смел ничего скрыть от него; к тому же мой Данешменд-хан был знаком с тайнами секты суфитов. Я уверен также, что крайняя бедность, длинные посты и самоистязание до известной степени объясняют такое состояние. Наши монахи и отшельники не должны думать, что в этих делах они превосходят иогов или вообще азиатских монахов. Свидетельством могут служить посты у армян, коптов, греков, несторианцев, якобитов, маро-

нитов; по сравнению с этими людьми наши европейские монахи покажутся послушниками, хотя надо признаться (это я испытал на себе), что муки голода в Индии не так чувствительны, как в нашем более холодном климате.

Среди факиров встречаются также и совершенно не похожие на только что описанных. Это тоже весьма странные люди. Они почти все время путешествуют, решительно ко всему относятся с пренебрежением и живут, ни о чем не заботясь. Они держат себя таинственно. Народ воображает, что они владеют искусством делать золото и умеют так изумительно готовить ртуть, что достаточно принимать каждое утро по одному или по два зернышка этой ртути, чтобы вернуть здоровье больному телу и так укрепить желудок, что он будет хорошо переваривать пищу, и у человека появится невероятный аппетит. Но это еще не все. Когда встретишь двух таких замечательных игогов и удастся вызвать их на соревнование, то они, стараясь перещеголять друг друга, показывают такие фокусы, что вряд ли даже сам Симон-волхв сумел бы их превзойти. Они угадывают, что вы думаете, заставляют ветви деревьев распускаться и давать плоды в течение одного часа; меньше чем за пятнадцать минут они высидивают яйца у себя за пазухой, причем у них вылупливается любая птица и летает по комнате; и кроме того они будто бы могут делать еще много разных других чудес. Не знаю, сколько правды в этих рассказах, но помню, что однажды мой ага послал за одним из таких знаменитых предсказателей и пообещал триста рупий (около ста пятидесяти экю), если он скажет ему (а тот говорил, что он может это сделать), что ага думает. При этом ага обещал предварительно в его присутствии записать свою мысль. Я, со своей стороны, обещал дать ему двадцать пять рупий, если он скажет, что я думаю. Но пророк не сдержал своего слова. Другой раз меня постигло разочарование в обществе одного из этих специалистов по высидиванию яиц, которому я обещал двадцать рупий. Как видите, я еще не убедился в правдивости этих рассказов. Несмотря на все мое любопытство, мне ни разу не удалось оказаться в числе тех счастливых, которым удается это видеть, и если даже мне случалось присутствовать при действиях, которые

вызывали изумление зрителей, то я обыкновенно расспрашивал, нет ли тут какого-нибудь обмана, хитрости или ловкости рук, и несколько раз я,—не знаю, к несчастью или к счастью,—раскрывал надувательство. Так например я поймал человека, который заставлял кататься по столу чашку, чтобы узнать, кто украл деньги у моего ага. Но иногда встречаются факиры, которые производят совсем иное впечатление, чем те, о которых я только что говорил. Их жизнь и благочестие носят более приятный и благопристойный характер. Они ходят по улицам босиком, с обнаженными головами, повязанные шарфом, который спускается до колен, и набрасывают на себя белое покрывало, которое перекинута через левое плечо в виде мантии и продернуто под правую руку. Но при этом они не носят никакого исподнего платья. Эти люди всегда бывают хорошо вымыты и вообще имеют вполне чистоплотный вид. Обыкновенно они ходят вдвоем и держат себя очень скромно. В одной руке у них маленький красивый глиняный горшок на трех ножках с двумя ручками. Они не ходят просить милостыню из одной лавки в другую, как это делают многие другие факиры, а свободно входят в дома индусов, где их радушно встречают и оказывают им гостеприимство, потому что их присутствие рассматривается как счастье для дома. Боже упаси того, кто посмеет обвинять их в каком-нибудь проступке, хотя все знают, какие дела часто происходят между этими посетителями и женами в тех домах, где они бывают. Но таков уже местный обычай: невзирая ни на что, их продолжают считать святыми, и дом, который они посетили, не считает себя обесчещенным. Но не это останавливает мое внимание. Мы знаем, что на свете найдется немало других стран, где на подобные дела смотрят не так строго. Но что действительно смешно, так это то, что они имеют дерзость сравнивать себя с нашими монахами, которых они видят в Индии. Я иногда забавлялся тем, как они попадали впросак: я обращался к ним с большими церемониями и внешне выказывал им глубочайшее уважение, и тогда тотчас же один говорил другому: «Этот франги знает, кто мы такие. Он уже давно живет в Индии, он знает, что мы падре индусов».—«Недурное сравнение,—думал я про себя.—Какие наглые языческие

каналъ!» Но я слишком много времени уделил этим ничим. Перейдем теперь к их религиозным и научным книгам. Ознакомившись с ними, вы сможете сами судить, следует ли, как я это полагаю, признать нелепостью большую часть того, о чем я сейчас расскажу.

Прежде всего не удивляйтесь, если, несмотря на незнание санскрита (это язык ученых, о которых я еще буду говорить, и может быть даже язык древних браминов), я все-таки буду много рассказывать о книгах, написанных на этом языке. Дело в том, что мой ага Данешменд-хан, отчасти по моей просьбе, а отчасти по собственному любопытству, пригласил к себе на службу одного из наиболее знаменитых пандитов в Индии, который раньше состоял на жалованьи у Дары, старшего сына Шах-Джехана. Этот пандит не только постоянно находился в моем обществе в течение трех лет, но кроме того он ввел к нам в дом других ученых пандитов. Когда я уставал объяснять моему ага последние открытия Гарвея и Пеке в анатомии или обсуждать с ним философию Гассенди и Декарта, которую я переводил ему на персидский язык (это было моим главным занятием в течение пяти или шести лет), мы обыкновенно обращались к нашему пандиту, и тогда наступал его черед излагать нам свою премудрость и рассказывать нам свои сказки. Он это делал с невероятной важностью и без единой улыбки, и в конце концов нам надоедали его разглагольствования.

Индусы утверждают, что бог, которого они называют Ашар, т. е. «неподвижный», «неизменный», послал им четыре книги, которые у них именуются ведами, что означает наука, ибо они убеждены, что в этих книгах заключено все знание. Первая из этих книг называется Атарва-веда, вторая—Ягур-веда, третья—Рид-веда, а четвертая—Сама-веда. Эти книги предписывают, чтобы весь народ (как это и есть на самом деле) был разделен на четыре племени: браминов, или истолкователей законов, кшатриев, или воинов, вайска, или торговцев, которые обычно называются банья, и наконец судра, или ремесленников и землевладельцев. Этим четырем кастам не разрешается заключать браки между собой; например брамины не могут брать жен из касты кшатриев, и такое же запрещение существует для остальных каст⁸².

Индусы верят в учение, похожее на учение пифагорейцев относительно переселения душ, и считают недопустимым убивать или есть животных. Исключение делается для некоторых представителей второй касты, только требуется, чтобы мясо, которое они едят, не было мясом коровы или павлина. К этим животным все индусы испытывают чрезвычайное почтение, особенно к корове, так как воображают, что, держась за коровий хвост, им предстоит перейти какую-то реку, отделяющую их нынешнюю жизнь от будущей. Возможно, что их древние законодатели видели, как в Египте пастухи таким образом переходят через реку Нил, держа в левой руке хвост буйвола или быка, а в правой—палку, для того чтобы править животными. Или же,—что еще более правдоподобно,—они потому проникались таким почтением к корове, что она доставляет молоко и масло, т. е. значительную часть их пищи, и является главной опорой земледельческого хозяйства, а следовательно и всей жизни. К тому же в Индии, в отличие от наших стран, земля не может прокормить большое количество скота. Если бы в Индии пускали на убой половину того количества, которое идет на убой во Франции и Англии, то страна скоро совсем лишилась бы скота и нельзя было бы возделывать землю. Жара так сильна в Индии и почва так высушивается за восемь месяцев в году, что быки и коровы часто подыхают с голоду и едят всякую мерзость на полях, совсем как свиньи. Недостаток скота побудил Джахан-Гира издать, по просьбе браминов, указ, запрещающий убой скота в течение нескольких лет. А еще недавно брамины представили такое же ходатайство Ауренгзебу и предлагали ему значительную сумму денег, если он согласится повторить подобный запрет. Они указывали, что заброшенность многих земель в стране за последние пятьдесят или шестьдесят лет объясняется тем, что быков и коров стало мало и что они дороги.

Возможно также, что первые законодатели в Индии принимали во внимание и то обстоятельство, что мясо коров и быков в Индии не очень вкусно и не очень здорово, за исключением непродолжительного зимнего времени, когда бывает холодно. Или может быть они хотели отвратить людей от жестокости, к которой они чрезмерно склонны, и для этого правилами религии обязали их чело-

вечно обращаться даже с животными и внушили им убеждение, что если человек убивает и ест животных, то он рискует убить и съесть какого-нибудь своего предка, а это ужасное преступление.

Веды обязывают всякого индуса произносить молитвы, повернувшись лицом к востоку, по крайней мере три раза в день: утром, в полдень и с наступлением ночи. Предписывается также делать это перед едой. При этом внушается, что лучше совершать омовение и произносить молитвы в проточной воде, чем в стоячей. Возможно, что здесь законодатели считались с потребностями, вызываемыми местным климатом, ибо в Индии все время хочется мыться и купаться, но индусам трудно следовать этим правилам, когда они попадают в холодные страны. Я встречал во время своих путешествий людей, подвергавших себя несомненной опасности строгим исполнением этого закона. Люди окунались в реки или бассейны, где только могли, а если таковых не оказывалось поблизости, то окатывали себя водой из ведер. Я указывал им, что правила их религии нельзя соблюдать в холодном климате во время зимы, а это доказывает, что их религия—простая человеческая выдумка. Их ответ был довольно забавен. Они не утверждали, что их закон применим повсюду: бог дал его только им, и поэтому они не могут допускать перехода иностранцев в свою веру. Они даже не говорят, что наша религия ложна. Она может быть хороша для нас, и бог мог указать много разных путей, для того чтобы попасть на небо, но они не хотят и слышать о том, что наша вера предназначается для всего земного шара, а что их вера—чистейшая выдумка.

Те же веды учат, что бог, решив создать мир, не сразу привел в исполнение свое намерение, а сначала сотворил три совершеннейших существа: одно было Брама, что означает «проникающий повсюду», другое был Вишна, т. е. «существующий во всем», и третье—Мегадева, т. е. «могущественный властелин». При помощи Браммы он создал мир, при помощи Вишны он поддерживает его существование, а при помощи Мегадева он собирается уничтожить его. Брама по распоряжению бога опубликовал четыре веды, и поэтому он в некоторых храмах изображается с четырьмя головами.

Говоря об этих трех существах, отмечу, что я встречал европейских миссионеров, которые полагали, что у индусов есть некоторое представление о таинстве троицы; они утверждали, что веды определенно указывают, что три существа, хотя и в трех лицах, являются одним и тем же богом. Мне лично приходилось довольно много беседовать на этот счет с пандитами, но они выражаются так туманно, что я никогда не мог понять, что они хотят сказать. Некоторые из них говорили, что эти существа действительно три вполне совершенных создания, которых они называют деута, причем они однако не могли толком объяснить, что они понимают под этим наименованием. Точно так же наши древние язычники, по-моему, никогда не могли объяснить, что должны означать такие названия, как «гений» и «нумина». По всей вероятности это означало то же самое, что деута у индусов. Но другие пандиты, известные своей ученостью, говорили мне, что эти три существа суть один и тот же бог, только рассматриваемый под тремя различными видами, как творец, хранитель и разрушитель всего существующего; но они ничего не говорили о трех лицах в одном божестве.

Я был знаком с достопочтенным патером Роа, иезуитом, родом из Германии, который был миссионером в Агре; где он сделал большие успехи в изучении санскрита. Он уверял меня, что книги язычников не только указывают, что существует единый бог в трех лицах, но что второе лицо их троицы воплощалось уже девять раз. Дабы не подумали, что я намерен приписывать себе чужие произведения, я передаю слово в слово то, что мне удалось узнать от отца кармелита в Ширазе, когда отец Роа проезжал через Шираз, направляясь в Рим. В Ширазе индусы считают, что второй лик троицы воплощался девять раз вследствие различных бедствий мира, от которых он избавлял человечество. Восьмое воплощение было самое замечательное, потому что тогда мир был захвачен гигантами и был освобожден вторым ликом, принявшим облик человеческий и рожденным девою в полночь, причем ангелы пели, а с небес всю ночь дождем падали цветы. Это до известной степени уже отдает христианством.

Но тут опять начинается сказка. К только что сказанному добавлялось, что этот воплотившийся бог начал с то-

го, что убил гиганта; но тот поднялся на воздух и оказался таким огромным, что затмил солнце. От падения гиганта вся земля задрожала, а своей тяжестью он так ее пробил, что сразу упал в ад. Воплощенное божество, получившее в борьбе с гигантом рану в бок, тоже упало, но его падение обратило врагов в бегство. Божество поднялось и, освободив мир, вознеслось на небо, а за свою рану его обыкновенно называют «раненый в бок».

Десятое воплощение, говорят индусы, будет иметь целью освобождение человечества от тирании магометан и произойдет тогда, когда, по нашим вычислениям, должен появиться антихрист. Но это только народное поверие, его нет в их священных книгах. Они говорят также, что третье лицо троицы показало себя миру. О нем рассказывают следующее. Дочь некоего царя, достигнув зрелости, должна была, по желанию отца, сказать, за кого она хочет выйти замуж. Когда она ответила, что не желает соединиться ни с кем кроме божественного существа, то в тот же миг к царю в виде огня явился третий лик троицы. Царь немедленно указал на это дочери, и она не колеблясь согласилась на брак. Сей лик троицы, оставаясь еще в виде огня, был приглашен на совет к царю. Видя, что советники царя противятся этому браку, он прежде всего поджег им бороды, а потом сжег их вместе со всем царским домом, после чего женился на принцессе. Неправда ли, забавно?

Что касается второго лица, то индусы говорят, что первое его воплощение было львом, второе—свиньей, третье—индюшкой, четвертое—змеей, пятое—карликом-брамином, всего лишь с локоть ростом, шестое—чудовищем, человеком-львом, а седьмое—драконом, о восьмом мы уже говорили; в девятом воплощении оно было обезьяной, а в десятом—явится всадником. Я несколько не сомневаюсь, что отец Роа позаимствовал свои знания из книг индусов и что то, что он мне рассказал, составляет основу их мифологии. Я много написал об этом в своих воспоминаниях и даже зарисовал фигуры некоторых богов, или идолов, находящихся в их храмах, и обучился санскритской азбуке. Но по возвращении на родину я увидел, что все, мною написанное, или по крайней мере лучшее, что там было, имеется в книге «Иллюстрированный Китай» отца

Киркера, который свои сведения получил от того же отца Роа, будучи в Риме. Я полагаю, что будет достаточно, если я укажу вам эту книгу. Но я должен заметить, что слово «воплощение», употребляемое почтенным отцом, было для меня ново: я никогда не слышал, чтобы оно употреблялось в таком, именно прямом смысле.

Некоторые пандиты объясняли мне свою доктрину следующим образом: сначала бог явился в образах, которые здесь упоминались, и в этих образах совершил все чудеса, о которых они рассказывают. Другие пандиты объясняли мне это иначе: душа некоторых великих людей, мы бы сказали героев, переходила в разные тела, о которых мы здесь говорили, и эти герои стали деута, или, употребляя выражение древних язычников, они стали могущественными божествами («numina», «genii», «demones») или, если хотите, стали духами и феями, потому что я не знаю, какое другое значение может иметь слово деута. Но это второе объяснение пандитов в сущности говорит почти то же самое, что и первое, поскольку большинство индусов верит, что их души составляют часть или малые частицы божества.

Другие пандиты давали мне более утонченное объяснение. Они говорили, что воплощения или явления, упоминаемые в их книгах, следует понимать не буквально, а мистически: они означают различные атрибуты божества. Некоторые из них, особенно ученые, открыто признавали, что нельзя себе представить большего вымысла, чем все эти воплощения, и что это только придумано законодателями, для того чтобы заставить народ соблюдать какую-нибудь религию. Если бы даже утверждали, что наши души являются частицами божества, имея в виду основу, которая является для них общей, то здравая философия должна была бы высмеять такое учение, а не создавать из него религиозное таинство. Ведь если в отношении наших душ мы—боги, то следовательно мы сами себе предписали религиозные культы, учение о переселении душ, о рае и аде,—а это просто смешно.

Не меньше, чем почтенным патерам Киркери и Роа, я обязан господам Генри Лору и Абрагаму Роджеру. Я собрал большое количество сведений относительно язычников, которые потом нашел в книгах, написанных этими

господами, но я только с большим трудом сумел бы привести их в такую систему, как это сделали они. Поэтому я не буду говорить подробно о науке индусов, а сделаю это только в самых общих чертах, не в систематическом порядке, как вы могли бы этого от меня ожидать, а так, как я сам знакомился с этими вещами и как они очевидно изложены в их книгах, т. е. отрывочно и бессвязно.

Город Бенарес, красиво расположенный на реке Ганге, в чрезвычайно живописной и благодатной местности, можно считать главной школой индусов. Это—Афины Индии, куда направляются брамины и монахи, которые занимаются науками. В городе нет учебных заведений и строго заведенных курсов, как в наших университетах. Здесь все скорее похоже на школы у древних. Учителя живут в разных частях города в частных домах, главным образом в пригородных садах, где им дают приют богатые купцы. У некоторых из этих учителей по четыре ученика, у других по шесть, по семь, а у самых выдающихся бывает от двенадцати до пятнадцати; но это уже максимум. Ученики остаются у своих преподавателей десять—двенадцать лет, и в течение этого времени обучение идет с прохладцей, потому что индийцы большей частью медлительны и ленивы, что в значительной степени объясняется характером их пищи и господствующей здесь жарой. Их не побуждают к труду то скромное соревнование, которое вдохновляет нас, и надежда создать себе положение. Они занимаются не спеша и не очень себя утруждая и кушают свое кичери, т. е. блюдо из разной зелени, которое доставляют им богатые местные купцы.

Первое, чему их обучают, это—санскрит, язык, который знают одни только пандиты и который совершенно не похож на разговорный язык в Индии. Патер Киркер опубликовал азбуку санскрита, полученную им от патера Роа. Самое название санскрит означает «чистый язык»; так как индусы полагают, что четыре священные книги—веды, данные им богом через посредство Брами, были написаны на санскрите, то они называют его священным и божественным языком. Они утверждают, что санскрит так же древен, как сам Брама, возраст которого они исчислят леками, т. е. сотнями тысяч лет. Я не могу поверить в столь удивительную древность, однако нельзя отрицать,

что язык действительно чрезвычайно древен, так как их религиозные книги, которые несомненно древнего происхождения, написаны на санскрите. На этом языке имеются также произведения по философии и медицине, написанные в стихах, а кроме того целый ряд других книг, которыми, как я сам видел, заполнен большой зал в Бенаресе.

После изучения санскрита, что дается с большим трудом, потому что не существует хорошей грамматики, они обыкновенно изучают пураны, которые являются сокращенным изданием вед с комментариями. Сами веды огромного размера, по крайней мере если это те, которые мне показывали в Бенаресе. Они представляют собой такую редкость, что моему ага, несмотря на все его старания, так и не удалось приобрести их. Индусы тщательно скрывают их, для того чтобы они не попали в руки магометан и не были сожжены, как это делалось не раз. После пуран некоторые начинают заниматься философией, в которой они несомненно делают очень мало успехов. Я уже указывал, что они медлительны и ленивы и не вдохновляются надеждой создать себе положение научными трудами.

Среди индусских философов, пользовавшихся известностью, особенную славу приобрели шесть человек. Они являлись родоначальниками шести различных сект. У каждой есть свои сторонники, и это вызывает разногласия и даже столкновения между пандитами, ибо один принадлежит к одной секте, другой к другой, и каждый утверждает, что его секта лучше и наиболее соответствует ведам. Возникла еще и седьмая секта, именуемая Ботэ которая в свою очередь породила двенадцать ¹ других сект, но она не так распространена, как остальные. Ее последователей презирают и ненавидят, считают неверующими и безбожниками, и они живут обособленной жизнью.

Все священные книги индусов говорят о начале всех начал, но все по-разному. Некоторые утверждают, что все состоит из маленьких тел, которые неделимы, но не потому, что они очень тверды и не поддаются делению, а потому, что они малы. В связи с этим они высказывают мнения, которые имеют сходство с теориями Демокрита и Эпи-

¹ Бернье имеет здесь в виду буддизм.—Прим. пер.

кура, но делают это так бессистемно и неясно, что трудно добраться до смысла их учения. Все это производит впечатление отрывочных, плохо согласованных между собой и недостаточно продуманных мыслей.

Но так как их самые знаменитые пандиты производят на меня впечатление людей крайне невежественных и так как я сам не читал их книг, то у меня еще остается сомнение, не виноваты ли здесь больше пандиты, чем авторы этих книг.

Другие говорят, что все состоит из материи и формы. Но никто из этих ученых ясно не объясняет, что такое материя, а тем более форма.

Однако, насколько я разобрал, они эти термины понимают иначе, чем это делаем мы в наших школах, когда выводим форму из силы материи. Дело в том, что они всегда берут в качестве примера искусственный предмет: например посуду из мягкой глины, которой горшечник вращением придает ту или иную форму.

Некоторые считают, что все состоит из четырех элементов и кроме того из ничего. Но они совершенно не объясняют, как соединены элементы и как происходит их превращение. Что касается ничего, которое приблизительно означает то же самое, что наше отрицание, то, по их учению, оно может иметь я уже не знаю сколько видов. Но мне кажется, что они сами не понимают этого и не могут объяснить другим.

Некоторые утверждают, что основными началами являются свет и тьма. В пользу этого мнения они приводят тысячи нелепых и запутанных указаний, пускаются в разглагольствования, от которых и не пахнет философией, но зато сильно отдает рассуждениями людей невежественных.

Есть еще и другие, которые признают отрицание как принцип или, вернее, разные виды отрицания. Они и дают длинный перечень этих видов, но все это так бесполезно, носит столь мало философский характер, что я с трудом могу поверить, что это действительно содержится в их книгах и что их авторы могли забавляться такими пустяками. Некоторые наконец утверждают, что все является результатом случайных обстоятельств, и дают длинное и скучное подразделение этих обстоятельств, от которого так и несет невежеством и пустословием. Поскольку они за-

трагивают эти принципы в общей форме, они все сходятся на том, что эти принципы вечны. Творение из ничего повидимому не приходило им в голову, так же как и многим древним философам. Но они однако утверждают, что имеется один мудрец, который что-то говорил в этом роде.

По медицине у них много маленьких книжечек, которые представляют собой скорее сборники рецептов, чем настоящие сочинения. Самый старый и пользующийся наибольшим авторитетом написан в стихах. Здесь попутно я хочу заметить, что их практические приемы существенным образом отличаются от наших и основаны на следующих принципах: при лихорадке пациенту не следует давать много есть; главным лекарством при болезнях является воздержание; для больного нет ничего вреднее мясного бульона, потому что он скорее всего другого портится в желудке больного, страдающего лихорадкой; пускать кровь следует только в экстренных случаях, когда необходимость в этом вполне очевидна, так например, когда уже имеется налицо воспаление мозга, воспаление грудной клетки, печени или почек.

Лучше ли эти способы лечения, чем наши,—пусть решают у нас ученые врачи. Я вижу, что здесь они применяются успешно и что врачи Могола и магометан, следующие правилам Авиценны и Аверроэса, применяют эти способы совершенно так же, как и индусы, особенно относительно воздержания от мясного супа. Правда, моголы более склонны применять кровопускание, чем индусы, в тех случаях, когда они опасаются только что упомянутых воспалений. Они обычно спускают кровь раз или два, но не так осторожно, как это делают современные врачи в Гоа и Париже, а весьма обильно, подобно тому как это делали древние. Они берут восемнадцать—двадцать унций крови, иногда даже доводя больного до обморока. Но таким образом они часто обрывают болезнь в самом начале, как это советует Гален. Я сам был тому свидетелем несколько раз.

В анатомии индусы, можно сказать, ничего не смыслят. Они говорят здесь недопустимые вещи, и этому не приходится удивляться, так как они невежественны. Они никогда не вскрывают трупов людей или животных; это внушает им такой ужас, что когда я вскрывал живую козу

или овцу, для того чтобы объяснить моему ага кровообращение и показать ему сосуды, открытые Пеке, по которым в правый желудочек сердца проходит млечный сок, то обитатели нашего дома каждый раз убегали в ужасе. Но несмотря на это, они утверждают, что в человеческом теле имеется пять тысяч вен, не больше и не меньше; можно подумать, что они тщательно подсчитали их.

В астрономии индусы имеют свои таблицы, по которым они предсказывают затмения, может быть не с такой точностью, как европейские астрономы, но все же довольно точно. Но это не мешает им рассуждать о затмениях луны так же, как они рассуждают о затмениях солнца. Они утверждают, что затмение луны вызывается черным, грозным и злобным деута по имени Рач, который овладевает луной и загаживает ее. Они также верят—и все на том же основании,—что луна стоит выше солнца на четыреста тысяч кос, т. е. более чем на пятьдесят тысяч лье; что она светит собственным светом и что мы получаем от нее жизненную жидкость, которая оседает главным образом в мозгу и оттуда проходит во все части тела, что позволяет им выполнять свои функции. Они верят также, что солнце, луна и все звезды являются божествами, деутами, что ночная тьма вызывается тем, что солнце уходит за Сомеру, фантастическую гору, которая находится в центре земли и имеет форму в виде сахарной головы, поставленной острием вниз. Вышиной гора я уже не помню во сколько лье. Поэтому мы пользуемся светом только, когда солнце выходит из-за этой горы.

В географии они преуспели ровно столько же: они верят, что мир имеет плоскую трехугольную форму, что он состоит из семи рядов, не одинаковых по красоте, совершенству и населению; каждый из них окружен морем: одно море из молока, другое—из сахара, третье—из масла, четвертое—из вина и т. д. Таким образом море и земля перемежаются, пока вы не приходите к седьмому ряду, считая их от подножья горы Сомеры, которая стоит в центре. Первый ряд, который ближе всех к Сомере, заселен деутами, обладающими высшим совершенством. Во втором — тоже живут деуты, но они уже менее совершенны, дальше население становится еще менее совершенным, а в седьмом,—который является нашей землей, живут

люди и они уже бесконечно менее совершенны, чем какие-либо деуты. И наконец вся эта масса опирается на головы нескольких слонов, и если они начинают двигаться, то это вызывает землетрясение.

Слушая эти наглые выдумки, я часто про себя думал, что если прославленная наука древних браминов Индии состояла в этом, то многие несомненно были введены в заблуждение, когда составили себе высокое мнение о ней. Мне было трудно самого себя убедить в этом, если бы я не принимал в соображение того обстоятельства, что религия индусов существует с незапамятных времен, что она изложена на санскрите, который видимо—очень древний язык, ибо не известно, откуда он берет начало, что он уже давно стал мертвым языком, который понимают только ученые, и что у него есть свои поэтические достоинства, и что все их научные книги написаны на этом языке. Я хочу теперь только сказать два слова о поклонении идолам.

Когда я спустился вниз по Гангу и проезжал через Бенарес, знаменитую школу всех индусов, я посетил главного пандита, который обычно проживает в этом городе. Он—факир, так славящийся своей ученостью, что Шах-Джехан, отчасти поэтому, а отчасти для того, чтобы угодить раджам, назначил ему пенсию около двух тысяч рупий, что составляет около тысячи экю. Это был полный, очень хорошо сложенный человек, на которого было приятно смотреть. Все его одеяние состояло из белого шелкового шарфа, повязанного вокруг бедер и свисавшего ниже колен, и еще из другого, довольно широкого шарфа из красного шелка, который он носит, как маленькую мантию, на плечах. Я несколько раз видел его в этом наряде в Дели перед государем, на собрании эмиров, а также встречал его на улице, когда шел пешком или ехал в палека. Кроме того я видел его и несколько раз с ним беседовал у моего ага, которого он часто посещал в течение целого года: он ухаживал за ним в надежде, что тот поможет ему снова получить пенсию, которой Ауренгзеб, после восшествия на престол, лишил его, желая показать себя верным мусульманином. Когда я посетил его в Бенаресе, он был очень любезен и внимателен, пригласил меня на ужин в университетскую библиотеку, куда он созвал также шесть самых

ученых пандитов города. Очутившись в такой хорошей компании, я решил выяснить их мнение относительно почитания идолов. Я сказал, что уезжаю из Индии совершенно возмущенный этим. Я упрекнул их в том, что такое поклонение противно здравому смыслу и совершенно не достойно таких ученых, как они. И вот каков был результат этого собеседования.

В наших храмах, сказали они, действительно имеется много различных изображений Браммы, Мегадевы, Гениша, Гавани, которые являются главными и наиболее совершенными деута; кроме того мы имеем много других, почитающихся менее совершенными. Всем этим изображениям мы воздаем чрезвычайные почести, падаем перед ними ниц и преподносим им со всякими церемониями цветы, рис, санталовое и шафрановое масло и другие подобные вещи. Но мы не верим, что эти статуи и есть сам Будда или Вишна. Это только их изображения. Мы поклоняемся им только из уважения к божеству, которое они представляют, но когда мы молимся, мы молимся не статуе, а божеству, которое она изображает. Изображения допускаются в наших храмах потому, что молитва более проникновенна, если перед глазами имеется что-нибудь такое, на чем можно сосредоточить свой ум. Но в сущности мы признаем, что только бог один абсолютен и что только он один всемогущ.

Я ничего не прибавил и не убавил из ответа, который мне дали пандиты, но, по правде говоря, мне показалось, что он был уж слишком старательно приспособлен к христианскому учению.

Другие ученые пандиты говорили мне совсем не то. Тогда я перевел беседу на вопрос хронологии. Они старались показать мне, что существует древность более глубокая, чем та, которую мы знаем. Они не утверждают, что мир вечен, но, по их мнению, он так стар, что это уже равносильно вечности. Они говорят, что существование его надо исчислять четырьмя дугами. Дуг охватывает известное количество лет, вроде нашего века, но с той разницей, что век содержит в себе всего сто лет, а их дуг — сто леков лет, т. е. сто раз сто тысяч лет. Я уже в точности не помню, сколько лет считалось в каждом дуге. Но я знаю, что первый, именуемый сати-юга, заключал в себе

период в двадцать пять леков; второй, именовавшийся-трига, продолжался около двенадцати леков; третий, называвшийся двапара, длился, если не ошибаюсь, восемь леков и сорок шесть тысяч лет; четвертый, кави-дуга, будет продолжаться я уже не помню сколько леков. Они говорят, что первые три дуга и значительная часть четвертого уже прошли, и мир уже не будет существовать столько времени, сколько он просуществовал, потому что в конце четвертого дуга он должен погибнуть, и тогда все вернется к своему началу. Я заставил их несколько раз считать и пересчитывать, чтобы установить подлинный возраст мира, но, видя, что это слишком затрудняет их и что они расходятся во мнениях даже относительно числа леков, я удовлетворился тем, что мир, по их мнению, обладает удивительной древностью. Но попробуйте начать их расспрашивать об этой древности, и они будут вам рассказывать пустые сказки и кончат заверением, что так сказано в ведах, или в книгах законов, которые даны им через посредство Брамь.

Потом я стал выпытывать у них, какова природа их деута. Но объяснения их были очень путаные. Они говорили, что деуты бывают трех видов: хорошие, дурные и безразличные, т. е. не хорошие и не плохие. Одни утверждали, что деуты—огонь, другие,—что они свет, а многие полагали, что они биапек. Я не мог добиться ясного объяснения, что значит биапек. Они только утверждали, что бог—биапек, и что наша душа—биапек, и что все, что биапек, то не подлежит порче и не зависит от времени и места. Существуют пандиты, утверждающие, что деуты—это только частицы божества. Наконец другие рассматривают их как самостоятельные божества, рассеянные по всему миру.

Помню также, что я спросил их о природе ленге-чере, существование которого допускают некоторые из их авторов. Но я не мог из них выудить больше того, что я уже узнал от нашего пандита, а именно, что семена растений, деревьев и животных не образуются заново, что они существуют разбросанные повсюду и везде с момента сотворения мира и что они не только в потенции, как это говорится, но и в реальности суть растения, деревья и животные, вполне совершенные, но столь малого размера, что их отдельные части становятся видимыми только,

когда они попадают на надлежащее место и там получают питание, развиваются и растут. Таким образом семя яблони и груши есть ленге-черире, т. е. маленькая яблоня или груша, совершенная во всех своих существенных частях, а семя лошади, слона, человека тоже есть ленге-черире—маленькая лошадь, маленький слон и маленький человек, которым нужна только душа и пища, для того чтобы приобрести надлежащую видимую форму.

В заключение я объясню вам мистическое учение одной большой секты, которая за последнее время наделала немало шума в Индостане, тем более что некоторые пандиты внушили это учение Даре и Султан-Судже, старшим сыновьям Шах-Джехана.

Вы несомненно знакомы с учением многих древних философов о великой мировой душе, частицами которой, по их утверждению, являются наши души и души животных. Если глубоко вдумаемся в Платона и Аристотеля, то может быть найдем, что они увлекались этим учением. Оно разделяется почти всеми пандитами Индии, а также современной сектой суфитов и значительной частью ученых в Персии. А в персидской поэзии оно очень выразительно изложено в Гульшенраз, или «цветнике таинств». Это мнение разделял также Флуд, которого с такой ученостью опроверг наш великий Гассенди. Оно сбило также с толку большинство наших химиков.

Но индусские пандиты заходят в этом дерзком учении дальше, чем все упомянутые философы, и утверждают, что бог, или высшее существо, которое они называют Ахар (неподвижный, неизменный), создал или извлек из собственной субстанции не только души, но все, что есть материального, телесного во вселенной, и что это сотворение было сделано не просто в том смысле, что бог являлся действенной причиной, но что он это сделал, как паук, который производит паутину из своего пупка, и когда ему захочется, собирает ее обратно.

Эти мнимые ученые говорят: творение есть не что иное, как выделение или расширение личной субстанции бога, тех сетей, которые он извлекает как бы из собственных внутренностей, и точно так же разрушение есть только отозвание назад божественной субстанции, этих божественных сетей. Таким образом последний день мира, кото-

рый они называют маперле или пралеа и в который, по их поверию, все будет уничтожено, означает общее всасывание всех этих сетей, которые бог вымотал из себя. Поэтому, говорят они, не существует ничего реального, или действительного, во всем, что мы видим, слышим, обоняем или осязаем. Весь мир—не что иное, как иллюзия, нечто вроде сна, ибо все разнообразие, которое воспринимается нашими чувствами, есть по существу одно и то же—есть сам бог; точно так же все разнообразные числа—десять, двадцать, сто, тысяча и т. д.—означают лишь повторение одной и той же единицы.

Но попробуйте попросить их привести какие-нибудь доводы в пользу этой выдумки. Попробуйте попросить их объяснить, как совершается это выматывание или обратное наматывание субстанции, или потребовать у них объяснения этого видимого разнообразия; спросите у них, каким образом возможно, что бог, будучи не телесным, а биапек, как они утверждают, и нетленным, может быть разделен на такое множество частиц и душ. На это они вам ответят только красивыми сравнениями: бог—огромный океан, в котором движется множество сосудов, наполненных водой; куда бы ни плыли эти сосуды, они всегда останутся в том же океане, в той же воде, и если они сломаются, то вода, которую они содержат, немедленно сольется с океаном, которого они были только частицами. Или они вам скажут, что бог—это, как свет, который всюду один и тот же, но придает самый разнообразный вид предметам, на которые он попадает, в зависимости от цвета или формы стекла, через которое он проходит. Они никогда не ответят вам чем-нибудь иным кроме подобных сравнений, которые не имеют никакого отношения к богу и способны только ослеплять невежественных людей. Тщетно вы будете ждать от них какого-нибудь основательного ответа. Если кто-нибудь ответит, что эти сосуды плавают в воде, похожей на их воду, но не в той же самой, и что свет во всем мире конечно одинаков, но не тот же самый, и если вы приведете другие серьезные возражения, которые могут быть сделаны на их теорию, то они все время будут отвечать теми же сравнениями, тонкими фразами или, как это делают суфиты, прекрасными поэмами из своего Гульшенраз.

Все это сплетение причудливых вымыслов, которые я здесь изложил, этого панического и детского страха, о котором я говорил вначале, этой суеверной набожности и жалостливого стремления освободить солнце от злобного и черного деуты, все эти нелепые молитвы, омовения, окунания, бросание милостыни в реку или раздача ее браминам, это свирепое и адское упорство женщин, желающих сжечь себя вместе с телом мужа, которого они часто ненавидели при жизни; вся эта дребедень факиров и наконец все эти выдумки, содержащиеся в ведах и других, книгах,—разве все это не дает мне права поставить в заголовке этого письма (жалкого плода столь многих путешествий и размышлений, которые современный сатирик так хорошо сумел бы изобразить, не забираясь столь далеко) слова, что нет мнений настолько смешных и нелепых, чтобы они не могли взбрести в голову людям¹.

ПЕРВОЕ ПИСЬМО ГОСПОДИНУ ДЕ МЕРВЕЙЛЬ

Когда Ауренгзеб собрался уезжать.

О путешествии Ауренгзеба, об армии и двойной артиллерии, которую он обыкновенно держит при своей особе, об экипировке и обычном снабжении главных всадников. О последствиях, вызываемых плохой водой, и о некоторых специальных правилах, которые надлежит соблюдать при путешествии по Индии.

Милостивый государь!

С тех пор как Ауренгзеб стал чувствовать себя лучше, все время ходили слухи, что он отправится в Лагор, а оттуда в Кашмир, чтобы переменить воздух и избежать жары в течение предстоящего лета, так как он боялся возврата болезни. Но более рассудительные с трудом могли поверить, что он решится уехать далеко, пока он держит Шах-Джехана на положении пленника в крепости Агра. Тем не менее оказалось, что политические соображения уступили соображениям здоровья и советам врачей или, вер-

¹ Здесь мы опускаем письмо чисто философского содержания (о теории атомов и природе человеческого познания), адресованное Шапеллю).

Бернье в препроводительных строках к этому письму, пересланному через Шаплена, упоминает, что при посредстве Шапелля он познакомился с Гассенди.—Прим. ред.

нее, интригам Раушенары-Бегум, которой до смерти хочется подышать более вольным воздухом, чем воздух сераля, и тоже появиться среди пышной и великолепной армии, как это делала бывало ее любимая сестра Бегум-Сахев во время царствования Шах-Джехана.

Наконец 6 декабря Ауренгзеб отбыл часа в 3 пополудни. День и час должны быть благоприятны для большого путешествия, если только можно верить астрологам, которые их выбрали. Ауренгзеб отправился в Шахлимар, свой загородный дом, находящийся приблизительно в двух лье отсюда, где он прѣбыл целых шесть дней, чтобы дать всем возможность сделать необходимые приготовления для путешествия, которое должно будет продолжаться полтора года.

Сегодня мы узнали, что он двинулся в путь и намерен разбить лагерь по дороге в Лагор и что, пробыв там два дня, он будет продолжать свой путь.

Он берет с собой не только около тридцати пяти тысяч всадников, которых он держит всегда при своей особе, и более десяти тысяч пехоты, но также и оба вида артиллерии, т. е. тяжелую и легкую, так называемую стремянную, потому что она неотлучно находится при государе, тогда как тяжелая иногда уходит, для того чтобы следовать по большой дороге и легче передвигаться. Тяжелая артиллерия состоит из семидесяти пушек, преимущественно литых, причем некоторые из них такие тяжелые, что нужно двадцать пар быков, чтобы тащить их, а к некоторым приставляют слонов, чтобы они помогали быкам, подталкивая и таща колеса тележек своими хоботами и головами, когда пушки застревают или когда приходится взбираться на крутую гору. Легкая артиллерия, как я уже говорил, состоит из пятидесяти—шестидесяти маленьких полевых пушек, сделанных из бронзы и поставленных на небольшие тележки, красивой работы и хорошо окрашенные. Тележки украшены небольшими красными флажками и запряжены двумя очень хорошими лошадьми, которыми правит канонир; третью лошадь для смены ведет под уздцы помощник канонира. Все эти тележки едут всегда быстро, чтобы выстроиться в порядке перед входом в палатку государя и залпом оповестить армию, когда он войдет в палатку.

Все эти большие приготовления дают основания опасаться, как бы, вместо того чтобы отправиться в Кашмир, мы не занялись осадой Кандагара—города, находящегося на границе Персии, Индостана и Узбекии и являющегося столицей очень красивой и доходной страны, которую все время оспаривали друг у друга персы и индийцы.

Как бы то ни было, нужно поскорее выезжать из Дели: если я еще промешкаю, то могу оказаться в тылу армии. К тому же я знаю, что мой набоб, или ага, Данешменд-хан, с нетерпением ожидает меня в лагере. После обеда он обязательно должен пофилософствовать о книгах Гассенди и Декарта, поговорить об астрономии или анатомии, подобно тому как все утро он обязательно посвящает важным государственным обязанностям в качестве государственного секретаря по иностранным делам и главнокомандующего кавалерией.

Я выеду сегодня ночью, после того как привел наконец в порядок все мои дела и запасся почти всем, что мне нужно для путешествия, как это делают важные всадники, т. е. двумя хорошими татарскими лошадьми, которых я обязан иметь, раз я получаю сто пятьдесят экую в месяц, очень большим и сильным персидским верблюдом, погонщиком к нему, конюхом, поваром и еще другим слугой, который в этой стране обычно идет впереди лошади и несет в руке сосуд с водой. Я кроме того запасаясь полезными вещами: палаткой средней величины, ковром для ног соответственных размеров, маленькой походной кроватью, сделанной из четырех палок, очень крепких и очень легких, подушкой, чтобы класть под голову, двумя одеялами, из которых одно, сложенное вчетверо, может служить матрацем, круглой кожаной скатертью для еды, несколькими салфетками из крашеного холста и тремя маленькими мешками с кухонной посудой, которые кладутся в другой мешок, побольше, а этот мешок упаковывают в очень большую и очень прочную суму из ремней, куда кладут всю провизию вместе с бельем и платьем хозяина и слуг.

Я взял с собой также запас превосходного риса на пять-шесть дней из опасения, что не всегда найду такой хороший рис; кроме того я взял сладкое печенье с анисом, холщевый мешочек с маленьким железным крючком, чтобы

отжимать и хранить даис, т. е. простоквашу, лимоны и некоторое количество сахара для лимонада, так как даис и лимонад являются двумя главными прохладительными напитками в Индии. Все это, как я сказал, кладут в суму, которая так огромна и так тяжела, что три-четыре человека с трудом могут погрузить ее на верблюда. А между тем предварительно два человека складывают ее так, чтобы одна часть сумы, после того как в нее упакованы вещи, лежала на другой; верблюда заставляют лечь рядом с сумой, так что только остается перекинуть одну половинку сумы через верблюда.

Все эти вещи и провизия безусловно необходимы в таких путешествиях. Здесь нельзя рассчитывать на хорошие квартиры в пути, как в наших краях; надо быть готовым к тому, что придется жить в лагере по-арабски и татарски, не рассчитывая ни на какой другой кров кроме палатки. Нельзя также рассчитывать на то, что удастся пограбить крестьян, ибо все земли составляют собственность государя, и приходится думать о том, что надо соблюдать благоразумие и что разорять крестьянина значит разорять государево поместье.

Утешает меня в этом походе то, что мы направляемся на север и выезжаем в начале зимы, после периода дождей. Это самый подходящий сезон для путешествия по Индии, потому что дождей в это время совсем не бывает и вместе с тем не приходится так страдать от жары и пыли. Кроме того мне не угрожает опасность есть базарный, или рыночный, хлеб, который обыкновенно плохо выпечен, полон песка и пыли. Мне не придется также пить эту скверную воду, совершенно мутную и загрязненную людьми и животными, которые в ней купаются. Такая вода вызывает лихорадки, которые очень трудно вылечиваются и даже вызывают появления очень опасных червей в ногах. От червей сначала происходит очень сильное воспаление, сопровождающееся лихорадкой; обыкновенно черви начинают выходить наружу вскоре по окончании путешествия, хотя иногда они начинали выходить только через год и даже позже. Обыкновенно они по длине и толщине напоминают струну на скрипке (квинту), так что их скорее можно принять за нерв, чем за черви. Их надо вытаскивать постепенно каждый день и осторожно наматывать на маленькие де

ревянные палочки толщиной с булавку, для того чтобы они не оборвались.

Меня чрезвычайно утешает, что я буду избавлен от этих неудобств, так как мой набоб оказал мне особую милость и распорядился, чтобы мне каждый день давали из его дома хлеб и «сурэ» с водой из Ганга. Он, как и все придворные, нагрузил такими сурэ нескольких верблюдов. Сурэ представляет собой оловянную фляжку, наполненную водой, которую слуга-пешеход, идущий перед всадником, несет в мешочке из красной ткани. Обыкновенно такая фляжка вмещает одну пинту, но я специально заказал фляжку на две пинты. Посмотрим, будет ли моя хитрость иметь успех.

Вода очень хорошо сохраняется в свежем состоянии в такой фляжке, если только держать ее всегда в мокром мешке или же слуга, который держит ее в руке, должен находу размахивать ею, или ее надо держать на ветру (как это обыкновенно делают) на трех красивых небольших палках, скрещенных между собой, чтобы фляжка не касалась земли. Мокрый холст, движение воздуха или ветер—необходимые условия для того, чтобы вода освежалась, потому что влажность или, вернее, вода, которой пропитан мешок, задерживает маленькие огненные тела, которые находятся в воздухе. Вместе с тем влажность пропускает селитряные вещества и другие, которые препятствуют движению в воде и вызывают холод, подобно тому как стекло задерживает воду и пропускает свет вследствие строения и особого расположения частей стекла и различия, существующего между малыми телами света и воды. Фляжкой из олова для охлаждения воды пользуются только в походе. Дома для этого употребляют кувшины из пористой глины, в которых вода еще лучше охлаждается, если только держать ее на ветру и обернуть в мокрое белье, как фляжку. Или пользуются селитрой, как это делают в городе и в армии все состоятельные люди: воду или другую жидкость, которую хотят охладить, вливают в круглый оловянный сосуд с длинным горлышком вроде стеклянных бутылок, какие бывают в Англии. В течение четверти часа этот сосуд вертят в воде, в которую бросают три-четыре горсти селитры. Это делает воду очень холодной и не вредной, как я сначала опасался; только

сначала от непривычки это вызывает иногда резь в желудке. Но зачем так долго занимать вас рассуждениями о прохладительных напитках, когда надо думать об отъезде, о том, что придется терпеть жару, которая в Индии тягостна во всякое время года. Придется глотать пыль, которой в походе всегда предостаточно; придется каждый день складывать, грузить и снова раскладывать свой багаж, помогать слугам вбивать колышки, натягивать веревки, разбивать палатку и снова свертывать ее, совершать переходы днем и ночью, питаться холодной или слишком теплой пищей, словом, стать на полтора года арабом, что неизбежно в походе. Прощайте, я не премину исполнить мое обещание и время от времени сообщать вам о наших приключениях. Хотя армия на этот раз будет двигаться небольшими переходами, не опасаясь врага и шествуя со всей помпой, со всем великолешием, которыми могут щеголять государи Индостана, но все же я постараюсь запомнить наиболее значительные происшествия, чтобы сообщить их вам тотчас по прибытии в Лагор.

ПИСЬМО ВТОРОЕ — ТОМУ ЖЕ

Написано в Лагоре 25 февраля 1664 г. по прибытии туда Ауренгзеба.

О количестве, великолешии, порядке и распределении шатров Великого Могола в походе.—О числе слонов, верблюдов, мулов и носильщиков, требующихся для переноски их.—О размещении базаров, или государевых рынков, размещении эмиров, или вельмож, и остальной армии.—О площади, занимаемой армией, когда она располагается лагерем.—О сутолке, которая там царит, и как от нее можно избавиться.—О мерах против воровства.—О разных способах передвижения у государя, принцесс и прочих обитательниц сераля.—Об опасности чрезмерной близости женщин.—О разных видах охоты государя и о том, как он охотится со своей армией.—О количестве людей в армии и о том, как их содержат.

Это называется шествовать величаво или, как говорят здесь, «по-могольски». От Дели до Лагора расстояние не более двадцати пяти лье, а между тем мы почти два месяца были в пути. Правда, государь с лучшей частью армии несколько удалился от главной дороги, чтобы иметь возможность лучше развлекаться охотой, и для того, чтобы все время быть около реки Джемны. Для этого мы взяли вправо от большой дороги и довольно долго медленно про-

двигались в этом направлении, охотясь среди полей, заросших такой высокой травой, что в ней с трудом можно было разглядеть всадника. На этих полях было множество всевозможной дичи. Теперь мы отдыхаем в хорошем городе, и я попытаюсь сообщить вам все, что обещал в заголовке этого письма, а вскоре я надеюсь повезти с собой в Кашмир и показать вам одну из самих красивых стран на свете.

Когда государь отправляется в поход, то у него всегда бывает два лагеря, я хочу сказать два отдельных состава палаток, для того чтобы, когда он выступает из одного лагеря, другой мог бы уже на сутки опередить и быть совершенно готовым, когда он прибудет к месту, назначенному для останова. Поэтому эти лагеря называют «пейшекан», т. е. дома, которые предшествуют. Оба эти «пейшекан» почти ничем не отличаются друг от друга. Требуется шестьдесят слонов, двести верблюдов, сто мулов и более сотни носильщиков для доставки одного лагеря. Слоны носят наиболее тяжелые вещи, например большие шатры и столбы к ним, которые из-за их длины и веса раскладываются на три части. Верблюды несут палатки меньшего размера, мулы — багаж и кухни, а носильщикам дают нести легкую мебель, посуду, которая может сломаться, фарфор, которым государь обычно пользуется за столом, раскрашенные и золоченые кровати и богатые «карг», о которых я еще буду говорить. Как только один из этих «пейшекан», или составов палаток, прибывает по назначению, главный квартирмейстер выбирает какое-нибудь красиво расположенное место для лагеря государя, считаясь однако по возможности с симметрией, которую надлежит соблюдать в отношении всей армии. Он отдает распоряжение отмерить квадратную площадку, каждая сторона которой должна быть более трехсот обыкновенных шагов. Сотня саперов сначала очищают и выравнивают площадку, делают «диваны» из земли, т. е. нечто вроде квадратных эстрад, и на них разбивают палатки, а всю большую квадратную площадку обставляют ширмами («канатами») в семь-восемь футов, которые они прикрепляют веревками, привязанными к колышкам и к шестам, воткнутым в землю по две штуки на расстоянии каждых десяти шагов; шесты ставятся один внутри, другой снаружи палатки и прислоняются

друг к другу. Эти ширмы делаются из крепкого холста на подкладке из ситца, т. е. разрисованной ткани с изображением ваз с цветами. Посреди одной из сторон квадрата находится вход, или королевские ворота. Они широки, великолепны и сделаны из особенно красивого и богато разрисованного ситца, точно так же как и вся наружная сторона квадрата.

Первая и самая большая палатка, воздвигаемая в этом отгороженном пространстве, называется ам-каз, потому что там государь и все вельможи, находящиеся в армии, собираются в девять часов утра, когда делают мокам, т. е. привал в каком-нибудь месте. Государи Индостана даже в походе редко отказываются от этого обычая, считая его ненарушимым; они рассматривают как своего рода долг и веление закона два раза в день появляться в собрании, чтобы отдавать распоряжение по государственным делам и вершить суд, все равно как если бы они находились у себя в столице.

Второй шатер, который почти не меньше первого и находится подальше на отгороженной площадке, называется гофле-канэ, т. е. место для умывания. Там вельможи собираются ежедневно по вечерам; они приходят туда приветствовать государя, подобно тому как они это обычно делают, будучи в столице. Это вечернее собрание очень неудобно для эмиров; но все же получается очень внушительное и красивое зрелище, когда темной ночью издали видны среди поля, между палатками войск, длинные ряды факелов, которые указывают эмирам путь к шатру короля или обратный путь к их палаткам. Правда, факелы эти делаются не из воска, как наши, но они держатся очень долго. Они состоят из простого куска железа, воткнутого в палку и обматываемого от поры до времени старым тряпьем, которое поливается маслом. Масальши, или факельщик, несет это масло в сосуде из бронзы или белой жести с длинным и узким горлышком.

Третий шатер, который меньше обоих первых и который находится еще глубже на отгороженной площадке, называется кальвет-канэ, т. е. уединенное место или место тайного совета, так как туда имеют доступ только высшие чиновники государства и там обсуждаются самые серьезные и важные дела.

Еще дальше находятся личные шатры государя, которые окружены маленькими ширмами высотой с человеческой рост. Они обтянуты изнутри разрисованным ситцем маслипатанской работы с изображением всевозможных цветов. Некоторые ширмы изнутри обтянуты сатином с цветочками и с длинной шелковой бахромой. К шатрам государя примыкают шатры «бегум», или принцесс, и других важных дам и важных чиновников сераля. Шатры эти тоже обнесены роскошными ширмами. Между этими шатрами находятся палатки мелких чиновников, разных служанок, расположенные приблизительно в том порядке, какой требуется по характеру их должности.

Ам-каз и пять-шесть других главных шатров делаются очень высокими, чтобы их было видно издалека и чтобы они лучше защищали от жары. Снаружи они обтянуты только грубым и прочным красным холстом, приукрашенным однако для разнообразия большими лентами, вырезанными по разным фасонам, что имеет довольно приятный вид. Но внутри шатры обтянуты прекрасным ситцем, разрисованным от руки по специальному заказу в Маслипатаме. Ситец еще к тому же богато отделан вышивкой из шелка, золота и серебра, длинной бахромой или красивым разноцветным сатином, из которого вырезают цветы и всякие причудливые фасоны. Столбы, поддерживающие шатры, раскрашены и позолочены, пол устлан богатыми коврами и матрацами из бумажной ткани толщиной в три-четыре пальца; кругом ковров положены большие валики из парчи, на которые можно облакачиваться.

В каждом из обоих больших шатров, где происходит собрание, устраивают помост, который богато разукрашивают. Здесь государь под большим балдахиним из бархата и парчи дает аудиенции. В других шатрах имеются также балдахины и каргэ, т. е. комнаты с небольшими дверцами, запирающиеся на серебряный висячий замок. Представьте себе два квадрата в виде наших ширм, положенных одна на другую и связанных шелковой веревкой таким образом, что они образуют нечто вроде купола. Но между каргэ и нашими ширмами та разница, что у каргэ все стенки сделаны из очень тонких и легких еловых досок, раскрашенных и позолоченных снаружи и обитых кругом золотой и шелковой бахромой, а внутри

обтянутых красной материей или сатином с цветочками или парчой.

Вот приблизительно все, что имеется внутри большой квадратной площадки. За ее пределами прежде всего обращают на себя внимание два красивых шатра, находящихся по обе стороны большого входа, или королевских ворот, где стоят несколько отборных лошадей, оседланных и богато разукрашенных. Они стоят наготове на случай надобности, но скорее для парада и для шика.

По обе стороны ворот уставлены те пятьдесят—шестьдесят маленьких полевых пушек стреляющей артиллерии, о которой я говорил. Когда государь входит в свой шатер, они салютуют, чтобы приветствовать его и дать знать армии об его прибытии.

Перед воротами по возможности всегда оставляют большую пустую площадь, в конце которой раскидывают большой шатер для нагар-канэ, т. е. для кимвалов и труб.

Недалеко от этого шатра находится другой большой шатер, именуемый пшауки-канэ. Здесь эмиры по очереди раз в неделю несут караульную службу в течение суток; но большинство эмиров в день своего дежурства разбивают поблизости свою палатку, желая пользоваться большей свободой и простором.

Вокруг трех остальных сторон большой квадратной площадки разбиты палатки чиновников. Они расположены всегда в одинаковом порядке, если только место позволяет это. У них у всех свои специальные названия. Но так как их трудно произносить и я не собираюсь обучать вас местному языку, то достаточно будет сказать вам, что имеется специальный шатер для оружия короля, другой—для богатой конской сбруи, третий—для курток из парчи, которые государь обыкновенно раздает в виде подарков. Кроме того имеются еще четыре шатра, расположенных недалеко друг от друга. Один предназначается для хранения фруктов, второй—для варенья, третий—для воды из Ганга и для селитры, чтобы охлаждать воду, четвертый—для бетеля, о котором я уже говорил и который подают как угощение, как кофе в Турции; его жуют, чтобы губы были красными, а дыхание приятным. Затем тут имеется еще пятнадцать—шестнадцать шатров, служащих в виде кухонь и подсобных помещений. Между этими шатрами

размещаются в большом количестве шатры чиновников и евнухов. Наконец здесь находятся четыре-пять длинных шатров для лошадей, которых надо иметь под рукой, и еще несколько шатров для особенно ценных слонов и всяких животных, служащих для охоты, ибо нужно где-нибудь приютить всю эту массу хищных птиц, которых постоянно возят с собой для охоты и ради шика; а также для огромного количества собак, для всех этих леопардов, с помощью которых охотятся на газелей; для нильгауе, или серых быков, которые, по-моему, представляют собой нечто вроде лосей; для львов, носорогов, которых возят с собой, чтобы щегольнуть ими; для огромных бенгальских буйволов, которые вступают в борьбу со львами, и наконец для прирученных газелей, на которых устраивают охоту для государя. Всех этих животных и их вожатых нужно где-нибудь пристроить.

Все это огромное количество шатров, о которых я говорю, вместе с шатрами, находящимися внутри большого квадрата, образуют государеву квартиру. Она всегда бывает расположена в центре армии, если только место позволяет это. Вполне понятно, что государева квартира имеет величественный и внушительный вид. Когда смотришь с какого-нибудь возвышенного места на всю эту массу красных шатров, расположенных посреди армии, то глазу открывается живописное зрелище, если только армия расположилась в красивой ровной местности, где можно было сохранить надлежащий порядок в распределении шатров.

После того как главный квартирмейстер выберет место для государевой квартиры, он прежде всего устанавливает ам-каз—самый высокий из всех шатров, применительно к которому он располагает все остальные шатры, для того чтобы порядок размещения армии оставался всегда одинаковым.

Он отводит место государевым базарам, где снабжается вся армия; первый и главный базар он устраивает в виде прямой и широкой улицы, которая проходит через весь лагерь иногда с правой и с левой стороны ам-каза и квартиры государя, притом прямо по направлению к лагерю, который предполагается разбить на следующий день. Все остальные государевы базары, которые не бывают такими

длинными и широкими, обыкновенно перекрещиваются с этим базаром: одни—по одну сторону государевой квартиры, другие—по другую сторону. Все эти базары отмечаются очень широкими шестами, которые ставятся приблизительно на расстоянии трехсот шагов друг от друга. На них развеваются красные флаги и хвосты тибетских коров, которые водружаются на этих шестах в виде париков.

Тот же квартирмейстер отводит затем места для эмиров, причем они должны соблюдать постоянно один и тот же порядок и находиться всегда на одинаковом расстоянии от квартиры государя: одни—по правую, другие—по левую сторону, одни—спереди, другие—сзади. Никто не имеет права менять отведенное ему место или то, которое он выпросил себе в начале похода.

Квартиры главных эмиров и раджей располагаются приблизительно так же, как и квартира государя. Они тоже обыкновенно имеют два состава шатров (пейше-канэ). На квадратной площадке, обнесенной канатами, устанавливается главный шатер и шатер их жен. Вокруг квадратной площадки ставятся шатры их офицеров и всадников, а также устраивается специальный базар в виде улочки с маленькими палатками для всякого сброда, который следует за армией и снабжает лагерь фуражом, рисом, маслом и прочими наиболее необходимыми предметами, так что не представляется надобности постоянно ходить на государев базар, где обычно можно найти почти все, что продают в столице. Каждый базар отмечается с обоих концов шестами. Они такой же высоты, как и шесты на государевом базаре; это делается для того, чтобы издали можно было отличить флаги, развевающиеся на каждом базаре, и таким образом знать, где кто находится.

Главные эмиры и раджи стараются друг перед другом, чтобы их шатры были как можно выше. Но тем не менее они должны остерегаться делать их слишком высокими, потому что может случиться, что государь, проходя, заметит это и велит сорвать шатер, как то не раз было во время последнего похода. По той же причине нужно, чтобы они снаружи не были сплошь красного цвета: это разрешается только для государевых шатров. Наконец из уважения к государю они все должны быть входом своим обращены в сторону ам-каза.

Остальное пространство между квартирой государя, эмиров и базарами заполняется шатрами манзеддаров, т. е. мелких эмиров, и бесконечного множества торговцев мелких и крупных, которые следуют за армией, а также всяких дельцов и судейских чиновников и наконец всех, кто служит в легкой и тяжелой артиллерии. В результате действительно получается огромное число шатров, для которого требуется большое пространство. Однако и на счет числа шатров и на счет занимаемого ими пространства не следует верить тому, что говорят. Я полагаю, что когда армия находится в хорошей и ровной местности, где она может расположиться так, как ей удобно, и когда, по обычному плану, она располагается приблизительно в виде круга, то круг этот (мы имели случай несколько раз убедиться в этом за время походов) будет не больше, чем два-два с половиной лье, да и то то тут, то там окажутся пустые места. Кроме того тяжелая артиллерия, которая занимает большую площадь, часто уходит вперед на один или два дня.

Неверно также и то, что рассказывают об ужасной путанице, обыкновенно приводящей в изумление новичков. Тот, кто привык к армии и к ее порядку, может разобраться в этой толкотне; он сумеет ходить по своим делам и всегда найдет свою квартиру. Можно ориентироваться по государевой квартире, по шатрам и флагам отдельных эмиров, а также по флагам и коровьим хвостам, развевающимся на государевом базаре; все это видно издали.

Однако эти знаки все же не избавляют от некоторой путаницы даже днем, а особенно по утрам, когда только что прибыли на стоянку и когда каждый суетится и старается найти свое место. Не только потому, что тут часто поднимается такая пыль, что нельзя разглядеть государевой квартиры и флаги на базарах, но также и потому, что попадаешь между шатров, которые в это время устанавливаются, путаешься в веревках, которые протягивают мелкие эмиры, не имеющие уже заранее заготовленных шатров, и манзеддары, для того чтобы отметить свои квартиры и не дать провести дорогу около них, а также не позволить незнакомым людям расположиться поблизости их шатров, в которых они иногда держат своих жен. Когда собираешься пройти с одной стороны, то оказывается, что путь

загорожен протянутыми веревками, и целая толпа подлых слуг стоит с большими палками и, угрожая ими, не пропускает ваш багаж. А если вы захотите вернуться обратно, то оказывается, что уже загородили дорогу, по которой вы раньше прошли. Тут приходится кричать, бушевать, просить, делать вид, что собираетесь действовать кулаками, чего на самом деле не следует делать, ибо надо предоставить слугам по возможности ссориться между собой, а потом помирить их, припугнув чем-нибудь. Наконец нужно прибегать ко всяким выдумкам, для того чтобы выпутаться из затруднения и добиться, чтобы пропустили ваших верблюдов. Но самое трудное, когда вечером приходится идти куда-нибудь далеко, потому что в это время дым от сырых дров, от коровьего помета и помета верблюдов, который простой люд употребляет в виде топлива для кухни, так все застилает (особенно, если нет ветра), что ничего не видно. Я три или четыре раза очутился в таком положении и не знал, что делать. Сколько я ни расспрашивал, я не понимал, куда я иду, и все время вертелся на одном месте. Однажды мне пришлось выждать, пока не рассеется дым и не взойдет луна, а другой раз мне пришлось добраться до «агуаси-диэ» и провести там кое-как ночь вместе с лошадей и слугей. Это агуаси-диэ представляет собой нечто вроде большой мачты, которая раскладывается на три части и которую водружают около государевой квартиры, поблизости от шатра, именуемого нагар-канэ. На самый верх этой мачты вечером поднимают фонарь, который горит всю ночь,—это очень удобно, так как его видно издали. Туда и идут, если заблудились, чтобы оттуда уже пройти к базарам и расспросить насчет дороги, или же остаются там на всю ночь, чему никто не препятствует. К тому же здесь вы в безопасности от воров. Эта мачта называется агуаси-диэ, т. е. «небесный свет», потому что ее фонарь светит издали, словно звезда.

Во избежание краж эмиры устанавливают на ночь стражу в своих лагерях. Стражники ходят все время вокруг лагеря и кричат «кабер-дар», т. е. берегись. Кроме того вокруг места, где располагается армия, на расстоянии каждых пятисот шагов, стоят караульные, которые разводят огонь и тоже кричат кабер-дар. И кроме всего этого начальник полевой жандармерии посылает во все

стороны патрули, которые проходят по всем базарам и всю ночь кричат и трубят в трубы. Тем не менее постоянно происходят кое-какие кражи и следует всегда быть настороже, рано ложиться спать, для того чтобы бодрствовать остальную часть ночи и не слишком полагаться на слуг, что они будут сторожить вас.

Теперь посмотрим, какими различными способами передвигается Великий Могол в походе.

Обыкновенно его носят на плечах в больших носилках; на них водружен такт-раван, т. е. походный трон, на котором он восседает. Этот такт-раван представляет собой нечто вроде великолепного балдахина с колонками, раскрашенными и позолоченными, который может закрываться при плохой погоде. Четыре палки, на которых стоят носилки, покрыты красной материей или парчей с большой золотой или шелковой бахромой. У каждой палки приставлены два носильщика, очень крепкие и хорошо одетые. От поры до времени их сменяют двое других, следующих за ними. Иногда государь садится верхом на лошадь, особенно если выдается хороший день для охоты. Иногда он выезжает на слоне в микдембере или хауце. Это самый шикарный выезд, потому что слон бывает всегда очень богато разукрашен. Микдембер представляет собой маленький домик или башенку квадратной формы; он сделан из дерева и конечно разрисован и позолочен, а хауце называется овальное сиденье с балдахином, установленным на колонках, и тоже конечно разукрашено и позолочено.

Во всех этих походах Великого Могола, разумеется, сопровождает большое число эмиров и раджей, которые следуют непосредственно за ним на лошадях, гурьбой, не соблюдая особого порядка. Все, кто находится при армии, обязаны являться в ам-каз рано утром, если только они не освобождены от этого по должности или вследствие старости. Это для них чрезвычайно неудобно, особенно в дни, когда бывает охота, потому что тогда им приходится страдать от солнца и пыли, как простым солдатам, причем иногда это продолжается до трех часов дня. Между тем в тех случаях, когда они не сопровождают государя, они с удобством путешествуют в закрытых паланкинах, куда не проникают ни солнце, ни пыль; там они спят, растянув-

шись во всю длину, как в постели, и в назначенное время прибывают к своему шатру, где их уже ждет готовый обед, так как кухня отправляется вперед заблаговременно, еще накануне вечером после ужина. Вокруг эмиров и среди них всегда едет много всадников на хороших лошадях; их называют гурзе-бердары, потому что они держат в руках нечто вроде серебряных дубинок. Много таких гурзе-бердаров едут впереди государя справа и слева с несколькими конюхами. Эти гурзе-бердары—отборные люди приятной внешности и высокого роста; на их обязанности лежит доставлять приказы. У всех у них в руках большие палки, которыми они издали отстраняют народ, чтобы никто не шел перед государем.

За раджами следует кур с большим числом музыкантов с кимвалами и трубами. Я уже говорил, что кур—это фигуры из серебра, изображающие странных животных, руки, весы, рыб и другие вещи, имеющие таинственное значение; их несут на больших серебряных палках. Наконец следуют большой толпой манзебдары на хороших лошадях, в хорошем обмундировании, вооруженные саблями.

Их гораздо больше, чем эмиров, ибо кроме тех, которые находятся на дежурстве и не смеют не явиться рано утром (так же, как эмиры) к государеву шатру, являются еще многие другие, чтобы засвидетельствовать свое почтение и обратить на себя внимание.

Принцессы и важные дамы из сераля тоже передвигаются разными способами. Одни подобно государю на плечах у носильщиков в чаудуле, представляющем собой нечто вроде раскрашенного и позолоченного такт-равана, покрытого большой роскошной разноцветной шелковой сеткой с вышивкой, бахромой и большими свисающими кистями. Другие едут в очень красивых закрытых паланкинах, которые тоже раскрашены, позолочены и покрыты великолепными шелковыми сетками; некоторые едут в больших и широких носилках, которые несут два огромных верблюда или два маленьких слона вместо мулов. Я несколько раз видел, как путешествовала Раушенара-Бегум. Однажды я даже заметил впереди ее носилок, которые были открыты, маленькую рабыню, хорошо одетую; она отгоняла от нее мух и пыль хвостом павлина. Другие едут на слонах, богато расукрашенных вышитыми

попонами и серебряными колокольчиками. Они сидят здесь на возвышении, так же как это делается в Персии, вчетвером в микдемберах, обнесенных решеткой и покрытых шелковыми сетками и не менее великолепных и ярких, чем чаудуле и такт-раваны.

Должен признаться, что мне во время этого путешествия торжественное передвижение сераля доставляло особенное удовольствие. Действительно, трудно себе представить что-нибудь более величественное, чем когда Раушенара-Бегум взбиралась на большого слона из Пегу и садилась в микдембер, сверкавший золотом и лазурью. За ней следовали пять или шесть слонов с почти такими же шикарными микдемберами, заполненными главными чиновниками ее дома; несколько наиболее важных евнухов, хорошо одетых и на хороших лошадях, ехали рядом с палками в руках. Ее окружала толпа служанок из Татарии и Кашмира, причудливо одетых и восседавших на красивых иноходцах. Сзади следовало еще несколько евнухов на лошадях в сопровождении большого количества пажей или слуг-пешеходов, с большими палками, которые бросались во все стороны, чтобы расталкивать толпу.

За Раушенарой-Бегум следовала одна из главных придворных дам тоже на лошади и в сопровождении соответствующих лиц, за ней третья и т. д.—до 15 или 16 женщин. Все они ехали на более или менее хороших лошадях, в сопровождении свиты, соответствовавшей их рангу, жалованию и занимаемому ими месту. Эта длинная вереница слонов, число которых достигало пятидесяти-шестидесяти и даже более и которые так важно, размеренным шагом шествовали со всей этой пышной процессией, производила сильное, величественное впечатление. Если бы не свойственное мне некоторое философское равнодушие, то может быть я, созерцая это великолепие, проникся бы такими же экстравагантными чувствами, как индийские поэты, которые уверяют, что все слоны несут на себе скрытых богинь. Действительно, видеть их трудно, и они почти не доступны для мужчин. Было бы великой бедой для бедного всадника, кто бы он ни был, если бы в лоходе оказался слишком близко от них; все эти евнухи, все эти карнальи-слуги наглы до последней степени и только ищут предлога и случая, чтобы избить человека. Помню однажды

со мной случилась такая беда, что я дал себя застигнуть врасплох, и несомненно меня сильно поколотили бы, так же как и других всадников, если бы я наконец не решился разогнать их при помощи сабли (вместо того чтобы дать себя отколотить, что они уже собирались сделать) и если бы к счастью у меня не было хорошей лошади, которая вынесла меня из этой давки, после чего я ее направил к горному потоку и перемахнул через него. Недаром в этих армиях ходит поговорка, что больше всего надо бояться трех вещей: во-первых, оказаться затертым среди стада отборных лошадей, которых ведут под уздцы, ибо вас неминуемо растопчут, во-вторых, не попадаться на месте охоты и, в-третьих, не оказываться слишком близко около женщин из гарема.

Однако, насколько я знаю, здесь это значительно менее опасно, чем в Персии, потому что там, если вы в поле попадетесь евнухам, сопровождающим этих женщин, вам это может стоить жизни, хотя бы вы даже оказались на расстоянии полулье от них. Когда они проезжают, то все мужчины в деревнях и местечках должны уходить и держаться на большом расстоянии.

Что касается государевой охоты, то я не мог представить себе, когда говорили, что Великий Могол ведет с собой на охоту сто тысяч человек. Но теперь я вижу, что могут говорить, что он ведет даже более двухсот тысяч, и это нетрудно понять.

В окрестностях Агры и Дели, вдоль реки Джемны до гор и далее, по обе стороны большой дороги, ведущей в Лагор, имеется большое количество лесных порослей или полей, покрытых высокой травой ростом с человека и выше; во всех этих местах много стражи, которая непрерывно шатается повсюду и никому не позволяет охотиться. Разрешается только охота на куропаток, перепелок и зайцев, которых индийцы умеют ловить в сети. Благодаря этому всюду водится очень много разной дичи.

Когда сторожа, охраняющие охоту, узнают, что государь выехал из столицы и находится недалеко от их уезда, они сообщают главному начальнику охоты о качестве дичи и о местах, где она водится особенно обильно. Тогда ставят сторожей на всех дорогах, иногда в пяти-шести местах, чтобы армия могла пройти в любую сторону и чтобы

государь мог мимоходом заглянуть туда с любым количеством эмиров, охотников и прочих лиц и охотиться в свое удовольствие на всякий лад, в зависимости от характера дичи.

Прежде всего позвольте рассказать, как ведется охота на газелей с прирученными леопардами.

Кажется, я вам уже говорил, что в Индии много газелей, очень похожих на наших молодых оленей. Эти газели ходят обыкновенно отдельными стадами, и каждое стадо, никогда не насчитывающее более пяти-шести голов, сопровождает всего один самец, которого можно распознать по цвету. Когда обнаруживают такое стадо газелей, то стараются показать его леопарду, которого держат прикованным к маленькой повозке. Это хитрое животное не бросается сразу за газелями, как это можно было бы думать, но поворачивается, уходит, прячется, пригибается к земле, чтобы подойти к ним поближе и застигнуть их врасплох. А так как леопард может сделать пять-шесть прыжков с прямо непостижимой быстротой, то, когда он чувствует, что газели близко, он бросается на них, душит их, напивается их крови и пожирает их сердце и печень. Если он промахнулся в прыжке, что с ним случается довольно часто, то он на этом успокаивается, да ему и бесполезно было бы пытаться настичь их, так как они могут бегать лучше и дольше, чем он. Тогда начальник охоты или приставленный к нему надсмотрщик очень осторожно подходят к нему, ласкают его, бросают ему куски мяса, отвлекают таким образом его внимание и надевают ему шоры, которые ему закрывают глаза; после этого они его снова привязывают на цепь к тележке.

Однажды во время похода один из этих леопардов выкинул забавную штуку, которая многих перепугала.

Стадо газелей очутилось среди проходивших отрядов армии. Это довольно обыкновенное явление, но случайно газели проходили недалеко от двух леопардов, которых, как всегда, везли на тележках. У одного из леопардов на глазах не было шор, и он сделал такой сильный прыжок, что оборвал цепь и бросился на газелей, однако промахнулся. Но газели не могли убежать, так как на них обратили внимание и стали со всех сторон кричать на них и толкать их. Одной из газелей пришлось снова пройти

мимо леопарда и, несмотря на то что верблюды и лошади забили всю дорогу и вопреки обычной привычке леопардов не возвращаться вторично к ускользнувшей добыче, леопард бросился на газель и поймал ее.

Охота на нильгау, или серых быков, которые, как я уже сказал, похожи на лосей, не представляет собой ничего замечательного. Их окружают большими сетями, которые постепенно сдвигаются, и когда они оказываются в маленьком загоне, государь, эмиры и охотники входят в загон и убивают их чем попало—стрелами, короткими пиками, саблями и мушкетами. Иногда их убивают в таком большом количестве, что государь рассылает их четвертушками в подарок всем своим эмирам.

Охота на журавлей довольно занята. Приятно видеть, как они защищаются в воздухе от хищных птиц. Иногда им удается убить нескольких птиц, но в конечном итоге, так как они менее ловки, несколько журавлей становятся добычей хищников.

Из всех этих видов охоты наиболее приличествующей для государя считается охота на львов. Она разрешается только государю и принцам, а другие могут ею заниматься лишь со специального разрешения. Но зато она самая опасная. Вот приблизительно как она происходит.

Когда государь выезжает в поход и сторожам, охраняющим охоту, удается найти где-нибудь убежище льва, то они привязывают неподалеку осла, которого лев конечно пожират. После этого он уже не трудится искать другой добычи, т. е. быков, коров и баранов или пастухов, и отправляется на водопой, а затем возвращается в свое логовище и спит до следующего дня, когда для него на том же самом месте готовят другого осла, которого охотники привязывают так же, как накануне. После того как лев разлакомится таким образом и привыкнет ходить в одно и то же место, сторожа, если они узнали, что государь находится поблизости, привязывают осла, которому предварительно скармливают известное количество опиума, для того чтобы его мясом лучше усыпить льва. После этого они вместе с крестьянами окрестных деревень протягивают специально для этого сделанные большие сети, которые они постепенно сдвигают, пока не образуется маленький загон, совсем как при охоте на нильгау. Когда

все приготовлено таким образом, государь на слоне, защищенном железными латами, подъезжает к сетям в сопровождении нескольких эмиров, восседающих на слонах, и большого количества гурз-бердаров, едущих верхом на лошадях, и нескольких сторожей-охотников, идущих пешком и вооруженных короткими пиками. Государь, оставаясь по ту сторону сетей, стреляет в льва из большого мушкета. Лев, чувствуя себя раненым, идет прямо на слона,—такова уже его привычка. Но тут его задерживают большие сети, и государь стреляет в него из мушкета до тех пор, пока не убивает его. Однако во время последней охоты один лев перепрыгнул через сетку, бросился на всадника, убил его лошадь и убежал, но охотники настигли его и снова загнали в сети. Это происшествие вызвало невероятную сумятицу в армии. Нам пришлось три или четыре дня патрулировать около потоков, стекающих с гор между маленькими лесочками и полями, заросшими высокой травой, в которой не видно даже верблюда. Хорошо было тем, у кого были запасы провизии, потому что все пришло в полный беспорядок. Базары не могли раскинуть свои палатки, а деревни оказались далеко. Причина, почему нам пришлось так долго стоять на этом месте, заключается в следующем: у индийцев считается хорошим предзнаменованием, когда государь убивает льва. Но если ему это не удалось, то это очень плохое предзнаменование; тогда все убеждены, что государство находится в большой опасности, пока государь не добьется своего.

Эта охота сопровождается также большими церемониями: убитого льва приносят к государю на общее собрание эмиров; здесь его внимательно осматривают, тщательно измеряют и потом записывают в архивах, что такой-то государь тогда-то убил льва, такой-то величины, с такой-то шерстью, что зубы и когти у льва были такой-то длины и ширины и т. д. до мельчайших подробностей.

Я хочу еще сказать по поводу того, что мне говорили относительно опиума, скармливаемого ослу; один из лучших охотников уверял меня, что это только сказка, распространенная среди простонародья, а что на самом деле лев засыпает и без этого, после того как наедается доотвала.

Для перехода через большие реки, которые в этих местностях обыкновенно не имеют мостов, строят два пон-

тонных моста, приблизительно на расстоянии двухсот—трехсот шагов друг от друга. Здесь умеют довольно хорошо связывать и укреплять такие мосты, а сверху на них набрасывают землю, смешанную с соломой, для того чтобы животные не могли поскользнуться. Опасно только входить на эти мосты и сходить с них, ибо помимо сильной давки, которая обычно бывает на мостах, от большой сутолоки и путаницы при входе и выходе—если почва оказывается зыбкой—образуются ямы. Туда попадают лошади и волы, несущие груз. Лошади и быки с грузом падают друг на друга, а по ним продолжают двигаться в невероятном беспорядке. Беспорядок был бы еще больше, если бы всем нужно было переходить в один день. Но обыкновенно государь разбивает свой лагерь на расстоянии полулье от реки, по ту сторону моста и остается здесь день или два, а потом обычно устраивает лагерь по ту сторону реки, опять-таки не дальше, чем на расстоянии полулье от моста, для того чтобы армия имела в своем распоряжении по крайней мере три дня и три ночи и могла более спокойно переправляться через реку.

Что же касается численности армии, то ее никак нельзя определить. Называют столь разные цифры, что не знаешь, какой верить. Я могу вам сказать, что вероятнее всего, что в этом походе участвовало, считая воинов и всех прочих, не менее ста тысяч всадников и более ста пятидесяти тысяч животных—лошадей, мулов и слонов. Верблюдов имелось около пятидесяти тысяч; не меньше было быков и лошадок, которые везут зерно и прочую провизию бедных базарных торговцев, а также их жен и детей, потому что они подобно нашим цыганам тащут из повсюду с собой. К этому присоедините прислугу, так как надо принять во внимание, что здесь все делается при помощи слуг. Например я, хотя и числюсь по рангу только всадником с двумя лошадьми, лишь с трудом могу обходиться тремя слугами. Одни говорят, что вся армия насчитывает не менее трехсот—четырехсот тысяч человек, другие называют еще большую цифру, а некоторые меньшую. Для того чтобы точно определить ее число, нужно было бы пересчитать ее. Я могу сказать с уверенностью только одно, что число это огромно, прямо невероятно. Но ведь надо себе представить, что в

походе участвует все население столичного города Дели, так как весь город живет только от двора и армии и ему приходится следовать за государем, особенно если поездка намечается продолжительная, как на сей раз. В противном случае населению пришлось бы умирать с голоду.

Трудно понять, как может существовать в походе такая огромная армия, с таким количеством людей и животных. Но для этого надо принять во внимание, что индийцы очень умеренны и непритязательны в пище и что из всей этой огромной массы всадников едва ли десятая или даже двадцатая часть ест мясо. Им нужно только их кичери, смесь риса с овощами, которую они поливают соусом из жареной муки с маслом; этим они вполне довольствуются. Кроме того надо иметь в виду, что верблюды чрезвычайно выносливы в работе и легко переносят голод и жажду; им надо немного пищи, и они едят все что угодно. Как только армия приходит на стоянку, погонщики верблюдов выводят животных на поля, и те едят там все, что попадется. Кроме того те самые купцы, которые торгуют на базарах в Дели, обязаны снабжать базары в походе. Все мелкие торговцы, имеющие лавочки на базарах в Дели, держат их и в армии; они делают это по принуждению или по необходимости; наконец что касается фуража, то эти бедные люди шныряют повсюду по деревням и скупают и забирают, что попадется. Обыкновенно они прибегают к тому, что сгребают специальными лопатами поля и собирают траву, которую продают армии иногда дешево, а иногда и по дорогой цене.

Я забыл еще рассказать об одной замечательной вещи: государь вступает в лагерь то с одной, то с другой стороны, так что в один день он проходит около шатров одних эмиров, а на другой день—около шатров других эмиров, причем это делается не без хитрости: эмиры, мимо которых он проходит, обязаны выходить ему навстречу и преподносить небольшие подарки: одни преподносят двадцать золотых рупий, т. е. тридцать пистолей, другие преподносят пятьдесят рупий и т. д., в зависимости от своей щедрости и размеров своего жалования.

Вы извините меня, если я не буду называть вам города и местечки, расположенные на пути между Дели и Лаго-

ром. Я их почти не видел, так как почти все время шел полями, и притом ночью. Дело в том, что мой ага не находился среди армии, которая часто движется по большой дороге, а ехал впереди правого фланга; мы двигались по звездам по полю, чтобы попасть на правую сторону лагеря, и нам не приходилось бывать на большой дороге. Правда, мы несколько раз заблудились и вместо трех или четырех лье, что составляет обычное расстояние от одного лагеря до другого, мы несколько раз сделали пять или шесть лье. Но когда рассветало, мы выходили из затруднительного положения.

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ — ТОМУ ЖЕ

Написано в Лагоре, когда государь собирался отбыть в Кашмир.

Описание Лагора, столицы Пенджаба, или Пятиречья.

Милостивый государь!

Не без основания государство, столицей которого является Лагор, называют Пенджабом, Пятиречьем, потому что действительно пять больших рек, стекающих с этих высоких гор, охватывают государство Кашмир; реки эти впадают в Инд и затем вливают свои воды в океан, у Сцинди, у впадения в Персидский залив. Говорят, что Лагор и есть древний Буцефал. Александр Македонский здесь довольно хорошо известен под именем Александер Филисус, т. е. Александр, сын Филиппа, но о лошади его здесь ничего не знают.

Город построен на одной из этих рек; она не меньше нашей Луары и очень нуждается в такой же плотине, потому что она причиняет большие опустошения и часто меняет свое русло, а за последние несколько лет она отошла от Лагора на целую четверть лье, что весьма неудобно для жителей. Дома в Лагоре отличаются по сравнению с Дели и Агрой той особенностью, что они весьма высоки, но большинство из них разваливается, потому что уже в течение двадцати лет с лишним двор почти постоянно находится в Дели или в Агре, кроме того за последние годы дожди были так обильны, что подмыли значительное количество домов, причем много людей стало жертвой обвалов. Правда, еще остается пять-шесть больших улиц, из кото-

рых две или три имеют больше целого лье в длину, но все же на них много разваливающихся домов.

Государев дворец уже не находится на берегу реки, ибо река отступила. Дворец стоит на большом возвышении и великолепен, но все же уступает дворцам в Дели и Агре.

Мы находимся здесь уже два месяца и ожидаем, когда растает снег на горах Кашмира, чтобы с большим удобством пройти через это государство. Но наконец завтра мы должны отбыть отсюда; государь уже два дня тому назад покинул город. Я купил себе вчера небольшую красную кашмирскую палатку; мне советовали последовать примеру других и оставить здесь мою обыкновенную палатку, которая довольно велика и тяжела. Говорят, что в ущельях Кашмирских гор, куда мы направляемся, трудно будет найти место для нее, и так как верблюды не могут там пройти, то придется весь этот скарб поручить носильщикам; тогда моя большая палатка обойдется мне очень дорого. До свидания.

ПИСЬМО ЧЕТВЕРТОЕ — ТОМУ ЖЕ

Написано в лагере армии, направляющейся из Лагора в Кашмир, на четвертый день пути.

Милостивый государы!

Я полагал, что, после того как я перенес жару в Моке, у Баб-эль-Мандеба, мне не страшна уже никакая жара, но за эти четыре дня, с тех пор как армия покинула Лагор, я убедился, что надежды мои далеко не оправдались. Я на себе вижу, что индийцы не без основания боятся перехода в одиннадцать-двенадцать дней, которые требуются для армии, чтобы пройти от Лагора до Бемберга у входа в Кашмирские горы. Уверяю вас без всякого преувеличения: жара так чрезмерна, что иногда она доводила меня до полного изнеможения, и утром я не знал, доживу ли до вечера. Столь необыкновенная жара вызывается тем, что высокие Кашмирские горы лежат на север от нашего пути и не пропускают к нам свежего ветра, который мог бы ослабить зной. Из-за этого вся земля здесь горит и в воздухе страшная духота. Но к чему философствовать и искать причин, по которым завтра меня может быть не будет в живых?

ПИСЬМО ПЯТОЕ — ТОМУ ЖЕ

Вчера я переправлялся через одну из больших рек в Индии, которую зовут Ченау. Только превосходное качество ее воды (главные эмиры запасаются ею вместо воды Ганга, которую они пили до сих пор) мешает мне поверить, что через эту реку люди скорее попадают в ад, чем в Кашмир, где, как нас уверяют, мы найдем снег и лед. Как я вижу, дело с каждым днем становится все хуже и хуже, и чем больше мы двигаемся вперед, тем сильнее становится жара. Правда, я переезжал мост в самый полдень, но я не знаю, что лучше: двигаться по открытому полю или задыхаться в шатре. Во всяком случае мне удалось осуществить мое намерение и перейти через мост с полным удобством, в то время когда все отдыхали, собираясь выступить из лагеря попозже, когда спадет жара. Между тем если бы я стал ожидать, как другие, то со мной могло бы приключиться какое-нибудь несчастье. Мне потом рассказывали, что там царили ужаснейшая суета и невероятный беспорядок, каких еще не было ни на одном переходе, с тех пор как мы покинули Дели. Взойти на первую барку и сойти с последней было очень трудно, ибо под ногами был сыпучий песок, который от того, что по нему ходили и топтали его, скатывался в воду и образовывал яму, так что в давке было опрокинуто и растоптано ногами много верблюдов, быков и лошадей, а удары палками так и сыпались. Обыкновенно при таких столкновениях некоторые чиновники и всадники эмиров не скупятся на побои, добываясь, чтобы пропустили их господ и их грузы. Мой набоб потерял одного из верблюдов с железной печью, которую тот на себе нес; это заставляет меня опасаться, как бы мне не пришлось довольствоваться базарным хлебом. До свидания.

ПИСЬМО ШЕСТОЕ — ТОМУ ЖЕ

Написано в лагере армии, направлявшейся из Лагора в Кашмир, в восьмой день похода.

Милостивый государь!

Браню себя за любопытство: для европейца безумие или по крайней мере дерзость совершать при такой жаре такие трудные и опасные переходы. Но нет худа без добра. Во время пребывания в Лагоре у меня было воспаление

легких и невралгические боли из-за того, что я вздумал спать на террасе, на свежем воздухе. В Дели это безопасно, но за восемь-девять дней пути пот вышиб из тела всю жидкость, и оно стало настоящим решетом и сухим до крайности; стоит мне влить в себя пинту воды (меньше никак нельзя), и немедленно она начинает выходить росой из всех членов, до кончиков ногтей. Сегодня я кажется выпил десять пинт. Еще большое утешение, что можно пить, сколько хочешь, без всякого вреда, если только вода чистая.

ПИСЬМО СЕДЬМОЕ — ТОМУ ЖЕ

Написано в лагере армии, направлявшейся из Лагора в Кашмир, утром на десятый день похода.

Милостивый государь!

Солнце еще только восходит, но уже невыносимо жарко. Нет ни облочка, ни ветерка. Лошади мои в полном изнеможении; они еще не видели зеленой травы после Лагора. Мои индийцы, несмотря на свою черную, сухую и грубую кожу, обессилили. Кожа на лице, руках и ногах шелушится. Все мое тело покрыто мелкими красными прыщами, которые колют меня, как иголки. Вчера один из наших бедных всадников, у которого не было шатра, был найден мертвым у маленького деревца, под которым он устроился. Не знаю, в состоянии ли я буду пережить сегодняшний день. Вся моя надежда на небольшое количество сухой простокваши, которую я собираюсь размешать с водой, да еще я уповаю на небольшое количество сахара и на оставшиеся у меня четыре-пять лимонов, из которых можно приготовить лимонад. До свиданья. Чернила засыхают на кончике пера, и перо выпадает из рук. До свиданья.

ПИСЬМО ВОСЬМОЕ — ТОМУ ЖЕ

Написано в Бембере, у Кашмирских гор, после двухдневного пребывания там.

Что такое Бембер?—Смена повозок для путешествия по горам.—Невероятное количество носильщиков и порядок, который нужно соблюдать при проходе через ущелья в течение пяти дней.

Милостивый государь!

Наконец мы прибыли в Бембер, расположенный у подножья крутой горы, черной и обожженной. Мы разбили

лагерь в высохшем русле широкого потока, на горячем песке. Это настоящая печка, и если бы не проливной дождь, который был сегодня утром, да еще простокваша, лимоны и курица, которую нам сюда принесли с гор, то я не знаю, что бы со мной случилось. Вам угрожала опасность не увидеть этого письма; но слава богу, в воздухе несколько посвежелело, ко мне вернулись аппетит, силы и желание поболтать.

Сообщаю вам о наших новых переходах и новых затруднениях. Вчера ночью из этого жаркого места отбыли в первую очередь государь, Раушенара-Бегум с другими женщинами из сераля, а также раджа Рагната, исполняющий обязанности визиря, и Фазель-хан, главный дворецкий. Прошлой ночью отбыли главный начальник охоты с некоторыми важнейшими и наиболее необходимыми ему чиновниками, а также несколько женщин, занимающих видное положение. Этой ночью—наша очередь: уедет мой набоб Данешменд-хан. С нами поедет также Махмед-Эмирхан, сын знаменитого Эмир-Джемлы, о котором я уже столько раз говорил раньше; затем наш добрый друг Дианетхан с двумя сыновьями и несколько других эмиров, раджей и манзедаров; а потом настанет очередь для всех прочих вельмож, которым надо ехать в Кашмир и которые хотят избежать трудных и узких горных дорог, а также сутолоки и путаницы в течение пяти дней пути отсюда до Кашмира. Весь остальной двор, как например Федайхан, главный начальник артиллерии, трое или четверо главных раджей и большое число эмиров останутся здесь на три-четыре месяца для охраны, пока государь не вернется сюда, после того как спадет жара. Одни из них разобьют свои шатры на берегу Ченау, другие в близлежащих городах и местечках, а некоторым придется стоять лагерем здесь, в пылающем Бембере.

Государь из опасения вызвать голод в этом маленьком кашмирском государстве на первых порах берет с собой как можно меньше женщин. Только самых важных дам, лучших подруг Раушенары-Бегум и тех, кто особенно необходим для услуг. Он берет также с собой как можно меньше эмиров и войска. Эмирам, получившим разрешение следовать за ним, не позволили взять с собой всех всадников: они берут только по двадцати пяти от сотни, правда, не считая специально состоящих при их домах. Это

будет строго соблюдаться, потому что при входе в ущелье сторожит эмир, который всех пересчитывает и не позволяет пройти огромному числу манзедаров и прочих всадников, очень желающих насладиться свежим воздухом Кашмира. Он не пускает также всех этих торговцев и мелкий базарный люд, который ищет заработка.

Для перевозки багажа и женщин из сераля государь берет с собой несколько слонов, самых сильных и самых лучших. У этих животных, хотя они тяжелы и неуклюжи на вид, очень твердые ноги, и там, где плохая дорога, они идут наощупь и стараются сначала твердо встать одной ногой, прежде чем поднять другую. Государь берет с собой некоторое количество мулов, но не может взять верблюдов, хотя это было бы более всего необходимо: эти горы слишком суровы и губительны для их длинных и плохо сгибающихся ног. Верблюдов придется заменить носильщиками. Сколько их понадобится, можно судить по тому, что одному государю, как говорят, потребовалось более шести тысяч. Я лично, хотя и оставил в Лагоре шатер, которым я обыкновенно пользуюсь, и значительную часть моего багажа (как это делали все вплоть до эмира и самого государя), вынужден взять троих носильщиков. Полагаю, что уже теперь их не меньше пятнадцати тысяч. Часть их явилась по принуждению, повинуюсь приказу губернатора Кашмира и окрестных раджей, а другие пришли из деревень по собственному почину, чтобы что-нибудь заработать, ибо по распоряжению государя им полагается платить по десять эку за сто фунтов груза. Говорят, что в конце концов их наберется более тридцати тысяч, не считая того, что уже месяц назад государь и эмиры послали вперед часть багажа, а купцы—всякого рода товара.

ПИСЬМО ДЕВЯТОЕ—ТОМУ ЖЕ

Написано в Кашмире, в земном раю Индии, после пребывания там в течение трех месяцев.

Точное описание кашмирского государства; нынешнее состояние окрестных гор и ответ на пять важных вопросов одного друга.

Милостивый государь!

В летописях древних государей Кашмира рассказывается, что вся эта страна некогда была большим озером и что некий пир, т. е. святой старец, по имени Кашеб рас-

сек гору Барамулэ и выпустил воду из озера. Это вы можете прочесть в сокращенном изложении этих повествований, которое велел сделать Джахан-Гир и которое я перевел с персидского языка. Я не стал бы отрицать, что вся эта земля в свое время была покрыта водой, то же самое рассказывают о Фессалии и некоторых других странах. Но мне трудно поверить, что гору рассек один человек, ибо гора очень широка и высока. Я скорее поверю, что вследствие какого-нибудь большого землетрясения, которые здесь бывают довольно часто, образовалась подземная пещера, куда погрузилась гора, так же как это было со скважиной в Баб-эль-Мандебе, если верно то, что рассказывают местные арабы. Точно так же низвергались в большие озера другие города и горы. Но как бы то ни было, теперь Кашмир уже не озеро, а очень красивая местность, усеянная множеством небольших холмов и имеющая приблизительно тридцать лье в длину и десять или двенадцать в ширину. Она расположена на самом краю Индостана, на север от Лагора, и зажата в глубине Кавказских гор между владениями государей Великого и Малого Тибета и раджи Гамона; это ближайшие соседи Кашмира.

Первые горы, которые его окружают, т. е. те, которые ближе всего к равнине, сравнительно невысоки и покрыты зелеными лугами и пастбищами, на которых пасется множество всякого скота: коров, овец, коз и лошадей. Здесь водится разная дичь: зайцы, газели и разные другие животные. Здесь также очень много пчел и,—что большая редкость в Индии,—почти нет змей, тигров, медведей и львов, так что можно сказать, что горы эти находятся в состоянии невинности и текут млеком и медом, как обетованная земля.

За этими невысокими горами стоят другие горы, очень высокие, с вершинами, всегда покрытыми снегом. Эти вершины, возвышаясь над облаками и туманом, всегда спокойны и ярко светятся, как Олимп.

С этих гор со всех сторон сбегает бесконечное множество источников и ручейков. Местные жители умеют отводить их на свои рисовые поля, а при помощи земляных плотин поднимать даже на небольшие холмы. Разделившись сначала на тысячу других ручейков и водопадов,

разбросанных повсюду, они потом снова сходятся и образуют очень красивую реку, по которой плавают такие же большие суда, как у нас по Сене. Река осторожно обходит все государство, проходит посредине столицы, а по выходе оттуда течет в Барамулэ между двумя крутыми скалами и потом, низвергаясь через пороги и вобрав в себя по пути несколько маленьких речек, стекающих с гор, она направляется к Атеку и впадает в Инд.

Все эти ручейки, сбегаящие с гор, делают поля и холмы такими красивыми и плодородными, что все государство кажется каким-то огромным зеленым садом, в котором кое-где между деревьями попадаются местечки и деревни, да еще, для разнообразия, небольшие степи, поля, засеянные рисом, зерном и разного рода зеленью, а также коноплей и шафраном. Все это пересекается канавами, наполненными водой, каналами, маленькими озерами и ручейками. Все усеяно нашими европейскими растениями и цветами, покрыто всевозможными нашими деревьями—яблонями, грушами, сливами, абрикосами и орешником. Все эти деревья увешаны собственными плодами и обвиты диким виноградом. Огороды частных лиц заполнены дынями, арбузами, свеклой, хреном и большей частью огородных растений, которые водятся у нас, а также кое-какими из тех, которых у нас нет.

Правда, здесь нет такого количества разных сортов фруктов, как у нас, и фрукты здесь не так хороши, как наши. Но я полагаю, что это не зависит от почвы. Если бы у них были такие же хорошие садовники, как у нас, если бы они умели ухаживать за деревьями, выбирать для них место, если бы они выписывали для них черенки из других стран, то они получали бы фрукты не хуже наших, потому что среди разных сортов, которые я иногда для забавы заставлял приносить себе, я несколько раз находил очень хорошие.

Главный город носит такое же название, как и все государство. Он не имеет стен. В длину он не менее трех четвертей лье, а в ширину не меньше половины лье. Город расположен на ровном месте, приблизительно на расстоянии двух лье от гор, которые охватывают его как бы полукругом. Он находится на берегу озера с пресной водой; площадь его четыре-пять лье. Озеро это образуется из быстрых родников и ручейков, сбегаящих с гор; через канал,

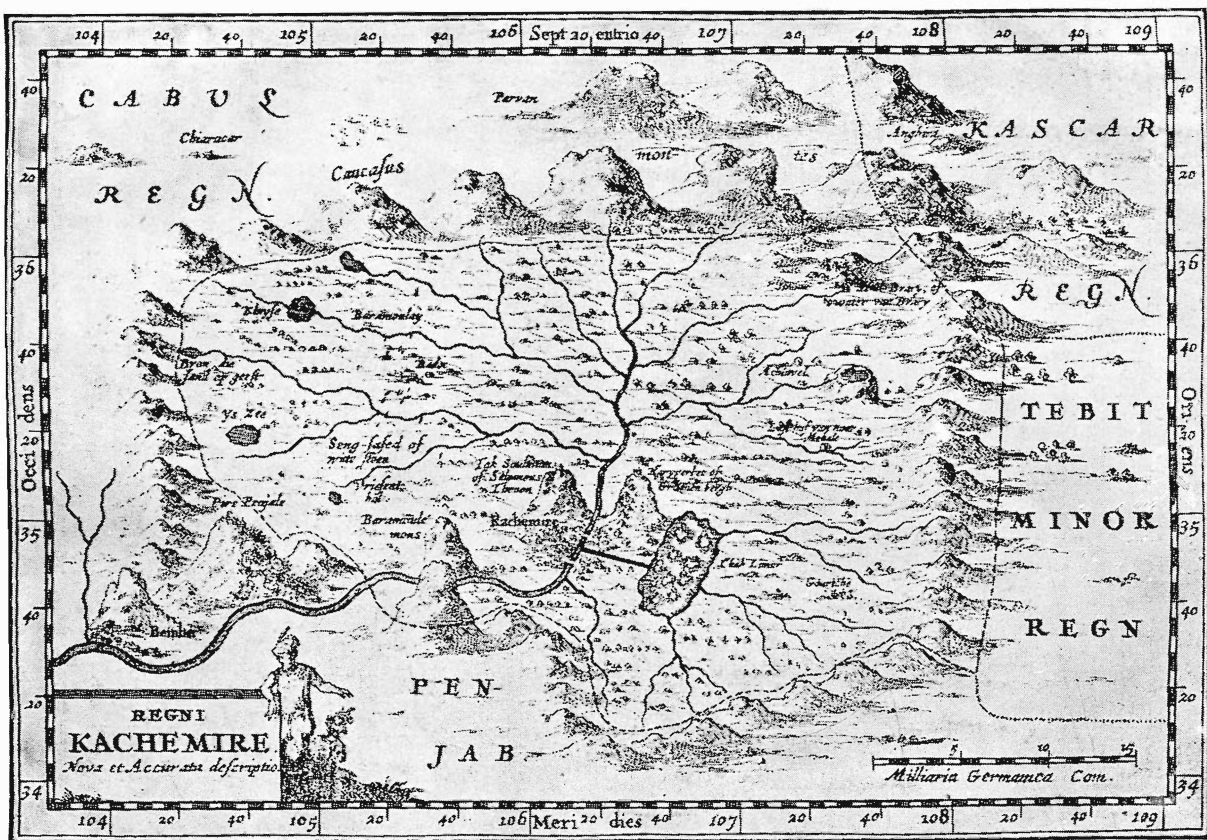
по которому ходят суда, оно вливается в реку, протекающую посреди города. В городе через реку перекинута два деревянных моста, сообщающих один берег с другим. Большинство домов здесь из дерева, но тем не менее они хорошо построены и некоторые имеют даже два и три этажа. Не подумайте, что здесь нет хорошего отесанного камня. Здесь много старых разрушенных языческих храмов и других зданий, сделанных из такого камня. Но обилие леса, который легко сплавлять с гор по маленьким речкам или сбрасывать оттуда, делает постройки из дерева более выгодными, чем из камня. Дома, расположенные у реки, почти все имеют при себе садики, выходящие к реке, что придает им очень приятный вид, особенно весной и летом, когда едешь по реке. Другие дома, расположенные не у реки, тоже почти все имеют какой-нибудь садик, а во многих домах проведены каналы от озера и имеются небольшие лодки для прогулок по нему.

На конце города видна гора, стоящая отдельно от других. Она производит довольно приятное впечатление, потому что на склоне ее стоят красивые дома с садами, а на вершине—мечеть и монашеский скит с садом и множеством красивых зеленых деревьев, которые украшают гору, словно корона. Из-за деревьев и садов гору эту на местном языке называют гарипербет, т. е. «зеленая гора».

Напротив этой горы стоит другая, на которой тоже видны небольшая мечеть с садом и очень древнее здание, видимо служившее храмом для язычников, хотя оно и называется такт Сулиман, т. е. «трон Соломона», потому что, как утверждают магометане, он был построен Соломоном во время его пребывания в Кашмире.

Но я не знаю, в состоянии ли они доказать, что он совершил такое большое путешествие.

Озеро замечательно тем, что в нем много островков, которые носят характер загородных садов и выделяются своей зеленью из воды, благодаря фруктовым деревьям и шпалерам винограда. Обыкновенно они окружены широколиственными осинами, стоящими на расстоянии двух футов друг от друга. Человек может обхватить даже самое толстое из этих деревьев, но по высоте они не уступят корабельным мачтам и подобно пальмам имеют ветви только на самом верху.

(Из французского издания 1699)

За озером у склона гор расположены только загородные дома и сады. Место там для этого на редкость подходящее, потому что там очень хороший воздух, вид на озеро, на острова и на город и много родников и ручейков.

Самый красивый из этих садов принадлежит государю и называется Чахлимар. От озера к нему можно подъехать по большому каналу, обложенному по краям дерном. Канал этот имеет в длину более пятисот обыкновенных шагов и по обеим сторонам его тянутся широкие аллеи тополей. Канал ведет к большой беседке, находящейся посреди сада, за беседкой начинается другой канал, еще более великолепный, который слегка поднимается вверх и доходит до конца сада. Дно канала выложено большими отесанными камнями, его пологие берега тоже выложены такими камнями, а посередине—на расстоянии пятнадцати шагов друг от друга—тянется длинный ряд фонтанов. Кроме того от поры до времени канал прерывается большими круглыми водоемами, среди которых возвышается множество разнообразных фонтанов с фигурами. Канал заканчивается другой беседкой, почти совершенно похожей на первую.

Беседки эти, которые построены почти в виде сводов, расположенных посреди канала и окруженных водой, и которые поэтому находятся между двумя большими аллеями тополей, имеют галерею, возвышающуюся над всем окружающим, и четыре двери, из которых две выходят на аллеи и имеют мостики, ведущие к ним, один—с одной стороны, другой—с другой. Две другие двери выходят к противоположным каналам. Каждая беседка состоит из одной большой комнаты, окруженной четырьмя маленькими, расположенными в четырех углах. Все комнаты внутри раскрашены и позолочены, на стенах большими красивыми буквами написаны персидские изречения. Четыре двери очень богато украшены: они сделаны из больших камней, с двумя колоннами, извлеченными из древних языческих храмов, которые приказал разрушить Шах-Джехан. Неизвестно, какова действительная стоимость этих больших камней и колонн и из какого материала они сделаны, но видно, что это материал ценный; он намного красивее мрамора и порфира.

Из всего, что я сказал, вы можете заключить, что я несколько очарован Кашмиром, и мне кажется, что на свете не может быть более красивого маленького государства. Оно заслуживало бы господствовать над всеми окружающими горами, вплоть до Татарии, и над всем Индостаном, вплоть до острова Цейлона, как оно и господствовало в свое время. Не без основания моголы называют его «земным раем Индии», не без основания Акбар так старался отнять его у местных государей, а сын его Джехан-Гир так любил эту страну, что не мог ее покинуть, и иногда говорил, что предпочел бы потерять все свое государство, чем потерять Кашмир. С тех пор как мы сюда прибыли, все поэты наперебой, как кашмирские, так и монгольские, слагали стихи во славу этого маленького государства, для того чтобы представить их Ауренгзебу, который благосклонно принял их и одарил поэтов. Мне припоминается, что один из них весьма преувеличивал невероятную высоту окружающих гор и говорил, что они делают Кашмир неприступным со всех сторон, что из-за высоты этих гор небо должно было образовать свод, что Кашмир является лучшим произведением природы, государем над государствами всего мира, что он сделан неприступным, для того чтобы наслаждаться нерушимым миром и спокойствием, чтобы приказывать всем, не будучи обязанным никому повиноваться. Поэт добавлял, что природа окружила Кашмир горами потому, что государь над государствами всего мира должен быть увенчан драгоценной короной, верхняя часть которой должна быть из бриллиантов, а нижняя—из изумрудов.

Поэтому самые отдаленные и высокие горы всегда покрыты снегом и сверкают белизной, а те, которые пониже и ближе к равнине, покрыты деревьями и сверкают зеленью.

Когда мой набоб Данешменд-хан предлагал мне восхищаться этими стихами, я сказал ему, что поэту следовало еще прибавить, что все эти огромные горные области, окружающие Кашмир, как например Малый Тибет, государство раджи Гамона, Кашгар и Серенагар, должны повиноваться его власти, ибо по летописям этой страны они когда-то были у него в подчинении. Таким образом выходит, что Ганг с одной стороны, а Инд—с другой, а также

Ченау и Джемна вытекают из кашмирского государства, что эти реки вместе с многими другими, вытекающими оттуда, не уступают Гизону и Физону и обоим другим. И наконец ему следовало закончить заверением, что земной рай был именно здесь, а не в Армении. Тогда это произвело бы еще большее впечатление, так по крайней мере мне кажется.

Жители Кашмира пользуются репутацией людей весьма остроумных, более тонких и ловких, чем индийцы, и способны к поэзии и к наукам не менее, чем персы. Они к тому же очень трудолюбивы и искусны: они делают паланкины, деревянные кровати, сундуки, письменные приборы, шкатулки, ложки и разные другие мелкие вещи, которые отличаются исключительной красотой и расходятся по всей Индии. Они умеют покрывать их лаком и очень ловко подделывать прожилки одного дерева, которое отличается особенно красивыми прожилками. В них они вделывают золотые нити, что выходит очень красиво, но чем они особенно отличаются и что привлекает в их страну торговлю и деньги, так это изумительное количество шалей, которое они вырабатывают, причем этим заставляют заниматься маленьких детей. Шали эти представляют собой куски материи длиной в полтора локтя, а шириной приблизительно в один локоть, с обоих концов они вышиты на пальцах, причем вышивка имеет ширину приблизительно в один фут. Моголы и индийцы, как мужчины, так и женщины, носят эти шали зимой на голове и спускают их с левого плеча вниз, как плащ. Шали бывают двух сортов: один—из местной шерсти, которая отличается большей тонкостью и нежностью, чем испанская шерсть, другой сорт выделяется из шерсти, или, вернее, волоса, который называется туз. Его берут с груди диких коз специальной породы, которая водится на Большом Тибете. Этот сорт гораздо дороже первого, и действительно нельзя найти кастора более мягкого и нежного. Плохо то, что в нем легко заводятся черви, если его не вычесывают старательно и не проветривают достаточно часто. Я видел шали, сделанные по специальному заказу эмиров, которые стоили до ста пятидесяти рупий; шали из местной шерсти, которые я видел, никогда не были дороже пятидесяти рупий.

По поводу этих шалей указывали, что, сколько их ни старались выработать в Патне, Агре и Лагоре, никогда не удавалось получить такую мягкую и нежную материю, какую делают в Кашмире; это обыкновенно приписывают особым качествам местной воды, подобно тому как в Маслипатане ситцы или холст, крашенные кистью, приобретают еще более красивую окраску после мойки.

Жители Кашмира славятся также своей породой. Они так же красивы, как мы, европейцы, и не имеют в лице ничего татарского, т. е. приплюснутого носа и маленьких свиных глазок, какие бывают у жителей Кашгара и у большинства населения Великого Тибета. Особенно там красивы женщины. Большинство иностранцев, впервые прибывающих ко двору Могола, берет женщин оттуда для того, чтобы иметь детей более белых, чем индийцы, так что они могли бы сойти за настоящих моголов. Действительно, если о красоте женщин, которых держат взаперти, можно судить по женщинам из простонародья, которых встречаешь на улице и видишь в лавках, то надо полагать, что среди них встречаются замечательные красавицы. В Лагоре, где женщины, как говорят, очень рослы, тонки и красивее всех темных женщин, какие бывают в Индии (а это все действительно так), я прибегал к хитрости, которую обыкновенно применяют моголы: шел вслед за слонами, особенно если они были богато разукрашены. Как только женщины, бывало, услышат звон двух серебряных колокольчиков, свисающих у слонов по обеим сторонам, они немедленно высовывают головы в окна. Кроме этой хитрости я прибегал еще к другой, которая мне весьма удавалась: я воспользовался выдумкой одного старого известного школьного учителя, которого я просил помочь мне при изучении одного персидского поэта; по его совету, я купил разные сласти, а так как его всюду знали и всюду принимали, то в его сопровождении я посетил более пятнадцати домов. Он говорил, что я его родственник, только что прибывший из Персии, что я богат и хочу жениться. Как только мы входили в какой-нибудь дом, он раздавал сласти детям, и немедленно все окружали нас—женщины, девушки, взрослые и маленькие, для того чтобы получить что-нибудь из сластей и показать себя. Это сумасшедшее любопытство обошлось мне, правда, в

несколько добрых рупий, но зато я убедился, что в Кашмире встречаются красавицы, каких не найти в Европе.

Теперь мне остается только поделиться с вами воспоминаниями о том, что я видел наиболее замечательного в горах, начиная от Бембера и до этого места (собственно говоря, с этого мне и следовало бы начать). После того я расскажу вам о нескольких небольших поездках, которые мне пришлось предпринять в разные концы этого государства, и сообщу вам все, что я знаю об остальных окрестных горах.

Что касается прежде всего нашего путешествия из Бембера сюда, то меня чрезвычайно удивило, что в первую же ночь, после того как мы выехали из Бембера и вступили в горы, мы перешли из знойного пояса в умеренный. Стоило нам только перебраться через эту ужаснейшую стену в мире—я хочу сказать через эту высокую, крутую, черную и обожженную солнцем гору Бембер—и начать спускаться с другой стороны, как воздух оказался сносным, более свежим, а климат—более мягким и умеренным.

Но что меня еще больше удивило в этих горах, так это то, что я внезапно почувствовал себя перенесенным из Индии в Европу. Когда я увидел, что земля покрыта всевозможными растениями и деревьями, какие бывают у нас (за исключением тимьяна, майорана и розмарина), то мне показалось, что я нахожусь где-то в горах нашей Оверни, среди леса со всевозможными деревьями—елями, зелеными дубами, вязами. Я был этим особенно удивлен, потому что в знойных областях Индостана, откуда я прибыл, я почти не видел ничего подобного.

Между прочим в отношении растений меня удивило то, что на расстоянии полутора дней пути от Бембера я увидел гору, которая была покрыта растительностью с обеих сторон, но с той разницей, что целый склон горы, спускавшийся на юг по направлению к Индии, был покрыт смешанными растениями, индийскими и европейскими, тогда как на северном склоне я увидел только европейские растения; можно было подумать, что на южном склоне воздух и температура взяты из Европы и из Индии, а на северном—только из Европы.

В отношении деревьев я удивлялся, как в природе рост сменяется гниением. Я видел, как в пропастях, куда нико-

гда не проникал человек, сотнями лежали друг на друге деревья, омертвевшие, наполовину сгнившие от старости. А на том месте, откуда они упали, выростали новые, молодые деревья. Я видел также деревья, которые сгорели, потому ли, что в них ударила молния, или потому, что они загорелись в самый разгар лета от трения друг о друга, когда жаркий и свирепый ветер раскачивал их, или может быть, как утверждают местные жители, огонь сам возникает, когда деревья становятся старыми и сухими.

Я восхищался также естественными водопадами, которые мы встречали среди этих скал. Один из них был так восхитителен, что несомненно ему не найдется равного. Издали еще видно, как со склона высокой горы по длинному каналу, темному от деревьев, которыми он прикрыт, сбегает поток, который вдруг низвергается вниз с крутой скалы, с огромной высоты и с оглушительным шумом. На скале, которую Джехан-Гир велел сравнять специально для этой цели, был сооружен большой помост, для того чтобы двор мог по пути отдохнуть там и вблизи наслаждаться зрелищем этого удивительного чуда природы, которое, как и те старые деревья, о которых я только что говорил, носит следы глубокой древности и существует чуть ли не спокон века.

Во время всех этих развлечений произошел странный инцидент. В тот день, когда государь взбирался на гору Пирепенджал, которая выше всех остальных и с которой вдаль открывается вид на Кашмир, в этот день, повторяю, когда он взбирался на эту гору в сопровождении длинной вереницы слонов, на которых сидели женщины в миндемберах, один из этих слонов вдруг испугался, как говорят индийцы, от того, что подъем был очень длинен и очень крут. Он стал отступать, тесня того, кто шел за ним, тот стал теснить слона, следовавшего за ним, так что в результате пятнадцать слонов не могли повернуться на этой дороге, очень крутой и узкой, и упали в пропасть. К счастью для этих бедных женщин спуск в пропасть был сравнительно отлогий, поэтому оказалось только трое-четверо убитых, но все пятнадцать слонов остались в пропасти: когда эти огромные туши падают под тяжелой ношей, которой их нагружают, они уже не могут поднять-

ся, даже на хорошей дороге. Когда два дня спустя мы проходили мимо этого места, я заметил, что некоторые из слонов еще шевелили хоботами.

Это происшествие вызвало большое замешательство в армии, которая уже четыре дня шла цугом по заведенному порядку по горам. Чтобы вытащить из пропасти этих женщин и все обломки, пришлось сделать остановку, которая продолжалась всю остальную часть дня и всю ночь; всем пришлось остаться там, где они находились, ибо в некоторых местах нельзя было двинуться ни вперед, ни назад и ни у кого не было при себе носильщиков, которые несли бы их шатры и продовольствие. Я лично еще устроился сравнительно благополучно: мне удалось выбраться с дороги и найти местечко, где я мог улечься и поставить свою лошадь; на мое счастье один из слуг, сопровождавших меня, имел при себе немного хлеба, который мы поделили между собой.

Я припоминаю, что именно здесь, когда мы передвигали камни, мы нашли большого черного скорпиона. Один из моих друзей, молодой могол, схватил его, зажал в руке и передал в руку моему слуге, а потом мне, и скорпион нас не укусил. Этот молодой всадник говорил, что он околдовал скорпиона, как он это уже делал не раз при помощи одного места из корана. Но он не хотел мне сказать его, утверждая, что в таком случае он лишится способности зачаровывать змей, подобно тому как лишился этой способности тот, кто научил его.

Когда я переходил гору Пирепенджал, где упали слоны, то три обстоятельства навели меня на мои старые философские мысли.

Во-первых, то, что меньше чем за час мы испытали лето и зиму, ибо, когда мы поднимались вверх, пот лил с нас градом, и все мы шли под палящим солнцем; а когда мы очутились на гребне горы, мы увидели, что лед там еще не растаял и что его сгребли, для того чтобы проложить дорогу. Там была гололедица и падал мелкий град; ветер был такой холодный, что все дрожали и старались бежать, особенно бедные индийцы, большинство которых никогда не видело ни льда, ни снега и не испытывало такого холода.

Второе было то, что на расстоянии менее двухсот шагов

меня обдували два противоположных ветра: северный, дувший мне в лицо, когда я взбирался наверх, особенно когда я подошел к гребню горы, и южный, который дул мне в спину, когда я спускался. Можно было подумать, что эта гора испускает испарения со всех сторон, которые образуют ветер, устремляющийся потом вниз в обе противоположные долины.

Третьим обстоятельством была встреча со старым отшельником, который живет на гребне горы еще со времен Джехан-Гира. Никто не знал, какой он держится религии, хотя и говорили, что он творит чудеса: что он по желанию вызывает гром, град, снег, дождь и ветер. Вид у него был довольно дикий благодаря выражению лица и длинной, огромной белой нечесаной бороде. Он гордо просил милостыню, разрешил нам взять воду из глиняных чашек, которые он расставил на большом камне, и сделал нам знак рукой, чтобы мы проходили скорее, не останавливаясь. При этом он бранил тех, кто шумел. И когда я вошел к нему в его пещеру и несколько смягчил его тем, что почтительно сунул ему в руку полрупии, он сказал мне, что шум вызывает здесь страшную бурю и грозу. «Ауренгзеб,—добавил он,—хорошо сделал, что последовал моему совету и не позволил шуметь; Шах-Джехан всегда поступал точно так же, а Джехан-Гир чуть не умер однажды от того, что посмеялся над моим советом и велел трубить в трубы и бить в кимвалы».

Относительно небольших поездок, которые я делал в разные концы этого государства, я могу вам рассказать следующее.

Едва мы прибыли в Кашмир, как мой набоб Данешмендхан отправил меня вместе с одним из своих всадников сопровождать одного местного жителя на самый конец государства на расстоянии трех дней пути. Дело в том, что ему сообщили, что как раз тогда было самое время, для того чтобы видеть (как они говорят) чудеса, которые творит находящийся там родник. Эти чудеса совершаются только в мае, когда снег еще только начинает таять. В течение приблизительно двух недель родник регулярно бьет три раза в день: утром, днем и с наступлением ночи. Обыкновенно это продолжается около трех четвертей часа, причем родник дает достаточное количество воды, для того

чтобы заполнить квадратный бассейн шириной от десяти до двенадцати футов и такой же глубины. После первых двух недель действие родника перестает быть таким регулярным и обильным, а приблизительно через месяц родник совершенно перестает бить и в течение всего остального года не действует, за исключением тех случаев, когда бывают сильные и продолжительные дожди,—тогда он бьет непрерывно и беспорядочно, как и другие родники. Туземцы устроили здесь у самого бассейна небольшой храм (дейро) идола Брары, который является одним из их деута. Сюда же сходятся паломники со всех концов, для того чтобы вымыться в этой чудесной воде, которую они считают священной. О происхождении этой воды существуют разные сказки, которые я вам не буду передавать, потому что я не вижу в них даже тени правды.

В течение пяти-шести дней, которые я оставался здесь, я прилагал все усилия к тому, чтобы найти объяснения этому чуду. Я внимательно рассматривал расположение горы, у подножья которой находится родник; я с большим трудом взбирался на самый верх горы; искал и рылся повсюду. Я заметил, что гора простирается с севера на юг, что она стоит отдельно от других гор, но довольно близко к ним, что у нее форма ослиной спины, что гребень ее очень длинен, но в самом широком месте имеет в ширину не более ста шагов, что один из склонов горы, не покрытый травой, обращен к востоку. Однако солнца здесь не видно до восьми часов утра, потому что этому мешают другие горы. Я заметил также, что с другой стороны, обращенной к западу, гора покрыта деревьями и кустарниками. Принимая все это во внимание, я представил себе, что солнечное тепло и особенности местоположения горы и внутреннего ее строения могут быть причинами этого мнимого чуда. Солнце, появляясь утром, сильно согревает обращенную к нему сторону, раскаляет ее и растапливает часть замерзшей воды, которая зимой, когда все покрыто снегом, впитывается там в землю, затем эта вода проникает постепенно вниз, пока какие-нибудь слои в скалах не задерживают ее и не направляют к источнику родника,—это и вызывает действие родника в полдень. То же самое происходит, когда солнце к полудню покидает эту сторону горы и она охлаждается, а солнце согревает

вертикальными лучами вершину горы. Здесь оно тоже растапливает замерзшую воду, которая таким же образом постепенно, но другими путями, спускается к тем же слоям скал и потом вызывает действие родника вечером. Наконец таким же образом солнце согревает западную сторону горы и тем вызывает действие родника в третий раз, а именно утром, причем на этот раз родник действует более медленно вследствие того, что западная сторона дальше от источника, который находится на восточной стороне, а также еще и потому, что, будучи покрыта деревьями, западная сторона согревается не так быстро; возможно также, что здесь действует ночной холод. Я нашел, что мое предположение, как мне кажется, особенно убедительно еще потому, что оно не противоречит рассказам, что в первые дни родник бьет более обильно, чем в последние, и что под конец совсем перестает бить. Это возможно, если вначале в земле оказывается больше замерзшей воды, чем потом. Мое предположение повидимому также совпадает с наблюдением, что действие родника даже в самом начале бывает в некоторые дни более обильно, чем в другие; иногда оно бывает в полдень более обильно, чем утром, или утром более обильно, чем в полдень. Это происходит не иначе, как потому, что бывают дни более жаркие, более холодные, что иногда поднимаются облака, вследствие чего жара бывает не одинакова, а потому и не одинаково действует родник.

По возвращении из Зенд-Брари я взял немного в сторону от большой дороги, желая переночевать в Ашиавеле, где находится загородный дворец прежних государей Кашмира, а теперь Великого Могола. Главным его украшением является фонтан, разбрасывающий воду во все стороны вокруг здания, которое нельзя назвать некрасивым. При помощи сотни каналов вода попадает в сады. Она выходит из земли словно из глубины колодца с большой силой и кипением и в таком изобилии, что можно подумать, что это не фонтан, а река. Вода здесь очень хороша и так холодна, что рукам становится прямо больно. Сад очень красив благодаря своим аллеям и большому количеству фруктовых деревьев: яблонь, груш, слив, абрикосов и вишен; кроме того его украшает множество фонтанов, бьющих из различных фигур, бассейны, наполнен-

ные рыбами, и наконец очень высокий каскад, который падает на площади в тридцать—сорок шагов, что производит удивительное впечатление особенно ночью, когда падающая вода освещается бесконечным множеством небольших лампочек, поставленных в специально для этого сделанные отверстия в стене.

Из Ашиавеля я снова взял немного в сторону, чтобы заехать в другой государев сад, который тоже очень красив и в котором имеются такие же развлечения, как в Ашиавеле; но он замечателен еще тем, что в одном из его каналов водятся рыбы, которые подплывают, когда их зовут и когда им бросают хлеб. У больших рыб к носу прицеплены золотые кольца с надписями. Говорят, что их велела нацепить знаменитая Ноур-Мегале, жена Джахан-Гира, деда Ауренгзеба.

Вскоре после моего возвращения из Зенд-Брари Данешменд-хан, который остался вполне доволен моей поездкой, заставил меня предпринять другую. Он хотел, чтобы я увидел несомненное чудо, которое, как он говорит, обязательно заставит меня переменить религию и стать магомётанином. «Поезжай, — сказал он мне, — в Барамуле, туда не дальше отсюда, чем до Зенд-Брари. Там ты найдешь мечеть с могилой одного из наших знаменитых пиров, или святых дервишей, у которой еще по сие время каждый день совершаются чудесные исцеления больных, стекающихся туда со всех сторон. Возможно, что ты не поверишь всем этим чудесным исцелениям, которые ты там увидишь, но по крайней мере ты поверишь чуду, которое совершается ежедневно и которое ты увидишь собственными глазами. Там лежит большой круглый камень, который самый сильный человек с трудом может чуть-чуть приподнять с земли. А между тем благодаря святому одиннадцать человек поднимают его словно соломинку кончиками одиннадцати ногтей, без всякого труда и совершенно не чувствуя никакого веса».

Я отправился в путь с состоявшим при мне всадником и местным жителем и прибыл в Барамуле. Это оказалась довольно приятная местность; мечеть была неплохо построена, могила мнимого святого хорошо украшена, а кругом было множество людей, изображавших великое благочестие и жаловавшихся на болезни. Недалеко от

мечети находилась кухня с большими котлами, установленными на фундаменте и наполненными мясом и рисом. Это, по-моему, и была приманка, привлекавшая больных, и то чудо, которое их излечивало. С одной стороны мечети находился сад и комнаты мулл, приятно проводящих свою жизнь под сенью этой чудодейственной святости, которую они умеют хорошо использовать. Но так как мне всегда не везет в подобных случаях, то в этот день не было никаких чудесных исцелений больных, что же касается большого круглого камня, о котором столько говорили, то эти мошенники-муллы становились вокруг него в большой ажитации в количестве одиннадцати человек и своими кабэ, т. е. длинными халатами, так заслоняли его, что нельзя было видеть, каким образом они берут камень. Потом они его поднимали, утверждая, что держат только кончиками ногтей и что он легок, как перышко. Я конечно глядел во все глаза и близко присматривался к ним, а потому хорошо заметил, что они делают большие усилия, к тому же мне показалось, что они еще присоединяют большой палец, который прижимают к указательному. Тем не менее я конечно вместе с муллами и всеми присутствующими кричал: «Карамет, карамет!» (чудо, чудо). В то же время я сунул муллам рупию и с набожным выражением лица попросил оказать мне милость и разрешить один раз быть в числе одиннадцати, которые поднимают камень. Им очень не хотелось соглашаться с этим, но когда я сунул им еще одну рупию и засвидетельствовал, что я вполне убежден в подлинности чуда, то один из них уступил мне свое место. Они несомненно воображали; что они вдесятером сумеют поднять камень, даже если я не буду делать больших усилий, и что они станут так тесно друг к другу, что я ничего не замечу. Но они ошиблись: камень, который я держал только кончиком ногтя, все время наклонялся в мою сторону, пока наконец я не увидел, что пора пустить в ход большой палец и прижать его к указательному, так, как делали они. Таким образом мы подняли камень, но только с большим трудом. Тем не менее, видя, что все смотрят на меня косо и не могут понять, кто я такой, я не преминул еще раз закричать «карамет», как и другие, и сунул им еще рупию, боясь, что иначе они меня забросают камнями. Потом я потихоньку

удалился, быстро вскочил на лошадь и, оставив в покое святого с его чудесами, уехал, не пивши и не евши. По дороге я взглянул на знаменитую впадину, откуда выходят все реки государства и о которой я уже немного сказал в начале этого письма.

Я снова взял в сторону, для того чтобы подъехать к большому озеру, которое я видел издали и через которое проходит река, направляющаяся в Барамуле. Озеро изобилует рыбой, в особенности угрями, оно усеяно утками, дикими гусями и разными речными птицами.

Сюда зимою, когда здесь бывает птица, приезжает губернатор для охоты. Посреди этого озера стоит одинокий домик с маленьким садом, который, как утверждают, чудесным образом плавает по воде. В домике безвыходно живет отшельник. Об этом тоже рассказывают тысячу глупых басен, которые не стоит передавать, за исключением может быть того, что, как мне некоторые сообщали, домик этот построен одним из прежних государей Кашмира, который из любопытства велел его построить на больших перекладинах, прикрепленных друг к другу.

Отсюда я отправился на поиски родника, который тоже представляет собой редкое явление. Он тихо кипит, бьет довольно упорно и пускает маленькие пузыри, наполненные воздухом; вместе с тем он выгоняет на поверхность очень тонкий мелкий песок, который потом возвращается обратно, после чего вода на минуту перестает кипеть и выбрасывать песок, а затем все начинается снова. Так это продолжается с нерегулярными перерывами. Как мне объясняли, чудо состоит в том, что малейший шум, например разговор или топот ног, приводит воду в движение и заставляет ее течь и кипеть. Но я ясно заметил, что разговоры и топот ног тут не при чем и что вода находится в движении одинаково как тогда, когда не произносят ни слова, так и тогда, когда говорят или топают ногой. Для того чтобы сказать вам, в чем здесь настоящая причина, мне следовало бы больше подумать над этим, а я этого не сделал. Может быть песок, падая обратно, засоряет узкий канал этого маленького и слабого источника, и тогда вода, остановленная в своем движении, делает усилие для того, чтобы выгнать его наверх и освободиться, или может

быть какой-нибудь ветер, заключенный в канале, выходит порывами, так, как это делается в искусственных фонтанах.

После того как мы осмотрели этот родник, мы поехали в горы, чтобы посмотреть большое озеро, которое бывает летом покрыто льдом. Ветры сбивают лед в груды и разрушают его.

Потом мы направились к месту, которое носит название Зенг-Зафед, т. е. «белый камень». Оно славится тем, что все лето изобилует всевозможными цветами, словно цветник, при этом заметили, что всегда, когда появляется здесь много народу и поднимается большой шум и происходит сильное волнение в воздухе, это вызывает сильный дождь. Так ли это или нет, но во всяком случае установлено, что в прежние годы, когда туда ездил Шах-Джехан, он чуть не погиб от небывалого дождя, который там лил, несмотря на то что был отдан приказ не производить по возможности ни малейшего шума. Последнее совпадало с тем, что мне сказал отшельник в Пирепенджале.

Отсюда я собирался к гроту, где образовался удивительный ледник. Он находится на расстоянии двух дней пути, но в это время мне сообщили, что мой набоб обеспокоен моим продолжительным отсутствием.

Что касается окрестных гор, то я, с тех пор как мы здесь находимся, прилагал все старания, чтобы собрать о них сведения, но, как я вижу, мне это не особенно удалось, потому что я не нашел людей, обладающих наблюдательностью и нужным разумением. Тем не менее я не премину рассказать вам то, что я узнал.

Купцы из Кашмира, которые каждый год ходят по горам, собирая тонкую шерсть для выделки шалей, которых я расспрашивал, все в один голос говорили мне, что в горах, которые попрежнему находятся в зависимости от Кашмира, встречаются очень красивые местности. Между прочим там есть область, уплачивающая свою дань кожами и шерстью, за которыми губернатор посылает каждый год. Женщины там чрезвычайно красивы, целомудренны и трудолюбивы. Есть еще другая область, более отдаленная от Кашмира, которая тоже платит дань кожами и шерстью. В тех местах есть очень красивые небольшие плодородные равнины и весьма приятного вида холмы. Там можно найти пшеницу, рис, яблони, груши,

абрикосы и превосходные дыни, есть даже виноград, из которого делают очень хорошее вино. Жители там несколько раз отказывались платить дань, полагаясь на то, что страна их мало доступна. Однако всегда находили способ проникнуть туда и принудить их к повиновению. Те же купцы рассказывают, что в глубине других гор, более отдаленных и уже не зависящих от Кашмира, тоже встречаются очень красивые области, населенные белыми и красивыми людьми, которые почти никогда не покидают этих мест, причем среди них некоторые совсем не имеют государя, и нельзя даже установить, что у них есть религия, если не считать того, что некоторые из них не едят рыбы, считая ее нечистой.

В добавление сообщу вам здесь то, что мне рассказывал тогда один добрый старец, женившийся на женщине из семьи бывших кашмирских государей. По его словам, в правление Джахан-Гира тщательно разыскивали всех членов этой семьи. Он тогда так испугался, что вместе с тремя слугами бежал в эти горы, почти не зная, куда он идет. Когда он блуждал таким образом, он наконец забрел в очень красивый небольшой округ, где жители, узнав, кто он такой, явились к нему с подарками, а в добавление ко всему под вечер привели к нему самых красивых своих дочерей и просили выбрать одну из них, потому что желали иметь потомство его крови. Когда он оттуда переехал в другой округ, который находился не особенно далеко, к нему тоже явились с подарками, но вечерняя вежливость на этот раз носила иной характер: жители привели к нему своих собственных жен, заявляя, что жители другого округа поступили, как дураки, ибо кровь его не останется в их домах, так как дочери заберут своих детей в те дома, куда они выйдут замуж.

Добавлю еще, что несколько лет назад в семействе государя Малого Тибета, который находится на границе Кашмира, произошел разлад. Один из претендентов на престол тайком призвал к себе на помощь губернатора Кашмира, который по приказанию Шах-Джахана оказал ему сильную поддержку: убил или обратил в бегство других претендентов и предоставил ему владеть страной, с тем чтобы он ежегодно платил дань, которая должна была состоять из хрусталя, мускуса и шерсти. Этот го-

сударь счел нужным лично явиться взглянуть на Ауренгзеба и привез подарки вроде тех, которые я назвал. У него была такая жалкая свита, что я никогда бы не подумал, что это государь. Мой набоб устроил в честь его обед, для того чтобы получше расспросить его о положении этих гор. Я слышал, как он рассказывал, что его страна на востоке граничит с Великим Тибетом, что она имеет в ширину от тридцати до сорока лье, что действительно у него есть немного хрусталя, мускуса и шерсти, но вообще он очень беден и что у него совсем нет золотых рудников, как это утверждают. Кое-где у него водятся хорошие фрукты и в особенности превосходные дыни; зима в его местах очень продолжительна и неприятна вследствие снега, а население, которое в прошлом было языческим, почти сплошь перешло в магометанство, так же как и он сам, а именно в секту, которая называется шиа и к которой принадлежат все персы.

Лет семнадцать-восемнадцать назад Шах-Джехан пытался овладеть государством Великого Тибета, как это прежде делали государи Кашмира. После трудных переходов в горах, продолжавшихся шестнадцать дней, его армия осадила замок и взяла его. Оставалось только перейти речку, славящуюся своим быстрым течением, и двинуться прямо на столицу, которую легко было захватить, так как все государство было объято страхом. Но так как приближалась зима, то губернатор Кашмира, командуя армией, побоялся, что его застигнет зима, и повернул назад, оставив в замке гарнизон, который тотчас же его покинул—либо из страха перед врагом, либо потому, что не имел достаточно провианта. Таким образом план губернатора, собиравшегося вернуться весной, был разрушен. Теперь, когда государь Великого Тибета узнал, что Ауренгзеб находится в Кашмире и что он угрожает ему войной, он отправил к нему посла с подарками, состоявшими из местных продуктов: там были хрусталя, дорогие белые коровьи хвосты, которыми славится Тибет и которые привешивают в виде украшения к ушам слонов, затем большое количество мускуса и яшмовый камень, представлявший очень большую ценность, потому что он был необычайной величины. Яшма—это зеленоватый камень с белыми прожилками, он так тверд, что его

можно обрабатывать только алмазным порошком. Он очень ценится при дворе Могола: из него делают чашки и разные вазы, которые, как я уже рассказывал, украшают инкрустацией из золотых ниток, что требует при драгоценных камнях очень тонкой работы.

Свита этого посла состояла из трех или четырех всадников, из десяти или двенадцати высоких, худощавых людей с жидкими бородками в три-четыре волоса, какие бывают у китайцев. На головах у них были простые красные колпаки, совсем как у наших судовщиков, которые плавают по рекам, а остальная одежда была соответственная. Право, мне кажется, что только четверо или пятеро из них имели шпаги, но остальные следовали за послом даже без палок. Посол вел переговоры с Ауренгзебом по поручению своего повелителя и обещал, что тот разрешит построить у себя в столице мечеть, в которой можно будет молиться по-магометански, что монета, которая впредь будет чеканиться, будет носить с одной стороны изображение Ауренгзеба. Кроме того он обязался платить ему ежегодно некоторую дань, однако полагает, что как только государь узнает, что Ауренгзев покинул Кашмир, он перестанет обращать внимание на договор, так же как он сделал это раньше с Шах-Джеханом.

Этот посол привез с собою врача, который, говорят, родом из государства Лхасса, происходит из племени лама, или лама. Это племя священников вроде браминов Индии с той лишь разницей, что брамины в Индии не имеют халифа, или первосвященника, а те имеют, причем его признают не только в Лхассе, но и во всей Татарии, и он пользуется почетом, совсем как божество. У этого врача была книга с рецептами, которую он ни за что не хотел мне продать. Шрифт издали был похож немного на наш. Мы заставили его написать нам алфавит, но он писал так медленно и почерк у него по сравнению с тем, которым была написана книга, был такой плохой, что мы решили, что это сомнительный доктор. Он твердо верил в переселение душ и рассказывал на этот счет удивительные сказки. Между прочим он рассказывал, что его «великий лама», когда он стал стар и собирался умереть, собрал свой совет и объявил, что он намерен перейти в тело маленького ребенка, который недавно родился. Этого ребенка воспитали чрез-

вычайно тщательно. Когда ему минуло шесть или семь лет, ему показали всякую мебель и стада, принадлежавшие другим лицам, перемешав их с его собственными, и он очень хорошо разбирал, что принадлежит ему и что принадлежит другим. Это, по словам врача, должно служить убедительным доказательством переселения душ. Я сначала думал, что он смеется, но наконец понял, что он это говорит совершенно серьезно. Я его видел один раз у посла вместе с кашмирским купцом, который знал тибетский язык и которым я пользовался в качестве переводчика. Я притворился, что хочу купить некоторые материи, которые он привез для продажи; это было нечто вроде сукна, называемого «ратин», шириною приблизительно в один фут. На самом деле я хотел разузнать что-нибудь об этих странах, однако я не мог от него выудить ничего толкового. Он только сказал мне, что, по его мнению, все это государство Великого Тибета—жалкая страна по сравнению с его родиной, что снег там лежит более пяти месяцев в году, что его государь часто ведет войны с татарами. Но он никак не мог объяснить, какие это татары. Наконец, после того как я ему задал множество вопросов, не получив никакого ясного ответа, я увидел, что понапрасну трачу время.

Но вот что достоверно известно и в чем никто не сомневается. Еще двадцать лет назад из Кашмира ежегодно уходили караваны, которые пробирались через все горы Великого Тибета и проникали в Татарию. За три месяца или около этого они добирались до Катая, хотя приходилось идти по очень трудным проходам и переправляться через очень быстрые потоки на веревках, переброшенных с одной скалы на другую. Караваны эти привозили обратно мускус, китайское дерево, ремень и манирон, маленький корень, очень помогающий от болезни глаз. Проходя через Великий Тибет, они забирали там и местные товары: мускус, хрусталь, яшму, и кроме того в большом количестве забирали очень тонкую шерсть двух сортов, из них одна, овечья, которая называется туз, скорее представляет собою волос вроде нашего кастора. Но со времени предприятия, затеянного Шах-Джеханом, правитель Великого Тибета никого не пропускает через свои владения и не разрешает никому вступать на его терри-

торию со стороны Кашмира. Поэтому в настоящее время караваны, для того чтобы не проходить эти земли, идут из Пакны на Ганге, они обходят их слева и идут прямо в Лхассу.

Относительно государства, которое здесь называют Кашгар и которое, по-моему, есть то же самое, что на наших картах обозначено как Касгар, я кое-что узнал от тамошних купцов. Купцы эти, узнав, что Ауренгзеб пробудет некоторое время в Кашмире, явились туда с большим количеством рабов, девушек и мальчиков, которых они хотели продать. Они говорят, что государство Кашгар находится на восток от Кашмира с некоторым отклонением на север. Кратчайший путь туда ведет через Великий Тибет, но так как проход через него закрыт, то им пришлось пробираться через Малый Тибет. Сначала они пришли в небольшой город, который называется Гурдше. Это последний город, находящийся в зависимости от Кашмира, он расположен на расстоянии четырех дней пути от города Кашмира. Отсюда они за восемь дней добрались до Эскерду, столицы государя Малого Тибета. Оттуда два дня пути до небольшого города, носящего название Шекер. Он еще находится в Малом Тибете и расположен на реке, славящейся своими лечебными свойствами. Затем в пятнадцать дней они прошли большой лес, расположенный на границе Малого Тибета, и еще через пятнадцать дней прибыли в Кашгар, маленький город, где раньше проживал государь Кашгара; теперь же он проживает в Журченде, который находится несколько севернее, на расстоянии десяти дней пути от Кашгара. Они добавляли, что от города Кашгара до Катая не более двух месяцев пути и что туда ежегодно ходят караваны, которые привозят оттуда всевозможные товары, которые я перечислил. Караваны эти через Узбекию направляются в Персию, другие караваны из Катая идут через Патну в Индостан. Они говорили еще, что если направиться из Кашгара в Катай, то по дороге будет город, находящийся на расстоянии восьми дней пути от Котена. Это последний город кашгарского государства. Дороги из Кашмира в Кашгар очень трудны, и между прочим там есть место, где во всякое время года приходится идти четверть ле по льду.

Вот и все, что я мог узнать об этих местах. Правда, это немного и довольно путано, но следует признать, что это и не мало, если принять во внимание, что я имел дело с невежественными людьми, которые почти ничего не могли объяснить, и кроме того с переводчиками, которые в большинстве случаев не могли перевести вопросов и объяснить ответы, которые им давали.

К этому письму во французском оригинале приложены опущенные здесь ответы на пять вопросов, которые, как сообщает Бернье, де Мервейль задал ему в своем последнем письме по поручению Тевено. Из характеристики, которую Бернье дает Тевено («он делает в своем ученом кабинете более важные открытия, чем люди, совершающие кругосветные путешествия»), явствует, что Бернье имеет в виду Мельхиседека Тевено (Melchisedec Thevenot, 1620—1692)—известного издателя описаний путешествий, приходившегося дядей путешественнику Жано Тевено (1633—1667).

Бернье, по его словам, были заданы пять вопросов: 1) о евреях в Кашмире, 2) о муссонах, или периодических дождях в Индии, 3) о регулярности ветров и течений в Индии, 4) о плодородии, богатстве и красоте королевства Бенгальского, 5) о периодических разливах Нила.—*Ред.*

ПРИМЕЧАНИЯ*

1. *Счастливая Аравия*—южная часть Йемена, получившая это название еще в древности (оно встречается уже у Птолея во II в. до н. э.) благодаря плодородию почвы и благоприятному климату, в отличие от гористой и пустынной части Аравийского полуострова.

2. *Гобеш*, или *Эфиопское царство*—нынешняя Абиссиния. Гобеш, или Хабеш—арабское название этой страны. Эфиопией Геродот называл вообще все области, расположенные на юг от Египта. При переводе Библии в Александрии в III и II вв. до н. э. на греческий язык (так называемая септуагинта, т. е. перевод 70 переводчиков, по преданию одновременно переводивших древнееврейский текст на греческий) Эфиопией была названа страна, именуемая в Библии Куш. При переводе септуагинты на эфиопский язык (язык—геэз) в III или IV вв. н. э. наименование это было перенято и стало официальным названием абиссинского государства.

Упомянутое здесь и в дальнейшем (стр. 143) преследование католиков в Абиссинии связано с тем, что в 1623 г. португальцам удалось при помощи иезуитов обратить правителя Абиссинии и его семью в католицизм и ввести унию местной христианской церкви с католической. Это вызвало волнения в стране, и в 1632 г. абиссинское правительство изгнало католических священников, а некоторых даже казнило.

3. *Империя Великого Могола*—название, данное европейцами государству, созданному турецким завоевателем Бабером (Бабуром).

* Для составления примечаний использованы кроме различных справочных изданий комментарии к английскому переводу Бернье (*Bernier, Travels in the Mogul Empire, Westminster, A. Constable, 1891*) и труд индусского историка Саркара о царствовании Аурангзеба «*The Reign of Aurengzib*», Calcutta, vol. 1—3, 1916.—*Ред.*

Последний сам никогда не называл себя моголом, и название «Империя Великого Могола» объясняется тем, что европейцы впервые узнали об образовании нового могущественного государства в Индии от персов, которые называли джагатайских турок, обитавших за Аму-Дарьей, «могул». Основатель этой империи Бабер (его имя собственно было Загир-ун-дин-Мохамед; Бабер—его прозвище и означает тигр) был сыном правителя Ферганы Омар-шейха и приходился потомком Тамерлану (Тимуру). В историю он вошел не только как знаменитый полководец и родоначальник династии Моголов, но и как выдающийся поэт, писавший на джагатайском языке, близком к некоторым узбекским наречиям, подвергшимся иранскому влиянию.

Бабер в 1495 г. наследовал престол отца, и первые два десятилетия его царствования заполнены почти непрерывными войнами за обладание Самаркандом. Войны велись с переменным успехом, но в 1514 г. узбеки нанесли Баберу окончательное поражение, заставили его отказаться не только от завоевания Самарканда, но и от возвращения себе Ферганы и вернуться в Кабул, который он завоевал еще в 1504 г. Потерпев неудачу в своих завоевательных планах на Западе, Бабер устремляет свое внимание на Восток, на Индию. После ряда походов, предпринятых Бабером, начиная с 1519 г., он одержал решительную победу 27 апреля 1526 г. на равнине Панипата над войсками императора Дели Ибрагима (из патанской, т. е. афганской, династии Лоди), чем и положил начало империи Моголов.

Бабер умер в 1530 г. Его преемниками были: его сын Гумаюн (1530—1556), который однако вскоре был свергнут и вынужден бежать в Персию. Оттуда он вернулся только к концу жизни и снова завладел престолом при содействии своего сына Акбара. Акбар правил с 1556 по 1605 г. Ему наследовал его сын Селим, принявший титул Джахан-Гира (завоевателя мира) и правивший с 1605 по 1627 г. Сын Джахан-Гира Шах-Джехан занимал престол с 1627 по 1658 г., причем начал с того, что убил родного брата и других родственников, которые могли явиться претендентами на престол. В 1658 г. он был свергнут с престола своим третьим сыном Аурангзебом; последние годы своей жизни (до 1666 г.) он провёл в заточении. Аурангзев правил с 1658 по 1707 г.

4. *Поступление Бернье на службу к Великому Моголу.*— Бернье очень скуп по части автобиографических сведений и в частности ничего не сообщает о своей службе при дворе Великого Могола. Если бы не краткое указание, которое он дает в самом начале своего письма к Кольберу (см. стр. 181), то можно было бы предположить, что по прибытии в Дели он служил только у Данешменд-хана. До прибытия в Дели Бернье случайно в течение нескольких дней исполнял обязанности врача при сыне Шах-Джехана Даре, когда последний уже потерпел полную неудачу в своей борьбе за престол с Аурангзебом. Об обстоятельствах, при которых он попал на службу к Даре, Бернье кратко рассказывает, описывая неудачную попытку Дары проникнуть в Амед-Абад после поражения, нанесенного ему при Деоре (см. стр. 113).

Это сражение происходило 12—13 марта 1659 г., и Бернье следовательно встретился с Дарой около середины марта. Несколько подробнее, чем сам Бернье, рассказывает об этом, очевидно с его

слов, Тавернье, известный путешественник того времени, бывший в Индии в те годы, когда там находилъя Бернье.

В своих «Путешествиях» («Les six voyages de I. B. Tavernier», Paris 1692, t. II, p. 246) Тавернье сообщает:

«Когда он, Дара, приближался к Амед-Абаду (Ахмед-Абаду), французский врач г. Бернье, направлявшийся в Агру ко двору Великого Могола и пользующийся всеобщей известностью как благодаря своим личным достоинствам, так и благодаря хорошим описаниям своих путешествий, оказал большую помощь одной из жен этого принца, страдавшей от рожистого воспаления на ноге. Дара, узнав, что поблизости находится умелый европейский врач, велел немедленно пойти за ним. Господин Бернье отправился к нему в палатку, где ему показали эту женщину, и он дал лекарство против ее болезни, которое тотчас принесло облегчение. Бедный принц, будучи очень доволен господином Бернье, стал просить его поступить к нему на службу, и возможно, что тот принял бы это предложение, если бы Дара не получил сообщения, что в ту же ночь губернатор, оставленный им в Амед-Абаде, не впустил в город его фуражеров и перешел на сторону Ауренгзеба».

5. *Данешменд-хан*—персидский купец Муххамед Шафи (или Мулла Шафи), поступивший в 1646 г. на службу к императору Шах-Джехану и сохранивший свое влияние при Ауренгзебе; умер в 1670 г. Бернье состоял у него домашним врачом и познакомил его с философией Гассенди.

6. *Сыновья Шах-Джехана*.—Борьба за престол велась между четырьмя сыновьями Шах-Джехана от его жены Мумтаз Магал, которую Бернье ошибочно называет Тадж Магал, тогда как это наименование носила усыпальница, где она похоронена.

Только дети Мумтаз Магал как принцессы крови (она приходилась внучкой императору Джехан-Гиру) имели право на престол.

Старший сын Дара родился в 1615 г., Султан-Суджа—в 1616 г. Ауренгзеб—в 1618 г., Морад-Бакш—в 1624 г.

7. *Шейх-Сади* (1184—1291)—известный персидский поэт. Главное его произведение «Гулистан» (Розовый сад) написано в 1258 г.

8. *Шиа, сунни, рафези, али-мердани*—мусульманские секты. Бернье, излагая происхождение секты сунни, смешивает султана Османа, основателя Турецкой империи, с третьим халифом Османом, который был избран вместо Али.

В Исламе имеется 72 секты. Из них основными являются шиа и сунни. Большинство мусульманского населения Индии являются последователями секты сунни: большинство населения Персии и часть индусских мусульман принадлежат к секте шиитов.

9. *Факир* (от арабского факр)—нищий, преданный вере, т. е. то же, что по-персидски дервиш. Возникши в мусульманской среде, слово факир по аналогии было перенесено на индусских игогов и на европейских языках чаще применяется в этом значении.

10. *Дервиш*—по-персидски нищий. В Европе ошибочно понимается как мусульманский монах. Ислам не знает монашества, и дервиши имеют право жениться и владеть имуществом, но в большинстве случаев они действительно являются нищими.

11. *Деккан*—происходит от санскритского слова «дакхин»— юг. Этим именем называется вся территория между реками Нарбуда и Кришна в Южной Индии.

12. *Сераль*—правильно серай—по-персидски дом, дворец. Бернье неправильно понимает под сералем ту часть дома, где помещается гарем.

13. *Шах-Гест-хан*—правильно Шайста-хан (1601—1694)— брат жены Шах-Джехана, был решительным противником своего племянника Дары, впоследствии настоял на его казни. Занимал видные посты при Ауренгзебе. В 1664 г. предпринял успешную экспедицию против португальских пиратов в Читтагонге.

14. *Эмир-Джемла*—правильнее Мир-Джумла. Настоящее его имя Мохамед Саид. Он был сыном торговца маслом в Испагани, в Персии. В 1630 г. отправился в Индию, в Деккан, где сильно разбогател благодаря торговле бриллиантами. Затем занял должность визиря главного министра в Голконде (см. прим. 16). По поручению ее правителя завоевал неприступные раньше области в Карнатике (прим. 15), пригласив для этого на службу европейских артиллеристов и литейщиков пушек. Во время войны в Карнатике сильно увеличил свое состояние, беспощадно грабя местных раджей и индусские храмы. По окончании же войны сумел превратить свой «джагир» (ленное владение) в Карнатике в почти независимое государство, успешно эксплуатируя там залежи алмазов. Правитель Голконды Кутб-шах хотел экспроприировать его. Тогда Мир-Джумла начал переговоры с Шах-Джеханом, но одновременно вел их с Биджапуrom (прим. 19) и с Персией. Только когда Кутб-шах арестовал его семью и захватил его имущество, Мир-Джумла (в ноябре 1655 г.) отдался под защиту императора Дели. Шах-Джехан поручил Ауренгзебу как наместнику Деккана добиться от Голконды освобождения семьи Мир-Джумлы, а Ауренгзев уже по собственному почину приступил к мобилизации. Уже в январе 1656 г. войска Ауренгзеба заняли столицу Голконды Бангагар, а Кутб-шах был вынужден бежать в крепость Голконду. Ауренгзев осадил крепость и хотел аннексировать Голконду, но Шах-Джехан воспротивился этому и заставил его в конце марта снять осаду крепости. При Ауренгзебе был губернатором Бенгалии. Умер в 1663 г., по возвращении из экспедиции против Ассама (прим. 60).

15. *Карнатик*—область в юго-западной части Индии. В середине XVII столетия мелкие индусские правители этой области были данниками Голконды и Биджапура, разделившими между собой Карнатик на «сферы влияния». В части, подчиненной Голконде, фактическим правителем был Мир-Джумла. В конце XVII столетия Карнатик был завоеван Ауренгзебом.

16. *Голконда*—мгущественное государство в западной части Деккана, существовавшее с начала XVI до конца XVII столетия, когда оно было завоевано (в 1687 г.) Ауренгзебом. Голконда управлялась династией Кутб-шаха. Она граничила на севере с империей Моголов, на Западе—с Биджапуrom, на юге—с Карнатиком. Столицей во времена, описываемые Бернье, был город Бангагар (у Бернье—Багнагер), впоследствии переименованный в Гайдерабад. Он находился в 7 милях от первоначальной столицы, тоже называв-

шейся Голкондой. Последняя сохранила значение как крепость и подверглась осаде, после того как в ней заперся король Голконды.

17. *Дабир*—т. е. Дабир-уль-Мульк—должность, соответствующая должности министра иностранных дел.

18. *Рамгир* (Рамгири)—крепость в 113 милях на северо-запад от Гайдерабада (Багнагера).

19. *Биджаспур*—государство, образовавшееся в конце XV в. и просуществовавшее до конца XVII в., когда оно было сильно ослаблено набегами Сева-Джи. В 1686 г. оно было завоевано Ауренгзебом.

20. «*Большой алмаз, не имеющий себе равного*»—так называемый Ко-и-нор. Поднесенный Мир-Джумлой Шах-Джехану, он затем достался Ауренгзебу, а в 1739 г. при захвате Дели персидским шахом Надиром перешел в его владение. В 1849 г., после аннексии Пенджаба, бриллиант достался Ост-индской компании, которая поднесла его в дар королеве Виктории. Он весил первоначально 186 $\frac{1}{16}$ каратов.

21. *Кандагар*—область в нынешнем Афганистане; плодородны только орошенные долины в горной восточной части Кандагара. Кандагар был в 1648 г. отнят у Шах-Джехана персидским шахом. О предшествовавших событиях см. у Бернье стр. 171 и прим. 65.

22. *Калиани*—город в Западной Индии недалеко от Бидара, в Гайдерабаде.

23. *Болезнь Шах-Джехана*.—Шах-Джехан заболел в начале сентября 1657 г. и к середине ноября уже вполне оправился. К этому времени Султан-Суджа, управлявший Бенгалией, успел объявить себя императором.

24. *Взятие Сурата*.—Морад-Бакш, следуя совету Ауренгзеба, в ноябре 1657 г. осадил Сурат, а 5/XII провозгласил себя императором.

25. *Брампур*—правильнее Бурханпур—город на берегу р. Тапти. Ауренгзеб прибыл туда 18 февраля 1658 г. и там закончил свои приготовления к походу. Отсюда он 20 марта двинулся на соединение с армией Морад-Бакша, которое произошло 14 апреля.

26. *Джессенг* (Раджа Джан-Синг)—правитель Джайпура, индусского феодального государства в Раджипутане, состоял на службе у Шах-Джехана. После первых поражений Дары перешел на сторону Ауренгзеба и своим авторитетом влиял в этом направлении на остальных раджей. В армии, отправленной против Султан-Суджи, он командовал индусскими войсками.

27. *Патан Дилер-хан* (у Бернье Делиль-хан)—командовал магметанской частью армии. Саркар указывает (т. II, стр. 136), что между Джессенгом и Суджей в мае 1658 г. было заключено соглашение, по которому Бенгалия, Орисса и Бихар, на восток от Мунгира, оставались Судже. После этого компромисса Сулейман-Шеку поспешил на помощь Даре в Агру, но уже опоздал. Ауренгзеб, одержав победу, в мае 1658 г. обещал Судже сохранить за ним Бенгалию вместе с Бихаром; однако Суджа не поверил столь ненадежным обещаниям.

28. *Евгенес*—река Евгенес, показанная на карте у Бернье, в действительности не существует. В английском переводе книги Бернье в примечании на стр. 36 указывается, что Евгенес—искаженное на-

звание города Уджайн или Уджейн на реке Спире. Этот город играл у индусских географов такую же роль, как Гринвич у англичан, т. е. через него проходил их первый меридиан. В указанном примечании высказывается предположение, что Бернье, говоря об Евгенесе, имел в виду не самый город, а округ. По мнению английского комментатора, ссылающегося здесь на персидского историка Кхфи-хана, переход реки, упоминаемой Бернье, означает переход брода через р. Нарбоду у Акбарпура. Нарбода протекает на 70 миль южнее от Уджайна, с давних пор считалась границей, отделяющей Южную Индию (Деккан) от северной.

29. *Казем-хан*—Набоб Казим-хан Джавини был в ранге командира 5 тыс. и командовал магометанскими войсками, посланными против Ауренгзеба. Саркар отмечает отсутствие спайки между магометанскими и индусскими войсками в армии Дары. Джасвантсинг (Джессомсенг у Бернье), командовавший индусами, не пользовался никаким авторитетом у мусульманских войск.

30. *Джессомсенг*—правильно Джасвантсинг—раджа Джодпура, один из наиболее влиятельных феодалов Раджипутаны, территории в северо-западной Индии, находившейся в кольце владений империи Могола. Феодалы Раджипутаны, в том числе и Джасвантсинг, состояли на службе у Великого Могола, назначались на важные посты, но в то же время сохраняли свои владения, куда нередко уходили в критические для себя моменты. В частности так неоднократно было с Джасвантсингом, игравшим видную роль в борьбе за престол между сыновьями Шах-Джехана.

31. *Первое сражение между войсками Дары и Ауренгзеба и Морад-Бакша* произошло 15 апреля 1658 г. при Дхармате, западнее Фатиабада. Это был, как говорит Саркар, «спор меча с ружейным порохом», и «артиллерия восторжествовала здесь над кавалерией» (Саркар, цит. соч., т. II, стр. 10); там же указания на значение французских и английских артиллеристов, находившихся на службе у Ауренгзеба и Морад-Бакша. Описание поля сражения у Бернье Саркар находит неточным и ссылается на собственное обследование места сражения. Он не нашел камней в русле реки, а берега оказались совсем не такими крутыми, как утверждает Бернье.

Мусульманские войска дрались неохотно. Многие мусульманские военачальники втайне держали сторону Ауренгзеба.

32. *Второе сражение между войсками Дары и Ауренгзеба*—при Самонгере, правильное Самугаре, в 9 милях на восток от Агры происходило 29 мая 1658 г. и подробно описано у Саркара (цит. соч., т. II, стр. 32—64).

33. *Правильная транскрипция* имен индусских раджей Чатра-Сал и Рам-Синг-Ратор. И здесь командование индусскими войсками было обособлено от командования мусульманами.

34. В английском издании указывается (прим. к стр. 48), что индийское «бани» представляло собой не гранату, а фейерверк (бенгальский огонь).

35. *Конде*—Людовик Бурбон, принц (1621—1686), знаменитый полководец, особенно известен победой, одержанной над испанцами в 1643 г. при Рокруа. *Тюренн*—французский маршал (1611—1675).

36. *Серенагар*—правильнее Сринагар—горы в нынешней Северо-

западной провинции в округе Гархвал. Деревня того же наименования была в середине XVII столетия столицей раджи Гархвала. Рассказ Бернье о совете, который давал Джай-Синг Сулейману-Шеку, расшифрован у Саркара следующим образом: афганец Дилирхан рекомендовал Сулейману-Шеку перейти Ганг у Аллахабада и направиться на Шахджаханпур, где имелась большая афганская колония; только в этом случае Дилирхан соглашался сопутствовать ему. Сулейман последовал его совету и 4 июня 1638 г. начал отступать на Аллахабад, «но тем временем Джай-Синг убедил Дилирхана в безумии такой самоотверженной преданности» (*Саркар*, цит. соч., т. II, стр. 222). После этого оба они покинули Сулеймана-Шеку.

37. *Морад-Баки* был арестован в 1658 г. Матура (Мутра) находится на правом берегу Джемны между Дели и Агрой.

38. *Двинувшись из Лагора* на Мульта, Дара взял направление на юго-запад, тогда как раньше он шел на север. Из Мултана он 13 сентября 1658 г. двинулся на юг вниз по Инду.

39. *Французское старое лье* равно 4,4 км.

40. *Гумайюн* (сын Бабера) был в 1639—1640 гг. разбит Шерхан-Суром (у Бернье он называется Захер-ханом), который занял его трон. Гумайюн вернулся в Индию только 15 лет спустя.

41. *Татабакар*. — По географическим картам, приложенным к первым изданиям книги Бернье (см. карту в нашем издании), видно, что Татабакаром Бернье называется крепость Бхаккар, находящуюся на острове, образуемом Индом. Дара поручил защиту Бхаккара евноху Безанту. В крепости осталось много европейских артиллеристов, которыми командовал Манучи, бывший также врачом при дворе Дары. Таким образом в дальнейшем походе Дара остался без врачебной помощи (ср. выше прим. 4). Манучи написал впоследствии историю Индии, которая послужила источником для новейших историков.

Из Бхаккара Дара добрался к середине ноября вниз по течению Инда до Татты (в Синде, недалеко от устья Инда). Он собирался уже тогда свернуть на запад и пробраться через Кандагар в Персию, но по настоянию своей семьи отказался от этого намерения. Тем временем войска Ауренгзеба шли за ним по пятам. Тогда он решил снова повернуть на восток, прошел по безводной солончаковой степи через Кач (область на восток от Синда) и добрался с отрядом в 3 тыс. чел. до Ахмед-Абада. Войска Ауренгзеба потеряли его след и вернулись назад.

В Ахмед-Абаде Дара нашел дружественный прием у Шах-Наваз-хана. Шах-Наваз-хан действительно был тестем Ауренгзеба, но его дочь, бывшая замужем за Ауренгзевом, к тому времени уже умерла, а сам Шах-Наваз-хан питал злобу против Ауренгзеба за то, что тот продержал его 7 месяцев в заключении, когда Шах-Наваз-хан весной 1658 г. отказался поддержать его в восстании против Шах-Джехана (*Саркар*, цит. соч., т. I, стр. 375 и т. II, стр. 164).

Дара вошел в Ахмед-Абад 9 января и пробыл в Гуджерате 5 недель. Шах-Наваз-хан предоставил в его распоряжение средства казначейства, и Дара широко раздавал деньги. В скором времени он довел свою армию до 22 тыс. чел. Из Ахмед-Абада Дара выступил 15 февраля на Аджмир (см. прим. 45).

42. *Сражение при Каджуэ* (у Саркара—Кхаджва) между войсками Ауренгзеба и Султан-Суджи произошло 5 января 1659 г. Саркар рассказывает, что Суджа был осведомлен Джессомсенгом (Джасвантсингом) о его намерении напасть на арьергард Ауренгзеба и предлагал ему в ту же ночь начать наступление на авангард. Но Суджа ему не поверил. Рассказ Бернье, что судьбу сражения решило то, что Суджа сошел со слона, Саркар относит к области легенд (*Саркар*, цит. соч., т. II, стр. 148).

43. *Радж - Махал*.—Город в Бенгалии на правом берегу Ганга. Ныне от него остались только развалины. Новый город того же названия находится в 4 милях западнее.

44. Старший сын Ауренгзеба Султан-Махмуд (Мухамад) умер в 1676 г. в Гвалиоре; Султан-Мазум наследовал престол отца в 1707 г.; он умер в 1712 г.

45. *Адждмир* (у Бернье Асмир) находится в центре Раджипутаны. После того как расчеты на поддержку со стороны Джасвантсинга не оправдались, Дара был вынужден принять бой с войсками Ауренгзеба, но не на равнине, а у Деорайского перевала, в 4 милях на юг от Адждмира.

Неудачный исход сражения, продолжавшегося 3 дня, с 12 по 14 марта 1659 г., заставил его двинуться обратно к Инду. В это время произошла его встреча с Бернье. После того как Дару не пустили в Ахмед-Абад, он тем же путем, через солончаковую область Кач, пробрался к Инду и снова очутился у границы Белуджистана.

Как сообщает Саркар (т. II, стр. 205), в это время у него созрел новый план: с помощью какого-нибудь из белуджистанских вождей освободить от осады крепость Бхаккар (Татабакар у Бернье), затем с находящимися там войсками двинуться с юга в Афганистан и здесь с помощью своего сторонника, губернатора, собрать новую армию для вторжения в Дели. В Белуджистане Дара остановил свой выбор на Малик-Дживане.

46. *Кули*.—Значение слова не вполне выяснено. В Гуджерате было горное племя, называвшееся «коли».

47. *Дждион-хан*.—В действительности его звали Малик-Дживан. Он был афганским вождем в Додаре, на границе Белуджистана.

48. *Аракан* (у Бернье Ракан)—северная часть нынешней Британской Бирмы. Другое название у Бернье—Мог—относится к населению, которое бенгальцы называют магхиями; сами они себя называют каин.

49. *Узбекское посольство*.—Упомянутые здесь события относятся к 1647 г., когда Ауренгзеб был отправлен губернатором в Балк, провинцию, расположенную на север от Кабула и годом раньше завоеванную Морад-Бакшем, который отказался там остаться и за это впал в немилость у отца. У Ауренгзеба с самого начала было мало войск, так как часть 50-тысячной армии, с которой Морад-Бакш завоевал Балк, была отозвана в Индию. Вследствие этого Ауренгзеб в октябре 1647 г. был вынужден очистить Балк и вернуться в Индию.

50. *Самаркандская академия*.—Речь идет о самаркандских медресе, из которых самой древней и знаменитой была Улуг-бег, построенная Тимуром, внуком известного завоевателя, в 1420 или

1434 г. Она особенно славилась преподаванием математики и астрономии, которое однако велось в духе теологии ислама.

51. *Татары, которые несколько лет назад завоевали Китай.*

Бернье имеет здесь в виду завоевание Китая манчжурами в 1644 г., положившее начало манчжурской династии, которая правила Китаем до революции 1910 г., превратившей его в республику.

52. *Знаменитый трон*, так называемый «павлиний трон», о котором Бернье рассказывает ниже. Он подробно описан у Тавернье. В 1739 г. персидский шах Надир при разгроме Дели увез его в Тегеран.

53. *Господин Адрикан.*—Управляющего голландской факторией в Сурате (1662—1665) звали Дирк ван Адрихем. Он добился от Ауренгзеба концессии, предоставлявшей голландцам ценные привилегии в Бенгалии и Ориссе.

54. *Цибет*—выделение заднепреходных желез циветты, хищника, водящегося в Африке и Азии. Издает сильный мускусный запах и употребляется для изготовления духов и благовоний.

55. *Сева-Джси* (Шиваджи) (1626—1680)—основатель империи Маратхов. Поставив себе целью освободить индусов от господства магометан, Шиваджи организовал летучие отряды конницы и из своего убежища в неприступных горах, в западных Гхатах, производил набеги то на Биджапур, то на Империю Моголов. Бернье, называя Шиваджи биджапурским бунтовщиком, недооценивает его значения. Впрочем Шиваджи достиг полного успеха в 1674 г., уже после отъезда Бернье из Индии.

56. Речь идет о Шах-Аббасе I, правившем с 1588 по 1629 г. В 1622 г. он вместе с англичанами захватил Ормуз.

57. *Мулла Сали*, которого Бернье называет учителем Ауренгзеба, нигде не упоминается персидскими источниками в этом звании. Саркар, указывая это (т. I, стр. 4), вместе с тем называет муллу Сали, ученого из Балка, который в начале января 1647 г. впервые имел аудиенцию у Шах-Джехана. Ауренгзебу было тогда 29 лет, и, как замечает Саркар, «он был слишком стар для учебы».

58. Бернье следует еще распространенному здесь в его время заблуждению, что «Катай»—страна, находящаяся севернее Китая. Названия Чин и Мачин, по указанию комментария к английскому изданию Бернье, часто употреблялось путешественниками того времени для обозначения Китая.

59. *Султан Баязет I* был взят в плен Тимуром в 1402 г. Тимур держал его в железной клетке и возил с собой, пока тот не умер в 1403 г.

60. Экспедиция для завоевания *Ассама* была предпринята в 1661 г.

61. *Кошин*—так называет Бернье нынешнюю Кохинхину.

62. *Чатигон* (Читагонг) на восточном берегу Бенгальского залива, в 1666 г. был переименован в Исламабед.

63. *Преследование Шах-Джеханом христиан* в Хугли имело место в 1629/30 г.; религиозные мотивы служили здесь только предлогом, в действительности же Шах-Джехан мстил за то, что в 1621 г. португальцы не поддержали его, когда он поднял восстание против своего отца Джехан-Гири (англ. перевод Бернье, прим. к стр. 177).

64. Имя пирата, которого Бернье называет *Бастиян Консалве*, было Себастиан Гонзалес Тибоа; описываемые здесь события относятся к самому началу XVII в.

65. Акбар отнял *Кандагар* у Персии в 1594 г.; в 1622 г. Шах-Аббас I вернул его. Новый переход Кандагара к Империи Моголов произошел благодаря измене Али-Вердан-хана в 1637 г. Но в 1648 г. Персия снова вернула себе эту провинцию (см. выше прим. 21).

66. *Бизнагер*—у Бернье искаженное Виджаянагар. Здесь Бернье весьма неточно излагает историю Деккана.

67. *Наик* (наик)—дворянин.

68. *Даулет-Абад* (Даулат-Абад) был присоединен к Империи Моголов в 1636 г.

69. *Кольбер*, Жан Баптист (1619—1683)—министр финансов Людовика XIV.

70. *Патанские султаны* правили в Дели с 1206 по 1554 г. За это время сменилось шесть династий. Последней была династия Лоди.

71. *Пор*—царь, взятый в плен Александром Македонским во время его похода в Индию.

72. *Соль*.—До Великой буржуазной революции во Франции означало су, т. е. 5 сантимов.

73. *Майбале баба*.—Очевидно Муба-эле-баба, т. е. не ссорьтесь, дети мои.

74. *Де ла Мот ле Вайе* (1588—1672)—весьма плодовитый автор, писавший на географические и исторические темы.

75. *Читтор*—в то время главный город феодального государства Мевар—был взят Акбаром в 1568 г.

76. Бернье не называет имени этого француза.

77. *Атеш*—по-персидски порох.

78. *Шаплен*, Жан (1594—1674)—второразрядный поэт. Кольбер поручил ему составление характеристик литераторов этого времени, для того чтобы Людовик XIV мог на основании этих сведений раздавать пенсии.

79. *Роберваль* (1602—1675)—известный французский математик.

80. *Амон*—египетское божество, бог солнца. Храм, о котором здесь упоминается, находился в оазисе Сиуа в девяти днях пути от Александрии.

81. *Шарден*, Джон, известный путешественник, род. в 1643 г. в Париже, умер в 1713 г. в Лондоне, куда переселился в 1681 г. вследствие преследования протестантов во Франции. Дважды посетил Персию и Индию (в 1665—1670 и 1671—1677 гг.). Бернье видимо встретился с ним в 1667 г. в Сурате.

82. Названия вед (у Бернье—«беты») и каст (которые Бернье называет племенами—tribus) даны здесь в транскрипции, указанной в английском переводе (прим. 1 к стр. 325). У Бернье названия искажены.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие	3
I. Современная политическая актуальность книги Бернье	—
II. Реакционная национал-реформистская легенда о «золотом веке прошлого» Индии	11
III. Реакционная сущность пропаганды «особой миссии» Англии в Индии	21
IV. Биография Бернье. Экономическая политика Кольбера и книга Бернье	35
V. Методология книги Бернье. Краткая политико-экономическая характеристика Индии в годы Ауренгеба	41
ИСТОРИЯ ПОСЛЕДНИХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПЕРЕВОРОТОВ В ГОСУДАРСТВЕ ВЕЛИКОГО МОГОЛА	
Особенные события или рассказ о том, что приключилось значительного в течение пяти или шести лет после войны в государствах Великого Могола	128
Письмо Кольберу	181
Письмо господину де ла Мот ле Вайе	211
Письмо господину Шапелену	255
Первое письмо господину де Мервейль	289
Письмо второе—тому же	294
» третье »	312
» четвертое »	313
» пятое »	314
» шестое »	—
» седьмое »	315
» восьмое »	—
» девятое »	317
Примечания	341

5p.25к.